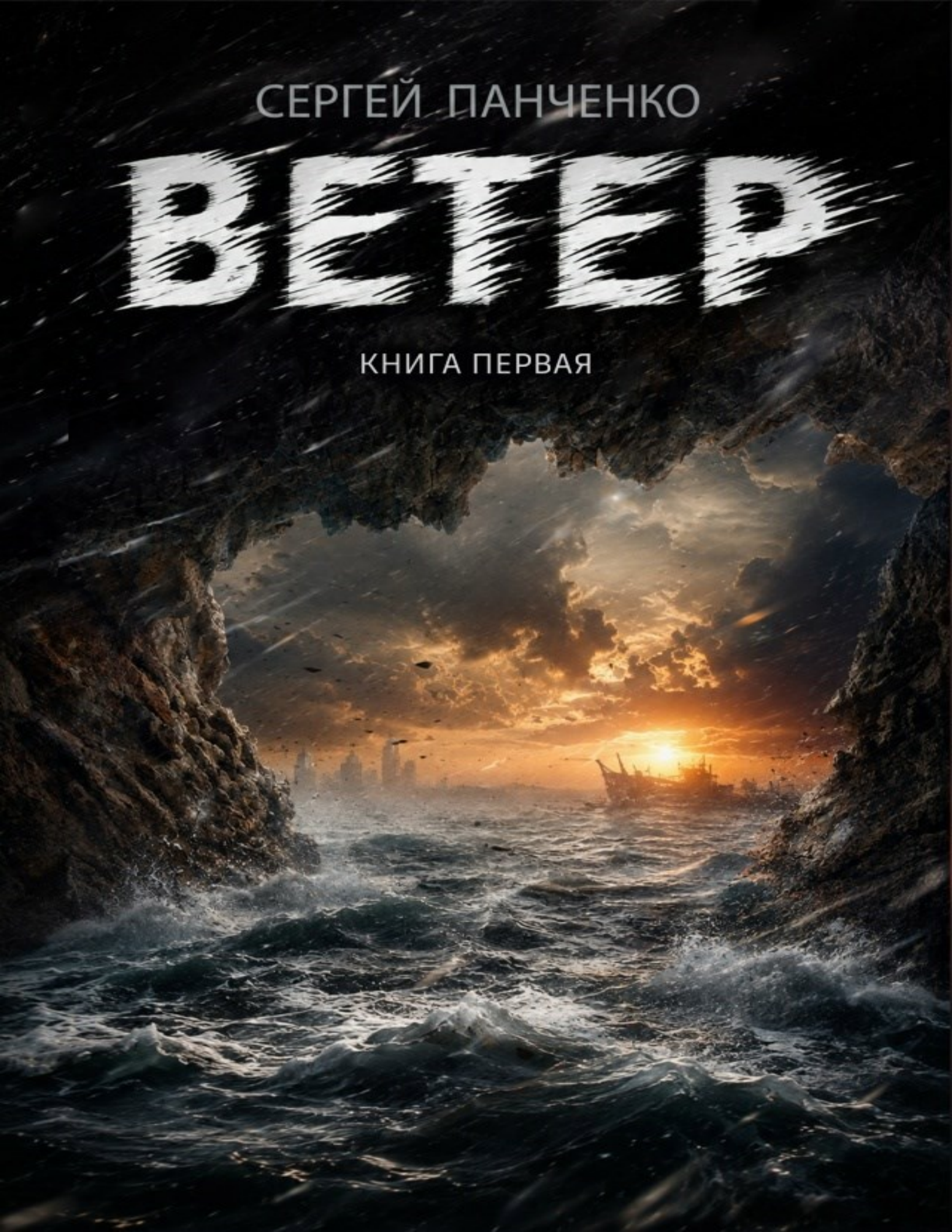
СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ВЕТЕР

КНИГА ПЕРВАЯ



Annotation

Мир уничтожил воздух. Когда ветер достиг скорости ударной волны, он сдул цивилизацию в пыль за считанные часы.

Чудом выжила лишь семья, запертая в каменном мешке пещеры. В оглушительной тишине мертвого мира остались те, кто оказался отрезан от земли: военные подводники в стальных гробах на дне океана и космонавты, ставшие безмолвными свидетелями гибели человечества на борту МКС. Спустя поколение их потомки сделают первый вдох под мертвым небом. Но им предстоит узнать страшную цену спасения своих предков.

- Предисловие
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Послесловие

Ветер

Предисловие

Предисловие

Спустя сто лет.

В поселке готовились к празднику сбора урожая. Обширные террасовые рисовые поля ждали, когда к ним прикоснется зубчатое лезвие косилки. В кузницах не умолкал стук молотков. Нужно было успеть произвести достаточное количество расходных запчастей для механических косилок. Период хорошей ясной погоды длился совсем недолго, поэтому любые задержки могли привести к потере урожая. Рис для поселка стал стратегической культурой. Из него готовили буквально все: крупу, муку, крахмал, алкоголь, фураж, солому. Его нехватка могла дорого обойтись поселку.

За сотню лет суровый климат Новой Земли превратился в тропический. Каменистый архипелаг покрылся зеленью. На нем появилась возможность выращивать некоторые сельскохозяйственные культуры. Из-за высокой влажности, вызванной изменением климата земли, лучше всего подошел рис. Поля и террасы, на склонах холмов, были сплошь усеяны этой культурой. Население поселка, перешагнувшее за трехтысячный рубеж, к празднику сбора урожая, почти целиком оказывалось на рисовых полях. Каждый ребенок старше десяти лет должен был присутствовать на этом мероприятии.

Помимо растениеводства на архипелаге процветало разведение оленей. Богатые пастбища привели к росту числа популяции оленей и разумно было взять этот процесс в свои руки. За оленями потянулись белые медведи, оккупировавшие северную часть архипелага. Поднявшаяся вода снова заполнила пролив Маточкин Шар, но хищники все равно переплывали его, чтобы вкусить оленины. Отряд охотников, вооруженных огнестрельным оружием, оставшимся от старой эпохи, и копьями из новой, патрулировал побережье, чтобы не допустить медведей на южный остров. Шкуры убитых животных годились на изготовление зимней одежды. Но с каждым годом зима становилась все теплее и необходимость в них, как в одежде, могла отпасть совсем.

У побережья поселка имелись рыбные фермы. В огороженных камнем бассейнах разводили рыбу и крабов. Рыбу подкармливали рисовыми отходами и водорослями. Крабов испортившимся мясом морских животных. Что такое голодать, или недополучать витамины и микроэлементы, жители поселка не знали. Знания, оставшиеся от предков, помогали им поддерживать необходимый уровень развития, не давая скатиться в каменный век.

Так как почти вся информация, хранившаяся в книгах, была на русском языке, то и население разговаривало почти по-русски. Но если бы наш современник оказался в этом поселке, то он вряд ли смог бы понять разговорную речь его жителей. Это была жуткая смесь русского, испанского и английского языков. Да и сами жители были кем угодно, только не типичными русскими. Примеси темнокожих американцев и смуглых мексиканок, почти полностью взявших на себя процесс воспроизводства населения, привели к тому, что среднестатистический житель поселка был смугловат, кареглаз и черноволос. Русые волосы и светлые глаза стали редкостью.

Иван был таким отличным ребенком от своих сверстников. Вел он свою родословную от бабки Анны, которая была дочерью пробабки Джейн прилетевшей из космоса. Так получилось, что по его линии не было никого из смуглых жителей поселка. Он всегда выделялся белокурой кучерявой головой, на фоне черноволосых сверстников. Иногда ему перепадало на орехи от хулиганов за это, но девчонки велись на его исключительность. В любом случае, Иван никогда не комплексовал по поводу цвета своей кожи или волос и глаз. Характер ему достался от отца, бесстрашного исследователя и покорителя мира. Поэтому, когда словесных аргументов становилось недостаточно, Иван смело лез в драку, несмотря на возраст и габариты задиравшего его пацана.

По достижении четырнадцати лет, отец обещал взять Ивана с собой, в экспедицию на материк. Он рассказывал, что на материке всегда туман и неба не видно ни днем, ни ночью. В воздухе стоит зловоние и можно легко отравиться, если не посмотреть вовремя на состояние крысы в клетке. Еще отец рассказывал, что там почти нигде нет твердой земли под ногами. Только в горах. Если спуститься с гор, то под ногами будет колыхающееся зеленое одеяло растительности. По нему можно спокойно ходить, если одеть на ноги специальные

широкоступы, плетеные из веток. Еще отец рассказывал об огромных жабах, размером с новорожденного олененка. Иногда такие жабы принимали человека за добычу и пытались нападать.

Рассказы отца о материке всегда будоражили воображение Ивана. По ночам, прежде чем уснуть, он представлял себе, как ходит по волнующемуся зеленому «одеялу» зыбкой поверхности. Как отбивается от лягушек, затаившихся в нем, как уворачивается от бесшумных сов, пикирующих на него прямо из тумана. Он чувствовал себя героем и не мог дождаться, когда ему стукнет четырнадцать.

Иван шел вдоль берега. Пенящиеся волны с шелестом окатывали прибрежную гальку. На глаза ему попался яркий предмет. Он нагнулся и вытащил затянутую песком приметную находку. Это была яркая пластмассовая игрушка – автомобиль. Прибой затер ее, но силуэт автомобиля хорошо угадывался. Иван несказанно обрадовался этому артефакту далекого прошлого. Он восхищенно рассмотрел ее со всех сторон. Спрятал машинку за пазуху и прибавил ходу, торопясь домой.

Глава 1

Глава 1

Начало

В каждой, даже самой благополучной семье, наступает момент, когда супруги чувствуют огромную неудовлетворенность друг другом. Невысказанные, а потому и не услышанные противоположной стороной обиды, неоправданные ожидания и, наконец, неудовлетворенность своими жизненными успехами приводят к тому, что семейный фундамент трещит по швам. Единственное, что его скрепляет крепче всего, это совместно нажитые дети. Вместо того чтобы разбежаться и остаться друзьями, супруги вынуждены искать варианты для дальнейшего сожительства под одной крышей.

Семью Горбуновых, катившуюся на синем универсале к подножию Уральских гор, постиг именно такой синдром. Глава семейства, Егор, предпринял последнюю попытку возродить между ним и его женой Тамарой хотя бы бледное подобие тех чувств, которые они испытали в студенческие годы, познакомившись на экскурсии в Черную пещеру. Совместное путешествие к романтическому месту, да еще и с детьми, по его мнению, должно было способствовать оздоровлению семейного климата.

Ровно пятнадцать лет назад, находясь в составе разных студенческих групп, они приехали к Черной пещере и, несмотря на мрачное название, пещера разожгла в их сердцах самые светлые чувства. С тех пор Егор и Тамара всегда были вместе. Но, кажется, этому приходил конец и Егор очень хотел, чтобы пещера снова явила свое чудесное свойство разжигать сердца.

Сборы были тяжелыми. Тамара считала затею с путешествием бредом и настаивала на том, что выходные нужно провести с большей пользой, например, съездить посмотреть новый унитаз в туалет взамен старого, ровесника их совместной жизни. Дети, двенадцатилетний Матвей и восьмилетняя Катя, отнеслись к путешествию, как к нудной обязаловке. Матвей хотел посидеть за компьютером, поиграть в онлайновые игрушки, а Катя просто не могла взять в толк, для чего им нужно куда-то ехать, если и дома хорошо. Однако Егор был

непреклонен. Перед самим собой он поклялся, что если из этого путешествия не выйдет ничего толкового, то он уйдет из семьи. Снимет квартиру и попробует пожить по-холостяцки. Этого ему ужасно не хотелось, но и дома стала просто невыносимой.

Тамара клевала носом. На каждой кочке она просыпалась и сонно озиралась по сторонам.

- Сколько еще?

Егор сверялся с навигатором и сообщал ей об оставшемся расстоянии. Он чувствовал как в Тамаре набирается раздражение, но хотел верить, что ей хочется того же, что и ему. Скорее всего, так и было, иначе ее нельзя было бы уговорить отправиться в это путешествие.

Матвей всю дорогу сидел, уткнувшись в экран телефона, а Катюшка смотрела мультики на планшете, прикрепленном к подголовнику водительского сиденья.

- Пап, я п*и*сать хочу. – Произнесла тоненьким голоском дочь.

Егор присмотрел растительность у обочины пороскошней и остановился. Тамара отстегнула Катю и помогла ей выбраться из детского кресла.

- Мальчики налево, девочки направо. – Распорядился Егор, выбравшись из машины и разминая затекшие части тела.

Тамара с дочкой отправились на одну сторону обочины, а Матвей с отцом, перешли на противоположную. Мимо проносились машины. Солнце раскалило асфальт до жидкого состояния. В воздухе не чувствовалось ни ветерка.

- Тихо и душно, как перед дождем. – Заметил Егор, целясь в жука, спасающегося бегством от его струи.

- Ничего, в пещере переждем. – Матвей ответил без эмоций.

Для него это путешествие скорее было причудой родителей, чем каким-то приключением.

- Ну, сколько там еще ехать? – Спросила Тамара, когда все вернулись в машину.

- Тридцать километров триста двадцать пять метров. – Считал Егор показания с экрана навигатора. – Через полчаса будем на месте.

Из-за популярности пещеры, как экскурсионного объекта, еще в советское время к ней была пробита дорога. Узкая, в одну колею с редкими разъездами. В последнее время популярность пещеры сильно

снизилась. Поговаривали, что туристы здорово испоганили природный объект, и никто не хотел брать на себя усилия по приведению его в должный вид. Егор опасался, что дорога к пещере может быть перекрыта камнепадами, и тогда им придется идти пешком. Хотя, вряд ли, скорее придется поворачивать назад, полностью похоронив идею возродить отношения добрыми и прекрасными воспоминаниями.

Дорога постоянно поднималась вверх. Асфальт уже закончился, и по днищу забарабанили камешки. Катюха отвлеклась от мультиков и с интересом рассматривала меняющуюся природу. Она впервые видела мир с такой высоты. Лесистые пейзажи зеленой бахромой окаймляли вершины, раскинувшись от подножия гор до далекого горизонта. Она ткнула брата в бок, чтобы оторвать от телефона.

- Смотри, Матвей, какая красота.

Брат оторвался от экрана телефона, и еще некоторое время перегруженный виртуальным миром мозг ничего не видел. Наконец, он очистился и разглядел естественную природу старых уральских гор. Во взгляде его появился интерес.

- Красиво. – Согласился он с сестрой. – А чего небо такое странное? – Спросил он, смотря в заднее стекло автомобиля.

Егор посмотрел в зеркала и заметил, что на горизонте собираются какие-то странные облака.

- К дождю, наверно? Недаром такая духота. – Предположил он, в душе немного сожалея о том, что погода портится.

- Природа против нас. – Произнесла Тамара, умеющая видеть во всем дурные знаки.

- Природе все равно, у нее свои заботы, ей не до нас. – Егор не смог промолчать.

Тамара проглотила, но не преминула пустить в Егора один из своих взглядов, в котором были собраны все те сиюминутные чувства, которые она испытывала к мужу. Егор снова почувствовал, как трещина между ним и Тамарой стала еще шире.

- У меня ушки закладывает. – Пропищала Катя.

- Сглатывай. – Посоветовал ей брат. – Поможет.

Катя вытянула шею и сделала гротескный глоток, словно проглотила яблоко целиком.

- Помогло? – Спросил Егор.

- Да.

Они проехали мимо небольшой запущенной беседки. Когда-то здесь останавливались туристы, фотографируясь на фоне живописных гор и не менее живописной долины, разрезанной пополам тонкой полоской реки. От беседки почти ничего не осталось. Кострище посередине давало понять, на что ушла большая часть досок, из которых она была сколочена.

-Уныло стало. – Произнесла Тамара.

- Да. – Согласился Егор. – Все по морям стали ездить.

Дорога сделала крутой поворот и вывела на ровную площадку, на которой могли поместиться несколько автобусов. Именно для них она и была создана. Над площадкой стояла арочная инсталляция, сделанная в советских традициях из арматуры. Облезший щит, приваренный к ней, гласил, что это место и есть Черная пещера.

Площадка перед ней не была пустой. Одинокая легковушка стояла перед входом в пещеру.

- Ну вот, уединиться не получится? – Тамара снова нашла минусы.

- Да ладно тебе, может в компании веселей будет.

Егор остановил машину недалеко от края площадки. Матвей выскочил из машины и подбежал к краю. Вид с нее открывался потрясающий.

- Здорово! – Признался он отцу, когда тот подошел.

Егор хорошо помнил тот день, когда он точно так же стоял на краю площадки и смотрел по сторонам. Тогда он испытал торжественное благоговение перед красотой природы, перешедшее в благоговение перед красотой Тамары.

Супруга тоже подошла к краю, держа за руку Катю. Егор украдкой следил за ней, пытаясь понять, что за чувства рождаются в ее душе. На мгновение ему почудилось, что в ее глазах мелькнул огонек, но Егор не был уверен, могло и показаться.

Вход в пещеру располагался в двадцати шагах от края площадки. Все стены перед входом были либо исписаны краской, либо испорчены выбитыми в скальной породе надписями. Смотрелись надписи отвратительно, особенно на контрасте с красотой природы.

Егор экипировал семью налобными фонарями, чтобы войти в пещеру. Неожиданно из нее раздался собачий лай. Вскоре, на белый свет явилась семья, которой принадлежал стоящий на площадке автомобиль. Упитанные муж с женой, примерно под сорок и два таких

же упитанных сыночка-двойняшки, на взгляд, ровесники Матвея. Они увидели, что не одни и направились к машине Егора, подслепо щурясь на яркий солнечный свет.

- Здравствуйте! – Поприветствовал отец семейства семью Егора. – Молодость наверно, решили вспомнить, как и мы?

Егор и Тамара переглянулись.

- Типа того. – Сказал Егор, не желая распространяться об истинных причинах.

- Понятно. – Покачал головой мужчина. – Там запустенье страшное.

- Да, не пещера, а отхожее место стало! – Эмоционально вмешалась супруга мужчины.

Карликовый терьер в ее руках беспрестанно ерзал, как будто его мучили глисты. Внезапно, он истерично залаял, перейдя на вой, если только это можно было назвать воем. Скорее визг.

- Сейчас маленький, домой поедем. – Женщина попыталась успокоить собаку, но пес вырвался из ее рук, неловко упал на землю, подскочил и побежал по дороге. Семья ринулась ловить собаку.

- Им полезно побегать. – Произнес им вслед Матвей.

- Пойдемте, посмотрим, что их так напугало.

Егора начинали мучить сильные сомненья. Он уже сам видел во всем дурные знаки. Священное для него и Тамары место, было загажено туристами и выглядело далеко не священным, совсем как их совместная жизнь, так трепетно и возвышенно начавшаяся с этого места и совершенно загаженная взаимными обидами и упреками.

Егор вошел в пещеру без былого энтузиазма. В нос ударил запах нечистот. Следовало внимательнее смотреть под ноги. Начало пещеры было узким, но метров через пятнадцать она переходила в широкий грот, разветвляющийся на несколько узких тоннелей. В молодость, все ответвления были закрыты из-за потенциальной опасности камнепада, или из-за того, что кто-то мог просто заблудиться в лабиринтах ходов.

Егор нечаянно пнул бутылку. Та загремела о камни, но не разбилась.

- Смотрите внимательнее под ноги. – Еще раз предупредил он семью.

Через несколько шагов проход расширился в огромную пещеру. Яркие пятна света перескочили от близких стен к далекому потолку.

Катюшка не удержалась и охнула от неожиданности.

- Какая большая! – Восхитилась она, поворачивая голову с фонариком из стороны в сторону.

Пятно фонаря скакало по стенам грота, по сталактитам на потолке и почти потерялось на противоположной стороне пещеры.

Егор перед путешествием подробно продумал культурную программу. Вначале он хотел провести ознакомительную экскурсию по пещере, затем выйти на свежий воздух и приготовить шашлыки, потом снова вернуться в пещеру с готовыми шашлыками и бутылкой вина. Во время трапезы Егор рассчитывал вставлять в разговор воспоминания о том, как они с Тамарой познакомились, разбавляя подробностями, о которых Тамара могла и забыть. А потом он собирался показать детям и супруге надпись, сделанную тайком от всех. Ее он сделал во время мучительных порывов заговорить с красавицей Томой, тогда, пятнадцать лет назад. Жена ничего не знала об этом, а потому должна быть удивлена тем, как неистово хотел добиться её внимания пылкий юноша. Вино и атмосфера должны были сформировать у супруги позитивный заряд. Главное, чтобы все прошло так, как задумал Егор.

Егор поставил на пол большую лампу с мощными батареями и включил ее. Широкий пучок света выхватил из темноты приличную часть пещеры. Романтический настрой портил беспорядок вокруг. Бутылки, упаковки и прочий мусор устилали пол пещеры.

- Ну, это мы уберем. – Проговорил вслух Егор. – А пока, предлагаю выйти наружу и приготовить шашлыки.

Семья выбралась наружу. После прохладной пещеры на улице казалось еще жарче и душнее. Воздух не двигался, предвещая непогоду.

Семья с собачкой еще не уехала. Отец семейства запихал в багажник уйму вещей и с трудом пытался его закрыть.

- Связь пропала у всех. – Крикнула, вышедшим из пещеры Горбуновым, упитанная мамаша. – Прямо посеред разговора.

Егор вынул из кармана телефон. Иконка связи показывала крестик. У жены и детей связи тоже не было. Егор предположил, что где-то в районе ближайшей сотовой вышки отключился свет, и это, скорее всего, из-за непогоды, которая вот-вот доберется и сюда.

- Я думаю, там, за горой гроза идет, из-за нее и света нет. – Поделился Егор.

- Ах, вот почему наш Тотошка так нервничает. Он до ужаса боится грома. – Посетовала мамаша, приглаживая хвостик на голове нервничающей собачки.

- Ладно, мы поехали. – Отец семейства, наконец, захлопнул крышку багажника. – Приятно было познакомиться.

Он уселся за руль. Машина качнулась под его весом. Мужчина погудел клаксоном на прощанье. Егор и Тамара помахали им вслед.

Странное что-то творилось в природе. Егор обратил внимание, что ему приходилось постоянно сглатывать, чтобы убрать заложенность ушей. Жена и дети тоже жаловались на то, что у них постоянно закладывает уши. Он списал это на адаптацию организма к более разреженному воздуху в горах.

Командир лодки капитан первого ранга Татарчук, выбрался на свежий воздух, чтобы лично убедиться в странном прогнозе погоды, полученном от метеоспутников. От горизонта и до горизонта стояла ясная погода. Воды Атлантики мягко окатывали округлые черные бока субмарины. Внешне, ничто не предвещало непогоды. Командир пробубнил под нос свое мнение о работе метеорологов, вспомнив недавнее фото с игральными костями, на сторонах которых вместо точек были нарисованы схематичные изображения погоды: солнце, дождь, туман, ветер. Подпись под фото гласила, что это основной инструмент метеоролога. Судя по погоде, которая стояла в северной Атлантике, так оно и было.

Татарчук вспомнил про ветра и штормы в Северном Ледовитом океане. Как они огибали Скандинавию и слышали сигнал бедствия от рыбацкого судна, к которому оказались ближе всех. С тяжелым сердцем прошли мимо. Подлодка шла с секретной миссией, и светиться было никак нельзя даже с благородной целью. Впереди их ждало Северное море и флот Её Величества, который надо было проверить на способность обнаружения российской АПЛ вблизи ее берегов.

Англичане дружно проморгали огромный корабль в своих водах. Выполнив первую часть миссии, лодка направилась к американскому восточному побережью через Атлантику. Всплывать на поверхность не

было никакой необходимости, и если бы не странный прогноз, то весь маршрут субмарина проделала бы под водой.

Три офицера стояли рядом с командиром. Они так же недоуменно смотрели по сторонам, пытаясь сопоставить то, что они видели собственными глазами с тем, что обещал прогноз.

- Ну, разве, что тихо очень. – Заметил капитан-лейтенант Гренц.

Подлодка не стояла на месте и ветерок, вызванный ее движением, обдувал людей. Если бы она остановились, то экипаж заметили бы сразу, что воздух не движется совсем. Водная гладь вокруг скорее напоминала поверхность озера в тихую погоду, чем океана.

- Ладно, погружаемся. – Приказал Татарчук.

Офицеры поднялись по «отливу» к люку. Последним забрался в него сам командир подводной лодки. Он бросил последний взгляд в сторону горизонта по маршруту движения. Ему показалось, что какая-то темная полоса протянулась вдоль всей его линии.

- А ну-ка, принесите мне бинокль. – Попросил он Гренца.

То, что можно было принять невооруженным взглядом за игру воображения, вызванную движением нагретого воздуха, на самом деле оказалось чем-то более осязаемым. Темная полоса походила на приближающийся грозовой фронт. Прогноз не врал. Единственной странностью надвигающейся грозы было отсутствие вспышек молний. Командира это удивило, но не напугало. В конце концов, он не метеоролог и не обязан знать, как устроены грозы в северной Атлантике.

Перед тем, как закрыть люк, он увидел, как по воде пробежала рябь от ветра. Зайдя в рубку управления, Татарчук заметил волнение на лицах дежуривших офицеров.

- Что стряслось? – Спросил он, занимая свое место.

- Товарищ капитан, там это, с других подлодок идут странные передачи…

- Какие еще передачи? – Перебил командир офицера.

- У берегов Америки начался сильный ураган. Они говорят, что корабли уносит в океан ветром.

- Понятно. Значит, прогнозы не врут, как ни странно. Что, прям так и уносит, как пиратские каравеллы? – Иронично, не по уставу, переспросил командир.

- Мы получили сообщение открытым текстом с «Корейца». Они говорят, что ураган начался внезапно. Было тихо, и вдруг, начался ветер. Перед этим в эфире была некоторая паника на американских кораблях. Но на «Корейце» посчитали, что это свойственно американцам, по любому случаю, на который нет инструкций, устраивать панику.

- А потом? – Татарчуку уже не терпелось услышать продолжение.

- Потом, начался ураган, и американский флот унесло в открытый океан.

- Ну-ка, включите мне эфир. Что там сейчас говорят? – Татарчук обернулся к другому связисту. – Что там наш штаб на это говорит?

Молодой офицер, для которого этот выход был первым, принялся рьяно исполнять приказание. Эфир подключили к громкой связи, и тесную рубку наполнил шум переговоров. Не надо было быть лингвистом, чтобы понять, что тон переговоров был испуганным, местами даже истеричным.

- Кто понимает, что они говорят? – Татарчук обвел взглядом команду.

- Эээ… трудно разобрать, мешается всё в одну кучу. Только матерятся понятно. – Ответил старший лейтенант Ляхов, знающий английский.

- Это мне и без тебя слышно, что матерятся, конкретнее скажи.

- Говорят, что флота у них больше нет…

В этот момент в лодку врезалось что-то. Удара не было, но ее качнуло градусов на тридцать. Все, кто не держался, попадали. Через несколько секунд по обшивке загремела частая дробь, словно лодка попала под град. Татарчук кинулся к офицерам, управлявшим лодкой.

- Что? Что происходит? Что это за дробь?

Никто не знал, что ответить командиру.

- Мы меняем курс. – Ответил один из вахтенных офицеров. – Нас сносит.

- Как так, сносит? – Татарчук не мог представить, что течение может что-то противопоставить мощному двигателю судна. – Что там со штабом? – Наконец вспомнил он про свое распоряжение.

Молодой офицер передал наушники командиру.

- Всем флотам! Чрезвычайная ситуация! Ураган движется с запада с примерной скоростью триста метров в секунду. Субмаринам уйти на

максимальную глубину, надводному флоту стать против ветра. О получении приказа доложить.

- Капитан первого ранга Татарчук, АПЛ «Пересвет», приказ принял. Начинаем погружение. – Татарчук снял наушники. – Погружаемся на четыреста метров. – Отдал он приказ.

К тому моменту, когда командир оторвался от наушников, стало ясно, что корабль не управляется. Его постоянно кренило из стороны в сторону. За шумом барабанной дроби, причина которой была еще не ясна, слышались натужные скрипы корпуса лодки, испытывающего колоссальные перегрузки. Зашумели цистерны набирающие воду. С каждым метром погружения дробь по корпусу стихала, а лодка увереннее откликалась на руль.

Все офицеры в рубке молча ждали, когда судно наберет максимальную глубину. По громкой связи все еще слышался английский мат. Никто не хотел оказаться сейчас на поверхности океана. Связь с набором глубины начала теряться. Голоса забило шумом и вскоре они затихли совсем.

- Триста метров в секунду, это сколько, если на километры в час перевести? – Спросил Гренц.

Он не стал дожидаться, когда ему ответят, взял листок и перевел в более понятные единицы. Его глаза округлились, когда он получил результат. Офицер еще раз перепроверил себя.

- Тысяча километров в час? – Сказал он ошарашено. – Этого не может быть?

Его перепроверили. Цифры сошлись. Все офицеры, что находились в рубке управления, уставились на командира корабля. Татарчуку пришлось скрыть внутреннюю неуверенность за командирским тоном.

- Не бздеть, товарищи. Это вам не Третья Мировая, как-нибудь переживем этот ураган. На такой глубине он нам совсем не страшен. К тому же вы все слышали, американцы сказали, что у них теперь флота нет. – Татарчук снял фуражку и вытер пот с лысой головы платком и добавил. – Природа за нас.

По корпусу все же иногда раздавались удары. Они были реже, и звук удара был слабым. Пришло время обеда, но расходиться никто не собирался. Татарчук барабанил пальцами по стойке. Акустики

слушали окружающее пространство, заполненное несвойственным ему шумом.

- Виктор, посчитай, пожалуйста, за сколько часов ветер дойдет до России, если не потеряет силу.

Просьба была направлена Терехину Виктору, капитану второго ранга, товарищу по жизни и заместителю по службе. Терехин взял авторучку и листок бумаги.

- На какой широте мы находимся? – Спросил он у офицера, управляющего лодкой.

- На тридцати градусах.

Терехин подошел к карте, висящей на стене, и отмерил линейкой расстояние.

- До Москвы мерить?

Татарчук утвердительно кивнул головой. Терехин вымерил расстояние и перенес числа на листок. Сделал подсчет.

- Примерно, через шесть с половиной часов. Вернее, через шесть, потому что все началось полчаса назад.

- Ерунда какая-то? – В сердцах произнес Татарчук – Не может такого быть.

Он замолчал. В наступившей тишине слышны были гулкие удары по корпусу субмарины.

- Дежурным остаться в рубке, остальные по своим местам. Доложить команде о чрезвычайной ситуации, но без лишних эмоций.

Погода над Тихим океаном в районе Гавайев стояла безоблачной. Джейн зажмурилась и представила себя на белоснежном пляже. Никакой работы, только песок, нежно-теплая вода океана и отличный коктейль, чтобы расслабиться. Она решила для себя, что как только пройдет все процедуры по адаптации к силе тяжести, сдаст весь научный материал, собранный за время работы на МКС, то сразу отправится на Гавайи. Она была в детстве, вместе с родителями на острове Мауи, и с тех пор, картинка с пляжами из белого и черного песка прочно засела у нее в памяти, всякий раз напоминая о себе, когда телу требовался отдых.

Коллеги-космонавты из России находились в своем модуле, где занимались совершенно непонятными для Джейн опытами. В одиночестве она могла позволить себе побыть маленькой девочкой. Она уткнулась носом в иллюминатор, расплющив его о прохладное

стекло. На острова легла красная полоса заката, словно ленточкой обозначив очередной финишировавший день. Джейн представила, как красиво это смотрится с земли. Гонолулу выделился ярким пятном загорающихся огней.

Внимание Джейн привлек облачный фронт, формирующийся севернее гавайских островов. Она готова была поклясться, что его не было минуту назад. Но она могла и просмотреть, увлекшись мечтами об отдыхе. Земля пропала из иллюминатора и некоторое время в нем были видны только мерцающие звезды в бесконечной тьме космоса. Снова яркий диск планеты показался в круглой амбразуре иллюминатора. Джейн уже ждала, когда покажется тот самый атмосферный фронт. За время нахождения на борту станции, она сотни раз наблюдала формирование ураганов и готова была поклясться, что этот фронт не походил ни на один виденный ранее.

Показался Тихий океан, окрашенный багрянцем заката. Огоньков на островах стало больше. В иллюминатор вошел край вытянутой облачности. У Джейн глаза чуть не выскочили из орбит. За минуту, что станция совершала оборот, участок облачности увеличился вдвое. Как такое могло произойти? Вытянутый облачный фронт совсем не походил на формирование урагана, закручивающегося спиралью. И уж точно он не набирал силы с такой скоростью.

- Хьюстон, это Джейн Оукленд, не подскажете, что за погодная аномалия начинается к северу от моих Гавайев? Готова поклясться, что эта штука растет на глазах. Успокойте меня, скажите, что американский флот производит учения с дымами.

- Привет, Джейн. Это Чак. Мы знаем не больше твоего. Метеоспутники зафиксировали природные аномалии там, где ты сказала. Локальное увеличение атмосферного давления больше тысячи миллиметров ртутного столба. С чем это связано мы пока сказать не можем. Не удивлюсь, если это военные балуются с климатическим оружием.

- Как не вовремя они затеялись с ним. Я только размечталась об отпуске на пляжах Мауи.

- Забудь. Наш босс считает, что ты и так в отпуске. По возвращении тебя ждет целая гора работы.

- Не напоминай мне об этом.

Пока Джейн разговаривала с ЦУПом, станция совершила три оборота. Джейн снова глянула в иллюминатор, в котором показалась Земля. Гавайи погружались в ночь, и на этом темном фоне, отражая свет заходящего за горизонт солнца, разрасталось огромное красное пятно. Сердце Джейн кольнуло суеверным страхом. Пятно очень напоминало расходящийся по лесу пожар.

- Чак, пятно растет! Что говорят станции метеонаблюдений?

- Подожди, сейчас проверю.

Мужчина выпал их эфира на долгие пять минут. Все это время американская астронавт провела возле иллюминатора. Она готова была поклясться, что пятно растет неестественно быстро. Джейн прикинула в уме и ужаснулась скорости атмосферного фронта. Можно было отнести это явление к какому-нибудь оптическому феномену, что, скорее всего, так и было, но внутренний голос девушки подсказывал, что одной иллюзией здесь не обошлось.

- Джейн, Джейн! – Раздался встревоженный голос Чака.

Его напуганное лицо появилось на мониторе. Единственная эмоция так красноречиво проявилась на нем, что Джейн сразу забыла про оптическую иллюзию.

- Что это, Чак?

- Это формирующийся ураган, но природа его формирования совсем не связана с фронтами горячего и холодного воздуха. Это что-то новое. И ты знаешь, связь прекратилась со всеми, кого он уже накрыл. Я смотрел снимки со спутников, это что-то нереальное. Фронт вытянут. Я не могу взять в толк, как там формируется ветер.

- У меня те же вопросы, Чак. Я перевидала много погодных аномалий, но это самая непонятная.

- Ты сейчас видишь его?

- Нет, уже ушла. Минут через сорок буду.

- О кей, тогда через сорок минут снова выйдем на связь. А пока я подключусь к обсуждению этого явления с коллегами. Ты не представляешь, какой жаркий диспут начался у них по поводу причин этого урагана.

- Да начнется срач, Чак. Удачи!

Экран потух. Джейн немного успокоилась после разговора с коллегой. Ей подумалось, что ученые смогут понять причины погодной аномалии и как-то повлиять на нее. Джейн вдруг стало

скучно, и она отправилась на российскую половину станции. Семен и Игорь сосредоточенно пялились в приборы и не сразу заметили бесшумно влетевшую к ним девушку.

- Привет, задроты. Как успехи?

- Привет, Джейн. Все по плану, согласно утвержденному графику. – Ответил Семен.

- Пока вы тут лупитесь непонятно куда, на нашей планете происходят всякие чудеса.

- Ты о чем? – Не понял Игорь.

Он одним глазом смотрел на Джейн, а вторым пытался следить за приборами.

- В Тихом океане начинается какой-то странный ураган. Я его увидела с самого зарождения. Небо было чистым и вдруг начал формироваться облачный фронт. Он стал расти с невероятной скоростью. За несколько минут он увеличился в разы. Ваши не выходили на связь?

- Нет, но мы можем сами их спросить.

- Спросите, очень интересно, что они знают по этому поводу.

- Ну, хорошо.

Игорь Кружалин включил связь. На экране появился дежурный ученый.

- Привет, Михаил. Не по графику. У нашей американской коллеги есть вопросы по поводу необычного формирующегося урагана в Тихом океане, ты что-нибудь слышал об этом.

- Привет, Игорь. Не то слышал. У нас уже срочное совещание по этому поводу. Всех собрали, как будто Третья Мировая началась. Там онлайн все сидят. Не знаю, насколько все серьезно и чем может это грозить нам? Это их хлеб, пусть сидят, обсуждают, а у меня еще четыре часа до конца смены, а потом два дня выходных.

- Несознательный ты ученый, Михаил. – Пошутил Игорь.

- Зато сознательный рыбак. Давай, до связи. Будет что важное, обязательно расскажу.

- Хорошо, Михаил, до связи.

Джейн во все глаза смотрела на Кружалина. Она знала немного русский, но беглую речь воспринимать не успевала. Ей очень хотелось узнать, о чем рассказал российский коллега.

- Ничего внятного мне не сказали, но проблема, по всей видимости, серьезная. Ученые со всего мира гремят котелками, пытаются понять, что за аномалии происходят. Ты не расстраивайся Джейн. – Кружалин заметил на лице девушки печальную тень. – Все будет хорошо. Мало ли что происходит на Земле каждый день. Глядишь, к следующему обороту все будет хорошо.

Джейн посмотрела на часы. Она ничего не ответила, просто уплыла на свою половину станции.

К следующему обороту вокруг Земли ничего не изменилось. Наоборот, стало еще хуже. Над Гавайями уже сгустилась ночь. Пятна городов мерцали во тьме. Все было достаточно мирно, если не считать приближающегося к ним темного пятна странного урагана. В голове девушки не укладывалось, как он мог двигаться с такой скоростью.

Джейн пригляделась и отметила, что форма урагана изменилась. Если сорок минут назад он был больше похож на веретено с утолщением в центре, с краями, направленными строго в стороны полюсов, то теперь он был похож на трапецию. Причем узкое основание находилось на том же месте, что и раньше, а широкое основание двигалось на восток, расходясь углами к полюсам.

Раздался стук, а потом в отсеке показалась голова Игоря.

- Можно?

- Заходи. Есть новости?

- Да, есть. Они не очень хорошие. Спутники фиксируют ветер, который двигается со скоростью триста метров в секунду.

Джейн окатило с головы до ног.

- Но этого не может быть. Откуда он взялся?

Она прильнула к иллюминатору. До нее вдруг дошло, что сторона трапеции, двигающаяся на восток, и есть тот самый ветер. Кружалин посмотрел из-за головы девушки. То, что он увидел, впечатлило его достаточно сильно. Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять, с подобными природными явлениями им сталкиваться еще не приходилось.

Джейн попыталась связаться со своим ЦУПом.

- Хьюстон, ответь. Что у вас происходит?

Экран горел, показывал обстановку ЦУПа, но дежурный не выходил на связь. Позади рядов столов и кресел внезапно началась беготня.

- Эй, Хьюстон, что у вас там за бардак происходит? – Голос Джейн задрожал.

Кто-то по ту сторону экрана услышал ее крик и подбежал к переговорному устройству.

- У нас эвакуация, мисс Оукленд. Никакой организации, поэтому боюсь, что с вами некоторое время не будут поддерживать связь. Извините, но мне надо бежать, успеть спрятать семью.

Джейн не помнила, как звали этого человека. Видела его пару раз. Он даже не стал отключать экран связи, позволив наблюдать, как панически бегают люди. Джейн вспомнила про родителей, и ей очень захотелось сообщить им об урагане, чтобы они успели спрятаться. Им позволялось иногда общаться с родителями через интернет, но для этого требовалось заблаговременное согласование с начальством. А ему, видимо, сейчас было не до этого.

Игорь почувствовал, что творится на душе у Джейн.

- Кто у тебя там? – Спросил он, понимая, о чем беспокоится девушка.

- Родители, они у меня живут в пригороде Сан-Франциско.

- Хочешь, попробуем дозвониться до них через наш ЦУП?

- Спасибо, Игорь, буду признательна.

В российском ЦУПе паники было меньше, но беспокойство все же ощущалось.

- Игорь, с погодой происходит что-то необъяснимое. Атмосферное давление перед фронтом падает очень сильно. Как это происходит, непонятно, но это способствует тому, что ветер набирает огромную скорость.

- Михаил скажи, ты можешь помочь Джейн позвонить ее родителям. Они живут у нее на западном побережье. Она очень переживает за них, а с Хьюстоном действительно проблемы.

- Минутку, сейчас до сисадмина дозвонюсь.

Михаил с кем-то пообщался без микрофона.

- Да, можно, три минуты, набирайте адрес.

Компьютер у родителей ответил почти сразу. Мать Джейн, разбивающаяся слабой связью на квадратики, взволнованно обратилась к дочери.

- Привет, Джейн. У нас тут чёрте что происходит. Все куда-то едут из города. На дорогах пробки. По телевизору сказали про ураган, но

мы-то с отцом знаем, когда он начинается. На небе ни облачка. Не знаю, что эти власти снова удумали?

- Мама, мам, на этот раз власти не ошиблись, ураган идет, и он будет очень сильным. Прячьтесь с отцом и ждите, пока все не закончится. Еды с собой возьмите, зарядите телефоны. Все очень серьезно, мне отсюда все хорошо видно.

- Хорошо, Джейн, мы спрячемся в подвале. Хотя я думаю, что нашему каменному дому ни один ураган не страшен. Сколько всего он пережил, и даже в восемьдесят девятом ему ничего не сталось. Отца будет трудно затащить в подвал. Он у тебя такой упертый, как осел.

- Мам, я на вас рассчитываю, вы у меня умные и сделаете, как надо. У меня мало времени, русские дали три минуты. Приятно было повидать вас, и надеюсь, что вы поступите правильно. Пока, целую тебя и папу.

- Пока Джейн, мы тоже тебя целуем. Не сиди близко от окна, а то просквозит. Я слышала у вас в космосе дикий холод.

Экран сменился картинкой ЦУПа.

- Прости, Джейн, время истекло. Позовите Семена, у нас для него будет кое-какая информация. Конфиденциально. – Михаил сделал упор на последнем слове.

Джейн все поняла и улетела в свой отсек. Она немного успокоилась и почувствовала, как у нее заиграл аппетит. Какой-то витаминный салат с сильным привкусом брокколи, а потом и жареная курочка из тюбика успокоили нервную систему. Джейн решила, что паниковать бессмысленно, и будет лучше, если она займется своей работой.

Егор установил мангал, насыпал в него углей, полил их жидкостью для розжига и уже собирался поднести спичку, как воскликнула Катюшка.

- Ой, а у меня кровь из носа идет? – Дочь подняла к глазам руку в крови и сморщилась, готовая заплакать.

Тамара подскочила к дочери.

- Ой, Катюшка, запрокинь голову. Егор! Принеси аптечку!

Отец стрелой кинулся к машине. В душе у него уже появилось предчувствие, что путешествие сюда с самого начала являлось дурацкой затеей. Ничего хорошего из него не выйдет. Егор схватил аптечку и бегом вернулся к жене и дочери. Нашел вату и отдал жене.

Сам схватил гипотермический пакет и раздавил его содержимое. Пакет стал холодеть на глазах.

- Приложи к переносице. – Попросил он Катю.

Дочка послушно взяла пакет, и пока мать вытирала ей ватой кровь, положила его на лицо.

- Как чувствовала, не стоило ехать сюда. Нет же, послушала тебя, и получилось как всегда. – Приговаривала Тамара. – Фантазер.

- Я хотел, как лучше. Может быть, мы со смехом будем вспоминать наши приключения еще через пятнадцать лет? – Пытался оправдаться Егор.

- Это вряд ли. Собираемся и едем назад. – Жестко сказала жена.

- А шашлык? Мяса ведь замариновали столько?

- Ты не видишь, что Катюшке не до шашлыка, да и я что-то потеряла аппетит. Нет никакого желания продолжать это путешествие. И не стоило на него соглашаться.

- Мам, а мне здесь нравится. Может, у Катюшки больше не будет идти кровь? – Матвей, кажется, отошел от городской зависимости.

- Может, не может. Мы вдалеке от цивилизации, случись что и некому будет помочь. До ближайшей больницы почти двести километров!

- Мам, не переживай, я хорошо себя чувствую. Смотрите уже и ветерок подул. – Вступилась за отца Катюшка.

Листья деревьев на самом деле зашелестели, и духота сразу же спала. Тамара задумалась, нервно скребя ладонь большим пальцем. Ее лоб прорезала мощная складка, губы поджались. Егор часто видел такой жену, и стерпеть эту напряженную позу было тяжелее, чем согласиться с ней.

- А может, мама права? Может, домой?

- Нет! – К общему удивлению Матвей категорично высказался против материного решения.

Он отвернулся ото всех и решительно направился на край площадки.

- Мам, я хочу посидеть в пещере со светом. – Подлила масла в огонь дочь.

На лице Тамары появилось удивление, сменившееся размышлением.

- Только не жалуйтесь мне потом, что вам здесь не так комфортно, как дома.

Её ответ был сигналом к тому, что можно поджигать угли. Огонь вспыхнул и заметался под легкими порывами ветра.

- Пап! Мам! Смотрите туда! – Матвей стоял на краю площадки и указывал рукой куда-то вправо.

- Иди, глянь. – Попросил жену Егор, начиная насаживать маринованные кусочки свинины на шампуры. – Ребенок заинтересовался тем, чего нет в телефоне.

Катюшка осталась с отцом. Её очень занимал процесс приготовления шашлыка.

- Пап, а можно я сама их на мангал положу? – Спросила она.

- Разумеется, Катюх. На, бери эту палочку и клади на самый краешек.

- Егооор! – Тревожно крикнула Тамара.

Егор бросил в ее сторону вопросительный взгляд. Он заметил, что ветер уже не просто колышет листья, а начинает их трепать как следует.

- Кать, смотри, чтоб под палочкой огня не было, а я пойду к маме.

- Аха, поняла.

Егор подошел к жене с сыном.

- Смотри, что это?

Тамара указывала на линию горизонта, правее того места, которое не загораживала гора. Примерно туда, откуда они приехали. Горизонт был черен.

- Гроза будет. – Констатировал явление Егор. – Может, мангал пока не поздно в пещеру занести.

- Занеси, а то мы и шашлыков не поедим.

- Матвей, пошли, поможешь мне.

Катюшка стояла у костра и старательно вертела единственную палочку шашлыка. Из носа у нее торчали кусочки ваты, делая ее сосредоточенный деловой вид смешным. Егор взялся за ножки мангала с одной стороны, сын с другой и, пятясь спиной, вошли в пещеру. Егор включил налобный фонарь и постоянно оборачиваясь, подсвечивал себе дорогу. До грота они добрались, ни разу не споткнувшись.

- Матвей, я пойду, принесу мясо и шампуры, а ты пока разгреби мусор вокруг мангала, не дай бог загорится еще от углей.

Когда Егор подходил к выходу из пещеры он услышал протяжный вой, идущий снаружи. Он напоминал работу реактивной турбины. Егор ускорился и выбежал. На улице творилось светопреставление. Мощный ветер, подняв с земли все, что можно сорвать, нес по воздуху. Коричневый от пыли, песка, старой листвы и прочего ветер с чудовищной скоростью проносился над землей. Казалось, что его скорости хватит сорвать с земли взрослого человека.

Егор испугался за жену с Катюшкой. На площадке их не было. Приступ страха, выступил на лбу испариной, заставив его метнуться к краю площадки. Взгляд Егора скользнул по машине, и к сильному облегчению он заметил, как через стекло, приплющившись к нему носом, на него смотрит его дочь. Егор сменил траекторию и подбежал к машине. Он успел заметить, как ветер буквально срывает его с поверхности. На памяти Егора таких сильных ветров не было ни разу.

- Слава богу, вы здесь. Чёрте что творится в природе. – Облегченно сказал Егор, забираясь в машину. – Что? – Жена сидела бледная, как полотно.

- Я… я…, видела, как пронесло… машину красную, прямо по воздуху. – Сказала она, разделяя слова, словно контуженная.

- Да показалось, наверное. – Успокоил ее Егор

Он завел машину и подогнал ее вплотную к входу в пещеру.

- Открывай дверь и сразу в пещеру. – Приказал он своим женщинам.

Тамара взяла за руку дочь и, приложив усилия, чтобы открыть дверь, выбралась наружу. Ветер поднял в машине все, что было не закреплено. Егор отметил, что с того момента, как он вышел из пещеры, ветер усилился еще. Деревья, росшие по краям площадки, стояли почти голые, без листвы.

Он подтолкнул дверь плечом, преодолевая сильное сопротивление ветра. Порыв стихии ударил так сильно, что двинул автомобиль. Если бы Егор не ухватился за ручку двери, то был бы сбит им. Он выбрался из машины и, хватаясь за реллинги на крыше, добрался до пещеры. Вспомнил, что ведро с шашлыком осталось снаружи, пошел вдоль скалы за ним. Тамара с опаской смотрела на попытки мужа прихватить ведро с маринованным мясом, прижатое ветром к самой стене. Через два метра он просто исчез в завихрениях песка и пыли.

Тамара закричала. Егор не расслышал, но понял, что ему предлагают плюнуть на мясо и вернуться в безопасное пространство пещеры. Он не мог так поступить. Слишком много души вложил в этот шашлык. Сообразив, что ветер у самой скалы немного тише, Егор приставными шагами добрался до ведра.

Он готов был поклясться, что ветер усиливается с каждой секундой. Если раньше ему была видна дорога, ведущая к площадке, то теперь только край площадки, а за ней одна коричневая мгла. Раздался треск и дерево, растущее на самом краю, сломалось пополам. Верхняя половина не сразу упала на землю, несколько секунд болталась на ветру как флаг. В этот момент Егору стало по-настоящему страшно. Он схватил ведро, и торопливо направился в пещеру.

- Вот ты дурак! – С ходу влепила ему Тамара.

Но вместо продолжения оскорблений, как это было всегда, она прижалась к груди мужа.

- Мы с Катькой испугались за тебя, дался тебе этот шашлык?

- Простите, девчата, я на все могу наплевать, но только не на шашлык.

- Пап, это хулиганство. – Сказала Катюшка отцовскими же словами.

- Ладно, понял, больше не буду.

Егор посветил фонарем в ведро. Вместо шашлыка на поверхности ведра блестел мокрый мусор.

- Вот же гадство, а? – Егор зачерпнул с поверхности грязь и отбросил её в сторону. – Такое мясо испортил!

- Как думаешь, надолго этот ураган? – Спросила Тамара, глядя на беснующиеся силы природы.

- Я не специалист по ураганам, но мне кажется, что это явление скоротечное, в наших краях, по крайней мере.

- Я такого ветрища никогда не видела. – Впечатленно произнесла супруга.

- Я пока шел за этим шашлыком подумал, что мы в центре смерча. Не может ветер с такой скоростью двигаться широким фронтом. – Поделился Егор некоторыми предположениями.

- Нам, может машину привязать к чему-нибудь, чтобы не унесло ветром? – Предложила Тамара.

Егор глянул на свой автомобиль. Порывы ветра шатали его из стороны в сторону. Не бог весть, какой это был автомобиль, разменявший второй десяток, но Егор уже сроднился с ним и считал его членом семьи.

- Подожди, я сейчас.

Он снова выскочил наружу и прямо у входа упал, сбитый ветром. Тамара и Катюшка ахнули.

- Все нормально! – Прокричал им Егор, ухватившись за колесо.

Егор просунул пальцы в отверстия на диске колеса и подтянулся к машине. Примерно в метре от стены существовала некая мертвая зона, где ветер слабел, но дальше он уже просто срывал с места. Край площадки скрылся в бушующей мгле. Ветер выл на такой низкой ноте, что этот вой резонансом расходился по корпусу автомобиля. Егор, не вставая, открыл ключом багажник и нащупал там трос. По-быстрому вставил его в проушину и ползком вернулся в пещеру. Когда оказался в безопасности позволил себе немного полюбопытствовать – рассмотреть природную стихию в подробностях.

На смерч это не было похоже. Огромная скала, в которой находилась пещера, в диаметре была намного больше любого смерча. Следовательно, смерч никак не мог крутиться вокруг нее. Да и не было на его памяти никаких смерчей в этой местности. Получалось, что это был ветер, ураганный ветер невероятной силы, и на равнине он должен был быть еще сильнее, так как пещера находилась с подветренной стороны. Егору хотелось верить, что стихия имела локальный характер и случилась только в этом, относительно безлюдном месте.

- Идите к Матвею, возьмите мясо и попробуйте сделать с ним что-нибудь.

Девчонки повиновались. Есть такая у женщин черта – в сложной ситуации они становятся очень понимающими и исполнительными. Егор осмотрелся в поисках чего-нибудь к чему можно прикрутить обратный конец троса. И нашел. Старая ржавая петля от ворот, закрывавших когда-то вход в пещеру. Петля еще крепко держалась в скальной породе. Егор поставил машину на привязь, привязав конец троса к ней.

В пещере уже стоял запах дыма, пропитанного ароматом маринованного мяса.

- Ничего, придется немного похрустеть песком. – Сказала Тамара, надевая на шампур очередной кусок мяса. – Зато будет что вспомнить.

- Что, там, правда, такой ветер, как девчонки рассказывают? – Спросил Матвей, не отходивший от мангала.

- Ты чего, там такой ураган, дерево сломалось. – Пропищала в нос Катюшка из-за вставленных в нос ватных тампонов.

- Хотелось бы верить, что ветер только в горах, иначе на равнине он много бед наделает. Мы даже не представляем насколько он сильный, потому что скала защищает нас от его настоящей силы. А что ты говорила про красный автомобиль? – Переключился Егор на жену.

- А, я думаю, померещилось. Игра воображения. Мне почудилось, что ту красную машину пронесло по воздуху. Теперь я не уверена, что это было на самом деле. Наверное, это у меня от испуга воображение разыгралось. – Тамара постучала пальцем по виску.

Разговоры про ураган прекратились и всё семейство, изрядно проголодавшееся за долгое путешествие, ждало, когда приготовится мясо. Только Егор чувствовал, как нарастало беспокойство. Вибрации передавались по телу скалы на мангал. Он переворачивал шампуры и чувствовал мелкую дрожь по корпусу. Что за сила была у ветра способного заставить дрожать скалу? Его успокаивало только то, что таких случаев не было засвидетельствовано на всем протяжении жизни людей в этих краях. Виду Егор не подавал. Даже наоборот, старался выглядеть, как можно беззаботнее.

- А с песком шашлык даже немного вкуснее, пикантнее. – Пошутил Егор, гоняя по рту горячий кусок свинины. – Можно уже снимать.

- Ура! – Прогундосила Катя.

- Тамар, вынь ей ватку из носа, а то она глотать не сможет.

Через два часа пропала связь с Хьюстоном. Напрочь. Над Америкой еще лежала ночь, и только восточное побережье начало озаряться рассветом. Над западной частью всего североамериканского континента лежала тьма. Абсолютная, жуткая. Джейн привыкла к тому, что пролетая над родиной, она угадывала по размерам огней города. Все западное побережье, от Сан-Франциско до Сан-Диего светилось ночами напролет, и еще почти рядом с ними переливался бриллиантом в ночи Лас-Вегас.

Но этой ночью западное побережье было погружено во тьму. Полоса, разделявшая континент на две половины, четко разделила его на светлую и темную сторону.

Что у вас там происходит? – Спросила сама себя девушка.

Сделала она это вслух, потому что ей ответили.

- Джейн. – В голосе Кружалина чувствовалась тревога. – Спутники передают, что скорость ветра даже превышает триста метров в секунду.

- Игорь, я не совсем представляю себе такую скорость. Это очень опасно?

- Да. Теоретически, ветер с такой скоростью не оставит шансов человечеству. Он все разрушит, а то, что разрушит, раздробит и измельчит и этим отполирует поверхность земли, как наждаком.

- Ужас. А что говорят ваши метеорологи, скоро этот ураган закончится? Он уже накрыл пол Америки.

- Они сами не знают. Есть еще один момент, который несет с собой этот ураган.

- Что еще?

- Он выдувает воду из океанов.

- Как это? – Джейн не смогла сразу взять в толк, о чем говорит Игорь.

- Скорость ветра высокая и ему хватает сил сдувать часть воды с поверхности океана. Наши ученые предполагают, что там, где сейчас бушует ураган, происходит самый настоящий потоп.

- Как потоп! – Джейн встрепенулась. – Не может такого быть! Этого же никогда не случалось!

- Извини, Джейн. Это всего лишь теория.

- Теория! Нахрена её выдвигать, если не уверен в ней? – Джейн свернулась клубком, прижавшись лбом к коленям. – А я ведь попросила родителей спрятаться в подвал.

- Джейн, прости. Я не подумал об этом. Уверен, с ними все будет хорошо. Как только прекратится ураган, первым делом попробуем справиться о твоих родителях.

Джейн ничего не ответила. Она снова подплыла к иллюминатору и уткнулась в него носом. Игорь поспешно удалился, почувствовав, что девушке хочется побыть одной.

Игорь знал, что увидит, когда лучи солнца осветят страшную картину конца мира. Спутники докладывали всю информацию о происходящем на земле. Атмосферный фронт урагана одной стороной уперся в Гренландию, а другой почти достиг самой Антарктиды, замерев примерно в восьмистах километрах от ее побережья. Темная однородная пелена ветра начиналась, как и прежде, на долготе Гавайских островов, а обратная сторона накрывала последние километры Северной и Южной Америки.

Игорь и его коллега Семен не могли понять, какая сила питала этот ураган. Никаких внятных предпосылок к его возникновению не наблюдалось, да и сам характер урагана казался совершенно не типичным для атмосферных явлений планеты. Мог ли он закончиться так же, как и начался, вопрос оставался открытым. Начальство заставило космонавтов документировать все этапы природной стихии и соотносить с показаниями метеорологических спутников. В какой-то момент Игорь решил, что его начальство очень большие оптимисты, раз считают, что после того, как ураган пройдется по планете их записи еще будут кому-то нужны.

Стихия накрывала планету словно одеялом. Фронт равномерно наступал по всей планете, закрывая от людских глаз все, что происходило под непрозрачным покрывалом. ЦУП докладывал, что связь прекращалась почти сразу, как только передний край урагана достигал передатчика. Телеканалы и радиостанции, вещаемые из обеих Америк, отключились, и можно было только догадываться, какой силы стихия господствует там.

Эта мысль ввергала в ступор Джейн Оукленд. Она висела напротив иллюминатора, но со стороны казалось, что она не смотрит в него. Он был ей нужен, как гипнотизер, для того чтобы ввести девушку в транс. Джейн держала в руках салфетку, время от времени прикладывая ее к глазам, из которых непроизвольно выступали слезы. Салфетка уже перебрала критическую влагоемкость и когда Джейн сжимала ее, шарики ее слез проступали между пальцами и кружились рядом.

- Здесь скоро начнется гроза. – Тихо произнес Игорь, заметив рядом с Джейн облако влаги.

Он приплыл в отсек, чтобы успокоить Джейн, но когда увидел ее в таком подавленном состоянии, понял, что какое-то время лучше не

трогать. Он вернулся к себе. Семен рассматривал на мониторе показания, которые ему отправили из ЦУПа. Там было то же самое, что и час назад, кроме координат переднего края наступающей стихии. Скорость ветра выровнялась на отметке двухсот восьмидесяти пяти метров в секунду. По меркам природного явления эта скорость была близка к скорости распространения звука в воздухе. В это нельзя было поверить, если бы Игорь не видел своими глазами.

Виктор Терехин находился в свободной смене. Он прошел в офицерский камбуз. Младшие офицеры уже находились там, переговариваясь вполголоса. По обрывкам фраз капитан второго ранга догадался, что они строят свои теории насчет того, чем было вызвано внезапное погружение.

- Да град это был, скорее всего, только очень крупный! – Доказывал один офицер остальным.

- Да, какой нахрен град! А сейчас что барабанит по корпусу? На четырех сотнях под водой? Град-то легче воды, он плавать должен. – Тут же разбил гипотезу другой офицер.

- Ну, не знаю, тогда. Надо вон, у капитана Терехина спросить, он ведь от командира пришел?

Терехин взял обед и подсел к офицерам.

- Я, не намного больше вашего знаю. Метеослужба передала, что надвигается сильный ураган. Потом было предупреждение, чтобы подлодки ушли на глубину, а надводные суда заняли позиции строго на ветер, потому что скорость урагана невероятная, больше семисот километров в час. Вот и все, в принципе. Ну, до погружения слышно было, как янки паникуют. А что барабанит по корпусу, сказать не могу. Зацепило, может, какой-нибудь сухогруз рядом?

Офицеры внимали Терехину, и когда он замолчал, они не нашлись, что сказать. В камбузе негромко играла музыка, мягкий свет отливал на хромированных боках столиков. Все было, как всегда, но чувство тревоги закралось в душу каждого члена экипажа подводной лодки.

Терехин пообедал и прошел в свою каюту. Остальные офицеры, занимающие ее, находились на дежурстве. Виктор достал книгу, лег в шконку и попытался почитать. Мысли никак не могли сосредоточиться на чтиве. Ему удавалось минут на пять вникнуть в текст, но потом он снова замечал, что думает совсем о другом. Мысли непроизвольно

перескакивали на события, происходящие по другую сторону борта субмарины.

Терехин отложил книгу. Это было не чтение, а мука. За бортом все так же раздавался периодический стук. Что это могло быть? На ум не приходило ни одной достоверной догадки. До смены оставалось два часа. Офицер решил, что сон перед работой поможет очистить сознание и придать мыслям нужный порядок.

Ему удалось уснуть. Сон был тревожным, прерывистым. Постоянно снилось, что кто-то стучит по голове. Терехин пытался во сне избавиться от этого стука, но он не проходил. Зазвонил будильник. Виктор выбирался из сна, как из вязкой болотной топи. К его удивлению стук по корпусу лодки стал еще более частым.

Капитан второго ранга Терехин вошел в рубку управления. Татарчук сидел на своем месте. Он как будто не заметил вошедшего офицера. На его лице застыло выражение глубокой задумчивости. Акустики сосредоточенно следили за экраном локатора, остальные офицеры тоже были заняты своим делом. Без объяснений Терехин понял, что положение лодки за время его отсутствия не улучшилось.

- Мы теряем глубину. – Вдруг сказал Татарчук, не поднимая глаз.

- Как это, теряем, всплываем, что ли? – Не понял Терехин.

- Нет пока. Но глубина под нами становится меньше.

- Ничего не понимаю, товарищ капитан. Нас течением снесло на мелководье? – До Терехина не доходило к чему клонит командир.

- Нет, Виктор. Мы где были, там и стоим, но глубина уменьшается.

- Товарищ капитан, я чего-то спросонья, наверное, недопонимаю, к чему вы клоните? Океан мелеет?

- Представь себе. За два часа с небольшим, он обмелел на пятьдесят метров.

- Этого не может быть. Приборы барахлят, скорее всего?

- Не говори ерунды, Виктор. Мы по-разному мерили, а результат один.

- Как это, почему? Такое вообще возможно?

- Не хотел этого говорить при подчиненных, но у меня поджилки трясутся от одной мысли, что там сейчас творится наверху. Там, Виктор, никакой не ураган, там, конец света.

- С чего вы решили? – Терехин был удивлен таким состоянием командира.

- Смотри, мы открыли торпедный аппарат, чтобы узнать, что же все-таки сыплется нам на голову. – Командир показал на груду мокрого мусора, которого Терехин вначале не заметил. – Покопайся, посмотри, что мы наловили.

Терехин подошел и потрогал мусор руками. В основном это были мелкие камни, но среди них попались куски бетона.

- Ничего не понимаю. Как они могли попасть в центр океана?

- Оттуда, с суши, ветром принесло. – Пояснил Татарчук.

- Да нет, не может быть. Здесь есть другое объяснение. – Терехин не поверил в невероятное объяснение командира.

- А как по твоему? Над нами завис корабль со строительным мусором, и они сыплют его нам на голову ковшами?

Татарчук пристально посмотрел в глаза Терехину.

- Пока ты спал, Виктор, мы думали и пришли к выводу, что над нами никакой не ураган, а катастрофа, с которой человечество еще не сталкивалось. Ветер уносит воду с поверхности океана. Представляешь себе его силу?

Терехин пытался переварить услышанное. Он был еще не готов поверить в такую невероятную гипотезу.

- Мне кажется, вы немного драматизируете, товарищ капитан. Отдохните, а я пока возьму управление в свои руки.

Татарчук ответил в неуставной форме.

- Хорошо, Виктор. На самом деле голова кругом, немного сна не помешает.

Командир встал, окинул взглядом рубку, словно хотел убедиться, что никакого бардака за собой не оставляет, что каждый офицер на своем месте и занят делом.

- Виктор, если ситуация начнет меняться в любую сторону, худшую или лучшую, сразу гонца ко мне. Понял?

- Так точно, товарищ капитан первого ранга.

- Ладно, в походе можно без этой уставщины.

Татарчук вышел, а Терехин сел на его место. Остальные офицеры, что заступили на вахту вместе с ним приняли доклады от сменяемых. Они так же заняли свои места.

- Докладывайте, что у нас по ситуации? – Обратился он к новой смене.

- Лодка движется по прежнему маршруту, но скорость снижена на пять узлов. Командир отдал этот приказ, чтобы избежать пробития корпуса камнями. – Ответил офицер, ответственный за маршрут субмарины.

- Эхолокация затруднена из-за большого засорения воды твердыми телами. Посмотрите сами, товарищ капитан. – Офицер показал на экран, на котором зелеными контурами вырисовывалось океаническое дно.

В настоящий момент, дно сливалось со сплошной мерцающей стеной.

- Держите глубину с запасом. – Посоветовал он.

- У нас тоже ничего не разобрать. Один сплошной вой. – Доложил акустик.

Он перевел звук на внешний динамик. Рубку заполнил жуткий воющий звук.

- Отключи его, к чертовой матери! – Терехин постарался перекричать вой.

Акустик выключил звук, и стало тихо. Только звуки ударов камней разбегались по металлу корпуса лодки.

- Что с глубиной. Мелеет?

- На ходу сложно определить. Предыдущий замер делали стоя на одном месте.

Терехин решил не предпринимать пока никаких действий. Не могла природа поддерживать такую стихию долго. Он был уверен, что ураган стихнет в его смену. Тогда надо будет всплыть и выяснить, откуда брались камни. Виктор снова поднял к глазам кусок бетона, который выловили из торпедного аппарата. Кусочки щебня, скрепленные раствором бетона, отливали голубоватым цветом.

Его взгляд невольно задержался на полосе коричневого цвета, похожую на след от окислившегося металла. Терехин царапнул ногтем по ней. Полоса немного отшелушилась. Тогда он взял со стола ключи с металлическим брелком и попытался им потереть темную полосу. Она поддалась, из-под коричневого налета блеснул металл.

- Лейтенант Шкиряк, принесите мне какую-нибудь железку, чтобы я разбил этот камень.

Лейтенант-акустик, не задавая лишних вопросов, бросился исполнять приказание. Через минуту он вернулся с разводным ключом. Терехин положил кусок бетона на пол, предварительно подстелив под него тряпку. Буржуйский бетон нехотя крошился под ударами ключа. Наконец, капитан добрался до того места, где был заключен металл. Круглое коричневое пятно открылось под сколотым слоем.

При помощи перочинного ножа Виктор сковырнул кусочек металла, по форме напоминающий монету. Он внимательно повертел его в руках, поднес к свету. Кругляш действительно походил на монету. Терехин ножом, аккуратно соскреб окислившийся слой. Затем положил монету на кусок ткани и потер ею. Из-под темного налета проступил барельеф рисунка. Профиль мужчины, похожего на Авраама Линкольна и дата рядом с ним «1948». Капитан перевернул монету и потер другой стороной. На очистившейся поверхности монеты проступила надпись, немного съеденная, но все равно понятная - «One Cent». И еще мелким шрифтом «United States of America».

Терехин покрутил монету и положил ее на столик, давая взглянуть на нее остальным офицерам.

- Что думаете?

Он дал время, чтобы команда успела рассмотреть монету и попытаться осознать то, что со страшной силой просилось в его мозг. А именно: этот кусок бетона каким-то невероятным образом пролетел тысячи миль от Америки и плюхнулся прямо на их лодку. Ему стало суеверно страшно, когда он представил, что творится на поверхности. Какой силы должен быть ветер, чтобы сделать такое? В этот момент, что-то тяжелое зацепило лодку и со скрипом проехалось по корпусу.

- Всем проверить течи в корпусе! – Отдал он приказ.

Офицеры разнесли его по лодке нижестоящим членам экипажа. Все стали напряженно ждать докладов на время забыв про монету. Доклады стали поступать один за другим. К счастью, течь не была замечена ни в одном отсеке. Офицеры в рубке управления снова вернулись к монете.

- Одноцентовая монета, американская. – Произнес старший лейтенант Горемыхин.

- Каким ветром ее сюда занесло? – С иронией спросил Терехин.

Горемыхин понял ход мыслей капитана. Он как-то недоверчиво посмотрел на Терехина.

- Нет, нет, не думаете же вы, товарищ капитан, что ее сюда принесло ветром?

- Хотелось бы не думать, но выводы напрашиваются сами собой.

- Да, бросьте. Ветер развалил здание из бетона на кусочки и понес его по ветру? Нет, товарищ капитан, это чересчур смело. Я бы даже сказал, что это гипотетически невозможно.

- Хорошо, невозможно, так невозможно. У кого-нибудь есть версия, как этот кусок дрейфующего бетона прибился к нашей лодке? И что мы зацепили несколько минут назад?

Команда не привела ни одно разумного довода, но и позицию Терехина никак не хотела принимать. На их взгляд она была чересчур фантастической. В итоге, все пришли к мысли, что всплытие, после того, как закончится ветер, все расставит по своим местам. Позиция остальных немного успокоила капитана. Кто знает, что там творится на поверхности? Так можно чего угодно напридумывать и запугать себя.

Была середина смены, когда вахтенный офицер доложил, что нагрузка на энергетическую установку гораздо выше, чем положено при такой скорости.

- Почему? – Спросил Терехин.

- Течение сильное встречное, сопротивление высокое. – Ответил офицер.

- Всё не слава богу. – В сердцах произнес капитан. – Здесь же отродясь не было никаких течений? Мы правильным курсом идем?

- Так точно, товарищ капитан.

Терехин маршрут выдвижения лодки наизусть. Он был записан у него в голове до мельчайших подробностей. Если течение было встречным, значит, двигалось оно на северо-восток. Гольфстрим они миновали, да и не влиял он на скорость субмарины до такой степени. Выходило, что ветер разгонял и воду, создавая другие течения.

К нему снова вернулась тревога. Если ветер не стих, то он уже мог подбираться к Мурманску. К его дому, где остались жена и дочь. Как ему хотелось сейчас оказаться вместе с ними. Спрятать своих женщин, укрыть их от опасности. Он бы точно придумал, где можно спастись от такой стихии.

Можно было бы уехать в деревню, и спрятаться в погребе у родителей. Там и стены были бетонными и провизии на полгода припасено. Виктор был уверен, что стихия, если и достигнет его Мурманска, то значительно потеряет силу. Но страх за семью был. Его женщины, привыкшие к тому, что он всегда все решал за них, будут до последнего сидеть дома, не предпринимая никаких действий. Раньше Виктор был уверен, что это порядок, это правильно, но сейчас ему хотелось, чтобы они плюнули на порядок и сбежали из города, куда глаза глядят.

Неожиданно Терехина словно током ударило. Он вспомнил, что дочь собиралась отправиться в поход на плато Путорана. Вика, перед тем, как отцу уйти в поход, несколько раз подходила за одобрением ее планов. Он, ведь сам, как строгий отец, запрещал ей, а теперь готов был кричать, чтобы она не меняла их.

Забыв на время о неприятностях, семья молчком жевала ароматное мясо, похрустывая песком на зубах. Удивительно, но дома мясо с песком никто есть бы не стал, а здесь даже никто не морщился. Егор почувствовал, что между всеми членами семьи появилось некое сплочение. Тамаре, по характеру, нужно было бы причитать и жаловаться на судьбу, а она вместо этого самозабвенно сдирала зубами мясо с шампура и жевала его, как голодный волк. У Матвея все признаки трудного подростка исчезли напрочь. Дома он всегда ел, глядя одним глазом в экран телефона, а тут проявил несвойственную ему заинтересованность в приготовлении шашлыка, и за все время даже не достал телефон. План Егора срабатывал, и ветер ему здорово в этом помогал.

Вино осталось в машине. Для большей романтики его очень не хватало. Егор поднялся.

- Ты куда? – Спросила его Тамара.

- Вино попробую достать из багажника.

- Не стоит, Егор, и без вина хорошо сидим.

- Если там ветер не стих, я не полезу.

- Я с тобой. – Подорвался сын.

- Я вас одних никуда не пущу. – Строго сказала Тамара.

В итоге, на выход из пещеры пошли вчетвером. Издалека стало понятно, что ветер не стих. Узкий тоннель гудел, как пионерский горн. Даже на ощупь ладони чувствовалась вибрация его стен.

Когда подошли к выходу, Матвей выглянул наружу через плечо отца.

- Ни фига себе! Вот это ураган! – Ему пришлось перекрикивать вой ветра.

К ветру прибавился дождь. На заднем стекле машины дрожали несколько грязных капель. Ветер, обдувая гору с высокой силой, создавал прямо за ней зону низкого давления. Перед входом, на расстоянии пары метров от стены, можно было даже немного прогуляться. Егор схватился за трос и, держась за него, подошел к машине. Ветер рвал на нем одежду, сбивал с ног. Открыл багажник и вынул из него сумку, в которой было вино. Попытался захлопнуть крышку, пересиливая ветер. Вдруг, в плечо ему что-то ударило. Егор выронил сумку и схватился за плечо. Ветер тут же потащил сумку, разгоняя ее по земле, и буквально через пару метров поднял в воздух и запустил как из пращи.

Егор по тросу вернулся в пещеру. На рукаве расползлось кровавое пятно.

- Что это? Откуда? – Испуганно спросила Тамара. – Снимай рубашку, рану надо обработать.

Катюшка прикрыла рот рукой от испуга и во все глаза смотрела, как отец снимал рубашку, морщась от боли. Егор включил фонарик и посветил на руку. Из окровавленной ранки что-то торчало. Набравшись терпения, ухватил двумя пальцами и вытянул из раны осколок.

- Что это? – Спросила Тамара.

- Камешек, кажется? – Предположил Егор.

- Не поняла, а почему он пробил тебе руку, это же не пуля?

- Знаешь, что я думаю об этом урагане? – Заинтриговал Егор супругу.

- Что?

- А то, что таких ураганов в наших краях еще никогда не было. Кусочек такого камня должен лететь со скоростью болида формулы один. Примерно. Это около трехсот километров в час, можете себе представить? Таких ветров и не бывает, тем более у нас. Скорее всего, там камнепад наверху случился, кусочек откололся и влетел мне в руку.

- Слушайте меня все! – Строго и беспрекословно произнесла Тамара. – На улицу до конца непогоды никто не выходит. Понятно?

Предупреждение относилось по большей части к Егору. Супруга задержала на нем свой взгляд, ожидая реакции. Егор согласно качнул головой. Словно в ответ на ее предостережение где-то наверху раздался страшный грохот. Он приближался, сотрясая стены тоннеля, пока не закончился камнепадом где-то совсем неподалеку. Егор показал Тамаре, что идет узнать последствия, несмотря на ее предупреждение. Вернулся он через минуту очень взволнованным. В его глазах застыл страх.

- Идемте вглубь пещеры. Рану надо обработать.

Семья перебралась со всем скарбом на десять метров дальше от входа. Тамара промочила ватку муравьиным спиртом, входящим в состав аптечки первой помощи и протерла рану на руке супруга. Егор втянул воздух через зубы, сдерживаясь от боли.

- Что ты видел? – Спросила Тамара шепотом.

- Ветер двигал камни, словно они из пенопласта, представляешь?

- Да ладно? Может они еще по инерции катились?

- Я что не могу отличить, когда по инерции, а когда их ветром катит. Я тебе серьезно говорю, с погодой что-то не так.

Тамара намотала вокруг раны бинт, раздвоила конец и завязала.

- Выбора у нас нет, будем ждать конца непогоды. Надеюсь, к утру все стихнет.

- Надеюсь. – Вздохнул Егор.

Шашлыка, как всегда, было приготовлено намного больше, чем могла съесть семья за один раз. Половина из пожаренного мяса была не съедена и в ведре еще оставалась чуть ли не половина маринованного. На сытый желудок всех потянуло спать. Всё, на чем можно было прилично поспать, находилось в машине. Палатка, надувной матрас. Если непогода продолжится до самой ночи, Егор понимал, что в машину придется лезть снова.

- Матвей! – Неожиданно громко обратился к сыну Егор. – Мне понадобится твоя физическая помощь.

- Что ты задумал? – Тревожно спросила Тамара.

- Есть одна идея. Выходить из пещеры для этого не понадобится. – Успокоил ее Егор. – Я хочу попробовать подтянуть машину за трос к самой пещере. Не будем же мы спать здесь на голом камне?

Матвей встал, готовый помочь отцу.

- А я, что, не помощница что ли совсем? – Возмутилась Тамара. – Вечно вы без меня обходитесь.

- Ну, пошли, раз сама напросилась.

Они вышли через узкий проход к выходу. Уши закладывало от шума идущего снаружи. Егор встал первым за трос, за ним сын и супруга.

- Дергаем под счет, ясно? Я считаю. – Громко предупредил он.

Тамара снисходительно улыбнулась его командирскому тону.

- Давай уже. – Произнесла она.

- Ииии, раз! – Толчок слегка двинул автомобиль. – Ииии, два! – Колеса снова сдвинулись на пару сантиметров. – Давайте еще, поднатужимся! Ииии, раз! Ииии, два!

Машина подавалась на рывки, но тут же возвращалась на исходную позицию, отмерянную длиной троса. Она к тому же стояла на ручнике, что совсем не помогало двигать ее. Помучившись и быстро потеряв силы, Егор бросил бесплодные попытки. У него возник новый, но более рискованный план.

- Я быстро! Отойдите немного вглубь! – Предупредил он.

Не успев дождаться возмущений жены, выскочил из пещеры, держась одной рукой за трос, второй открыл багажник. Ветер хлестал по телу, будто состоял не из воздуха, а из более плотного вещества. Пробравшись через ворох всего, что они взяли на этот пикник, Егор очутился на водительском кресле. Вставил ключ в замок зажигания. На долю секунды бросил взгляд в грязное лобовое стекло. Сквозь мокрую грязь на нем была видна только непроницаемая стена ветра несущего всё, что удалось сорвать с поверхности. Мотор завелся. Егор включил заднюю скорость и отпустил ручник. Машину дернуло вперед с такой силой, будто сзади кто-то ударил другим автомобилем. Машину опасно потянуло вперед. Егор надавил на газ, покрышки засвистели, но ощутимого движения назад не происходило. Егору стало страшно. Что если его сейчас сорвет и унесет? А это было очень вероятно, опрометчивый героизм мог обернуться вполне вероятной гибелью. Ему стало страшно за семью. Не хотелось оставить их одних в таких смертельных обстоятельствах.

Глава 2

Глава 2

Егор взял себя в руки. Отпустил газ и попробовал двигаться назад рывками, проговаривая про себя команду «ииии, раз!». Машина поняла его и понемногу стала подаваться назад. Он остановился только когда услышал скрежет сминаемой о скалу пятой двери. Буквально через секунду после остановки прямо перед носом автомобиля с жутким грохотом свалился огромный камень. Брызги осколков ударили в лобовое стекло, мгновенно превратив его в непроницаемую паутину трещин.

Егор представил, чем могла закончиться задержка всего на несколько секунд. В машине оставаться было очень опасно. В задний проем, оставшийся без стекла, уже заглядывали Тамара и Егор, у обоих по лицу текли слезы. Егор выбрался и хотел повиниться перед женой, но увидел ее ладони сорванные в кровь.

- Ты…, ты… придурок! – Сквозь слезы сказала Тамара и упала Егору на грудь.

- Прости, прости. – Егор целовал ее в макушку.

Рядом стоял Матвей, молча вытирая слезы со щек, размазывая по лицу кровь такими же сорванными ладонями.

- Мы поняли, когда ты стал дергать, что надо тянуть под счет, и у нас получилось. – Всхлипывая, проговорил сын.

- Простите меня, не рассчитал я немного.

Егор понял, что не только его техническое ухищрение, но и сообразительность жены и сына позволили ему не погибнуть.

- Давайте, вытащим все из машины, пока ее опять не унесло.

Егор вынимал из машины вещи и бросал за собой. Для идеального пикника он взял четырехместную палатку. Под нее занял у товарищей пару спальников к своим двум. Взял из личного запаса ни разу не использовавшийся за много лет надувной матрас, две пятилитровки с питьевой водой, три газовых баллона для туристической газовой плитки, многофункциональный инструмент, типа топора-пилы-лопатки, а так же немного консервов, на всякий

случай. Егор вынул из машины все до чего смог дотянуться, даже запаску и резиновый коврик из багажника.

Прежде, чем тащить все это вглубь пещеры Егор перевязал раны Тамаре и сыну.

- Катюх, ты сегодня за старшую, ухаживай за нашими ранеными, хорошо? – Серьезно обратился отец к дочери.

- Аха, поняла. Пить хотите? – С места в карьер взяла дочь.

До России урагану оставалось несколько часов. Игорь сам был из Новосибирска и пока был уверен, что ураган потеряет силу, прежде чем достигнет его города. Семен же был погружен в печальные мысли. Его семья жила в Подмосковье. Он пытался соединиться с ними, чтобы предупредить, но ничего не получилось. В ЦУПЕ уже никто не занимался этим, а дежурный по секрету сказал, что до людей не будут доводить о наступающем урагане, чтобы не допустить ненужной паники. По его словам, спрятаться от ветра, состоящего наполовину из камней и наполовину из морской воды, негде, поэтому смысла предупреждать о неизбежном, нет. Если ураган прекратится, то ничего и не произойдет, а паника может нанести больший вред.

Этим он еще сильнее расстроил Семена, мучавшегося невозможностью предупредить семью.

- Все равно, мне это кажется бесчеловечным. – Произнес космонавт. – Так у людей был бы шанс.

- Я понимаю тебя. Семен, но подумай, куда можно спрятаться от урагана в Подмосковье. Особенно если сразу образуются пробки на всех трассах. Да и подожди ты переживать, стихнет ураган, не дойдет он до нас.

- Стихнет? – Вспылил Семен. Его подвел голос, поднявшись на последней гласной чересчур высоко. – Смотри, ни на метр не упала скорость за несколько часов. С чего бы ему стихать?

- А с чего бы ему было начинаться вообще? Никто не может объяснить внятно природы его появления. Кто знает, сколько он продлится?

- Ждать невыносимо. Это наверно, как время перед казнью. Ждешь смерти, но надеешься на помилование.

- Семен, прекрати впадать в депрессию раньше времени. Что я буду делать, когда двое космонавтов из экипажа находятся в сомнамбулическом состоянии?

- Игорь, а ты вообще понимаешь, что половины планеты уже нет? Там все погибли, понимаешь? Миллиарды людей уже на небесах, и родители Джейн, скорее всего, тоже.

- Семен, всё, хватит! Не думал, что ты такой паникер. Вот тебе камера, вот цифры, совмещай и отправляй в ЦУП!

Семен нехотя принялся за работу. Игорь почувствовал, как в нем закипела кровь от негодования. Он терпеть не мог, когда в сложной ситуации люди начинали портить ее еще сильнее. Где-то психологи недосмотрели за Шапиро. Порог стрессовой устойчивости для его психики оказался низковат. Кружалин взялся за свою работу, которая могла скоро никому не понадобиться, но она отвлекала от плохого настроения и дурных мыслей.

- Товарищ капитан, смотрите. – Вахтенный офицер показывал на навигационную карту. – Мы проходим это место. Здесь малые глубины, местами до полукилометра. А теперь посмотрите на показания гидролокатора.

Офицер сделал паузу, чтобы дать начальнику самому рассмотреть значения. Они колебались в районе трехсот восьмидесяти метров.

- Ста метров над нами не хватает?

- Так точно, товарищ капитан. Мы этими путями не раз ходили, не было здесь ни разу меньше пятисот метров.

- А может быть, из-за шума глубиномер врет?

- Не думаю, товарищ капитан. Смотрите, дно здесь ровное, а показания постоянно бегают, вверх-вниз. Над нами сейчас гигантские волны и даже не волны, а такие валы, по нескольку сот метров в длину. Смотрите, смотрите. – Он ткнул в показания прибора.

На мельтешащем экране значения глубины, задержавшиеся на отметке более четырехсот метров, снова ухнули до трехсот восьмидесяти. Терехин физически ощутил, как обрушился сорокаметровый вал воды. Он не мог понять, это игра воображения или на самом деле. Ему показалось, что лодку колыхнуло, повело в сторону. Но никто из команды не проявил беспокойства. Терехин взял себя в руки. Перед командой он должен быть само спокойствие и выдержка.

Командир Татарчук вернулся в рубку спустя четыре часа. Смена Терехина подходила к концу. Командир был взъерошен и зол. Он выслушал доклад дежурного и повернулся к Терехину.

- Глаз не сомкнул. Как в новой квартире, когда у всех ремонт вокруг. Честно говоря, я был уверен, что ураган скоро закончится. Ан, нет, продолжается, как ни в чем не бывало. И всплыть нельзя, чтобы радио послушать. – Посокрушался командир.

- Да, информация нам бы не помешала. Им-то со спутников все видно, когда он закончится. – Поддержал командира Терехин. – Смотри, командир, что мы добыли из куска бетона.

Терехин поднял монетку, подкинул ее и поймал. Затем протянул командиру, наблюдая за его реакцией. По лицу Татарчука проскользнула мина удивления, сменившаяся тревогой.

- Да как же это так? Нет, не может быть? До Америки сколько, чтобы вот так булыжники по воздуху летали? Может быть, мы не в курсе, тут где-нибудь острова насыпают искусственные? Хотя, что я говорю, какие острова? Мы бы знали уже.

Татарчук потер ладонью голову, разгоняя кровь по подкорке, чтобы усилить мыслительный процесс.

- Выходит, наши догадки верны. Матушка Земля взбунтовалась и устроила нам большой выход с наподвыподвертом. – Произнес он задумчиво.

Командир бросил слегка отрешенный взгляд по всем, кто находился в рубке. Прошелся по ней, задевая за все, что можно, но не замечая этого.

- Где мы? – Татарчук остановился и резко спросил у вахтенного.

Офицер назвал координаты. Татарчук подошел к висящей на стене карте с глубинами и ткнул пальцем в то место, где сейчас находилась подлодка.

- Товарищ капитан второго ранга! – Обратился командир к Терехину. – Что скажете, если ветер не успокоиться и будет сдувать воду с той же силой, успеем мы соскочить с мели?

Вопрос застал помощника врасплох. Он не думал о том, что ветер сможет продержаться столько времени и не прогнозировал подобные опасности.

- Товарищ капитан, движение лодки слегка затруднено встречным движением. Думаю, что за два дня, как при нормальном движении, у нас не получиться достичь миновать небольшие глубины.

- Это если идти по намеченному маршруту. – Заметил командир.

- Но, ведь, мы не имеем права менять его.

- На случай непредвиденных обстоятельств я имею полное право его изменить. – Татарчук подошел к вахтенному офицеру. – Меняем маршрут, движемся строго на запад. Сократим путь минимум на полсуток.

Смены поменялись, как и положено было по дежурству. Чрезвычайная ситуация не внесла корректив в работу экипажа субмарины. Нужды в том, чтобы Терехин остался в рубке, не было. Капитан прошелся по коридорам судна, прислушиваясь, как падающие сверху предметы проверяют на прочность корпус корабля. Матросы бросали на него любопытные взгляды. Их никто не ставил в известность и, вероятно им не терпелось узнать, что творится снаружи подводной лодки.

- Товарищ капитан, разрешите обратиться! – дорогу капитану перерезал старшина первой статьи Заремба.

- Разрешаю.

- Разрешите узнать причину этих звуков по корпусу нашей лодки? Мы, что, попали в метеоритный поток?

- Ха-ха, смешно, Заремба. Это твой дембель стучится, а мы ему не открываем, потому как на секретном задании.

- Ну, серьезно, товарищ капитан второго ранга. Очень напрягает неизвестность, даже страшно как-то.

- Значит так, товарищ старшина первой статьи, командованию доподлинно неизвестно, что там творится на поверхности. С большой долей вероятности могу сказать, что там случился невероятный ураган, которому удалось поднять с суши довольно крупные и тяжелые предметы. Они-то и барабанят по нашей лодке. Уяснили?

Заремба неопределенно мотнул головой. Видимо, он прикинул ближайшее расстояние до суши.

- Вам же приказали внимательно следить за возможными протечками в корпусе?

- Так точно!

- Действуйте.

Терехин пошел дальше, желая убедиться, что в каждом отсеке есть дежурный. Он дошел до торпедного отсека, расположенного в самом носу субмарины. Здесь звук ударов слышался громче. Дежурные матросы, завидев командира, встали по стойке «смирно». Один из них попытался сделать доклад, но Терехин перебил его.

- Ладно, давайте без этого, просто бдите во все глаза. У вас тут очень ответственный пост.

Терехин задержался в отсеке. Он проверил каждый закоулок в нем, чтобы лично убедиться в отсутствии опасности. Удары гулко разносились по отсеку. Можно было представить себя внутри огромного колокола, по которому стучат молоточками. К счастью, корпус лодки был рассчитан на большие нагрузки. Он достойно справлялся со всем мусором, ударявшимся о корпус. Это немного приободрило капитана. Он вернулся в кают-компанию в более-менее хорошем настроении.

Свободные от смен матросы проводили свой досуг в каюте за всякими разрешенными на борту вещами. Кто играл в нарды, кто читал имеющиеся на борту книги, некоторые матросы разговаривали вполголоса между собой. Капитан взял в руки первый попавшийся журнал, открыл его на середине и попробовал развлечь себя чтением. Как назло, на развороте была статья, посвященная годовщине гибели «Титаника». Терехин закрыл журнал. Внутри него затаилось чувство, будто он должен что-то предпринять, но что именно, понять не получалось. Это чувство напрягало и не давало ему сосредоточиться.

Устав от бесполезного напряжения сил, он присоединился к играющим в нарды. Незаметно для себя самого азарт игры захватил его. Неприятное тянущее чувство осталось за бортом. Бодрствующая смена сменилась отдыхающей. Виктор Терехин отправился в каюту. Под мерный стук по корпусу субмарины, он уснул.

Теперь Игорь понимал, что Семен имеет право впасть в депрессию. Ураган прокатился по Москве и окрестностям в полную силу. Осознать это, понять, что твои родные погибли, пока ты преспокойно болтаешься на орбите, и ничем не можешь им помочь, было почти невозможно. Сердце надрывалось от чувства жуткой несправедливости. Семен подвывал в углу, но Игорь его не трогал.

Связь с ЦУПом пропала. Им никто не оставил инструкций напоследок о том, как действовать в автономном режиме. Да и кто бы стал это делать? Это все равно, что сказать: «Прощайте, друзья, мы все погибнем скоро, а вы там соблюдайте инструкции, которые мы вам оставим». Кому это интересно, как и куда приземлится экипаж корабля, когда в живых никого не останется.

В отсеке появилась опухшая от слез Джейн. В руках она держала бутылку калифорнийского вина из долины Напа.

- Это мне передали на день рождения, но сейчас повод более достойный. Надо помянуть человечество.

Для Игоря ее слова прозвучали немного кощунственно. Его семья была еще жива и здорова. Ураган не добрался до Урала, и ему изо всех сил хотелось верить в то, что он не доберется. Жена, двое пацанов, его родители, родители жены, братья и сестры. Все жили в самом Новосибирске и окрестностях. В голове не укладывалось, что они могут разом погибнуть. Сыновья передали ему с последним «Прогрессом» рисунки, на которых папка летает, привязанный к кораблю веревкой с бантиком. Рисунки вызывали у него слезы умиления, поэтому пить за упокой человечества он считал преждевременным.

- Джейн, у меня нет пока желания. Извини.

- Твои еще живы, да?

Игорь кивнул головой.

- А у Семена?

Семен никак не отреагировал на ее вопрос. Игорь согласно кивнул головой.

- Понятно. Рано зашла.

Джейн уплыла к себе.

Работа не клеилась. Мысли против воли перескакивали на то, что сейчас творилось на Земле. В итоге Игорь бросил ставший теперь бесполезным труд и просто уставился в иллюминатор. Когда станция проходила над теми местами, которые были затянуты сплошным покрывалом урагана, Игорь терял ориентир, не понимая, над какой территорией планеты они пролетают. Обогнав полосу наступающего урагана, требовалось время, чтобы узнать местность.

Граница урагана накрыла собой всю европейскую часть страны, приблизившись вплотную к Уральским горам. До Новосибирска стихии оставалось два часа. Игорь поймал себя на том, что собирается просидеть у иллюминатора вплоть до тех пор, пока ураган не достигнет его родного города, либо не прекратится. Серо-коричневый фронт ударился о горы. Его однородное состояние нарушилось завихрениями, вызванными обратными потоками и завихрениями между вершинами.

Игорь представил себе людей, которые в этот момент выбрались на прогулку в горы. Что же они видели с земли, и сколько секунд жили, после того, как он настигал их?

Это было невероятно, но Егор отметил, что ветер и не собирался стихать, напротив, он усиливался. В голове не укладывалось, как такое вообще возможно. Мир гудел как мощный трансформатор. Он ярко представил, как несомые ветром со скоростью пули предметы, непрерывно сталкиваются, бьются и перетирают в труху все, что попадается им на пути. Что было бы с ним, если бы его унесло ветром в автомобиле? Наверняка, не прожил бы и нескольких секунд. Егор предположил, если они находятся в центре некоего аномального урагана, то по возвращении домой нужно будет рассказать ученым, каких скоростей достигает ветер в самом эпицентре. Просто невероятная удача, что они оказались живыми свидетелями жуткой стихии, которым есть что рассказать.

- Как погода? – Спросила Тамара, когда Егор свалил перед семьей остатки вещей.

- По-моему, ветер еще усилился.

- Этого не может быть, он и так дует, как бешеный.

- Хорошо, что мы в пещере, правда? Нам ветер ничего не сделает здесь. – Уверенно проговорила Катюшка, вращая линзу налобного фонаря и забавляясь с пучком света.

- Конечно, дочь, тут нам ничего не страшно. К завтрашнему утру ветер стихнет, и мы спокойно поедем домой.

Егор придал голосу максимальной уверенности, но внутри такой уверенности не было. Дабы отвлечь семью от ненужных мыслей отец семейства решил показать им то, ради чего и задумал путешествие в пещеру. Для начала решил найти ту надпись, которую сделал на стене пещеры, впервые увидев Тамару. Это заняло некоторое время. Стены за пятнадцать лет сплошь покрылись надписями страждущих оставить о себе напоминание туристов. Надпись, сделанная фломастером, немного поблекла, но все равно еще хорошо читалась.

- Идите сюда! – Позвал всех Егор. – И смотрите под ноги!

Семья не сразу сообразила, зачем отцу понадобилось их звать. Они нехотя поднялись и, раскидывая ногами мусор, подошли.

- Зачем ты нас звал? – Первой спросила дочь.

Егор направил луч фонаря на надпись на стене. Там было написано имя «Тамара», и вместо каждой гласной «а» стояло сердечко. После имени стояла дата написания сего романтического шедевра.

- Это день, когда мы с мамой познакомились. – Егор провел светом фонаря по лицам семейства, чтобы увидеть их реакцию.

Детей, как и ожидалось, не очень тронула романтичность момента, Матвей даже зевнул. Но на Тамару надпись произвела правильный эффект. В ее глазах, в свете фонаря, свернули слезы. Она не удержалась и уткнулась в плечо Егора, шмыгая носом.

«Хоть что-то сегодня идет как надо», пронеслось в голове Егора.

В отсутствии вина романтический момент можно было поддержать чаем. Егор перебрал все свои запасы и нашел несколько пакетиков черного чая с фруктовым вкусом. Собрал газовую плитку и приготовил чай. Семья пила чай, шмыгала носами, и молчала. У всех одновременно появилось желание помолчать, углубившись в свои мысли. Егор думал о работе, о своих коллегах. Не сказать, что их коллектив был настолько дружным, чтобы скучать о нем по выходным, но именно сейчас Егор хотел бы их увидеть или хотя бы созвониться. Он, не задумываясь, вынул телефон. Сети не было.

Тамара вспоминала хронологию своей семейной жизни, отмерянную отрезком между посещениями Черной пещеры. К ее удивлению, она не могла вспомнить ни одного серьезного события, из-за которого могла бы серьезно не любить мужа. Какие-то мелкие склоки и неуступки с обеих сторон возвели между ними стену взаимного неудовольствия. Сейчас обиды казались глупыми, и Тамара даже почувствовала вину перед самой собой, как будто предала надежды молодой себя.

Матвей, скрывал от родителей свою первую юношескую влюбленность. Ему нравилась девочка на два года старше него. Её образ постоянно стоял у него перед глазами, а теперь ему патологически хотелось увидеть ее. Он отвернулся ото всех и уткнулся в телефон, рассматривая снимки Юли, сделанные тайком от нее.

Катюшка в этот момент думала о Барсике. Ей представилось, как бедный кот смотрит в окно на свирепствующую стихию и сильно переживает за семью.

В возникшей тишине было слышно, как почти на уровне инфразвука гудит пещера. Гора вибрировала, как колокол. Егор снова

достал телефон и проверил время. Был уже вечер, а ветер и не думал стихать.

- Пойду, гляну, как там. – Поднялся Егор.

- Я с тобой. – Тамара переживала за мужа, склонного к необдуманным рискованным поступкам.

- Я с вами. – Засобиралась дочь.

- А я вас здесь подожду. – Сказал Матвей, надеясь спокойно полюбоваться снимками Юли.

Ветер продолжал неистовствовать. Проход наружу не светился как обычно. На улице было темно, хотя время было еще вечернее и солнце не должно было уйти за горизонт. Снаружи тянуло сыростью. Егор прикрыл дверь багажника автомобиля, оказавшуюся мокрой. Не задумываясь, Егор попробовал на вкус влагу. Вода оказалась соленой.

- Дождь соленый почему-то? – перекрикивая шум, сообщил Егор.

- С чего бы? – Удивилась Тамара.

Она высунула руку из пещеры и провела ею по мокрой стене, после чего проверила ее на язык.

- Точно, соленая, как морская вода. Дождь, наверно, размыл какие-то минералы в скальной породе. После камнепада добрался до чего-нибудь.

- Наверно. – Согласился муж.

Разговаривать в таком месте было тяжело, да и разглядывать особо было нечего. Семья вернулась назад в пещеру.

- Как там? – Спросил Матвей.

- Так же. – Скупо ответил отец. – Давайте укладываться спать.

- Да! – Радостно поддержала его Тамара. – Утром проснемся, а на улице солнышко и ветра нет.

Егор принялся накачивать матрас. Матвей достал и развернул палатку. Решено было воспользоваться ею как одеялом. В пещере было свежо. Матвей отказался спать со всеми вместе на одном матрасе, сославшись на тесноту.

- Я в спальнике буду спать. – Отрезал он.

Егор включил режим в фонаре, когда светился всего один диод, здорово экономя аккумулятор. Катюшка легла между отцом и матерью. Егор положил руку на обеих. Несмотря на перенесенные за день неприятности, сон сморил всех моментально. Разбудил Егора сын. Матвей тряс отца за плечо.

- Пап, пап, проснись. В пещеру вода идет.

Егор резко сел, туго соображая после сна.

- Пап, вода кругом. Мой мешок весь намок.

Егор встал. Под ногами зачавкала жижа. Он включил фонарь посильнее и осветил пространство вокруг. Вода подняла весь мусор и блестела в лучах фонаря почти по всему пространству пещеры.

- Так, так. – Егор вскочил.

Сообразительность спросонья работала очень медленно.

- Что делать, что делать? – Заметался Егор.

К счастью, пол пещеры был неровным, и временно, можно было перенести матрац на сухое место. Егор разбудил жену. Тамара, быстрее пришла в себя. Сказывался материнский опыт.

- Вы с Матвеем отнесите матрас вон туда. – Егор посветил на ровную сухую площадку, находившуюся выше уровня воды. – А я Катюшку пока на руках подержу.

Тамара и Матвей перенесли матрас. Егор осторожно положил, так и не проснувшуюся дочь и вернулся, чтобы собрать все вещи. Матвей помог ему. Они собрали и сложили все необходимое рядом с матрацем. Все что нужно было высушить, развесили на выступах стен. Тамара помогала своим мужчинам, но что-то злобно нашептывала себе под нос.

- Пойдем, посмотрим, что можно с этим сделать. – Сказал Егор сыну, дабы не слышать ядовитого шипения супруги.

Вода в проходе текла с шумом и напором. Она достигала колен. Егор снова попробовал ее на вкус. Она все еще была соленой. Это было совершенно непонятно. Даже если дождь размыл породу, то это могла быть только соль, причем в виде песка, чтобы так быстро растворяться.

Они дошли до автомобиля. Егор посветил на свою машину и остолбенел. Поток воды оказался выше автомобиля. Он вогнал её своим давлением еще глубже в проход и обтекал со всех сторон. Машина служила пробкой, не позволяя всей массе грязной воды ворваться в пещеру.

- Пап, а что это? Потоп? – Испуганно произнес Матвей.

- Не знаю, сын, но мне эти погодные светопреставления уже в печенках сидят. Пойдем, посмотрим, куда можно направить эту воду, чтобы не затопило пещеру.

В противоположном от входа конце пещеры находились несколько небольших проходов ведущих в тело горы. Егор очень рассчитывал, что некоторые из них ведут вниз. Горы мусора, застрявшие у одного из проходов в который уходила вода, напрямую говорили о том, что здесь она уходит именно вниз. Отец с сыном принялись разгребать запруду, чтобы дай воде уйти из пещеры.

- Матвей, иди, поспи, а я пока подежурю, потом ты сменишь меня. – Предложил Егор сыну, когда мусор был убран.

Сын, впервые в жизни уставший от физической работы, согласился и ушел. Отец семейства, оставшись в одиночестве, предался размышлениям. В погоде творилось что-то неладное. Откуда взялось столько соленой воды, когда до ближайшего ее источника не меньше полутора тысяч километров? Может быть, ураган разворотил какие-нибудь солевые шахты и несет их содержимое по воздуху. А ураган такой силы, откуда взялся? Егор снова вспомнил, как ветер подхватил тяжеленные валуны. Определенно, с погодой было что-то не так. И хорошо бы, чтобы эта непогода не разошлась далеко от этих мест, иначе быть беде. В какой ловушке они оказались? И на улицу нельзя выбежать и здесь можно утонуть. В душе зрело возмущение. Оно не было направлено кому-то конкретно, просто на обстоятельства, а так же на собственную беспомощность совладать с силами природной стихии.

Егор сделал пометки на камне, чтобы определять, что происходит с уровнем воды. Пока он спадал, благодаря тому, что мусор больше не мешал воде уходить по тоннелям. Низкий гул, передаваемый стенами пещеры, не стихал. Следовательно, ветер, даже после того, как начался дождь, не стих. Странно, что при такой грозе совсем не слышались раскаты грома. Да разве только это странно? Странным, Егору казалось все происходящее.

Он примостился на камне поудобнее, подтянул под себя ноги и незаметно задремал. Разбудил его телефон в кармане. Спросонья ему показалось, что кто-то звонит. Егор полез в карман, судорожно пытаясь вытянуть из него телефон, но когда телефон оказался у него в руке, он увидел, что это будильник, заведенный на шесть утра.

Егор упрекнул себя за то, что уснул и подсветил свои метки уровня воды. Уровень держался на одном месте. Хоть что-то

оставалось стабильным. Егор решил прогуляться к выходу, чтобы разведать обстановку снаружи.

Вода, или правильнее сказать густая жижа, изолировала пещеру от шума ветра. Черные струи грязи все такие же соленые на вкус, обтекали автомобиль со всех сторон. Здесь тоже ничего не изменилось. Небесные хляби, исторгнувшие в мир потоки воды, и не думали закрываться.

Егор притронулся к стене. Она ощутимо дрожала под рукой. Стихия не ослабевала. Он поводил фонарем в разные стороны для порядка. В его силах было только констатировать какие-нибудь изменения, да еще сокрушаться над уничтоженным автомобилем. Верного друга, ровесника семейной жизни под крышу затянуло грязью. Вряд ли теперь он подлежал восстановлению. Егор не помнил, был ли в страховке пункт порчи автомобиля в результате стихийного бедствия. Если нет, то семье придется туго без машины.

Он вернулся в пещеру. Тусклый свет единственного диода освещал Тамару, и свернувшуюся в районе живота Катюшку. Его девчонки безмятежно спали. Матвей спал рядом, в другом спальном мешке. Заняться было нечем, и Егор решил проверить припасы, чтобы приготовить завтрак.

Мангал с углями остался в воде. Вода не достала до них, но повышенная влажность привела к тому, что угли наотрез отказались разгораться. В мангале стоял котелок, в котором лежал недоеденный шашлык. Егор вынул котелок и поставил его на разожженную газовую плитку. Спустя минуту по пещере разнесся ароматный запах. Девчонки заводили носами и заворочались.

Первой проснулась Тамара. Она сонно таращилась во тьму, в которой был виден только силуэт Егора и маленький синий цветок газового пламени. Егор помахал ей.

- Как погоды? – Спросила Тамара.

- Без изменений. Вода так и херачит в пещеру. Ветер тоже еще не стих.

- А времени сейчас сколько?

- Почти семь утра.

- Семь утра. – Эхом произнесла Тамара. – Вот это путешествие мы себе устроили.

- Запомнится надолго. Может это неспроста нам? Чтобы мы почувствовали, что нуждаемся друг в друге? – Это был неплохой повод привязать природную стихию к собственным нуждам.

- Наверно. – Почти согласилась Тамара. – Зачем-то же совпали наше путешествие и этот ураган.

Мясо зашкворчало в котелке. Егор выключил газ.

- Иди сюда, я дам тебе самой вкусный кусочек. – Позвал жену Егор.

Тамара встала, но своими движениями разбудила дочь.

- Как вкусно у вас пахнет. – Пропищала Катюшка.

- Идем и ты, я и тебе дам самый вкусный кусочек.

Дочь, единственный, кто еще не знал, что в пещеру шла вода, поэтому она чуть не свалилась в нее. Тамара вовремя успела ее схватить.

- Ой, а откуда здесь вода? На улице дождь?

- Там все сразу, глядишь, еще и землетрясение скоро начнется. – Зарядил оптимизмом Катю отец.

- Папа шутит. – Тамара с укоризной посмотрела в сторону мужа. – Там уже все заканчивается. Дождик вот-вот закончится, и мы поедем домой.

- Ладно, будите Матвея, будем завтракать.

Хлеб уплыл ночью, поэтому шашлык ели с галетами из армейского сухого пайка. Было вкусно. Егор подсуетился и приготовил напиток из остатков чая и сухого энергетического порошка, так же входящего в состав пайка. После завтрака наступило время, которое нужно было чем-нибудь занять. Егор поручил Матвею справляться об уровне воды и состоянии входа в пещеру. О любых изменениях он приказал сообщать. Своим женщинам он дал поручение проверить все сохнущие вещи, разобрать всё, что можно, и определить, что им может еще пригодиться. А сам с блаженством погрузился в сон.

Игорь не помнил, как долго находился в шоковом состоянии. На станции всем заправляла Джейн, отошедшая от шока раньше всех. Свое вино она выпила в одиночку, не дожидаясь, когда мужчины составят ей компанию. Вся деятельность на МКС свелась к ведению внутреннего хозяйства. Никакой другой работой теперь можно было не заниматься. Все свелось к контролю автоматических систем поддержания жизнедеятельности экипажа и работы узлов станции.

В тот момент, когда ураган накрыл Новосибирск, Игорь был на противоположной стороне земного шара. Когда через двадцать минут он снова оказался над родным городом, стало понятно, что его уже нет. Новосибирск накрыло темным саваном урагана. Что-то щелкнуло в голове Кружалина, какой-то предохранитель, не дающий человеку сразу сойти с ума от осознания, что потерял все. С этого момента Игорь почти ничего не помнил, вплоть до тех пор, пока Джейн не ударила его по щеке и что-то громко прокричала на английском.

Сознание снова вернулось в тело, только это не принесло облегчения. Совсем наоборот. Тоска прочно закрепилась на месте доминирующего чувства. Все что ни делал Игорь, проходило через чувство тоски, как через фильтр, каждый раз заставляя сердце ныть от горькой потери. Не раз приходила мысль покончить со всем одним махом. Разгерметизировать отсек и умереть от гипоксии. Смерть была бы легкой, несравнимой с тем, что пережила его семья и родные.

Вскоре стихия затянула планету полностью. Кроме полюсов, все было закрыто от взора космонавтов серо-коричневой пеленой, меняющей свои депрессивные оттенки в зависимости от положения солнца. Если бы не прежний вид полюсов, можно было бы решить, что внизу совсем другая планета.

Джейн приглядывала за всем экипажем. Она понимала, что ее товарищи могут отпустить какую-нибудь глупость и старалась всегда быть рядом. Ей удалось вернуть Игоря к жизни раньше Семена. Для этого ей пришлось забыть, что она космонавт и вспомнить, что она еще и женщина. Нет, она не охмурила своими чарами Кружалина, не попыталась затащить его в постель, дабы забыться на время. Она собрала тюбики с едой, которые показались ей более уместными для случая, и подплыла к Игорю. Из двоих мужчин Кружалин ей нравился больше, чем Семен.

- Игорь, я тебе принесла еды. Ты уже сутки ничего не ел, я переживаю, что ты скоро начнешь падать в голодные обмороки.

- Знаешь, Джейн, аппетита совсем нет. Я бы попозже поел. Часов через пять или шесть. – Хмуро произнес космонавт.

- Знаешь, как мне говорила в детстве бабушка, аппетит приходит во время еды.

Кружалин усмехнулся.

- Что? – Не поняла Джейн.

- Моя говорила то же самое.

- Выходит, если они считали так, то они правы. Держи, это очень мужская еда. – Джейн буквально заставила Игоря взять у нее тюбик. – Говядина с острым мексиканским соусом.

Кружалин без энтузиазма вставил горлышко тюбика между губами и сжал его. Джейн поступила так же. Игорь почмокал губами, смакуя вкус блюда. Во рту немного зажгло, а желудок отозвался на острое голодным урчанием.

- О, заработало! – Довольно сказала Джейн. – Это аппетит, который пришел во время еды.

- Спасибо тебе, очень вкусно. А ты сама что ешь?

Джейн посмотрела на свой тюбик.

- Фасолевое пюре с кисло-сладким бамбуковым соусом.

- Ты панда?

- Почему?

- Они любят бамбук.

Это и надо было Джейн. Юмор, первый признак излечивающейся психики.

- На второе у нас будет шоколад и сыр. В них содержится серотонин.

- А давай на второе попробуем что-нибудь из нашего.

- А что у вас есть с серотонином?

- Сгущенка с какао.

- А борщ?

- Там же нет серотонина.

- Я всегда хотела попробовать борщ. Я слышала, что у любого народа есть фирменное блюдо, которое характеризует нацию. Вот у нас это гамбургер, потому что мы вечно спешим, и нам некогда готовить. Затолкал все подряд в булку и съел по-быстрому. А вот у вас, борщ, который надо варить несколько часов. Как он характеризует русских?

- Как, как? Я, честно говоря, никогда не думал о борще в таком ключе. Я бы отнес к русской еде пельмени и пирожки. Но, если все же борщ, то наверно это в противовес американскому. Получается у нас много времени, чтобы потратить его на готовку, и борщ не такой калорийный. Получается, что мы нация, у которой полно времени, чтобы готовить и часто перекусывать. – Игорь замолчал. – Была нация?

- Ой, ну всё. Доедай свою говядину и за серотонин. Борщ потом попробуем.

Из глубины сна Терехина выдернул настойчивый вой сирены. Когда до капитана дошло, что воет именно «тревога», он подскочил, как ужаленный. Виктор почувствовал, что с кораблем что-то не то. Пол уходил из-под ног и ощущения были, как во время сильной качки на обычном корабле. Шум, от ударов по корпусу участился и стал громче. Терехин со всех ног припустил в сторону рубки управления.

В тесных коридорах столкнулся с остальными офицерами и матросами, поднятыми по тревоге. В рубке висела физически ощутимая атмосфера тревоги. Татарчук замер перед показаниями глубиномера. Терехин подбежал к нему и был поражен, увидев цифры глубины. Едва двести метров.

- Скребем по самому дну. Молись, чтобы не зацепить чего. – Командир корабля произнес это настолько упавшим голосом, что Терехин невольно проникся страхом.

- Сколько еще до нормальной глубины?

- Сутки хода, не меньше. Тридцать пять узлов идем, почти вслепую. Видишь, что на экране? Рябь одна.

Виктор понял, что если в ближайшие несколько часов они не выйдут на большую глубину, то окажутся на мели. Адреналин выплеснулся в кровь. По рукам прошелся тремор. Взгляд так и лип к экрану прибора. Глубина скакала вокруг отметки в двести. Воды на этой глубине были неспокойны. Огромные водяные валы регулярно сотрясали корпус лодки. В такие моменты она теряла управление и начина ерзать, как автомобиль на лысой резине по гололеду.

Тем, кто дежурил в прочих отсеках лодки, было еще тяжелее. Им приходилось только догадываться о том, что происходит снаружи. Разыгравшееся воображение подкидывало самые страшные варианты развития событий. Специально, чтобы разрядить обстановку и взбодрить экипаж, Татарчук сделал доклад по громкой связи. У одного из матросов сегодня был день рождения. Командир корабля горячо поздравил его и включил песню. Песня была неплохой, но искаженная колонками, не пригодными для передачи широкого диапазона звуков, вкупе с барабанной дробью по корпусу лодки, больше походила на фантасмагорическое представление с элементами скорой ужасной

развязки. После песни во всех отсеках установилась пугающая тишина. Невесело было и самому имениннику.

Как ни пытались избежать контакта с океаническим дном, оно все равно произошло. Над лодкой были чуть больше ста пятидесяти метров воды. Сквозь мерцание падающего на дно мусора, внезапно проступил контур дна, идущего на подъем по левому борту. Автоматическая система управления, пользующаяся датчиками, ставшими близорукими, слишком поздно повернула рули. Корпус лодки сотряс мощный удар. Терехина бросило на пол. Во время падения он ударился головой обо что-то. Из глаз брызнули искры.

Дежурные офицеры тут же стали раздавать команды подчиненным, чтобы те незамедлительно проверили отсеки на предмет повреждения оборудования и травм личного состава. Системы диагностики не выявили повреждения приборов. Удар пришелся по касательной, и возможно, кроме вмятины на корпусе, не оставил других повреждений. Но субмарина, после удара, набрала высоту. Бурлящая, как в котле вода, взяла лодку в оборот.

Субмарина перестала реагировать на рули. Экипаж и все, что было не закреплено, заметалось внутри отсеков. По корпусу молотило так, что казалось, в нем должны были появиться сквозные пробоины. Татарчук ухватился за ручное управление кораблем. Дал полную тягу двигателям, пытаясь стабилизировать субмарину. Виктор Терехин поднялся на ноги, ощупывая ссадину на голове. Его взгляд был направлен на мечущиеся показания глубиномера, показывающего, что лодка находится почти у самой поверхности.

Несмотря на полную тягу двигателей, подлодка потеряла ход. Сильное течение у поверхности постепенно разгоняло корабль в обратном направлении. Командир приказал развернуть ее по течению и заполнить кормовой балласт водой полностью. Маневр был опасным. Неуправляемая лодка могла «клюнуть» в дно. Татарчук, как опытный командир, понимал, на что шел. Он считал эту возможность единственной, чтобы уйти на большую глубину.

Его расчет оказался верным. Лодка стабилизировалась в течение нескольких минут. На экране глубиномера обозначился рельеф дна. Автоматика выровняла корабль. Но глубина была недостаточной, чтобы чувствовать себя в безопасности. Время шло, а воды над головой становилось все меньше. Никто из экипажа лодки не

представлял, что их может ждать, после того, как лодка окажется на мели. Интуиция говорила Терехину, что там гораздо хуже, чем под водой.

- Виктор! – Татарчук позвал Терехина без официоза. – Смотри какая ситуация вырисовывается. – Он ткнул в экран, на котором была интерактивная карта. – До ближайшей котловины, как было сутки хода, так и осталось. Может быть, нам повернуть по течению и через два дня мы снова окажемся на нормальной глубине?

Терехин понимал, какая ответственность лежит сейчас на плечах командира и понимал все его сомнения. Он мог позволить себе более холодный расчет.

- Товарищ капитан…

- Брось, давай по имени.

- Дим, смотри. – Терехин показал свой листок с расчетами. – Примерно каждый час океан мелеет метров на двадцать. Если этот ураган не прекратится, то на этом месте, менее чем через сутки будет голое дно. Если мы повернем назад, и ветер за это время не остановится, то мы точно сядем на мель. А я не представляю, что творится наверху, и не горю желанием это узнать.

- А если снова заденем корпусом о дно или о скалу, например?

- Да не было тут скал, отродясь. Не первый же раз ходим.

Они оба знали здешнее дно, и отговорки командира были попытками скрыть нерешительность.

- Хорошо, Виктор, вперед, так вперед.

Субмарина продолжила путь на запад. Копируя рельеф, используя каждую ложбинку в ней, корабль достиг котловины. Как изможденный ранами и погонями зверь, лодка залегла на глубину. В отсеках стало почти бесшумно. Экипаж расслабленно выдохнул. Виктор Терехин не позволял себе покинуть капитанский мостик, до тех пор, пока ситуация не нормализовалась.

Когда лодка зависла на предельной глубине в четыреста пятьдесят метров от поверхности, оставив под собой глубину почти четыре километра, Татарчук дружески похлопал Терехина по плечу.

- Ну, что, Виктор, кажется, пора хлопнуть валерьянки?

В каюте у Татарчука оказалась заначка, бутылка двенадцатилетнего дагестанского коньяка. Командир корабля не позволял экипажу, ни при каких условиях брать с собой на борт

алкоголь, и эта бутылка оказалась у него по чистой случайности – подарок товарища, недавно уволившегося в запас. Никакой подходящей посуды для коньяка на борту не водилось, поэтому разлили по кружкам. Когда Татарчук наливал коньяк, руки у него заметно тряслись. Сказывалось напряжение душевных сил на протяжении последних суток.

- Короче, ну её нахрен такую погоду. – Татарчук выпил залпом всё, что налил в кружку.

Поставил ее на стол и блаженно выдохнул. Терехин сделал так же. Крепкий напиток разошелся теплом по животу. Они пытались поговорить о ситуации, но сильно уставший организм не позволил это. Виктор понял, что если сейчас он не встанет и не уйдет в свою каюту, то уснет прямо здесь, сидя за столом. Татарчук, по виду, испытывал то же самое.

- Ладно, расходимся, поговорим после. С ног валюсь. – Командир лодки осоловело посмотрел на товарища.

Терехин поднялся, пожал руку Татарчуку и вышел из его каюты. Капитан второго ранга с трудом добрался до своей шконки. Упал в нее и тут же отключился.

Егор не понял, сколько он спал, минуту или несколько часов. Разбудил его страшный грохот. Со сна можно было подумать, что рушатся своды пещеры. Егор вскочил, схватил фонарь и добавил света. Тамара и Катя стояли рядом и тоже напряженно всматривались в темноту. Матвея не было.

- Матвей! – Крикнула Тамара и побежала в сторону выхода из пещеры.

Егор бросился за ней. Обогнал ее и чуть не столкнулся лоб в лоб с сыном.

- Нас, кажется, завалило. – Произнес сын испуганно.

- Что, как завалило? – Переспросил Егор.

- Пойдем, покажу.

Так и было. Вход в пещеру завалило сошедшим сверху камнепадом. Польза от этого была. Струи воды мгновенно опали. По грязным бокам автомобиля стекала густая жижа. Багажник машины немного задрался вверх, из-за того, что камнями придавило передок. Пещеру надежно закупорило камнями.

Егор и Тамара переглянулись. Это был какой-то перебор. Кто-то свыше упорно создавал им испытания нон-стоп.

- Хоть воды не будет. – Беспомощно произнес Егор.

- Семейный склеп какой-то. – Не смешно пошутила Тамара.

- Типун тебе на язык. Это курорт с лечебными грязями.

- Кто станет искать нас здесь?

- Как кто? На работе все знают, куда я поехал. Сообщат, поди, когда в понедельник меня на работе не будет? Родители мои и твои знают, они уж точно забеспокоятся.

В луче фонаря Егор увидел, как у жены затряслись губы, из глаз покатились слезы. Тамара оперлась спиной о стену, обхватила голову руками и заскулила. Егор попытался обнять ее, но жена резко сдернула его руку. Сразу за этим последовала истеричная тирада.

- Ты! Ты…, в жизни сделал хоть что-нибудь нормальное, а?! Я всю жизнь ждала, когда ты научишься выключать у себя дурака. Думала, что это придет с возрастом, что ты поумнеешь, и мы заживем, как люди. А ты, вместо этого, решил убить свою семью. Из всех самых идиотских решений, ты выбрал самое идиотское. Ты идиот, Егор!

Егор представил, как бьет жену кулаком в лицо. Она ударяется головой о стену и затихает. Это могло бы на время подарить ему чувство глубокого удовлетворения, но потом его несдержанность станет между ними ледяной глыбой, через которую точно не протянуть друг другу руку. В конце концов, выговорившись, женщины снова становятся нормальными. На время.

- Успокоилась? – Спросил Егор супругу, ожидающую реакцию на свою несдержанность.

- Нет! – Ответила она дерзко.

- Как успокоишься, приходи наводить порядок. – Егор, молча, развернулся и пошел к детям, оставив жену в полной темноте.

Женщина должна при любых обстоятельствах оставаться женщиной. Тамара, чувствующая себя виноватой за оскорбление мужа, старалась искупить вину работой на пользу семьи. Она попросила Егора провести инвентаризацию всего, что у них было. Из продуктов у них имелось два целых пакета с сухпайком, один начатый, пять банок консервов, две рыбных и три тушенки, два пакета с крупами, десять пакетиков с лапшой быстрого приготовления, пачка подмоченного сахара-рафинада, палочка сырокопченой колбасы, тоже немного

искупавшаяся в жиже и три пакета чипсов. Из хозяйственной утвари имелась кое-какая металлическая посуда и инструмент, который удалось спасти из машины, насос, перочинный нож, отвертка, плоскогубцы и прочий хлам, который Егор считал необходимым возить по сроку службы автомобиля. Были еще четыре спальника, матрас, палатка, рюкзак и сумка.

Всё, что подмокло, Тамара развесила по выступам и сталагмитам. В пещере было влажно и рассчитывать, что это могло просохнуть, не стоило, но и завонять не должно было. В заботах и делах тревога отступала. Время шло быстрее, и была надежда, что за ними скорее явится подмога.

Тамаре хотелось переживать за детей, но она видела, что их эта ситуация совсем не напрягает. Катя слонялась с фонариком по тем местам, до которых не достала вода. Ее напротив, забавляло находиться в пещере. Вместе с родителями ей было совсем не страшно, и она ни разу не захотела уехать отсюда.

Матвей ходил за отцом, как за авторитетным товарищем. Они что-то запружали, перенаправляли потоки грязи, одним словом всецело были погружены в свои мужские заботы. Если бы не дикость той ситуации, в которой они находились, можно было бы подумать, что им частенько приходилось заниматься подобными делами.

О еде они вспомнили, когда у всех начало сосать под «ложечкой». Егор посмотрел на часы в телефоне.

- Скоро ужинать пора, а мы еще не обедали. – Затем расстроено произнес. – Черт, батарейка садится.

Егор приготовил из половины пачки крупы и банки тушенки кашу. Семья уплетала бесхитростную еду за обе щеки. Егор обратил внимание, что глаза все лучше привыкают к темноте. Пещеру все так же освещал фонарь, поставленный на самый экономный режим, но Егор различал противоположную стену, хотя еще не давно, не видел дальше трех метров.

После обеда все решили немного прикорнуть. Егор подкачал матрас, выключил для экономии заряда фонарь и прилег, искренне рассчитывая, что его не разбудят очередные катастрофы. Обманутый отсутствием света организм проспал весь оставшийся день и всю ночь. Только когда сон уже совсем не лез, Егор вынул телефон, чтобы проверить время.

Телефон сделал попытку включиться, но моргнув экраном, потух. Егор включил фонарь и разбудил Матвея.

- Эй, сынок, хорош уже дрыхнуть, глянь, сколько там времени?

Матвей заворочался в спальнике. Через некоторое время лицо его осветилось включенным экраном.

- Почти восемь часов.

- Восемь чего? – Не понял Егор. – Утра или вечера.

- Утра, понедельника.

Егор присвистнул.

- Вот это мы поспать.

- Что с погодой? – Поинтересовался Матвей.

К монотонному низкому гулу, который производили стены пещеры, все привыкли и не обращали внимания, поэтому сразу было трудно понять, успокоилась стихия или нет. Егор прислушался. Гул был, как и частая вибрация камня.

- Пока без изменений. – Произнес Егор.

- Значит, и сегодня за нами не приедут. – Догадался Матвей.

- Ну почему, не приедут? День длинный, ветер еще может стихнуть.

- Пап, скажи честно, ты меня за дурака держишь? – Внезапно с обидой в голосе спросил Матвей.

- Нет, с чего ты взял?

- С того, что ты пытаешься сделать вид, будто этот ветер похож на обычный сильный ветер.

- Да, а разве не так?

- Не так, пап. Этот ветер похож на торнадо, как в Америке, но только торнадо движутся, а наш ветер, даже если предположить, что это торнадо, уже третий день стоит на одном месте. И ты когда-нибудь слышал про торнадо у нас?

- А может, раз в тысячу лет и по нашим степям и лесам проносится такой торнадо? – Не зная, что ответить предположил Егор.

- Пап, если бы ветер длился полчаса, я бы поверил, что это какая-то местная погодная аномалия, но ветер длится уже третий день, и ты хочешь мне сказать, что там, в нашем городе или где-то еще нет такого ветра?

- Я очень на это рассчитываю, Матвей, иначе такой ураган может натворить кучу дел.

- Кучу дел? – Переспросил с сарказмом Матвей. – Я на сто процентов уверен, что сейчас он именно этим и занимается, творит кучу дел. И не будет нам никакой помощи, потому что она потребуется больше всего тем, кто не попал в такую пещеру, как мы.

На шум проснулись Тамара и Катюшка.

- Матвей, не драматизируй и не пугай сестру. Ветер закончится, и за нами приедут. Не приедут сразу, так мы разберем завал и сами приедем. Все, что ни случается в жизни, случается к лучшему.

Матвей несогласно хмыкнул и закрылся в спальнике с головой. Егор с Тамарой переглянулись. Вечно у этих подростков любая неприятность оборачивалась вселенским апокалипсисом.

За время, пока семья спала, вся более-менее способная течь жидкость, ушла. Осталась только густая грязь. По пещере можно было передвигаться гораздо свободнее, но наступать в грязь не хотелось. Егор проверил все стоки, в которые уходила вода. Их затянуло мусором и загустевшей грязью. Прошел к выходу. Там грязи было по колено. Автомобиля не было видно совсем.

- Закупорило, как сургучом. – Тихо озвучил собственную ассоциацию Егор.

Отец семейства вернулся к «лежбищу». Семья не знала чем ей заняться. Прежде чем начать готовить обед, Егор решил убрать грязь от того места, которое они облюбовали. Собрал свой многофункциональный прибор в положение «лопата» и принялся сгонять грязь в стороны.

- Ты, как будто собираешься здесь задержаться? – Спросила Тамара, глядя на активное занятие супруга.

- Просто не люблю жить на помойке. Да и вы займитесь делом?

- Каким, например?

- Не знаю, сами придумайте. Дома же вы всегда находите, чем заняться.

Егор почувствовал, как какой-то предмет зацепился за лопату. Приложил усилие и вывернул его. В свете фонаря что-то блеснуло. Можно было предположить, что это пустая бутылка или еще какой-нибудь мусор, коего в пещере находилось великое множество. Любопытство заставило Егора засунуть руку в жижу и вынуть из неё то, чего никак не могло оказаться в пещере. Это была задняя часть крупной рыбы, с хвостом и плавниками. Оставшемуся от рыбы куску

здорово досталось. Его словно пропустили через пресс, а потом через жернова.

- Что ты нашел? – Спросила Тамара, не понявшая в сумерках, что в руках у Егора.

- Рыба. – Без интонаций произнес Егор, обнюхивая находку.

- В смысле? Что за рыба?

Егор прошлепал грязной обувью прямо к фонарю, переключил его на более яркий свет и направил на свою находку. Тело рыбы напоминало мишень. Оно все было в отверстиях, часть из которых была забита камешками. Егор ополоснул рыбу водой и поднес к носу.

- Она почти свежая. – Резюмировал он.

- Откуда она здесь? Как ее могло занести в горы? – Недоумевала Тамара.

Егор присел и почесал затылок.

- Ничего не понимаю. До нас она не могла тут оказаться, слишком свежая для этого.

- А может быть там потоп? – Испугалась собственной догадки жена.

- А может ее ветром принесло? – Вставил реплику Матвей.

- Не говори ерунды. Откуда, из магазина что ли?

- Из реки, моря или океана. Если бы я разбирался в рыбах, то сказал бы точнее.

- Ну-ка, Матвей, давай расскажи нам свою гипотезу. – Заступилась за сына мать, видя, что Егор готов снова покритиковать.

- Смотрите, когда мы были на улице, то видели, что фронт непогоды наступает с западной стороны, а пещера находится на восточном склоне, однако и здесь мы ощущаем, что ветер имеет огромную силу. – Матвей посмотрел на забинтованные ладони, вспоминая, как тянул машину, пытаясь вырвать ее у ветра. – Представьте насколько сильнее ветер с противоположной стороны. Я считаю, что эту рыбину ветер подхватил вместе с миллионами тонн соленой воды и донес ее до нас. Скорее всего, откуда-нибудь из Атлантики. Поэтому и вода идет к нам соленая и рыба попадается вместе с ней.

Матвей замолчал, а вместе с ним замолчали и все. Катюшка, не понявшая практически ничего, почувствовала напряженность момента и крепко ухватилась за материну руку. Егор еще раз почесал затылок.

Сын очень складно рассказывал, но теория была слишком невероятной.

- Да нет, не может быть. Если бы такой ветер начался, то ни одно здание его не выдержало бы. Сколько от нас до Атлантического океана, тысяч семь, а когда мы поняли, что к нам идет соленая вода? Часов через десять, как начался ураган, примерно. Значит, ветер должен нестись со скоростью почти в тысячу километров в час? Нет, не может быть. Этому должно быть простое объяснение. Например, люди пытались приготовить рыбу выше пещеры, а тут ветер, а потом и дождь. Вот ее и принесло с потоком. Как-то так.

- Ладно, ученые, вскрытие пещеры покажет, кто из вас прав. Давайте, запасемся терпением и будем ждать, когда нас все-таки вызволят. – Замирительно произнесла Тамара.

- А сколько вы готовы ждать? – Спросил Матвей.

- Кто знает, сын? В любом случае не больше трех дней. На большее время нам просто не хватит продуктов и воды. – Отмерил время до спасения отец.

- Оптимисты. До нас дела не будет, как минимум месяц.

- Матвей! Хватит нас пугать! – У Кати не выдержали нервы.

- Да, Матвей, не нагоняй тоску своими жуткими предположениями. Нас найдут, спасут и отправят домой, а мы будем спустя много лет вспоминать, как сидели в этой пещере, нашли в ней рыбий хвост, и построили на нём целую теорию о конце света.

Матвей, буркнул что-то под нос, отвернулся ото всех и уставился в телефон. Егор снова приступил к расчистке территории. Тамара занялась хозяйственными делами. Проверила сохнущие по стенам грота вещи. В стоячей влажной атмосфере пещеры на это не стоило рассчитывать. Катюшка ходила за матерью, как тень.

В условиях отсутствия визуального восприятия смены дня и ночи произошло нарушение распорядка дня. Чувство, что организм не прочь снова поспать преследовало всех. Катя не особо и сопротивлялась. Она постоянно прикладывалась на матрац, спала по полчаса, просыпалась и бодрствовала часа два. Егор старался придерживаться «правильного» времени. Но телефоны постепенно разряжались, приближая момент, когда спать и бодрствовать придется интуитивно.

После легкого ужина семья легла спать. Егору же не давали заснуть мысли о том, что пора начинать экономить воду и продукты.

Своды пещеры, вибрируя, исторгали звук похожий на звук мощного органа, залипшего на одной ноте. От этого звука на душе становилось тревожно. Егор настойчиво отгонял дурные мысли, но они все равно пробирались в голову и начинали громко разговаривать в ней.

Что, если это глобальная катастрофа? Даже областного масштаба. Это значит, что их не кинутся искать в первую очередь, да и во вторую тоже. Посчитают пропавшими без вести, пока туристы не разберут завал и не обнаружат их полуразложившиеся трупы в недрах пещеры. Егор снова вспомнил жуткую шутку жены про склеп. Его передернуло. Хотелось жить самому, но за детей было еще страшнее. Невыносима была мысль о том, что дети умрут голодной смертью. Егор решил, что с завтрашнего дня он попытается разобрать вход. Уж лучше пусть вода идет в пещеру, чем ощущение жизни как в могиле. Принятое решение помогло ему успокоиться и заснуть.

Первой, как ни странно, проснулась Тамара и сразу принялась кашеварить. Запах еды разбудил семью. Егор прислушался, искренне желая не услышать этот навязчивый низкий звук. Но он никуда не делся. Ветер под своим напором заставлял гору дрожать.

- Я попробую разобрать вход. – Проинформировал семью Егор. Решительно зачерпнул ложкой еду из котелка, погонял ее по рту и удивленно произнес. – Это что? – Спросил он про завтрак.

- Это та самая рыбешка, которую ты откопал. Уху, вот, сделала их нее, чтобы зря не пропала.

- Молодец. – Оценил смекалку жены Егор.

- Вода же пойдет в пещеру. – Вмешался в разговор Матвей.

- А что если дождь уже закончился? – Предположил отец.

- Пап, это не дождь, это ветер гонит воду из океанов и морей. Пока дует такой ветер, будет и вода. Если только океаны не выдует до дна. Но тогда, боюсь, суша скроется под водой, или, еще вероятнее, под слоем грязи.

- Матвей, хватит фантазировать. Ясно откуда у тебя по «окружайке» постоянно плохие оценки.

- Да меня просто Варвара не любит. – Матвей имел в виду учительницу по окружающему миру. – Я с ней спорю, а она злится, вот и ставит мне оценки низкие. А вы тоже не верите мне, хотя у самих нет никаких внятных теорий. Вы не пытаетесь предположить что-то новое, а отталкиваетесь от своего прежнего опыта.

- Ладно, Матвей, откопаем вход, тогда и проверим твою теорию. Если киты по небу низко будут лететь, то ты прав. – Отец дружески похлопал сына по спине.

Ему нравилось, что Матвей пытается смело предполагать. Хотя Егор и считал, что сын здорово преувеличивает силу урагана, но умение анализировать и сопоставлять факты у сына получалось здорово. Кто знает, может, он и пойдет в ученые. С кого-то в их роду должна была начаться линия интеллектуалов.

Камнепад не перекрыл вход воде полностью. Грязь все равно просачивалась в нескольких местах. Тамара страховала мужа в нескольких метрах сзади. Она считала, что Егор задумал очень опасное мероприятие, как всегда, не сильно озаботившись собственной безопасностью.

Скользкие камни, сидели плотно. Егор дергал их, но они не поддавались. Руки срывались. Егор несколько раз чуть не упал в грязь, которая доходила ему до колена. Тамара, уже несколько раз пыталась отговорить его от этого бесполезного занятия. Но лучше убеждений Тамары на него подействовал камень, придавивший ему указательный палец на правой руке.

Егору удалось раскачать один камень, и когда он поддался под его настойчивыми усилиями, верхние камни, опиравшиеся на него, ухнули вниз, прищемив палец. Егор закричал и выдернул палец из каменных клещей. Тамара подбежала к мужу. В свете налобного фонаря удалось разглядеть, как с грязного пальца потекла кровь.

- Быстрее обработать! – Закричала Тамара, и потащила Егора за руку в пещеру.

Отмытый палец, явил разорванную плоть и почти полностью сорванный ноготь. Тамара обработала палец. Егор вздыхал и охал, когда Тамара небрежно обращалась с ним.

- Дурацкая затея. – Согласился Егор. – Мы же не знаем, какой высоты завал закрыл вход.

- А ты всегда так, Егор, вначале делаешь, а потом думаешь. – Не удержалась Тамара.

- Вчера мне эта идея казалась вполне умной и безопасной. Я же просто хотел глянуть, каково там, снаружи. Да и от ощущения, что мы заперты в склепе хотелось избавиться.

- Избавился? Теперь тебе еще придется избавиться от ощущения расплющенного пальца.

- Ладно, хватит уже. Лучше пытаться что-то делать, чем сидеть и ждать непонятно чего. – Не выдержал Егор. – Если нет выхода с этой стороны, можно попытаться пройти в те тоннели. Какой-нибудь из них может вывести к другому выходу. – Егор указал на узкие проходы в стене противоположной от входа.

- И даже не думай. Не зря их в свое время закрыли. Спелеологи уже все облазили и наверняка знают, что пользоваться ими не стоит. – Тамара всерьез испугалась за мужа.

- Я видел в каком-то кино, как выход проверяли пламенем свечи. Там, где был выход, пламя свечи тянуло в его сторону. Мы просто проверим, есть ли в каком-нибудь из тоннелей тяга.

Тамара глубоко вздохнула и укоризненно посмотрела на мужа. Она понимала, что если Егор решит проверить свою догадку, то его ничто не остановит. С одной стороны попытка что-то делать гораздо лучше, чем впасть в уныние и пассивно ждать помощи невесть откуда, но с другой, была большая вероятность свернуть башку в малоизученных и опасных тоннелях.

Егор резко поднялся и прошел к запасам, выставленным вдоль стеночки, словно они стояли в шкафу квартиры каменного века. Взял пластиковую полулитровую бутылочку и отвинтил пробку. Под молчаливое наблюдение семьи он сделал несколько глотков из нее, оторвался и, сморщившись, как выжатый лимон, занюхал рукавом.

- Палец болит, сильно. – Егор помахал забинтованным пальцем. – Забыл сказать, что здесь не вода. Заначка моя была, на черный день.

- И вот он наступил. – Ехидно сказал Матвей. – В один черный, черный день, в черной, черной пещере, наступил черный, черный момент. И только несколько капель волшебной жидкости делали настоящий момент очень светлым.

- Хм, подростковая вредность, знаю, проходили. – Егор помахал бутылкой, в которой еще оставалось больше половины. – Это пусть на всякий случай останется, для наружного применения.

Спустя пятнадцать минут Егор уснул. Во сне он держал поврежденную руку, как маленького ребенка.

С Семеном Шапиро трюк с едой не прошел. Он никак не хотел вернуться в нормальное состояние. Через лоб его пролегла глубокая

морщина, вызванная тоскливыми мыслями о судьбе родных. Кто знает, почему он убивался сильнее остальных? Игорю в этом плане было не легче, он потерял жену и детей, так же, как и Семен. Джейн потеряла родителей, но они были не молоды. Возможно, Семен расстался с семьей как-то нехорошо, и потому сильно переживал, что не успел сказать что-то важное, и теперь мучился чувством вины? Сам Шапиро не распространялся, а лезть к нему с вопросами Игорь считал неуместным.

Коллектив МКС перестал делиться на российский и американский. Игорь и Джейн большую часть времени проводили вместе. Семен старался уединиться. Видно было, что общество его тяготит. Он либо молчал, либо грубил, показывая, как ему всё опротивело. То, что случилось с ним вскоре, было закономерным развитием его депрессивного состояния.

Шапиро надел скафандр, вышел в космос и проткнул костюм. Он не стал привязываться к кораблю, выбрав могилой космическое пространство. Игорь не сразу понял, что произошло. Шапиро не лез на глаза, поэтому его отсутствие заметили спустя некоторое время, когда заметили отсутствие одного скафандра. Игорь пробежался по всем иллюминаторам станции, но Семена увидеть не удалось. Где-то вдалеке он различил небольшое светлое пятнышко, но им могло оказаться, что угодно.

Вопреки всему, на борту МКС со смертью Шапиро стало немного веселее. Нельзя говорить о покойниках плохо, но Семен усугублял атмосферу безысходности. С исчезновением Шапиро, дышать на станции стало гораздо легче.

- И еды у нас теперь стало гораздо больше. – Подвел итог Кружалин.

- И кислорода. – Добавила Джейн.

Глава 3

Глава 3

Матвею крепко запала идея про тоннели. Пока все спали, он взял зажигалку и незаметно ушел в противоположный конец пещеры.

Те тоннели, в которые уходила вода, можно было и не рассматривать, а вот другие его заинтересовали. Всего их было пять. Два прохода забитые грязью под самый верх. Она уже настолько загустела, что в случае, если бы в пещеру снова пошла вода, их пришлось бы раскапывать. Один проход, находившийся чуть выше, был почти свободен. Жижа стояла в нем неподвижно на высоту щиколоток. Оставшиеся два находились еще выше и теоретически могли вести вверх.

Матвей выбрал тот из верхних тоннелей, что был левее. Зажег перед ним зажигалку. Пламя вспыхнуло, неожиданно больно резанув ярким светом по глазам. Матвею с непривычки даже пришлось зажмуриться. Спустя мгновение глаза привыкли. Пламя неуверенно колебалось, словно само не могло понять, есть ли движение воздуха. Матвей прошелся вдоль стены к другому тоннелю. Он начинался на уровне одного метра от пола пещеры. Стены его обросли потеками и были похожи на кишку огромного животного. И здесь пламя вело себя неопределенно. Можно было подумать, что воздух в этом ответвлении двигался порывами то в одну, то в другую сторону.

- Матвей! – Под сводами пещеры раздался встревоженный и требовательный голос матери.

Матвей так и не успел, как следует проверить последний тоннель. Привыкнув слушаться родителей, вернулся назад, не убедившись в наличие тяги.

- Ты почему сбежал молчком? – Мать строго посмотрела на сына.

В свете фонаря ее глаза блеснули адским гневом.

- Прости, мам. Хотел проверить теорию отца про тягу в тоннелях.

- В следующий раз, будешь предупреждать, даже когда соберешься в туалет.

- Хорошо. Я понял.

На самом деле Матвей понял, только то, что нужно будет, как следует проверить последний тоннель. Но позже, когда мать будет чем-нибудь занята.

- Ты бы лучше Катюшку занял бы чем-нибудь, а то она сидит с камешками играет. Телефон ей дай свой что ли, поиграть.

- Не дам! – Категорично заявил сын. – Там заряда процентов двадцать осталось. А без моего телефона вы даже знать не будете, какой сегодня день, и какое время суток.

- Жадина. – Отозвалась Катюшка, слышавшая разговор.

- Не дам. Могу пересказать последний фильм про хоббитов. Хочешь послушать?

Катя оживилась. Сунула камешки в карман и присела ближе к брату.

- Хочу. Мы закончили в последний раз, когда гоблины чуть не съели гномов. – Напомнила она. – Помнишь, когда я за тебя пропылесосила?

Мать резко повернулась в сторону Матвея.

- Матвей. – С укоризной сказала она. – Чтобы в первый и последний раз я слышала об этом.

- Хорошо, мам. – Матвей виновато опустил глаза, тайком показав сестре кулак.

Катюшка поняв, что сболтнула лишнее, прикрыла рот рукой.

Монотонный рассказ Матвея вверг сестру в глубокий сон. Матвей и сам не заметил, как уснул. Когда он проснулся, оказалось, что все остальные члены семьи еще или уже спят. Он включил телефон и посмотрел на время. Был вечер вторника. Трое с половиной суток не утихала стихия.

Матвей вынул зажигалку и высек из нее пламя. Ситуация идеально подходила для того, чтобы проверить тягу в последнем тоннеле.

Егор проснулся с чувством подсознательной тревоги. Он сразу не мог понять, вызвано оно было похмельным синдромом, отбитым пальцем или чем-то еще. Огляделся. Тамара и Катюшка спали, прижавшись друг к другу. Отсутствие Матвея он заметил сразу, но не придал ему значения. Посчитал, что сын отошел по нужде. Егор занялся своим пальцем. Дергающая пульсирующая боль простреливала от распухшего пальца по всей руке, до плеча. Егор

боялся представить, какие его ждут бессонные ночи впереди. Захотелось до жути, чтобы быстрее все закончилось, вернуться домой, показать палец врачу, получить от него всезаживляющую мазь и, наглотавшись обезболивающих, проснуться утром совершенно здоровым.

Сын что-то задерживался. Егор, чтобы немного отвлечься, решил пройтись по пещере, заодно найти Матвея. На входе в пещеру сына не было, да и делать ему там было совершенно нечего. Слишком много грязи. Егор прошел всю пещеру по периметру, но безрезультатно. Решив, что они разминулись, Егор вернулся на «лежбище». Матвей там тоже не появился. Егора пронзила догадка. Он бросился к Тамаре.

- Тамара! Тома! Проснись!

Жена подскочила и испуганно уставилась на Егора.

- Что случилось?

- Матвея нигде нет. Не в тоннели его понесло?

- Конечно, вот придурок. Он ходил, светил в них, тягу искал. – Тамара на ходу рассказывала Егору, почти бегом направляясь к последнему тоннелю. – Весь в тебя, если дурь в голову затесалась, не выйдет пока по башке не получит.

Егор промолчал. Не время и не место было меряться характерами. Воображение уже рисовало страшные картины предполагаемых вариантов трагедии.

- Я думаю, он сюда полез. – Мать встала перед последним тоннелем. – Я его отсюда согнала. Матвей! – Крикнула она в недра горы.

- Матвей! – Громким басом прокричал Егор. – Вернись, там опасно!

В ответ была тишина.

- Так, так. – Заметался Егор. – Мне нужен мел или фломастер, чтобы оставлять заметки на стенах, и запасной фонарь.

Матвей, пока в проходе тоннеля был виден огонек фонаря, чувствовал себя спокойно и уверенно. Тяга точно показывала ему, в какой тоннель следовало идти. Пройдя несколько развилок, он вдруг понял, что поступил опрометчиво, не отмечая пройденный путь. Все повороты выглядели совершенно одинаково, и вскоре паника стала холодными щупальцами стискивать последние здравые мысли ускользающего сознания.

Паника, плохой подсказчик. Вне себя от страха, Матвей то карабкался вверх, то проваливался вниз. Он окончательно выбился из сил. Ему все же хватило ума остановиться и попытаться поразмыслить над той ситуацией, в которой оказался. Матвей посветил зажигалкой и понял, что находится в небольшом гроте где-то в глубине горы. В какую сторону идти он не знал даже примерно. Несколько узких ходов разветвлялись в разные стороны. Зажигалка показывала, что тяга есть в паре из них, следовательно, остальные тупиковые.

В этот момент, Матвей понял, что наличие острого ума, не подкрепленного жизненным опытом и твердым характером, может сослужить его владельцу очень дурную службу. Страх почти отнял способность нормально соображать, а остальных качеств молодой человек еще не нажил. Больше всего ему хотелось, чтобы за ним пришел отец и отвел назад. Пусть даст оплеуху, он ее честно заслужил. Но только пусть придет.

Егор решил ждать здесь. Его обязательно кинутся искать, и если он будет плутать по многочисленным тоннелям и пещерам, то его поиски здорово усложняться. В маленькой пещере он просидел около часа. Начал замерзать, потому что здесь было намного холоднее, чем в большом гроте Черной пещеры. Иногда ему казалось, что слышатся какие-то звуки. Он начинал кричать и звать отца. Ответа не следовало, и приходилось списывать звуки на игру воображения или на силу стихии, генерирующей звуки в горе.

Примерно через час ему послышался писк. Вначале Матвей подумал, что мерещится, но писк повторялся постоянно. Он обвел небольшое пространство пещеры лучом налобного фонаря и чуть не лишился дара речи, когда увидел отразившийся свет в десятках пар маленьких глаз.

Не помня себя от страха, Матвей бросился в первый попавшийся тоннель. Он полз, карабкался, где можно было бежать, бежал. Страх застил ему все остальные чувства. Он не сразу заметил, что впереди нет опоры. Нога ушла в пустоту. Потом резкий удар головой и сознание вместе со вспышками в глазах покинуло тело мальчика.

Егор кричал изо всех сил. Горло уже саднило, но сын не отзывался. Отец уже не испытывал раздражения к сыну, остался только страх за него. Стараясь в этом состоянии не натворить глупостей, Егор брал себя в руки и тщательно планировал маршрут.

Тоннели становились то *уже*, позволяя пролезать боком или ползком, то шире, позволяя идти во весь рост не пригибаясь, то переходили в полноценные пещеры. Следов присутствия сына в них не было.

- Матвеееей! – Прокричал отец в миллионный раз и закашлялся.

Его голос разошелся по разветвлениям тоннелей. Ответа не последовало. Егор нарисовал ноль на выходе из пещеры, из которой только что выбрался и нарисовал единицу рядом с тем, в который собирался залезть. Секунду повременив, он протиснулся в узкий тоннель и почувствовал, какой сильный сквозняк гулял в нем.

Егор подумал, что сын мог выбрать этот тоннель и уверенно двинулся по нему вперед. Ответвлений и развилок у него не было. Сквозняк набирал силу и посвистывал в поворотах, прибавляя уверенности, что именно этим путем и направился Матвей искать гипотетический выход наружу.

Путь прервался мгновенно за очередным поворотом. Тоннель сделал резкий поворот вверх под углом девяносто градусов. Абсолютно вертикально, как будто это была печная труба. Егор посветил фонарем вверх. Гладкие стены с потеками, за которые не зацепиться. Матвей здесь точно бы не залез. Надежда, что он на правильном пути, растаяла . Егор ругнулся, пнул ни в чем не повинную стену и побрел в обратную сторону.

Матвей пришел в себя в полной темноте. Ему казалось, что он ослеп от сильного удара. Лоб саднило, запекшаяся кровь коркой прилипла к веку. С открытыми и закрытыми глазами было одинаково темно. Мальчик ощупал налобный фонарь. Он был разбит. Зажигалку тоже потерял, когда падал. У него остался только телефон. Матвей со страхом нащупал его, боясь, что и телефон мог повредиться от удара.

На ощупь телефон был цел. Экран зажегся. От сердца отлегло, что он все же не ослеп. Мальчик осветил пространство вокруг себя. Его окружали камень и непроглядная тьма. Матвей дождался, когда загрузится операционка, чтобы включить фонарь.

Более яркий свет фонаря осветил перед мальчиком край бездны. На расстоянии вытянутой руки от того места где он лежал, находился обрыв, до дна которого не доставал луч. Матвея передернуло от мысли, что было бы с ним, если бы он пролетел немного дальше.

Посветил назад, туда, откуда свалился. Двухметровый уступ находился совсем рядом. Мальчик попытался зацепиться за его край. Пальцы скользили по холодному и мокрому камню. Каменная стена была ровной, а ногам не было никакой опоры. Вместо того чтобы залезть, можно было запросто оступиться и свалиться в бездну. Матвей сел на корточки. В голове пульсировала боль. Не хотелось ничего, ни двигаться, ни возвращаться, ни пытаться залезть.

Сколько просидел в таком положении Матвей не помнил. Может быть час, а может быть и больше. В какой-то миг ему показалось, что он слышит голос. Неясный, перебиваемый гулом горного «органа». Матвей прислушался. Тишина. Потом снова послышался, и снова минуту было тихо. В третий раз Матвей понял, что это не галлюцинация и не игра сквозняков. Он явственно различил голос отца, зовущего его по имени. Что было сил, мальчик закричал:

- Паааааап! – Его крик перешел в плач. – Папаааа! Я здесь!

Матвей трясущимися руками включил телефон и принялся махать фонарем в сторону тоннеля, откуда упал.

- Матвей! – Отец услышал его. – Сынок! Ты где?

- Здесь! Здесь! – Кричал Матвей, размахивая телефоном.

Из глаз слезы лились градом. Матвей увидел, как мечется по стенам свет фонарика. Спазмы рыданий сотрясали тело мальчика.

Егор увидел свет фонаря и направился в его сторону. Он слышал, как рыдает Матвей. Сердце отца переполнила радость, оттого что сын нашелся и нашелся живым. Пробравшись сквозь узкий тоннель, Егор подобрался к краю уступа. Свет фонаря осветил лицо сына. Огромная рана на голове, лицо в запекшейся крови и частично размазанная по лицу вместе со слезами.

- Держи руку! – Твердо сказал отец.

Матвей протянул руку. Отец подтянул его как пушинку. Все-таки свое дитя не тянет.

- Ты как? – Спросил Егор, рассматривая рану в свете фонарика.

- Нормально. – Матвей прикоснулся к ране на голове. – Болит немного.

- Пустяки, сейчас обработаем.

- Пап… – Трясущимся голосом начал Матвей. – Пааап, простите меня, что я полез в тоннели. Я думал…, я думал найти выход.

- Ты правильно думал, сын, но сделал это через одно место. Давай договоримся, как мужчина с мужчиной, никаких глупостей, без согласования друг с другом. Видишь, что из этого получается, у меня палец разбит у тебя голова. Так скоро дееспособными останутся только наши женщины.

- Хорошо, пап, даю слово, что никуда не сдвинусь с места без твоего разрешения.

- Молодец. А я, кажется, нашел тоннель, который ведет наружу, в нем такой жуткий сквозняк. Надо будет его непременно обследовать потом. Вместе.

- Хорошо, пап.

Матвей, перенесший всю гамму переживаний, вдруг обрел такую внутреннюю радость, которую можно было сравнить с божественным блаженством. Он понял, насколько сильно любит свою семью, состояние себя внутри семьи, и даже строгость родителей в этот момент он любил безмерно.

Тамара с Катюшкой сидели у входа в тоннель и с тревогой ожидали возвращения своих мужчин. Сколько жутких мыслей пронеслось в голове бедной матери. Не хотелось верить в плохое, но оно само настойчиво просилось в мысли. И только когда вдалеке по стенам замелькал свет, она обрадовано вскочила и крикнула в темноту тоннеля.

- Егор, это вы? – Она верила, что возвращаются оба ее мужчины.

- Мы. – Глухо донесся из тоннеля голос Егора.

Тамара прикрыла рот рукой, не давая воли чувствам. Из глаз брызнули слезы. Катюшка прижалась к матери и уткнулась лицом в одежду. Через минуту, вначале Егор, а за ним и Матвей выбрались из прохода. Тамара бросилась обнимать сына.

- Осторожнее, у него ссадина на голове. – Предупредил ее муж.

Егор посветил на Матвея. Тамара увидела рассеченную голову, сгустки запекшейся и размазанной по лицу крови, и чуть не лишилась сознания.

- Как же ты так, зачем ты пошел туда? – Тараторила она скороговоркой.

- Ладно, Тамар, допросы устраивать, пойдем, обработаем ему рану.

Отмытая водой и обработанная спиртом рана уже не выглядела так устрашающе. Тамара успокоилась немного. Матвей поел и уснул, довольный тем, что ему никто не устроил нудных нравоучений.

- Бедняжка. – Мать с нежностью провела рукой по спине сына.

- Это урок, очень жестокий, но на всю жизнь. – Сказал Егор, надеясь, что сыну хватило ума его извлечь. – Матвей рассказал, что видел десяток крыс. У этих животных нюх лучше собачьего, как бы они не потянулись следом за нами.

- Вот нап*а*сть, одно за другим. Теперь я не смогу спать спокойно. Может заложить вход?

- Я думал об этом, но не придумал чем заложить. Если смешать мусор с грязью, то их это не задержит, камней здесь нет, да и палец свой не хотелось бы мочить. До сих пор дергает. Может быть нам смены организовать? Все равно ночь круглые сутки.

- А вдруг их тысячи?

- Ладно, как только вопрос перейдет из гипотетической фазы в практическую, так мы сразу и придумаем, как действовать.

- Хорошо, но спать теперь все равно боязно как-то.

- Спи, если хочешь, а я пока подежурю. Посижу возле тоннелей.

- Хорошо, Егор, спасибо, я так устала, столько нервов потратила, сил никаких нет.

Тамара поцеловала Егора в губы. Тот шлепнул ее под зад, взял с пола топорик и пошел к тоннелю, из которого совсем недавно выбрался.

В одиночестве мысли упорядочивались. Сама собой пришла мысль о запаске, которую Егор вынул из машины. Крыс, если они появятся когда-нибудь, можно было отпугнуть дымом горящей резины. Наверняка, этот запах непривычен животным. Идея пришлась Егору по душе. Она выглядела более практичной, нежели гонять скопища шустрых животных по пещере топориком или звоном пустых бутылок.

Не откладывая дело в долгий ящик, Егор притащил запаску к тоннелю, выпустил из нее воздух и принялся рубить топориком. За час, напряженного труда от запаски остались только мелкие куски. Решил сделать «тревожный набор», сложить в металлическую походную тарелку кусочки покрышки, положить рядом бутылку с жидкостью для розжига и зажигалку.

Немного подумал и решил проверить, как это будет работать. Словно готовя блюдо «а ля фламбе», Егор, как заправский шеф-повар полил кусочки резины жидкостью для розжига. Выставил тарелку в проход тоннеля, из которого они выбрались совсем недавно, поднес зажигалку к тарелке и чиркнул колесиком. Пламя сразу занялось. Через полминуты зачадила резина. Сквозняк уносил черный дым вглубь хитросплетений пещер и тоннелей. Дабы не допустить быстрого прогорания резины Егор прикрыл половину тарелки примятой жестяной банкой. Та недолго выполняла свою функцию. Под воздействием температуры банка начала скукоживаться и потекла.

Из ниоткуда, как тень, рядом появилась Катюшка. Дочь как зачарованная смотрела на пламя.

- Что делаешь? – Спросила она отца.

Егор не хотел пугать ее рассказами о крысах. Впечатлительный ребенок мог начать бояться больше, чем нужно.

- Да тягу проверяю. Думаю, может ветер закончился уже. – Соврал отец.

- Гудит, я слышу. Из-за него я и проснулась. Сон страшный видела, там все гудело. Я проснулась, сон ушел, а гудёж остался.

- Не бойся, малышка, мы сейчас в безопасности. Там, снаружи, сейчас гораздо хуже.

Егор сам не знал, насколько был прав. Дочь села ближе к отцу. Егор обнял ее и они долго сидели молча, глядя как пламя постепенно затухает. Когда оно потухло, Егор понял, что глаза снова ничего не видят вокруг. Только в глубине пещеры слабо светил фонарь, указывая им направление, как маяк.

- Есть охота, пап. – Пропищала дочь.

Егор посадил ее себе на закорки, чтобы Катюха лишний раз не месила грязь не приспособленной для этого обувью и направился к «лагерю».

- Сейчас приготовим что-нибудь. – Пообещал отец, вспоминая, что из припасов у них еще осталось.

На импровизированной полке стояли в ряд три банки рыбных консервов и полпакетика крупы, воды оставалось меньше половины пятилитровой бутылки и наполовину израсходованный пакет сухпайка. Интуиция подсказала Егору, что пора бы уже начать здорово экономить припасы. Мысленно, он разделил оставшуюся еду и воду на пять дней.

Выходило по совсем ничтожной порции. Воду еще можно было найти где-нибудь в пещерах, но с едой все обстояло очень плохо. Егор вспомнил про крыс. Отличный источник сбалансированного питания. Только как найти их и поймать он не представлял. Возможно, стоило наоборот, привлечь грызунов себе в гости.

Шел пятый день заточения в каменном склепе. Из-за того, что сон и бодрствование перестали подчиняться нормальному распорядку, ориентированному на световой день, Егор понимал, что через несколько дней они совсем потеряют счет дням. А может быть, уже потеряли. Сон стал частым и прерывистым, и по нему нельзя было отмерить продолжительность суток. Дети просили есть. Родительские сердца надрывались, но поддаться им означало, что в будущем их точно могла ожидать голодная смерть.

Первым не выдержал Егор.

- Всё, я беру Матвея и мы идем к той пещере, где на него напали крысы.

- Я не хочу крыс, я не буду их есть. – Закапризничала Катя.

Голод заставлял людей подошвы грызть. Егор взял многофункциональный топорик, встряхнул и повесил на одну руку рюкзак, дал в руки сыну пустую «пятилитровку» и решительно направился к тоннелям.

- Егор, а может скоро все прекратится, может, подождать немного? – Неуверенно начала Тамара.

- Не может. Идем, сын. – Матвей потрусил рядом. – Храните домашний очаг! – Через плечо крикнул Егор.

- Как скажешь, очаг, так очаг. – Вполголоса согласилась Тамара.

Егор шел по своим заметкам. Менее чем через полчаса они оказались в той пещере, где Матвей увидел крыс.

- Я стоял здесь. – Матвей повторил события того дня. – И думал, куда мне пойти, потом услышал писк и посветил в эту сторону, а там глаза, как огоньки. – Его передернуло от воспоминаний.

Егор посветил фонариком туда, куда указывал Матвей. Опустился к самому полу пытаясь рассмотреть следы крысиного пребывания. На камне лежали несколько небольших черных продолговатых комочка.

- Так и есть, крысиные говна. Тебе не померещилось. – Нашел он подтверждение словам сына.

Егор осветил пещеру, из которой пришли крысы. Она была узкой, но пролезть, согнувшись в три погибели, можно было. Оставил букву «К» перед входом, что должно было означать «крысы».

- Пойдешь со мной, или останешься? – Спросил он у сына.

- С тобой. – С готовностью согласился Матвей.

Первым, как и положено отцу, полез Егор. Судя по характерному запаху, крысы часто пользовались этим тоннелем. Чем дальше они продвигались, тем явственнее в воздухе ощущалось присутствие грызунов.

- Воняет. – Заметил Матвей.

- Воняет. – Согласился отец. – Мы где-то рядом с их жилищем.

- Пап, а что они едят в пещерах. Здесь же нет ничего?

- Это тебе кажется, что нет, на самом деле здесь полно насекомых, летучих мышей, да и выход на поверхность где-то есть.

- Зачем ты мне про насекомых сказал. Мне теперь страшно руками в темноту опираться.

- Не бойся, где ходят крысы никаких насекомых не будет, только крысиные какашки. – Успокоил Егор сына.

- Спасибо, теперь мне гораздо спокойнее.

- Тихо! – Отец замер. – Слышал?

- Нет.

- Пищат.

Егор перехватил топорик поудобнее и уже гораздо внимательнее двинулся дальше. Вскоре и Матвей расслышал крысиное пищание.

Пещера расширилась. Егор привстал, разминая уставшие ноги. Вонь тут была явственной, а крысиный писк раздавался почти под ногами. Отец сделал несколько шагов и замер. Матвей выглянул из-за него и увидел отсветы света в десятках подвижных искорок в нескольких метрах впереди. Его передернуло. Он как ребенок ухватил отца на одежду.

- Не дрейфь, сынок. – Егор двинулся дальше.

Вскоре фонарь отчетливо выхватил из темноты несколько крыс. Несколько животных, никогда не видевших свет, приподняв мордочки вверх и смешно дергая мордашками, нюхали воздух. Запах человека им был незнаком. Егор сделал осторожный шаг в направлении грызунов. Крысы неуверенно ретировались, держа дистанцию. Тогда он сделал рывок и с ходу ударил топориком ближайшую крысу. Кровь

брызнула в стороны из разрубленного тела. Егор ударил по другой крысе, промахнулся, ударил еще и попал. Крысы смекнули, что чужак несет им смерть и быстренько растворились во тьме тоннеля. Вдогонку он успел огреть еще одно животное обухом топора. На полу осталось лежать три крысиных тушки. Егор закинул их в рюкзак.

- Бррр, я не уверен, что смогу их есть. – Признался Матвей.

- Голод не тетка, и не такое люди едят, когда прижмет. Кажись, крысы поняли, что на них охотятся, как ветром сдуло.

- Я читал когда-то, что смертельно раненая крыса издает определенный звук, который другие сородичи понимают, как предупреждение.

- Да они и пискнуть не успели. Пройдем еще немного, посмотрим?

- Давай.

Крысиные экскременты воспринимались под ногами уже как нечто естественное. Место было давно обжитое и напоминало чердак дома облюбованного голубями. Кругом только продукты жизнедеятельности и ни одной крысы.

- Сообразительные твари. – Егор остановился. – Думаю, что сегодня они нам больше не попадутся. Пошли назад, воду поищем.

Воздух снова стал пахнуть свежестью, когда мужчины вылезли из «крысиной» пещеры.

- А ты не помнишь, что было в той пещере, откуда я тебя вытащил?

- Ничего, вроде, я и не рассматривал. Обрыв был рядом, свет от телефонного фонарика до дна не доставал.

- Пойдем туда. В тех местах, где я уже был, никакой воды не было.

Матвей дорогу не помнил. Шли по отцовским заметинам на стенах. Путь оказался намного длиннее, чем считал сын, проделавший его в беспамятстве.

- Вот мы и пришли. – Егор посветил фонарем вниз.

Он обследовал края двухметрового обрыва, нашел камешек и бросил его в темную бездну. Камень гулко ударился о каменное дно.

- Не так уж и глубоко. Оставайся здесь, если, что подашь мне руку, а я попробую рассмотреть, где у этой ямы дно. – Попросил Егор сына.

Матвей плохо представлял, как он сможет вытащить отца, весящего больше него раза в два, но безропотно подчинился. Рана на голове еще отчетливо напоминала о самостоятельном опыте.

- Хорошо, пап.

Егор осторожно спрыгнул с двухметрового откоса. Снял с головы налобный фонарь и на вытянутой руке опустил его вниз. Более яркий свет фонаря выхватил из темноты дно ямы. В самом низу, словно шипы в древней яме-ловушке на мамонтов, росли вверх островерхие сталактиты. Образованные растворами светлых минералов, они блестели в лучах фонаря, отражаясь по стенам ямы тусклыми «зайчиками». Между сталактитами блестело мокрое дно. Егору очень хотелось, чтобы это была вода. Он нашел еще один камешек и прицельно бросил его в сторону блеска. Камень характерно хлюпнул, как от попадания в воду.

- Там вода! – Радостно сообщил Егор.

- Ух, ты, здорово! А как ее набрать?

Егор осветил стены. Они были неровными, но удобных выступов не наблюдалось. Потеки воды, с растворенными в ней минералами, откладываясь на стенках ямы, слизали все грани. Без веревки и думать не стоило о том, чтобы опуститься на дно. В голове Егора уже был план, но для этого требовалось вернуться на базу.

Обратную дорогу Егор уже отчасти выучил, и многочисленные одинаковые проходы мог отличить друг от друга. На самом подходе к своей пещере он и Матвей услышали далекое пение. Тамара напевала колыбельную.

- Чего это она? – Удивился Егор. – Тут и без колыбельной спать все время хочется.

Они выбрались из тоннеля. В пещере стояла полная темнота. Слабый свет фонарика отсутствовал.

- Тамара! – Крикнул Егор. – Это мы!

Как будто это мог быть еще кто-то кроме них.

- У нас фонарь выключился. – Печальным тоном призналась Тамара, когда подошли её мужчины. – Катя испугалась темноты, попросила меня петь.

- Так гудеж не слышно. – Пропищала дочь.

- Вот незадача. И зарядить его нечем, и налобные фонари скоро сядут. Придется здорово экономить.

- Как сходили? – Спросила Тамара.

Егор вывалил из рюкзака три изуродованных крысиных тушки.

- Мамочка! – Катюшка схватилась за мать, увидев окровавленных крыс.

- Шкурку надо снять с них, да варить поставить одну. А консервы пока поэкономить.

Тамара почувствовала, как рвотный рефлекс подкатил к горлу. Она была голодна, но вид дохлой крысы напрочь убивал в ней аппетит. Она представила, каким должно быть чувство голода, чтобы захотеть съесть это омерзительное животное.

- Надо, Тома, надо. – Наставительно и иронично сказал муж, чувствуя настрой жены. – А то пропадут. Мы с Матвеем нашли пещерку с водой, сейчас снова туда сходим, попробуем набрать воды.

Егор разобрал автомобильный набор первой помощи, и вынул их него ленточный буксировочный трос.

- Спускаться придется вниз по крутому откосу. – Объяснил он Тамаре.

- Осторожнее, мальчишки и быстрее возвращайтесь. Нам без вас страшно. – Искренне призналась супруга.

Егор оставил Тамаре свой налобный фонарик, чтобы она смогла разделать крыс при свете, а себе взял старый советский фонарик с динамо. Аккумулятор в нем давно не держал, так что приходилось постоянно тренировать пъезоэлемент, разрабатывая кисть. Под энергичные «вжикания» фонарика, они с сыном снова удалились в темные тоннели.

Перед обрывом Егор снял с себя ремень. Свой любимый кожаный ремень, похожий на армейскую портупею и протянул его сыну.

- Зачем это? – Удивился тот.

- Затем, Матвей, что лезть придется тебе. Меня ты не удержишь.

Ремень болтался на щуплом теле сына. Егор пристегнул карабин к ремню.

- Это страховка, не надейся, что ремень тебя обязательно выдержит, держись за трос крепко.

Матвей немного растерялся от такого поворота дел. Ему казалось, что отец не совсем вправе отправлять его на дно ямы, потому что это может быть опасно.

- Не трусь Матвей. В детстве для меня это было такой же привычной вещью, как для тебя вечное сидение в телефоне и компьютере. Просто держись, а я буду травить понемногу.

- Травить? – Не понял значения слова сын, воспитанный цифровой эрой.

- Опускать понемногу. – Пояснил отец.

Трясущимися руками, Матвей ухватился за трос и стал на краю. Отец уперся ногой в выступ, обмахнул в один раз вокруг себя трос и замер.

- Готов? – Спросил он сына.

- Готов, кажется. – Неуверенно сказал Матвей.

- Ложись на живот и спускайся. Ищи ногами опору, чтобы руки не уставали быстро.

- Хорошо, я попробую.

Матвей лег на край обрыва, свесив ногу вниз. Егор видел дергающийся фонарик и шарканья ботинок по стене в поисках опоры.

- Тут ничего нет, пап, гладко всё.

- Тогда берись обеими руками за трос и просто спускайся.

Совершенно неподготовленный для этого ребенок, слишком много занимался в жизни тем, что сейчас оказалось ненужным. Он пыхтел на краю, не решаясь полностью опуститься вниз. Продолжал скрести ногами по стенкам, вместо того, чтобы просто повиснуть на тросе.

- Матвей, я начинаю травить, просто держись за трос.

- Сейчас, сейчас, я еще не готов. – Испуганно возразил сын.

- Соберись, Матвей, я начинаю.

Фонарик дернулся и исчез, выхватив светом край ямы.

- Ты как? – Спросил отец.

- Держусь. – С натугой произнес Матвей.

Егор принялся осторожно травить. Метр за метром опускал сына вниз. Трос замер, когда в руках еще оставалось не меньше метра.

- Я на дне! – Крикнул Матвей.

Его дрожащий голос эхом разносился по пустому залу.

- Осмотрись, как следует, точно на дне? – Попросил его отец.

Фонарик забегал по дну ямы.

- Точно. – Подтвердил сын.

- Отстегивай карабин и лови бутылку.

Матвей отстегнулся. Егор обмотал свободный конец вокруг себя. Потом он достал фонарик и посветил им в яму.

- Лови бутылку.

Пустая пластиковая бутылка стукнулась о дно. Сын подобрал ее и пошел в сторону воды. Егор изо всех сил желал, чтобы эта жидкость оказалась нормальной питьевой водой. Матвей нагнулся над водой и утопил в ней бутылку.

- Попробуй, не соленая? – Попросил его отец.

Матвей нагнулся над водой по-собачьи и сделал глоток.

- Нет, нормальная, очень вкусная, как родниковая.

Камень с души свалился у отца семейства. В пещере жила еда и была вода, и смерть от недостатка того или другого пока им не грозила. Матвей набрал бутылку, но вместо того, чтобы сразу пойти к тросу немного прошелся по яме.

- Пап, здесь вещи чьи-то лежат! – Крикнул Матвей.

- Что за вещи? – Егор зашумел динамо, пытаясь достать светом до того места где стоял сын.

- Рюкзак и одежда.

- Тащи все сюда.

Матвей поднес находку к тому месту, где свисал конец буксировочного троса.

- Цепляй к карабину бутылку, одежду и рюкзак.

Матвей зацепил. Егор вытянул находку сына наружу. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, вещи пролежали здесь не одно десятилетие. Старый советский рюкзак из толстого брезента обветшал и с трудом выдерживал на весу свое содержимое.

- Цепляйся сам! – Крикнул Егор сыну, скинув трос вниз.

Матвей поймал конец и пристегнул карабин к ремню.

- Готов, тяни!

Подъем прошел проще. Матвей уже разобрался, какие от него требуются действия. Отец помог ему перевалиться через край ямы.

- Прогресс налицо, цифровая интоксикация постепенно покидает твой организм. – Поддел он сына.

Матвей ничего на это не ответил.

- Что там лежит? – Кивнул он в сторону рюкзака.

- Еще не смотрел.

Отец нагнулся и попытался расстегнуть кожаные лямки. Неловко потянув, он оторвал их вместе с куском истлевшего брезента. На землю посыпалось содержимое рюкзака. Банки покатились под уклон. Матвей упал, как заправский голкипер в воротах, загородив телом падение.

Вместе с отцом они собрали банки. Бумажные этикетки на них истлели и поблекли. Разобрать, что находилось внутри каждой из банок, не представлялось возможным. Этикетка рассыпалась от малейшего прикосновения. Кроме них из рюкзака вывалился кое-какой инструмент. Раскладной нож, судя по нетронутому ржавчиной лезвию, из нержавеющей стали, пара металлических клиньев, для забивания в щели, старый железный фонарик, обросший окислами, так, что только по форме можно было признать в этом устройстве фонарь. Небольшой термос, с лопнувшей от старости, пластмассовой крышкой.

Крышка, от старости насмерть прилипла к горлышку. Егор попытался ее открыть, но она крошилась под пальцами. Егор разломал ее и понюхал содержимое термоса. Затем перевернул термос и потряс. К удивлению обеих из термоса вывалился бумажный цилиндр.

Егор поднял его и развернул. Бумага оказалась обильно промасленной. Сквозь ее полупрозрачную поверхность проступал текст, написанный от руки.

- Похоже на послание из бутылки. Кто-то сквозь десятилетия оставил напоминание о себе. – Полусерьезно сказал Егор.

Он поднес бумагу ближе к глазам и прочел:

«Меня зовут Хомутов Игорь. Если вы читаете эту записку, значит мое исследование подводной реки окончилось неудачей. Согласно некоторым легендам башкир именно в Черной пещере имелся проход глубоко в тело горы, где находилась огромная пещера, полная драгоценных самоцветов. По их преданиям, когда людей обуяла алчность, горные духи перекрыли доступ к пещере с драгоценностями подземной рекой. Смельчаки пытались проплыть под водой, задержав дыхание, но никто из них не вернулся. Я беру с собой кислородный баллон и маску. Надеюсь, мне повезет больше. 13.05.1974г».

- М-да, как видим дело было не в кислороде. По крайней мере, теперь мы точно знаем, что по реке из пещеры не выбраться. Покойся с миром Хомутов Игорь.

Еще в рюкзаке обнаружилась окаменевшая соль в спичечном коробке, коробок спичек с полностью растворившейся серой, пачка таблеток сухого горючего, комсомольский билет, журнал «Крокодил», взятый, наверное, для создания стола в походных условиях, но самым интересным и нужным в сложившихся обстоятельствах являлась литровая банка, залитая под верх парафином. Чтобы не разбить банку, Игорь обмотал ее пеньковой веревкой, которая могла служить фитилем. В парафине были запаяны с десяток охотничьих спичек. В том, что они сохранили свои свойства, можно было не сомневаться.

- Не зря мы за водичкой сходили, правда, Матвей?

- Правда, пап. А ты думаешь, консервы, которые старше тебя еще можно есть?

- Думаю, что с ними ничего не стало. Здесь ведь прохладно, температура как в холодильнике, консервы в таких условиях могут храниться вечно.

- Это хорошо, а то я как-то не хочу крысиный суп.

- Ладно, сын, отложим гурманский подвиг на потом, раз уж судьба сжалилась над нами. Поедим советских консервов. Они, кстати, абсолютно натуральные. Ты такого не ел, гарантирую.

После того, как Егор приказал экономить свет, девчата пользовались налобными фонарями только по необходимости. Когда мужчины вернулись, в пещере абсолютная тьма. Гул стен в темноте казался громче. Может быть оттого, что органы зрения не были задействованы и мозг в качестве компенсации усиливал слух. Тамара услышала шум до того, как Егор выбрался из тоннеля.

- Пришли? – Крикнула она.

- Пришли, включайте свет для ориентира.

Во мраке пещеры светляком вспыхнул и задергался свет. Матвей шел впереди, подсвечивая дорогу отцу, несущему рваный рюкзак.

Удивлению женщин не было предела, когда перед ними вывалили с десяток разнокалиберных банок.

- Откуда это? – Удивилась Тамара, считающая внутренности горы абсолютно необитаемыми.

- Спелеолог-одиночка один, сгинул здесь, а вещи его остались.

- Бедняга. – Пожалела его Тамара.

Но в душе у нее стало радостно оттого, что крысиный суп можно было и не готовить.

- А что в них? – Катюха взяла в руки банку, повертела ее, потрясла, пытаясь определить по звуку содержимое.

- Сюрприз будет. – Ответил ей на старания брат.

- Семья, в качестве поощрения нас за то, что мы нашли этот схрон, предлагаю устроить небольшой праздник. Откроем самую большую банку и съедим. Кто за?

- Я за-за-за! – Запрыгала Катюшка, горя от нетерпения.

- За. – Подняла руку Тамара.

- И я, за. – Присоединился Матвей.

Егор выбрал самую большую банку, воткнул в нее нож и открыл крышку. В слабом свете фонаря не получилось разобрать содержимое банки.

- Что это? – Не удержалась первой дочь.

Егор осторожно лизнул нож.

- Повидло… сливовое, в садике такое ел.

- Урааа! – Воскликнула Катя. – Я уже по сладкому соскучилась. Дай попробовать.

Егор зачерпнул ложкой желеобразную массу повидла и отправил дочери, разинувшей рот как птенец.

- Так, семья, я предлагаю вскипятить немного воды и употребить её вместо чая с повидлом. – Предложил отец.

Детям трудно было ждать, но Егор настоял на этом. Пока вода закипала в котелке, он смастерил из парафина и веревки свечу. Когда свеча была готова, он поднес ее к синему пламени газовой горелки. Потрескивая влагой, свеча разгорелась, распространяя вокруг себя уютный теплый свет.

- Тушите фонари. – Приказал Егор.

Внутри желтой сферы, создаваемой светом свечи, возникло забытое чувство комфорта. Неровное пламя гипнотизировало, хотелось смотреть на него, не отрываясь. Каждого из членов семьи в этот момент посетило ностальгическое чувство домашнего уюта. Как мало им было нужно сейчас, чтобы почувствовать себя счастливыми, и каким недостижимым казалось счастье тогда, всего неделю назад. Тамара подумала о самой себе до этой поездки и вдруг поняла, что не понимает ту женщину, вечно сравнивающую себя с другими, отчего возникало чувство неполноценности и вечно ускользающего счастья.

Егор ощутил исходящее от всех членов семьи чувство умиротворения и сам поддался ему. Оно физически присутствовало в границах, освещаемых дрожащим пламенем свечи. В темноте пещеры умиротворения не было. Там притаилось леденящее чувство неопределенности, и пока горела свеча, этому чувству не было места в душах людей.

Вода в котелке закипела. Егор разлил кипяток по одноразовым стаканчикам. Кате разбавил холодной водой. Как торт на день рожденья, посередине импровизированного стола стояла жестяная банка с повидлом. «Чай» пили в тишине, причмокивая и шмыгая носами. У Катюшки кипяток почти не отбавлялся. Вскоре по дну банки застучали ложками. Отец с матерью оставили право детям доесть повидло до конца. Право облизать банку Матвей предоставил сестре. Катя осторожно возила по дну пальцем, собирая липкую сладость, а потом облизывала палец.

После праздничной трапезы всех потянуло в сон. Свет свечи и ее запах создали атмосферу привычности. Егор почувствовал, как внутри него все эти дни жило напряжение, а он и не замечал его, пока оно не исчезло. Ему смертельно захотелось спать. Из последних сил он встал, взял сухой спальник и забрался в него.

- Если ляжете спать, притушите свечку. – Отдал он последний приказ и тут же уснул.

Семья последовала его совету. Спать хотелось всем. Девчонки забрались на матрац и накрылись палаткой, Матвей, так же как и отец, забрался в спальник. Пещера на несколько часов превратилась в сонное царство.

Первый месяц

В тот день, когда наступила полная тишина, у каждого промелькнула мысль, что он оглох. Семь дней продолжался страшный ураган, бомбардирующий корпус подводной лодки. И вдруг все затихло. За несколько часов до этого казалось, что наступил конец света, и ураган не остановится, пока не прикончит последнего человека. Если бы он продлился еще пять дней, то и глубины котловины могло не хватить. За пять дней, что лодка пряталась в ней, уровень воды упал на два километра. Миллиарды кубометров воды распылились по всему земному шару.

Татарчук отдал приказ подняться на перископную глубину. Ураган мог стихнуть, но не прекратиться совсем. Борясь с искушением выбраться наружу, чтобы послушать, что говорят по радио, командир решил, что вначале благоразумнее разведать обстановку.

Первый же осмотр в перископ привел командира в ступор. Терехин забеспокоился за него. Татарчук оторвался от окуляров и долго смотрел в стену, не мигая.

- Позвольте мне, товарищ капитан первого ранга. – Попросил его Терехин.

Татарчук ничего не ответил, сделал шаг в сторону, освобождая доступ к прибору, не меняя выражения лица. Терехин прильнул к окулярам перископа. Вначале он подумал, что снаружи уже вечер. Темное небо заволокло тучами от горизонта до горизонта. Имели они темно-коричневый цвет, как во время заката. Но садящегося солнца не было видно. Терехин посмотрел на часы, показывающие время в соответствии с часовым поясом. На улице был полдень. Виктор внимательнее всмотрелся в перископ. Ему показалось, что тучи висят гораздо ниже, чем обычно. И еще его впечатлила вода. Она казалась черной. На поверхности плавало много мусора, словно они всплыли посреди городской свалки. Волн почти не наблюдалось. Можно было всплывать, чтобы убедиться воочию с тем, что сталось с миром после урагана.

Субмарина поднялась вертикально, равномерно закачав воздух во все балласты. Неожиданно эфир оказался безмолвен. Это стало подтверждением самых дурных прогнозов, которые рождались в разговорах членов экипажа. Татарчук с Терехиным несколько раз устраивали полемику насчет природы и последствий урагана. Они сходились во мнении, что такого в истории человечества еще не было, но оба верили, что катастрофа носила относительно локальный характер, зацепив восточное побережье Северной Америки и, возможно, Западную Европу с Англией и Исландией.

Молчащий эфир говорил о том, что катастрофа прошлась по всей планете. На секретных частотах тоже никого, а это было совсем страшно. Они должны были работать даже после ядерной войны. В эту минуту каждый член команды атомной подводной лодки «Пересвет» вспомнил о своих родных. Виктор Терехин нашел спокойный и

уединенный уголок на субмарине. Он сжал кулаки и изо всех сил попросил у бога, чтобы его жена и дочки остались живы.

Егор никак не мог проснуться. Сон словно придавил его бетонной плитой к земле. Непонятное чувство тревоги настойчиво заставляло открыть глаза, но многодневная усталость требовала отдыха. Тревога поборола. Егор резко сел. В абсолютной тьме пещеры было слышно, как сопят носы членов его семьи.

Стоп! Егор вдруг понял, что слышит их сопение, а раньше его перекрывал гул вибрирующих стен пещеры. «Орг*а*н» больше не играл. В пещере стояла полная тишина. Егор не мог поверить в это. За несколько дней он полностью свыкся с мыслью, что ветер это надолго, если не навсегда. На ощупь он добрался до газовой плитки и разжег ее. От огня прикурил огарок свечи, и все еще считая, что тишина ему мерещится, отправился к выходу из пещеры.

Стенки тоннеля не дрожали под рукой. Вход был завален, но жидкая грязь больше не сочилась сквозь камни. Ветер наконец-то стих. Егора обуяла такая радость, что раздавленная грудой камней машина казалась пустой мелочью. Он поспешил поделиться радостью с семьей.

- Тамара, Тамара! – Прошипел Егор на всю пещеру. – Просыпайся!

Супруга, уже привыкшая, что все новости с того момента, как они отправились в эту поездку были только плохими, испуганно подскочила.

- Что случилось! – Вытаращив глаза, уставилась она на мужа.

- Ветер стих, прикинь. Там тишина. Слышишь? – У Егора даже слезы заблестели в глазах от радости.

Тамара прислушалась.

- Точно. Не верится.

Тамара встала во весь рост и, боясь обмануться, вслушалась в тишину.

- Правда, тихо. Слава богу.

Она обняла Егора и уткнулась ему в плечо. Егор поцеловал ее в макушку. Они оба в этот момент подумали о том, что испытания даны им были неспроста. Слишком много символичности было в этом. Божий промысел, словно нарочно привел к тому месту, откуда

началась их совместная жизнь, и указал на мелочность тех проблем, которые рушили брак.

Тамара и Егор не стали будить детей. Они с нетерпением ждали, когда те проснутся сами. Первой проснулась Катюшка. Она высунула личико из-под палатки и удивленно посмотрела на родителей, счастливо улыбающихся и держащихся за руки.

- Вы чё? – Коротко и ясно спросила она.

- Мы, ничё. А ты разве не слышишь? – Спросила с улыбкой на губах Тамара.

Катя прислушалась.

- Гудёжа нет. – Заметила она. – Ветер что ли закончился?

- Конечно, мартышка, ветра нет. – Тамара подошла к Кате и обняла дочь.

- За нами скоро приедут из МЧС? – Спросила Катя.

- Конечно, бабушки и дедушки ваши, наверное, уже все службы обзвонили.

- Я думаю, что в течение суток, максимум двух, за нами приедут. – Убедительно сказал отец.

Разговор услышал сын. Он выбрался из спальника и тихо подошел и сел на край матраца.

- Слышал, что ветер стих? – Спросила его мать.

- Слышал. Здорово. Но только МЧС ждать не стоит. Надо самим выбираться. – Матвей разрушил торжественную приподнятость духа.

- Матвей, твои теории имеют право на существование, но я предлагаю подождать двое суток. Если помощь не придет, тогда попробуем найти выход из пещеры.

Егор верил, что выбравшись из пещеры, они смогут получить вполне простое объяснение тем непонятным вещам, вроде рыбы или соленой воды. Ну как могла попасть сюда, да еще и в таком количестве морская вода? Бред.

- Двое суток, Матвей. Вот увидишь, что помощь обязательно придет. – Егор свято верил в то, что говорил.

- Ну, хорошо, двое, так двое. Чем займемся в ожидании?

- Может быть, мне еще раз попробовать разобрать вход? – Предложил Егор. – В этот раз при помощи инструмента.

- Потерпи, Егор, не хотелось бы рисковать тобой, когда помощь будет рядом. – Забеспокоилась Тамара.

Матвей хмыкнул, оставшись при своем мнении.

- Значит, решено, двое суток ждем, а на третьи идем искать выход из пещеры. – Егор шлепнул ладонями по ляжкам и резко встал. – А пока, побалуем себя советской консервированной кухней.

Понятие «сутки» в условиях полной темноты и отсутствия часов получалось мерить только условно. Субъективно, вторые сутки заканчивались, а помощи всё не было. Все знали, что Горбуновы поехали к Черной пещере. И на работе Тамары, и на работе Егора, а так же родственники. Неужели им настолько было все равно, что они вовремя не явились на работу, давно не звонят?

Тамара постоянно прислушивалась к звукам, идущим со стороны входа. Она пыталась уловить хотя бы намек на звук разбираемых камней. Но в пещере стояла полная тишина, начинающая давить на психику так же, как и инфразвуковой «орган». Радость ожидания постепенно заменялась тревожным беспокойством. Надежда на скорое освобождение таяла с каждым часом.

Егор с сыном снова ушли за водой, Катя спала, и некому было остановить поток негативных мыслей. Тамара тряхнула головой, разгоняя мысли, как собака сгоняет с себя воду. Немного помогло. Война войной, но мужчины просили приготовить обед к их возвращению. Если она так и будет сидеть наедине со своим унынием, то от этого никому сытнее не станет. Тамара потрясла над ухом жестяными банками. Выбрала с самым густым содержимым и вскрыла ножом. В банке оказалась говяжья тушенка с толстой белой «пробкой» жира сверху. Ее запах напомнил ей прекрасное время в пионерских лагерях. Теперь она знала, чем пахло из столовой.

Крупы уже не было, поэтому всех ждал жидкий, но наваристый суп из тушенки. Если бы Тамара открыла рыбные консервы, то всех ждала бы уха. Она вывалила тушенку в котелок, добавила кусочек соли и принялась помешивать, пробуя на вкус.

В дальнем конце пещеры послышался шум и забегал по стенам луч фонаря.

- Это вы? – Крикнула в темноту Тамара.

- Я. – Ответил Матвей.

Тамара дождалась, когда подойдет сын. Матвей подошел и поставил на пол бутылку с водой.

- А отец где? – Спросила она.

- Полез искать выход. – Ответил сын.

По интонации мать сразу догадалась, что сын ей что-то не договаривает.

- Вы там что, поругались?

- Немного. Отец не верит, что ветер был такой силы, что уничтожил мир. Я ему все объяснил, это же очевидно. А он разозлился и сказал, что выберется и покажет мне, что ничего страшного не произошло. А еще сказал нам готовиться встречать его с той стороны.

- Матвей, вот зачем ты разозлил отца? Он ведь в таком состоянии обязательно глупостей наделает. У вас ведь, у мужиков, когда тряпкой перед лицом махнут, вы же сразу голову теряете.

- Нет, мам, он успокоился. Мы с ним спокойно до той пещеры дошли, откуда сквозняк дует. Он взял трос, клинья, топор. Он и так собирался лезть, без нашего спора…

- Садись, ешь. – Оборвала Тамара сына.

Тоннель поднимался вертикально вверх уже больше десятка метров. Руки и ноги тряслись от напряжения. Егор поднимался на несколько перехватов, затем расклинивался, упершись спиной и ногами в стены тоннеля и несколько минут отдыхал. Силы подходили к концу. Падать вниз было самоубийственно, но и лезть вверх не хватало энергии.

Егор снова перехватился. Нога скользнула по мокрой стене и ушла в пустоту. Тело на мгновение превратилось в стальную пружину, расклинив себя на трех точках. Егор выдохнул. Кровь забилась в висках от страха и напряжения. Он уперся соскользнувшей ногой в стену. Зафиксировавшись, он в который раз разогнал динамо фонарика. Ну, хоть какая бы трещинка проступила в скальной породе? Выровненные потеками стены были гладкими и сплошными.

Оказавшись в безвыходной ситуации, Егор понял, что каждый раз, принимая скоропалительные решения, он больше всего вредил самому себе. В этот раз ему нужно обязательно выбраться наружу. Семья ждала его, и он не мог подвести их. Если он сгинет в многочисленных тоннелях, и если Матвей прав, то их ждет мучительная голодная смерть. Хотя, если Матвей такой умный, то он возможно и придумает, что-то умнее, чем карабкаться вверх по отвесному тоннелю.

Егор усмехнулся, вспомнив свой спор с сыном. По сути, у него не было аргументов против доводов сына, он исходил только из того, что

вероятность такого ветра невозможна. А невозможен он был только потому, что в истории человечества не было таких ветров описано. У Егора были кое-какие сомнения на счет своей правоты, но в одиночестве, хорошо поразмыслив, он смог убедить себя, что теория сына неправдоподобна.

Он отдышался и снова перехватился, затем еще раз. В тоннеле было холодно. Майка уже давно выправилась из штанов и в поясницу дул ледяной сквозняк. Не хватало еще приступ радикулита получить прямо во время подъема. Это было бы очень смешная и нелепая смерть, заслуживающая премии Дарвина.

Кажется, прошел час, или два. Ноги и руки сделались ватными. Егор почти не чувствовал, как они упирались в стены. Он знал, что они упираются, потому что мозг отдавал им такой приказ, но от конечностей не приходил обратный сигнал. Его мелко трясло. Силы были на исходе. Хотелось заплакать от бессилия, но он знал, что плач заберет последние силы и он стопроцентно свалится в бездну, которую преодолел с таким трудом.

Егор уже не был уверен, что перехватываясь, поднимается вверх. Ему казалось, что он просто топчется на одном месте. В это не хотелось верить, но малодушная мысль настойчиво сверлила мозг. В очередной раз Егор уперся спиной и ногами в стену, и осторожно вынул фонарь из кармана. Сил «вжикать» динамо тоже не осталось. Бледный прерывистый свет фонаря прошелся по стенам и … утонул во мраке. Над головой метрах в двух тоннель разветвлялся и одним рукавом уходил в сторону.

Егор бессильно опустил руку, переборол желание разрыдаться и замер, набирая сил для решительного и последнего подъема. Надежда придала ему сил. Егор еще раз осветил тоннель. Ромбовидный разлом в горе, по виду относительно свежий, без заметных натеков по стенам, уходил под прямым углом по отношению к тоннелю, в котором застрял Егор.

Мужчина просчитал все движения, куда он будет ставить ногу, где ухватится, как перекинет центр тяжести, чтобы ввалится прямо в ответвление. План придал ему уверенности. Егор начал решительный штурм последних метров. Поднявшись вровень с ответвлением, он перехватился так, чтобы упереться ногами в противоположные стены тоннеля, а спиной в нижний край ответвления. Зафиксировавшись, он

оперся локтями о край, приподнял корпус и, распрямив ноги, юркнул внутрь бокового прохода. Затянул ноги в тоннель и позволил себе немного порыдать, в основном для того, чтобы снять нервное напряжение.

Но чувство долга перед семьей не позволило ему пребывать в инертном состоянии. Егор размял затекшие конечности и двинулся дальше. Сквозняк в туннеле присутствовал, обнадеживая, что он идет в верном направлении. А через некоторое время стали попадаться маленькие черные комочки, в которых он признал крысиные экскременты. Это был хороший знак. Животные могли жить вблизи выхода из горы. Тоннель расширялся, пока не разошелся до вполне полноценной пещеры. Откуда-то потянуло влагой. Через несколько шагов Егор узнал причину этому. Он с ходу наступил в воду, провалившись ногой почти по колено. Это была не совсем вода, а такая же жижа, как у них в пещере. Егор попробовал ее на вкус. Она была соленой. Выход был где-то рядом.

Егор принялся интенсивно тренировать динамо фонарика, чтобы лучше осветить пещеру. Он чуть не выбросил фонарь в воду, когда увидел, что весь потолок усеян летучими мышами. Их были тысячи. Егора передернуло от отвращения. Он с детства считал летучих мышей кровопийцами, хотя это было и не так, но полностью победить детский страх ему не удалось.

Надо было идти вперед. Пол пещеры блестел спокойной ровной гладью. На ней не было ни одного выступающего островка, чтобы использовать его в качестве ориентира и промежуточного пункта отдыха. Егор надеялся, что глубина здесь небольшая, и он легко преодолеет препятствие. Сделал первый осторожный шаг. Нога ушла по колено, второй шаг – выше колена, третий шаг – по пояс. Егор хотел уже вернуться, чтобы поразмыслить над тем, как найти более безопасный путь, но четвертый шаг показал, что глубина выровнялась на уровне поясницы. Жижа была холодной и неприятной по составу, напоминая илистое дно реки.

Егор пересек половину пещеры, подсвечивая себе маршрут. По тому месту, откуда текла грязь, можно было вычислить выход. Пока стены были девственно чистыми. Время от времени, летучие мыши оправлялись и их продукты жизнедеятельности с мягким всплеском падали где-то рядом.

Пещера изгибалась пологим поворотом вправо. Глубина варьировалась от колен до шеи. Егор прижался к стене, считая, что так будет меньше вероятности куда-нибудь провалиться. Вода в пещере была ледяной. Стресс прошел, и Егор почувствовал, как он устал и замерз. Зубы стучали друг о друга.

В сравнении с Черной пещерой, эта была гораздо длиннее, и Егор никак не мог достигнуть противоположной стены. Наконец, она обозначилась в слабом свете фонаря. А вместе с ней и полузатопленный выход из пещеры. Егор заторопился, увидев его. Отошел от стены, и интенсивно разгребая жижу перед собой, направился к выходу. За что и поплатился. Нога внезапно ушла в пустоту. Егор провалился с головой в жижу. Истерично забил руками, боясь, что его может затянуть в грязь, как в болото. Ноги достали дно. Егор оттолкнулся от него и выскочил на поверхность. В полную тьму. Фонарь вывалился из рук, отчего он оказался полностью дезориентированным в темноте. Собраться с мыслями тоже не получалось. Жижа не держала на поверхности. Егор снова пошел ко дну. Когда ноги достигли его, он почувствовал, что наступил на что-то. Нашарил руками, и нашел в себе силы обрадоваться, что это его фонарь. Он крепко зажал его в руке и оттолкнулся от дна. С пятой попытки у него получилось попасть на то место, где вода достигала ему подбородка. Тем не менее, куда двигаться было не понятно, фонарик отказался светить. И Егор придумал, как определить, с какой стороны находится стена.

- А! – Громко и отрывисто крикнул Егор.

Звук разошелся свободно. Егор развернулся на четверть оборота.

- А!

Звук с правой стороны как будто был приглушенней. Егор сделал еще четверть оборота вправо и крикнул. Звук, как будто утонул в препятствии. Для чистоты опыта он сделал еще полоборота и крикнул. Теперь с левой стороны звук был приглушенней. Егор вернулся на полоборота назад и, осторожно проверяя перед собой дно, двинулся вперед. Вскоре дно пошло на подъем и Егор через несколько шагов уперся в стену. Пройдя приставными шагами влево двадцать шагов, нащупал проход. Тот был покрыт густеющей грязью.

Егор забрался в него. Сквозняк в проходе был такой силы, что толкал перед собой и свистел в поворотах. Егор шел осторожно,

проверяя руками расстояние перед собой. Был шанс уткнуться лбом в какой-нибудь выступ. Этого он мог уже не пережить. Эмоциональные и физические силы были на пределе. Любое препятствие, даже самое безобидное могло выбить его из колеи.

Егору показалось, что жижа стала теплее и впереди будто бы замаячил свет. Спустя несколько метров он убедился в этом. Слабый свет проникал в пещеру. Егор выставил руки перед собой и прибавил шаг. Он не мог поверить своим глазам, когда увидел очертания края пещеры на фоне более светлого неба.

Егор вышел наружу. На улице стояла ночь. Для глаз, привыкших к темноте, она не казалась такой уж непроглядной. Егор не веря, что ему это удалось, выбрался наружу. Теплое безмолвие беззвездной ночи приняло его в свои объятья. Он физически ощутил близкое присутствие тяжелых туч. В воздухе сильно пахло влажностью, и стоял полный штиль. Ни ветерка, ни стрекота сверчков, ни крика ночной птицы. Но это мало волновало Егора. Он выбрался из склепа и был свободен. Как рассветет, он спустится вниз и разберет вход в пещеру, где осталась его семья.

Вокруг пещеры, задержавшись на каменных выступах, лежали остатки грязи. Егор чуть не поскользнулся на таком и не сорвался вниз. Благоразумно решив сегодня больше не испытывать судьбу, он нашел более менее сухое место, устроился на нем поудобнее и уснул.

Дабы не угнетать себя монотонностью и бессмысленностью существования, космонавты решили заняться делом. Они попробовали связаться с Землей по обычному радиоканалу. Долгое время в эфире не было слышно ничего, кроме помех. Но спустя неделю с того времени, как началась эта буря, до них долетел первый сигнал. Сигнал от выжившего человечества. Джейн немного понимала испанский и смогла разобрать, что эти люди спаслись в горах, что они ученые и занимались астрономией. Полноценного общения с ними не получилось из-за того, что МКС быстро ушла из зоны приема сигнала.

Из-за сплошных туч, лодка никак не могла установить правильные координаты по спутникам навигации. Кто-то из команды предложил установить радиосвязь с космической станцией. И это удалось.

Старшие офицеры собрались на палубе лодки под тяжелыми, низкими тучами. Темный океан лениво колыхался. Погода была почти

безветренной. На поверхности воды плавало много мусора. Пейзаж совсем не походил на прежний океан, больше напоминая затопленную свалку.

Татарчук прошелся по палубе, внимательно осматривая повреждения корпуса. «Тело» лодки было все в шрамах. Отметины, оставленные твердыми предметами, покрывали его сплошь. Вдоль правого борта имелись длинные борозды с зазубренными краями, оставленные чем-то крупным. Терехин вспомнил этот скрежет в свою первую смену. Вмятину, оставленную столкновением с дном, сейчас осматривали водолазы. Можно было не сомневаться, что и там не будет особых проблем, иначе на глубине любое повреждение корпуса немедленно дало бы о себе знать.

Можно было считать, что из битвы со стихией подлодка вышла победителем. Неясно было только, что делать с такой победой. Ситуация для экипажа военного судна выглядела совершенно неясной. О ней не писалось в Уставе, не предупреждалось на разводе перед боевым походом. Как быть в случае, когда не отвечают командные центры, когда не знаешь, существует ли еще государство, которое ты обязался защищать? Субмарина колыхалась на волнах среди бескрайнего океана, как сирота. У нее пропала цель, ради которой она и появилась на свет.

- Товарищ командир, товарищ командир! – Из люка показался вахтенный матрос. – Там это, передача с космической станции!

Всех, кто был на палубе, как волной смыло. Вперед всех, как и положено по субординации, в люке исчезла блестящая лысина Татарчука. Когда офицеры ввалились в рубку, передача уже закончилась.

- Связь неустойчивая, скорее всего из-за грязной атмосферы. – Предупредил вахтенный офицер.

- Да пес с ней, с атмосферой. Что они сказали? – Почти крича, спросил командир.

- Я сейчас, я записал, они несколько раз повторили. – Офицер взял со столика листок и, волнуясь, начать читать. – Всем, кто выжил и имеет возможность слышать нас, знайте, что катастрофа постигла всю планету. Мы видели, как все начиналось, но очень скоро атмосфера скрыла от нас происходящее. Связь с центром управления прервалась сразу, как фронт достиг его. По нашим данным скорость ветра

достигала тысячи километров в час и более. Мы ослеплены и не знаем, что происходит на земле. Всем, кто имеет возможность радиосвязи, ответьте. Каждые сорок пять минут, мы находимся над вами. До связи. А потом на английском еще было. – Офицер положил листок, боясь взглянуть в глаза командира.

Татарчук присел. Взгляд его блуждал. Ладонь полировала лысину.

- Вот значит как…, все-таки, вон как получилось…, по всей планете. – Он перевел взгляд на команду. – Всем отдыхать до особого распоряжения. Свободны! – Затем перевернулся к связисту. – Сделаешь нам связь с космосом?

- Так, точно товарищ капитан первого ранга.

- Хорошо, хорошо. – Произнес он автоматически. – Вот дела.

Терехину вдруг стало тесно внутри подлодки. Он почувствовал неожиданные приступы клаустрофобии. Низкий потолок, теснота отсеков и пустота внутри себя, вытолкнули его на палубу. Хотелось уединиться, никого не видеть и не слышать. Виктор прошел к самому носу судна. Взгляд его смотрел в никуда, потому что мыслями он был далеко от этого места. Капитан Терехин был дома, с женой и дочерью. Его нос уловил в воздухе знакомые ароматы дома, разошедшиеся теплом по сердцу. Это была работа сознания, подыгрывающая желанию человека. В этот момент думалось только о том, чтобы бросить этот ставший ненужным поход и вернуться домой, скорее узнать судьбу близких.

Тут он был не одинок. Каждый член экипажа подлодки «Пересвет» оставил дома кого-нибудь и переживал за их судьбу. По всем раскладам следовало повернуть назад, ибо то, ради чего задумывался этот поход, потеряло смысл. Если Татарчук вовремя не примет это решение, Виктор решил убедить его в разумности возвращения домой. Вряд ли Америке сейчас будет до конфронтации, как и России.

Непривычный свет раздражал глаза даже сквозь веки, Егор отвернулся от него и напоролся ребрами на камень. Вскрикнув от боли, он проснулся и открыл глаза. И тут же закрыл. Свет резанул их, оставив яркие пятна на сетчатке. Егор сел и прикрыл глаза ладонями. Так смотреть было легче, но все равно неприятно. Слезы потекли из глаз.

Снял с себя грязную майку и натянул на голову. Обернул вокруг глаз в два слоя и снова открыл глаза. Так было еще комфортнее. Через полчаса Егор оставил один слой. Еще через полчаса он мог смотреть себе под ноги, разглядывая камни. Наконец, Егор решился выглянуть из-под майки. Он приподнял ее за одну сторону, осторожно приоткрыл глаз и остолбенел.

Он не знал мир, лежащий перед ним. Неестественное низкое коричневое небо почти соприкасалось с пологими вершинами старых уральских гор, утопающих в бескрайней водной глади у их подножия. Егор встал, зажмурился, для верности потер глаза и снова открыл. Ничего не изменилось. В коленях появилась слабость, и он снова сел. Разум отказывался верить в то, что видели глаза. Решил, что иллюзия могла быть вызвана тем, что он провел в полной тьме больше недели.

Постепенно глаза привыкали к дневному свету, и по мере привыкания он замечал, что на улице совсем не день, а настоящие сумерки. Коричневое небо, почти не пропускало солнечный свет. В окружающем ландшафте ничего не менялось к привычному, напротив, становилось все реалистичнее и пугающе.

Егор осмотрелся, пока ждал, когда глаза полностью приспособятся к дневному свету. Если бы ему сказали, что он перенесся в другое место, где горы стоят прямо в черной воде, со склонами лишенными любого намека на растительность, то с большей вероятностью принял бы эту правду, чем ту, которая к его страху настойчиво напрашивалась. Матвей был прав, и это было ужасно.

Мужчина понял, что находится на той же стороне склона горы, где и был вход в Черную пещеру. Впереди, за большим черным «озером», теряясь во мгле, находилась двойная вершина, которая и была ориентиром для туристов. Егор посмотрел вниз, чтобы примерно определить, где находится вход в Черную пещеру. Склон горы был непривычно лишен растительности. Ветер и селевые потоки сбрили все, что росло на ее склонах.

Рядом с той пещерой, из которой он выбрался, находилась подсыхающая грязная лужица. Егор мокнул пальцем и проверил ее на вкус. Соленая. Он не сомневался, что и «океан» раскинувшийся под ним имел тот же вкус.

Семья с нетерпением ждала результатов его экспедиции. Егор представил их сидящих в темноте и томящихся ожиданием. Наверняка

им в голову лезли разные мысли, и Тамара успокаивала детей, в душе со страхом предполагая какой-нибудь страшный исход. Следовало быстрее найти вход в Черную пещеру и разобрать его.

Глаза пытались найти хоть какую-нибудь зацепку, чтобы примерно определить в какую сторону двигаться. Егор знал, что сейчас он выше, но влево идти или вправо не мог определить. Начал осторожный спуск вниз, надеясь увидеть привычные ориентиры. Кое-где грязь застряла в неровностях рельефа. Егор не хотел пачкать подошвы ботинок в ней, чтобы не поскользнуться. Но все равно приходилось это делать.

Интуитивно, он решил двигаться вправо. Так ему казалось правильнее. Никаких шатких камней на пути не встречалось. Стихия отшелушила с тела горы всю старую «кожу». После свежего и холодного воздуха пещеры, Егор не сразу понял, что на улице душно и тепло. Из-за больших усилий по телу потекли ручьи пота. Егор то и дело останавливался, растирая их грязной майкой по лицу.

Его усилия скоро вознаградились, он увидел дорогу, по которой приехал к пещере. Это значило, что он немного отклонился правее, чем нужно было, но с другой стороны, идя по дороге, невозможно было промахнуться мимо пещеры.

Примерно через полчаса Егор ступил на поверхность вычищенной до блеска дороги. Ветер постарался на славу. Ни один человеческий механизм не смог бы этого сделать. Гладкая, как отполированная поверхность дороги, местами пестрела крупными выбоинами. Егор представил, какие куски камня ударялись в эти места. Но на дороге они не лежали, что прямо указывало на то, какой силы свирепствовал ветер. Егор подошел к краю дороги. Раньше с него открывался вид на лесистую долину глубоко внизу, а теперь вместо нее раскинулась водная гладь. Неподвижная, черная. Своим неестественным появлением она вызывала суеверный страх. Егора передернуло. Не было никакого желания подойти к бережку, наоборот, хотелось держаться от него подальше.

Егор продолжил подъем по дороге. Он вдруг осознал, что вода никак не могла попасть сюда, минуя прочие территории. Что теперь сталось с его родными и близкими? Может быть, стихия обошла их стороной или поверху, не принеся серьезных разрушений? В это

хотелось верить, а пока, мысли мужчины были заняты своей семьей, запертой в «склепе».

Идти по ровной дороге, это не карабкаться по горам. Егор миновал очередной поворот. Дорога здесь находилась с подветренной стороны и уже не была такой отполированной и чистой. Вдоль стен был наметен сугроб из камней и грязи. Вскоре он вышел на площадку перед входом в Черную пещеру.

Сель, сошедший сверху и заблокировавший выход наружу, почти полностью унесло ветром в долину. Почти вся площадка была чиста, только вдоль обтесанной стены собралась груда камней, длиной метров в двадцать и высотой метра в два. Следовало точно определить, где находится вход, чтобы не прилагать больших, чем надо усилий.

Егор вспомнил расположения до начала ветра всех предметов на площадке и деревьев. Нашел оставшиеся от них еле приметные пеньки, выбрал ракурс, с которого, как ему помнилось, он смотрел на них. Примерился и стал разбирать завал. Камни попадались в основном не крупные. Тяжелые камни катились по инерции дальше, туда, где их подбирал ветер и скидывал в пропасть.

Время от времени, Егор применял трос, которым был, обернут вокруг пояса, чтобы снова не размозжить себе пальцы. Он почти не ошибся. Вход в пещеру был немного левее. Через пару часов усилий он дернул за мокрый камень, который выскользнув из рук, провалился внутрь. Вход был найден.

Егор взял маленький тайм-аут. Он хотел крикнуть внутрь пещеры, но к горлу подкатил ком, и вместо крика он издал шипение. Пришлось подождать, чтобы успокоиться. Вдруг из глубины пещеры раздался голос Матвея.

- Пап! Пап! Это ты?

Егор подскочил, как ужаленный, просунул голову в отверстие, освобожденное камнем.

- Я это, сынок! Я! Скоро раскопаю проход, иди, скажи маме. На свет пока не смотрите, а то ослепнете с непривычки.

- Хорошо, пап, скажу. Как там, на улице?

Егор разволновался, говорить сразу или нет, про масштаб стихии.

- Ты был прав, Матвей. Иди к маме, скажи, что все нормально, и я скоро разберу вход и приду к вам. Не забудь сказать, чтобы берегли глаза.

- Хорошо!

Егор услышал, как зачавкали ноги сына по грязи. С утроенным усердием принялся раскидывать камни. Тамара не послушалась, и Егор услышал ее плач по ту сторону завала.

- Тамара, не подходите близко, иначе испортите глаза. – Предупредил Егор.

- Я уже поняла. – Ответила она сквозь слезы. – Как хорошо, что ты добрался живой. Мне в голову чего только не лезло.

- Сейчас я разберу, чтобы пролезть.

Егор расчистил проход наполовину. Их машину приплющило к земле так сильно, что до нее он так и не добрался. Протиснулся в образовавшийся проход и увидел щурившуюся на свет супругу. По ее щекам текли слезы, размазывая грязь по лицу. Он крепко обнял ее. Тамара прижалась лицом ему в грудь и разрыдалась.

- Не верится, что все позади. – Произнесла она всхлипывая.

Егор не нашелся, что ответить. Он увидел, что в двух шагах стоят Матвей и Катюшка. Они смотрели на родителей. На их щеках тоже светились слезы, отражая дневной свет.

- Все будет хорошо. – Егор поцеловал Тамару. – А сейчас мне хочется пить и есть. Осталось что-нибудь в этом гостеприимном доме?

- Осталось. – Сквозь слезы сказала жена. – Без тебя аппетита ни у кого не было.

Обрадованная возвращению главы семейства семья с удовольствием ела нехитрый обед. Тамара открыла банку, в которой оказалась килька в томате. Из нее получилась жиденькая уха. После обеда Егора отпустило. Он почувствовал, как ноют все его мышцы. Спина не разгибалась в пояснице и болела при любом движении. Руки скрючились, и на попытку разогнуть их, отзывались резкой болью.

- Кажется, сегодня я больше ни на что не гожусь. – Егор понял, что заставить себя работать он уже не сможет. – Я выйду наружу, а вы можете посидеть перед входом. Когда глаза немного привыкнут, передвигайтесь ближе.

- Как там? – Спросила Тамара, дождавшись, когда муж поест.

- Знаешь… – Егор задумался на мгновение, – кажется, наш сын перещеголял нас в умственных способностях. Вся долина залита водой, даже не водой, а грязью. И она соленая.

- То есть.

- То есть ее могло принести ветром, откуда угодно, с моря или океана.

- Но это невозможно, до ближайшего моря две тысячи километров. – Тамара все еще считала, что может быть более рациональное объяснение.

- Когда ты увидишь то, что я уже видел, может быть и у тебя отпадут все вопросы.

- Ладно, вы мужики любите все драматизировать. Откопались и это хорошо. Меня, честно говоря, уже начинала мучить клаустрофобия и боязнь темноты. И после того, как ты ушел, я стала слышать крысиный писк. Матвей пару раз разжигал покрышки, чтобы испугать крыс.

- Ну, теперь все позади, глаза привыкнут, и можете спокойно выходить на улицу. Там кстати, когда они привыкнут, не так уж и светло. Ветер поднял пыль до неба, и облака теперь коричневые и плохо пропускают свет.

- Мы все интересное пропустили. – Вставила реплику Катюшка.

- Кать, радуйся, что ты была в пещере, иначе ветер мог унести тебя на другой конец земли. – Объяснил ей брат.

- Как Элли и Тотошку. – Вспомнила она «Волшебника Изумрудного города».

- Ага, типа того.

- Я бы согласилась.

- С такими умными и смелыми детьми нам никакие ураганы не страшны. – Поддержала их разговор Тамара.

- Когда вы выйдете на улицу, вам покажется, что вас перенесло в другое место на самом деле. – Заинтриговал детей отец.

Егор поднялся, попытался подвигать конечностями, заохал.

- Я пойду на улицу, не хочу снова привыкать к свету полдня. Пройдусь по округе, посмотрю, что да как. – Он по-стариковски мелкими шажками направился к выходу.

Заточение в пещере и в самом деле породило нежелание находиться в ней. Стены и темнота давили на подсознание, проявляясь в виде кажущегося недостатка воздуха. На полусогнутых деревянных ногах Егор добрался до выхода. Сын прицепился с ним.

- Я только до того места, где глазам не будет больно. – Пояснил Матвей.

Егор и не сомневался, что сын так и сделает. Матвей остановился метров за десять до выхода.

- Всё, начну отсюда привыкать. – Сын притулился на каменный выступ.

- Хорошо, двигайся понемногу, когда глазам будет комфортно. У меня ушло часа два на привыкание, а ты молодой, думаю, за час привыкнешь.

Сын согласно махнул головой. Егор пошел дальше. Выбравшись наружу, он щурился на свет еще минут пять. Когда глаза привыкли, направился вниз по дороге, решив дойти до уровня воды. Ему хотелось верить, что где-то там откроется понимание причин стихии, и они окажутся локальными, произошедшими только в этом месте. При всех фактах, указывающих на глобальность катастрофы, Егор надеялся найти им вполне простое и успокаивающее объяснение.

Дорога шла кольцом вокруг горы, спускаясь вниз, к подножию. Идти было легко, несмотря на боль в мышцах. Но чем дальше уходил от пещеры Егор, тем больше видел разрушений, причиненных ветром. С наветренной стороны скальные породы были выщерблены как от попадания пуль и снарядов. Края выбоин ветер успел отполировать до гладкого состояния. От растительности не осталось и следа. Горы выглядели как до начала времен. А ведь семья ехала сюда под сенью деревьев, растущих на обочине. Теперь не было и самой обочины. Выметенная пескоструем до зеркального блеска, вся дорога была одинаковой ровной поверхностью.

Егор по собственным подсчетам удалился от Черной пещеры километра на три. В этот момент в небе началось затеваться какое-то новое светопреставление. Ни с того, ни с сего ударил гром, раскатившись эхом по долине. Егор не видел молнии, и был немного напуган неожиданным грохотом. Он засомневался, продолжить ли ему путь или вернуться. Зарекся, если гром повторится еще раз, он сразу повернет назад.

Теперь ему приходилось кроме наблюдения за окрестным пейзажем бросать настороженный взгляд на темное однородное небо, готовящее в своих непрозрачных недрах еще один сюрприз для людей. Гром не повторился. Коричневые массы грязного воздуха двигались, скручивались под влиянием ветров, но у поверхности воздух был неподвижен.

- Как перед катастрофой. – Вспомнилось Егору.

Он прибавил шаг. Запах влаги усиливался и к нему прибавился шум падающей воды. За очередным поворотом Егор увидел источник шума. Миллионы тонн воды в секунду покидали долину. Грязная жижа с напором уходила вниз между двух скал, являющихся бутылочным горлышком для внезапно появившегося водоема. Егор представил, сколько Ниагарских водопадов могло бы уместиться в этом. Сотни, не меньше. Дорога под его ногами дрожала от мощи низвергаемых потоков. Вода гудела, бурлила и уходила с такой силой, что могла бы питать своей энергией несколько электростанций.

Зрелище завораживало и пугало одновременно. Егор посмотрел в ту сторону, куда уходила вода. Куда ни глянь, везде была ее блестящая поверхность. Он оперся о камень. Фактов, противоречащих теории Матвея не было. Значит, все его родные, близкие и знакомые, скорее всего, не пережили стихии.

Егор вспомнил отца с матерью. Сейчас он понял, как мало уделял им времени и внимания. Вспомнил коллег по работе. Наверное, он обрадовался бы даже тем, кого недолюбливал. Странное дело, человек так устроен, что ему обязательно нужно находиться в тяжелой ситуации, чтобы понять, насколько мелочны его претензии к другим.

В небе снова громыхнуло. Егор бросил взгляд на небо. Там закручивалась воронка. Попадать под смерч ему совсем не хотелось, и он скорым шагом направился обратно. В гору идти было намного тяжелее. Не отдохнувшие еще со времени подъема ноги настойчиво требовали отдыха. Мышцы и сухожилия горели и болели.

Гром ударил совсем близко. Егор чуть не присел от страха. В ушах засвистело, как от легкой контузии. Кажется, затевалась нешуточная гроза. Он попытался бежать, но скорости это не прибавило, только быстрее выдохся. По земле пробежался холодный ветерок, вызвав волнение черной поверхности водоема. Егор понял, что не стоило так легкомысленно относиться к этой прогулке. Нужно было повернуть назад после первого удара грома.

Упали первые капли дождя. Он был ледяным. Егор снова попытался бежать, но это выглядело как бег на беговой дорожке. Сил уходило много, но с места он почти не двигался.

Дождь припустил сильнее. Крупные капли падали на ровную поверхность дороги, разлетаясь маленькими взрывчиками. Еще

немного и они соберутся в ручьи, еще больше препятствующие подъему. Из-за сменившейся обстановки Егор не мог понять как далеко он находится от пещеры. За каждым поворотом он ждал увидеть знакомую площадку, но ее все не было.

Из-за поворота неожиданно навстречу выбежал Матвей.

- Давай быстрее, мамка там боится, что опять ветер начнется. – С ходу выпалил сын.

- А тебя-то она как отпустила? – Удивился отец.

- Я убежал.

- Матвей, мы же договорились, чтобы ты не совершал больше таких глупостей. У тебя вон, еще голова не зажила.

- Ладно, не ругайся. Я не собирался бежать далеко.

- Свежо придание. Как твои глаза кстати, привыкли?

- Да. Ты же больше часа отсутствовал.

- Я дошел до того места, где дорога уходит под воду.

- И что там интересного?

- А то, что куда ни глянь, везде эта черная жижа. Как тебе удалось додуматься до этого, не представляю?

- Вообще, я на Дискавери смотрел передачу о том, что было бы, если бы ветер разогнался до тысячи километров в час. Он просто выдул бы воду из морей и океанов.

- Вот оно что! А я подумал, что ты у нас гений.

- В кого бы. – Пошутил Матвей.

- Вот подлец. – Так же шутливо ответил на подколку отец. – А что там дальше говорилось, в фильме?

- Что поднятая в атмосферу пыль закроет на время планету от солнечных лучей и может начаться зима. А вода, которую ветер нагонит из океанов, снова начнет возвращаться назад, промывая новые русла.

- Про зиму, это очень плохо. – Егор подумал о том, что с едой у них наверняка возникнут проблемы, а зима только усугубит это положение. – А вода уходит. Там жуткий водопад.

- Я хочу посмотреть на него, возьмешь в следующий раз? – Матвей заглянул в глаза отцу.

- Конечно, отчего не взять. Теперь времени ничего не делать у нас гораздо больше, чем раньше.

За разговором отец с сыном не заметили, как вышли к пещере. У самого входа в нее к дождю прибавился град. Вначале он был мелкий, но как только они забрались в тоннель, по камням забарабанили куски льда, размером со сливу.

- Вовремя успели. – Заметил Егор.

- Я вас привяжу к колышку, как овечек. – Донесся позади рассерженный голос Тамары.

- Прости дорогая, не по злому умыслу, а по недомыслию отлучились мы. Многие чудеса видели. – Отшутился супруг.

- Хватит поясничать, Егор. Где ты был? – Тамара спросила твердым голосом, отбив желание кривляться.

Егор пересказал все, что он видел за время отлучки. Жена сникла. Ее посетили, те же мысли про родных и близких, что и Егора возле водопада. Катя подошла и взяла мать за одежду.

- Чего вы такие грустные? Когда мне уже можно на улицу? – Спросила она.

Катя чувствовала себя очень неуютно, когда видела печаль на лицах родителей. Ей, беззащитному ребенку, очень хотелось видеть их всегда жизнерадостными и всегда знающими, как поступить в любых жизненных обстоятельствах.

- Там град идет? – Сказал за всех Матвей.

- Хочу посмотреть. – Настаивала Катя.

Она прошлась взглядом по лицам родителей.

- Иди, смотри, но на улицу не выходи. – Сдалась Тамара.

Матвей взял сестру за руку и провел ее к выходу. Они забрались на багажник машины и с него рассматривали падающие с неба крупные куски льда. Градины отбивали чечетку. С улицы тянуло влажной прохладой. Родители смотрели детям в спины, наблюдая за их реакцией на непогоду. Детям все было интересно.

Тамара стала напротив Егора, спиной к детям.

- Что думаешь? Как жить будем? – Спросила она вполголоса.

Егор пожал плечами.

- Вообще, без понятия. Вода у нас есть, крысы есть, с голоду не умрем. Если все так глобально, как мы думаем, то чем раньше мы научимся приспособляться, тем лучше.

- Как? Как так получилось, что мы оказались в этой пещере именно тогда, когда началась эта катастрофа? Почему мы? – Тамара

старалась не повышать голос.

- А чем мы хуже?

Тамара посмотрела в глаза мужу, проверяя, насколько он говорит искренне.

- Нет, я серьезно, мы не хуже остальных.

- Да, а я думала, что это путешествие будет нашей лебединой песней. Всё шло наперекосяк, и я, честно признаться, совсем не видела выхода. Сейчас, кстати, я не могу вспомнить ни одной проблемы, которая мешала нашему браку.

- Я тоже. Наверное, мы выдумывали их прямо из воздуха, миражи, подпитываемые своим недовольством?

- Это точно.

Рядом сильно громыхнуло. Катя, с перепуга, чуть не упала с багажника. Матвей еле успел поймать сестру.

- Всё, насмотрелась. Пошли назад. – Сказала она, напуганная громом.

Семья гурьбой направилась вглубь пещеры. Когда вход был открыт, она уже не казалась склепом, даже наоборот, уютным убежищем.

Глава 4

Глава 4

- Говорит командир атомной подводной лодки «Пересвет», капитан первого ранга Татарчук Дмитрий Иванович. Мы сейчас находимся на пятидесяти двух градусах северной широты и тридцати градусах западной долготы. Ураган застал нас в боевом походе. Спаслись в котловине. Экипаж не пострадал, корабль исправен.

- Здравия желаю, капитан. Меня зовут Кружалин Игорь. Как я рад слышать человеческий голос. Мы уж думали, что единственные из людей, кто остались в живых. Как у вас там на земле? Какие последствия?

- Хреновые последствия, Игорь. Мы еле успели заскочить в котловину. Вы даже не представляете, что творилось с океаном на глубине ста метров. Нашу лодку мотало, как спичку. По нашим замерам, большую часть океана просто сдуло на сушу. Ума не приложу, где сейчас эта вода. Думаю, что суша затоплена, как в библейские времена.

Космонавты ответили не сразу. Татарчук даже подумал, что связь пропала.

- Жаль, мы надеялись, что последствия окажутся не такими разрушительными.

- Погоди, Игорь, мы тоже не истина в последней инстанции. Мы видим, только то, что произошло посередине Атлантического океана, не более. Давай, не будем унывать. Продолжайте передачу. Не только наша лодка была в океане, американцы, китайцы, англичане, французы. Мы тоже будем пытаться установить с ними связь. Хотя из-за мусора в атмосфере волны не распространяются далеко.

- Хорошо, капитан. Мы это и собирались делать. Как выглядит Земля теперь?

- Да, как тебе сказать. Тучи теперь не серые, а коричневые, висят очень низко, из-за этого горизонт стал намного ближе.

- Понятно…., до связи. – Еле слышно донеслось сквозь помехи.

Связь оборвалась. Татарчук посмотрел на наручные часы, заметив время до следующего сеанса связи.

- Пойду, перекушу пока.

К следующему сеансу связи с космической станцией в рубку пришел и Терехин. Он уже был в курсе предыдущего разговора и не ждал, что его успокоят или подарят надежду. В нем снова проснулся военный, готовый решать задачи по мере поступления. Шуршащий помехами эфир начал заполняться модуляциями похожими на человеческую речь, в каковую они постепенно перешли.

- Это командир «Пересвета» Татарчук. Мы вас слышим. Какие у вас новости?

- Здорово, командир. Это Кружалин. Хорошие новости. На связь вышли несколько подлодок. Одна наша, дизельная. Она в Норвежском море. Есть американцы, где-то в Атлантике, но гораздо южнее вас. На нашей подлодке сломаны рули и винт. Они говорят, что видят горный хребет, выступивший из-под воды.

- Отлично, Игорь. Уточни их координаты и передай, чтобы оставались на месте. Мы выдвигаемся им на помощь.

- Не наскочите на мель. Думаю, что местами океан выдуло до дна.

- Спасибо, Игорь, будем внимательнее. Соображения есть, куда вода подевалась?

- Большая часть затопила сушу, и много ее распылилось в атмосфере.

- Ясно.

Снова затрещало, и голос космонавта ушел.

- Возвращаемся? – Спросил Терехин у командира.

- Так точно, Виктор. Здесь нам делать больше нечего.

Команда субмарины, оставленная на дежурстве по самому минимуму, снова была поднята по штатному расписанию. В надводном положении, не опасаясь быть обнаруженной, как раньше, лодка двинулась обратным маршрутом. Пролегал он иначе. Приходилось выбирать другие глубины, где с большой вероятностью еще осталась вода. Мощный нос корабля рассекал грязные воды мирового океана.

- Привет, Игорь!

- Привет, командир.

- Оставили координаты наши парни с дизельной лодки?

- Нет, на связь к обещанному времени не вышли. Будем пробовать связаться на следующем витке.

- Понятно, а мы выдвинулись к родным берегам, с заходом в Норвежское море. А что у американцев?

- Джейн общается с ними. Говорит, они пытались подойти к берегу, но оттуда идет такое мощное и грязное течение, что они чуть не погибли в водоворотах. Сейчас их корабль стремительно уходит в океан. Имейте в виду, близко к берегам не подходить.

- Спасибо, понял. Новые, кто-нибудь, выходили на связь?

- Почти нет. Был слабый сигнал в одном месте, на западном побережье Америки, но мы ничего не разобрали. Я думаю, что ваших коллег полно по океанам спаслось, просто сумятица еще. Никто не знает, как поступить правильно, что делать с приказами. Вот и молчат.

- Может оно и так, но больше двух километров глубины тоже не везде можно найти.

- По нашим расчетам к полюсам ветер слабел. Визуально, на полюсах его вообще не было. Но мы заметили одну странность – льды в Арктике смешало с водой. У нас есть гипотеза, что ветер выдавил воду к полюсам. Но это гипотеза. Сейчас мы не видим, что там творится. Всю Землю закрыло тучами.

- Спасибо, Игорь, до следующего сеанса, и попробуйте связаться с той дизельной подлодкой. – Татарчук торопился договорить, потому что сигнал начал уходить.

Ответом ему было шипение.

- Значит так, семья! – Громко сказал Егор. – По-видимому, нам здесь придется задержаться на большее время, чем мы рассчитывали. По сему, предлагаю устроить небольшой субботник и навести небольшой порядок. Мы с мамой будем собирать грязь, а вы… – Он обратился к детям, – собирайте мусор и относите его в дальний конец пещеры.

- А зачем? – Не поняла Катя. – Может, на улицу его.

- Пригодится еще. – Егор не стал разъяснять, зачем пригодится мусор, потому что сам еще не знал для чего. – Банки жестяные не мните.

- Хорошо. – Ответил Матвей, имеющий представление о ситуации и последствиях.

Семья дружно занялась наведением порядка в пещере. Егор соскребал с пола уже основательно подсохшую грязь, а Тамара следом заметала автомобильной щеткой. Дети ходили парочкой, потому что

фонарь светил только у Кати, и она не соглашалась передать его Матвею. Сестра светила, а Матвей собирал мусор в рюкзак. Потом они вместе несли этот рюкзак к дальней стене и там вываливали в кучу.

Боль в мышцах мешала Егору работать. Он кряхтел, как старый дед, подолгу разминал спину после нескольких минут работы. Тамара сжалилась над ним.

- На сегодня хватит, торопиться нам некуда, успеем еще навести порядок здесь.

- Точно, хватит, не хватало мне спину сорвать. Отбой дети! – Крикнул отец в глубину пещеры.

Налил воды в котелок и поставил на газовую плитку. Огонь горел красным цветом.

- Газ заканчивается. – Заметил он.

У него был еще небольшой запас сухого горючего, оставшийся от погибшего спелеолога. На нем можно было протянуть несколько дней, а потом…. Потом следовало придумывать, из чего делать огонь. Не есть же крыс сырыми.

- А что ты сделала с теми крысами? – Егор вспомнил про свою добычу.

- Так вон висят, вялятся. – Тамара махнула в сторону.

Егор направил фонарь и увидел три висящих безголовых тушки. Его передернуло.

- Ладно, привыкнем. – Ответил он сам себе.

Подошли дети. В руках Катюшки была непонятная грязная вещица.

- Что за грязь ты притащила? – Спросила ее мать.

- Это котик плюшевый. – Ответила ей дочь, прижав к себе грязный комок.

- Как догадалась, что котик? – Спросил отец, сомневаясь, что этот бесформенный ком похож хоть на кого-нибудь.

- Это котик, Томас. – Настойчиво сказала Катя. – Вот отмою и увидите.

- Ну, что пещерные труженики, пойдем глаза тренировать, а то вы, я смотрю, не больно-то на улицу собираетесь.

Град и дождь прекратились. В воздухе пахло осенней промозглой сыростью. Егор взял в руки градину. Она была не прозрачной или белой, а серо-коричневой, из-за вкрапления в лед большого количества

частиц грязи. Матвей тоже поднял градину и рассматривал ее с любопытством. Тамара и Катя выглядывали из прохода, как слепые сурикаты. Тамара щурилась, а Катя прикрывала лицо ладошкой.

- Послушай, вундеркинд, а что если дождь смоет всю грязь из атмосферы? По идее, мокрая грязь не должна была подняться высоко, может и не будет ледникового периода.

- Не знаю, пап. Может и не будет. Атмосфера, насыщенная водой, должна как-то связать пыль.

- Послушай, Матвей, а ведь теперь площадь испарения стала намного больше, чем раньше. Я думаю, что скоро начнутся проливные дожди.

Позади мужчин раздался хруст. Тамара и Катя, наконец, решились выбраться наружу. У них еще не получалось полностью открыть глаза. Подойдя к мужчинам, они стали рядом. Тамаре хотелось посмотреть на горы и небо, но она могла смотреть только под ноги.

- Пойдемте к краю. – Пригласил их Егор.

Непостижимое уму изменение окружающего мира произвело на Тамару огромное впечатление. Она смотрела и не верила своим глазам. Всего неделю назад здесь была долина заросшая елями, соснами, кленами и вязами, а теперь на ее месте просто ровная черная поверхность. Черный цвет водоема почему-то сильно ее напугал. Он представлялся ей живым существом, наделенным угрюмым и беспощадным характером.

Егор искоса поглядывал за реакцией жены. В какой-то момент он увидел, как затряслись ее губы. Чтобы не разреветься, Тамара прикусила губу. Слезы брызнули из ее глаз, потекли по щекам и закапали с подбородка. Егор понял, что у жены наступил момент осознания глобальности катастрофы.

Матвей тоже заметил, что мать расплакалась, и специально увел сестру в сторону.

- Кать, пошли, побродим. – Брат взял ее за руку и повел за собой.

Катя не сопротивлялась. Детское любопытство одно из самых сильных чувств ответственных за познание мира.

- Далеко от пещеры не уходите. – Строго предупредил их отец.

- Мы тут, рядом поиграем. – Уверил его Матвей.

Егор обнял жену.

- Ничего, мы живы и это хорошо. Значит, так надо было.

Супругу душили слезы. Она и не знала, что на это ответить. Ей было не до мыслей о том, почему именно их семью решил выбрать Господь. Она вдруг поняла, что прошлое потеряно безвозвратно. Кроме памяти о нем не осталось ничего. Глубина этого понимания вызывала дрожь в теле и неконтролируемые слезы. Тамара не могла больше крепиться, обхватила Егора руками и зарыдала.

Супруга билась в конвульсиях пару минут. Егор отнесся терпеливо к ее временной слабости. Наконец, Тамара успокоилась и подняла к нему припухшее от слез лицо.

- О, ну вот, совсем как перед свадьбой выглядишь. – Припомнил Егор вечер накануне свадьбы, когда на Тамару напала блажь, и она прорыдала всю ночь.

- Не напоминай. А вообще, сейчас все еще гораздо хуже, поэтому имею право. – Сказала она с усмешкой.

- Право есть, а вот выбора нету. Я один теперь такой завидный жених на сто километров вокруг, а может и больше.

Тамара, шутя, ткнула мужа в бок. Егор потрепал ее волосы.

Они долго стояли молча. Дети играли у них за спиной, находя в любой ситуации интересное занятие. Глаза Тамары постепенно привыкали к свету и теперь видели, что слово «день» не совсем применимо к этому понятию. Скорее вечер.

- Тишина могильная, слышишь? – Тихо сказала Тамара.

- Слышу. Я сразу это заметил, когда выбрался из пещеры. Всем досталось.

- А птичек то за что?

Тамара высказала мысль, которая подсознательно была и в голове Егора, что катастрофа свалилась на людские головы за их грехи. Но бедные животные не были в ответе за людей.

- Да, птичек жалко. Наверно, у бога не было под рукой избирательного оружия. А может ему показалось, что мы в сговоре?

- На аистов намекаешь?

- Хотя бы. А еще есть люди, про которых говорят орлы, женщины-курицы, мужчины-индюки, важные гуси, жаворонки и совы. Он, – Егор направил палец в небо, – не стал разбираться в идиоматических выражениях и покончил с проблемой одним махом. Может быть, с нас начнется новая история людей-человеков?

- А мы точно подходим под это понятие?

- А ты считаешь себя человеком-птицей?

- Не знаю, не думала как-то. А ты меня, какой птицей видишь? – Тамара прищурилась, давая понять Егору, что ответ должен устраивать её заранее.

- Ну-у-у-у-у, ну-у-у-у, наверное, голубем, в смысле, голубкой.

- Ладно, живи, голубка подойдет.

- А я кто, по-твоему? – Спросил муж.

- Удод. – Тамара рассмеялась. – Шучу. Наверное…, дятел!

Егор снял руки жены с себя и делано надул губы.

- Ну, прости, не могу вспомнить ни одной нормальной птички, лезут только те, которыми принято обзываться, петушок тебе тоже не понравится?

- Нет.

- Ну, кто еще у нас есть? Воробей, нормально?

- Капитан Егор Воробей.

- Хорошо, мой капитан, будешь воробьем.

- Пап, мам, смотрите, что мы нашли!

Матвей и Катя бежали к родителям. У сына в руках была какая-то вещь.

- Смотрите.

Матвей бросил под ноги мятый прямоугольный предмет, сильно испачканный в грязи. Ладонью отер его поверхность. Сквозь грязь проступили латинские буквы и цифры.

- Это же автомобильный номер. – Догадался Егор.

Он присел рядом и с ходу махнул по нему рукой, и тут же отдернул. На ладони появилась царапина.

- Осторожнее пап, он в дырках. – Пояснил Матвей.

Егор огляделся и увидел лужицу, оставшуюся от недавнего дождя. Подхватил номер и промыл его в воде. Освободившись от грязи, глазам предстал желтый номер с кусками зеленого бампера. В левом углу номера находился синий квадрат со звездами Евросоюза и аббревиатура Голландии «NL». В трех местах номер был пробит насквозь, ощетинившись рваными краями в местах пробоин.

- Чёт не похож на наш номер, казахстанский наверно? – Предположила супруга.

- Ну да, конечно, с каких это пор Казахстан называется Нидерландами и входит в состав Евросоюза? Или для тебя

Нидерланд*ы* это город в Казахстане?

- Ты хочешь сказать, что этот номер принесло ветром из Европы?

- Выходит, что так. У нас я ни разу не видел голландских номеров. А соленая вода из океана тебя уже не удивляет?

- Ну, то вода. – Неопределенно сказала Тамара.

- Где вы его нашли? – Спросил Егор у сына.

- Там, в расщелине небольшой, из грязи торчал. – Матвей махнул рукой в сторону горы, левее пещеры.

- Интересно. Надо будет обращать внимание на расщелины с подветренной стороны. В них могло набить и чего-нибудь полезного нам.

- Пап, мам, а мы когда домой поедем-то? – Вдруг спросила Катя.

Маленькая девочка не совсем понимала масштабы катастрофы и начинала подозревать, что произошло что-то серьезное. Тамара и Егор переглянулись. Им жалко было травмировать детскую психику признаниями в лоб.

- Ты знаешь, Катюш, там ниже, вода перекрыла дорогу, как только она сойдет, мы попробуем уйти отсюда. – Пообещал отец, надеющийся придумать потом еще какое-нибудь правдоподобное вранье.

- Ладно. – Согласилась дочь. – Матвей, пошли еще поищем.

Дети убежали дальше копаться в грязи. Тамара смотрела за их беззаботными действиями.

- Ты знаешь, нам психолог нужнее, чем им.

- Дети, они проблем не ищут.

- Чем займемся сегодня?

На предложение жены Егор лукаво сощурил глаза.

- Нет, я не то имела в виду. Какую работу нам надо сделать?

- Как всегда. – Вздохнул Егор. – Сегодня я буду размышлять и философствовать. Всегда мечтал иметь побольше времени для таких занятий.

Тамара нахмурилась.

- Да шучу я. До темна хочу разобрать вход в пещеру. Вызволить нашу красотку из каменного плена. – Егор имел в виду заваленный камнями универсал. – С нее еще можно будет кое-что поиметь. Например бензин, масло, сиденья, резину, да и металл, чую, скоро пригодится.

- А мне что делать? – Поинтересовалась Тамара.

- А вам надо поискать деревья, ветки и вообще всё, на чем можно готовить еду. Сейчас они могут быть завалены грязью, сырые, но мы их просушим в пещере на сквозняках и сможем готовить еду. Бери детишек и иди. Они отличные следопыты. Под ноги только смотрите, не наступайте на шаткое.

Дети восприняли работу, связанную с поиском, с радостью. Они уже успели разобраться в рельефе горы и понимали, где следует искать. Егор, превозмогая боль в мышцах, принялся разбирать завал. Грязь, скрепившая камни между собой, пахла стоячим водоемом. Егору снова попался кусок рыбы. Он уже начал разлагаться и смердел. Теперь Егор внимательнее всматривался в грязь. В сложившихся обстоятельствах любая вещь могла пригодиться.

Под ногами заходил примятый кузов автомобиля. Оставалось совсем немного. Сквозь камни проступала жижа. Она булькала, пузырилась и засасывалась под камни снова. Наконец, последний камень был убран с многострадального автомобиля. Егор осмотрел останки своей машины.

Сразу понять, что это именно автомобиль было не просто. Его камнепадом сплющило так, что передок превратился в блин. Даже мотор не выдержал нагрузки и развалился. Грязь в этом месте была вся в радужных разводах моторного масла. Задняя часть автомобиля, после задних дверей, оказалась в лучшем состоянии. Егор очень рассчитывал, что бензобак выдержал нагрузку. Бензин мог очень здорово пригодиться.

Заполненный грязью кузов автомобиля стал еще тяжелее. Егор попытался двинуть его, но усилия потратились впустую. Машина словно прилипла к земле. Он сходил в пещеру за тросом. Зацепил крюк вокруг передней стойки, где была небольшая щель, и попытался рывками сорвать автомобиль. Грязь чавкала, но не отпускала. «Репка» сидела крепко.

- Тамар, позови Матвея, и идите вдвоем ко мне! – Крикнул Егор супруге, занимающейся поиском дров.

Через минуту вся семья стояла вокруг автомобиля.

- Дергать будем под счет. Руки зажили?

Тамара и Матвей утвердительно махнули головами. Егор встал первым, за ним сын и потом Тамара. Катюшку до работы не допустили. Толку от нее все равно не было никакого. Главное было

сдернуть машину с вакуумной подушки, а дальше грязь должна была стать союзником, снижая трение.

- И раз! И раз! И раз! – Считал Егор.

Машина подавалась на пару сантиметров и снова садилась на место. Все быстро выдохлись, не добившись никакого результата.

- Как-то мы прямолинейно ее тащим, надо интеллектуально подойти. – Посоветовала супруга Егору.

- Отличное предложение. И как же?

Тамара пожала плечами.

- Я только хотела, чтобы ты подумал, как можно иначе ее вытянуть.

Егор ничего не ответил. «Я хочу, чтобы ты…» – далее подставить любой глагол, любимый способ мотивации для мужей. И ведь с такой искренней уверенностью жены произносят эту фразу, будто многовековую мудрость, в которой кощунственно усомниться. Однако прямолинейный способ действительно не работал, и надо было как-то иначе. Егор попрыгал на машине, подергал ее за край. Нужен был рычаг, чтобы приподнять передок.

- Ну, что там у вас, палки не попадались здоровые? Нам рычаг нужен, край машины приподнять.

- Да вообще палок нет никаких, ни больших ни маленьких. – Сказала Тамара. – Туда унесло все, наверно. – Она кивнула в сторону новообразованного водоема.

- Может, всплывут еще? – Предположил Матвей.

- Вряд ли. На дно их грязью утянуло. Когда она осядет, станет еще плотнее и дровам точно из нее не подняться.

- Это похоже на теорию происхождения полезных ископаемых. – Вспомнил Матвей школьные знания.

- Кто знает, может, так и было когда-то. Сдуло всех динозавров на дно, и превратились они в уголь, нефть и газ.

- Нет пап, нефть образовалась гораздо раньше.

- Хорошо когда в семье есть умные люди. Может быть, ты придумал уже, как вытянуть нашу машину?

- Этому в школе не учили. – Отмазался сын.

- А давайте зацепим трос еще за что-нибудь на машине, и впряжемся в него, как в упряжку. – Предложила Тамара.

Егор прикинул в уме, что так они смогут приложить большие усилия, и этот способ стоило попробовать. Он нашел еще одно место на покореженном кузове автомобиля, куда смог зацепить противоположный крюк троса. Семья уперлась всем телом в трос.

- И раз! И раз! И раз! – Считал Егор.

Машина постепенно стала подаваться и вдруг, словно стала на колеса, чавкнула грязью и заскользила по ней. Члены семьи чуть не попадали от неожиданности.

- Не останавливаемся, тянем! – Скомандовал Егор.

Колеса и днище заскребли по сухому. Машину отволокли в сторону. Непродолжительное усилие, тем не менее, здорово утомило всех. Тамара почувствовала, как трясутся ноги от напряжения. Ей захотелось присесть.

- На сегодня хватит тяжелого труда. – Она тяжело приземлилась на более-менее чистый камень. – Давайте, лучше поиграем в города.

- Которых, скорее всего, нет. – Вставил реплику Матвей.

Катя подозрительно посмотрела него. Родители уловили ее взгляд.

- Матвей, не говори ерунды. – Строго сказала мать.

- Я это…, имел в виду, что-о-о…

- Пойдемте в пещеру, мне кажется, сейчас снова начнется дождь. – Отец решил перевести разговор на другую тему.

А дождь действительно собирался. Где-то наверху, за коричневой мглой, снова начинались какие-то пугающие процессы. Вдалеке громыхнуло. Потянуло прохладой. Сумерки сгустились, то ли от того, что пришло время, то ли от того, что там затянуло небо тучами. С земли этого было не понять.

Страшно представить, но для многих кому посчастливилось выжить, еще не все закончилось. Из более чем двадцати радиостанций к скорому времени в эфире осталось всего пять. Это обе подлодки, российская и американская, две женщины метеоработника со Шпицбергена, астрономы из Южной Америки и какой-то хардкорный выживальщик, оборудовавший себе убежище в горах. Интересно, кто ему подсказал сделать его?

У остальных, кто перестал выходить на связь, могло закончиться питание для радиостанций, кто-то попал под последствия урагана в виде оползней или мощного цунами, вызванного сходом воды с полюсов. Пять радиостанций на всю планету, это ничтожно мало.

Игорь пытался понять, каким образом дать понять тем, кто выжил и не имеет радиостанции, что они не одни. На ум ничего подходящего не приходило.

Джон, так звали выживальщика, с удовольствием делился своими наблюдениями обо всех изменениях, произошедших на его территории. С каким упоением он рассказывал о том, что произошло вокруг его владений. Можно было подумать, будто он обрел настоящий рай. Хотя, если это являлось смыслом его жизни раньше, значит, он получил то, что хотел.

Со слов Джона, он обитал в оборудованной для долгого автономного существования пещере, примерно на уровне километра с небольшим над уровнем моря. Сейчас под ним вместо долины, заросшей лесами, находился водоем. Зажатый хребтами с двух сторон, вперед он простирался на много миль в разные стороны.

Джон сидел на волне военных и сразу отправился в пещеру, когда понял, что дело запахло жареным. Уже у входа в убежище он понял, что поступил правильно. Сильнейший ветер начал бомбардировку. Последние метры дались ему тяжело. Свет мгновенно померк. Мокрый ветер застил дорогу, лишая видимости на расстоянии вытянутой руки и сбивал с ног. Джона обуяла паника, ибо он совершенно потерял ориентир. К тому же мелкие камни, несомые ветром, начали пробивать его одежду.

Хватаясь за любой выступ, карабкаясь на четвереньках, Джону удалось добраться до чугунной двери, закрывающей вход в его убежище. Он едва успел ее открыть, как огромная масса камней и воды с грохотом сошла прямо над его головой. Джон успел заскочить внутрь, но вместе с ним, в жилище попала и грязная вода. Он захлопнул дверь и в страхе пролежал пару часов, прежде чем решился встать. Раны на теле кровоточили, глаза были забиты грязью. За дверью неистовствовала стихия. Она трясла гору, вызывая вибрацию стен. Запасы металлической посуды на полках, соприкасаясь друг с другом, резонировали высокочастотным жужжанием.

Джону пришлось делать себе примочки из спирта и лекарств. Он боялся, что может начаться гангрена, так как все тело было в кровоточащих ссадинах. Несмотря на свой лихой характер и психологическую подготовку, ему было страшно. Когда через неделю ураган стих, мужчина долгое время не решался открыть дверь. Когда

же он решился, представшая его взору новая реальность не только не испугала его, но и вселила уверенность в собственной избранности.

Джейн не очень любила общаться с Джоном. Он всегда выбирал покровительственную и поучительную интонацию, и у нее создавалось ощущение, что она разговаривает с господом богом в человеческом обличье.

- Этого психа спасать не надо. Он уже спасен. Господь специально изолировал его от остальных. – Примерно так она относилась к своему соотечественнику.

Зато к экипажу американской подводной лодки она относилась с огромным сочувствием и старалась не пропускать ни одного сеанса связи. Втайне от Игоря, она рассказала о Хранилище семян на острове Шпицбереген. Как биолог Джейн знала о нем и решила дать небольшой козырь подводникам.

Егор налил немного воды в котелок и поставил над таблеткой сухого горючего. Он угрюмо посмотрел на таблетку, пламени которой едва хватало нагреть литр воды.

- А дрова все равно придется искать. Крысятину на таблетке не приготовишь.

- Бе! – Катя сделала вид, как ее тошнит от слова «крысятина».

- Хорошо, я буду называть ее дичь. От слова дичь тебя не тошнит?

- Тошнит, я же все равно знаю, что это крыса.

- Не крыса, дочь, а горный кролик. Это разновидность кроликов. Горные кролики маленькие и серые, и немного похожи на крыс. – Отец сочинил небылицу.

- Как дед Мороз похож на тебя?

- Да, примерно такое же сходство.

С улицы донесся гром.

- Интересно, теперь дожди каждый день будут идти? – Тамара прислушалась к звукам снаружи.

Ей не ответили. Егор почему-то подумал, что планета сама в шоке от того, что произошло на ее поверхности, и теперь никак не может определиться с новым порядком погодного круговорота. Огромные водяные массы, выброшенные на сушу, изменили весь установленный миллионами лет порядок движения ветров и течений. И когда этот порядок отрегулируется снова еще неизвестно? Вода будет стекать в

океаны, постепенно заполняя их снова, и в течение этого периода никакой стабильности не будет.

Громовые раскаты участились. Они были все ближе. Матвей не усидел на месте.

- Я пойду из тоннеля посмотрю на грозу.

- Наружу не выходи. – Предупредил его отец. – Молнии, град, а может еще какая-нибудь гадость, о которой мы не имеем понятия.

- Я с ним, пригляжу. – Тамара решила подстраховаться.

На улице стало еще темнее. Тяжелое близкое небо озарялось вспышками молний, сверкавших где-то там за темной пеленой облаков. После каждой вспышки гремело так, что закладывало уши. Тамара не могла припомнить ни одной такой грозы за всю свою жизнь. Вдруг одна из молний ударила в водоем. Ее вспышка так ослепила всех, что на мгновение показалось, будто выжгло сетчатку. Следом за молнией раздался жуткий раскат грома. Тамара невольно зажала уши руками и присела на корточки. Волосы на голове зашевелились. Тамара подумала, что это от страха.

Матвей рассматривал свою руку. Он включил налобный фонарь.

- Смотри, волосы дыбом торчат. Статика сильная. У тебя тоже. – Сын перевел фонарь на волосы матери.

Волосы у нее на голове распушились, а кончики даже приподнялись.

- Матвей пошли в пещеру, страшно мне. – Честно призналась мать.

Матвей, почувствовал себя в ответе за «слабую» и «трусливую» женщину, и согласился с ней. За ними снова полыхнула молния, на мгновение спроецировав тень на стену. Мать и сын прибавили шаг, а когда сзади ударил гром, почти перешли на бег. Следом за громом с улицы донеслась характерная чечетка падающих градин. По тоннелю потянуло холодком.

- Там снова град. – Доложил Матвей отцу, разливающему по посуде кипяток.

- Выходит воду подняло высоко в небо. Замерзает и падает. – Разъяснил явление отец. – Вот, угощайтесь, «энзе» достал.

Егор раздал всем по галете из армейского сухого пайка, которые смог предусмотрительно припрятать, и по кусочку сала, которое вначале все усиленно игнорировали.

- Вау, знатная пирушка. – Воскликнула Тамара.

Она с отвращением ждала время, когда придется переходить на крысятину, и очень радовалась тому, что это время удалось еще немного отсрочить.

Семья захрустела галетами. В пещеру долетали отзвуки грома, вспышки молний отсвечивали на стенах. Самодельная парафиновая свеча давала свет, и в ее потрескивающем горении было столько спокойствия и умиротворения, что после ужина все, кроме Егора решили лечь спать.

Егор дождался, когда все уснут. Затушил свечу и, взяв фонарик с динамо, отправился посмотреть на грозу. На улице стемнело. Темнота была почти такой же плотной, как и мрак пещеры. Гроза ушла за гору. Вспышки молний отражались в черном зеркале водоема. Из-за суеверного страха перед стихией и всем, что она породила, Егор представлял, что в этот момент черный водоем точно так же всматривался в одинокого человека, выглядывающего из пещеры. Ему казалось, что водоем чувствует к Егору и всей его семье неприязнь. Неприязнь такого рода, какая бывает у существ из разных эпох. Егор и его семья по случайности остались от прошлой эпохи, и теперь вызывали отторжение у нового мира.

- А, плевать. – Вслух произнес Егор и под монотонное «вжиканье» вернулся в пещеру.

Он укутался в спальник. Перед сном он собирался подумать о планах на завтрашний день, но единственная мысль о том, что нужно искать дрова, слабым импульсом тронула его извилины. Сон завладел им за несколько секунд.

Это было первое утро, когда они точно знали, что это утро. Молчаливое, угрюмое, оно разгоралось за небольшой двойной вершиной. Ему было от чего чувствовать себя угрюмым. Миллионы лет эволюции, тщательного отбора и прочих премудростей природы были перечеркнуты одной неделей невозможного урагана. Оттого и грозы были похожи на рыдания природы, понесшей тяжелую утрату.

Егор смотрел с края площадки на черный водоем. Он решил спуститься вниз, чтобы рассмотреть и пощупать его во всех подробностях. Что это, жижа, которая затекала к ним в пещеру или более-менее похожая на нормальную воду субстанция? К тому же он рассчитывал чем-нибудь поживиться на берегу. Уровень воды должен

был понемногу опускаться, и какие-нибудь предметы могли проступить наружу. Самое полезное из того на что мог рассчитывать Егор, это дрова. Они были сейчас нужнее всего остального. Еду и воду можно было раздобыть, а вот готовить уже было не на чем. Где-то сорванные ветром деревья должны были приземлиться, почему бы не здесь?

Для подстраховки Егор взял трос и клинья, оставшиеся от погибшего спелеолога. На первый взгляд спуск к воде не представлял особых трудностей, но грязь на камнях могла сыграть злую шутку. Матвей сидел с заспанным лицом на самом краю площадки, и уныло следил за тем, как отец неуклюже спускается к воде. Отец чертыхался, когда нога соскальзывала с камня, но продолжал упорно спускаться. Матвей глянул на небо, опасаясь новой грозы. Но небо было безмолвно и потихоньку наливалось светом от поднимающегося солнца.

Егор подобрался к кромке максимального уровня воды, отмеченной на камнях темным налетом грязи. Поверхность воды в настоящий момент была ниже и находилась в двух метрах от грязной полосы. Склон под кромкой был скользким из-за жижи, высохнуть которой не давали регулярные дожди. Он присмотрел более-менее ровную площадку, на которой можно было задержаться и дотянуться до воды. У него получилось опуститься на нее. Егор облегченно вздохнул. Поднял голову и помахал Матвею. Сын вяло махнул в ответ.

- Ничего, скоро привыкнешь быть бодреньким по утрам. – Про себя проговорил отец.

Он опустился на колени и зачерпнул ладонью воду. Она была мутной, но совсем не черной. Недостаток света и глубина водоема создавали такой эффект «черной воды». Егор попробовал ее на язык. Вода ожидаемо оказалась соленой. Осмотрел берег в поисках чего-нибудь, что она могла скрывать. Напрасно, он был абсолютно чист. До Егора дошло, что берег здесь чересчур крут, чтобы на нем что-нибудь задержалось. Следовало снова прогуляться к тому месту, где вода уходила из долины, либо прогуляться в противоположную сторону, в поисках пологого бережка.

Эта мысль показалась ему настолько очевидной, что стало удивительно, как он не догадался об этом раньше. Препятствием для дальних исследований могла стать внезапная гроза с градом, значит,

нужно было позаботиться о защите от нее. Подъем дался легче, чем спуск. Матвей протянул руку и помог отцу выбраться на площадку.

- Ничего? – Спросил сын.

- Ничего.

Вместе они вернулись в пещеру. Егор достал из заначки последнюю банку консервов.

- С этого момента стараемся экономить свечи, обедаем и большую часть времени проводим на свежем воздухе. С дровами, по ходу, полный абзац. Это последняя банка. Дальше, нам придется есть только то, что сможем поймать сами.

Семья в тишине внимала речи отца. Катюшка смотрела на него во все глаза. Кажется, она начала догадываться, что обратно домой они вернуться не скоро.

Егор резко вогнал нож в крышку банки и в три приема открыл её. Поднес банку к носу, чтобы понять, что находится внутри нее.

- Рыба в масле. – Заключил он.

Тамара к этому времени самостоятельно водрузила котелок над двумя горящими таблетками сухого горючего. Егор вывалил содержимое банки в котелок и немного пополоскал ее в горячей воде, чтобы не выбросить драгоценные капли калорий.

Бульончик получился жидкий. Но никто не роптал. Матвей полностью понимал глубину сложившейся проблемы. Сестра его, привыкшая доверять родителям, просто решила, что проблема решится через некоторое время, нужно только немного подождать.

После обеда Егор взял резиновый коврик из багажника автомобиля, свернул его трубкой и обмотал буксировочным тросом. Свободный конец троса он обхватил вокруг тела и зацепил коврик себе на спину. В руки взял многофункциональный топорик, полуторалитровую бутылку воды, фонарь с динамо и пару клиньев.

- Всё, я пошел. Без дров не вернусь. От пещеры далеко не отходить, свечки не жечь, можете продолжить искать что-нибудь нужное в окрестностях.

Егор одернулся, как солдат перед боем, и решительным шагом направился к выходу. Тамара подхватилась следом. На улице она обняла его.

- Егор, я тебя знаю, будешь, ведь лезть куда попало.

- Нет, Том, не буду. Кто о вас позаботится, кроме меня. Обещаю быть осторожным и проверять по сто раз прежде, чем сделать шаг.

- Врун ты. – Не поверила Тамара.

- Мамой клянусь. – Сказал Егор и осекся, вспомнив про мать.

Тамара вздохнула.

- Скажи хоть, на сколько уходишь?

- Пока не найду.

Егор поцеловал Тамару в губы, развернулся и пошел вниз по дороге. Матвей с Катей, вышли наружу и проводили отца взглядом.

- Ну, что будем делать? – Спросила их Тамара.

- Ждать. – Печально вздохнула Катюха.

Вскоре Егор услышал шум прорывающейся на свободу воды. В безмолвном мире, где отсутствовал естественный природный шум, любой звук можно было услышать с большего расстояния, чем раньше. Через полчаса непринужденной ходьбы Егор достиг того места, где огромные объемы воды вырывались наружу. Вода здесь пенилась, закручивалась в водовороты и с шумом уносилась вниз.

Уровень воды с прошлого раза заметно упал, и по дороге можно было спуститься еще метров на пятьдесят вниз. Дорога в этом месте не блестела как в остальных местах, а была покрыта слоем грязи. Он дошел по скользкому покрытию до кромки воды. Пора было сворачивать в сторону.

Егор нашел пологий подъем и забрался на него. Вообще Уральские горы тем и хороши, что крутых склонов на них не так уж и много и всегда можно найти безопасный маршрут. Выметенная, как под метелку ветром скала, позволяла уверенно ставить ногу, без опаски, что под ней осыплется неустойчивая опора.

Он шел вдоль границы с поверхностью воды, то поднимаясь, то почти наступая в воду. Ему казалось странным, как можно было упрятать все свидетельства цивилизации? Сколько человечество жило на земле, сколько производило всего для комфортного существования и никаких свидетельств об этом ни разу не попалось ему на пути. Природа нашла способ замести следы за человечеством почти не оставив улик. Невозможно было представить какую-то иную катастрофу, чтобы она могла произвести точное такое же сокрытие на теле планеты следов цивилизации. Разрушить и покрыть слоем грязи. Что ж, человечество давно напрашивалось.

Егор отмахал километра три от того места, где сошел с дороги. Ноги с непривычки болели из-за большого напряжения мышц. Пейзаж вокруг абсолютно не менялся. С одной стороны отполированный камень, с другой бескрайняя черная равнина. А над головой тяжелое небо, которое снова начало проявлять признаки беспокойства.

Егор осмотрелся в поисках укрытия. Ничего подходящего рядом не было. Кругом выровненные ветром скалы и ни одного подходящего навеса. Он решил идти до самого начала дождя, а затем прикрыться резиновым ковриком. Гром начался внезапно. Молнии не выбивались из-за туч, разряжаясь прямо в атмосфере. Из-за плотных туч они были почти невидимы, поэтому гром воспринимался как совершенно неожиданное событие.

Егор прибавил шаг, и чуть не поплатился за это. Неловко поставив ногу, поскользнулся и чуть не полетел вниз. Чудом зацепившись за камень, он удержался от падения, но рассадил коленку. Резкая боль немного образумила. Егор понял, что ему все равно в каком месте быть застигнутым дождем, на сто метров ближе или дальше, никакой разницы. Конечного пункта, или какой-нибудь защиты от дождя, до которой он мог успеть добежать, не существовало.

Ливень ударил после легкого порыва прохладного ветерка. Внезапно и с большой силой. Егор промок до нитки, пока разматывал трос, чтобы освободить коврик. Крупные холодные капли забарабанили по резиновому ковру, который Егор сложил «домиком» над головой. Прямо перед собой он видел черную поверхность водоема, покой которой нарушили частые капли дождя. Дождь шумел, и этот звук был самым громким и явным в новом мире. Потоки дождя потекли с гор и стали подтекать под ноги Егора. Мужчина гусиным шагом перебрался на небольшой выступ, который огибала вода.

Следом за дождем начался град. Вначале мелкий, затем крупнее. Куски льда глухо ударяли по резине. Егор прятал пальцы, чтобы их не отбило. Град разбивался о камни и разлетался в стороны, попадая на Егора. Водная гладь вскипела под их частыми ударами. Шум стоял неимоверный.

Всё светопреставление заняло минут сорок. Вначале затих гром, затем перестал падать град, а потом, постепенно теряя силу, закончился дождь. После дождя тишину нарушали бурлящие потоки

воды, бегущие с горы. Но и они постепенно ослабли и затихли. Егор приподнялся. Ноги и спина затекли. Промокшая одежда холодила тело.

Впереди была трудная дорога, и она не позволила Егору промерзнуть. Он двигался осторожнее, боясь поскользнуться на мокрых камнях. Чаще останавливался, чтобы подробнее разглядеть окрестности. Но кругом все было одинаковым и безжизненным, как во второй день сотворения мира.

Прошло еще несколько часов напряженной ходьбы по скалистым тропам. Егор почувствовал по смене характера покрытия под ногами, что он повернул за гору. Туда, где ветер обдувал ее вскользь. Расщелины были забиты грязью, которая иногда препятствовала движению. Он искал путь, как ее обойти и из-за этого шел намного медленнее. В некоторых подозрительных местах забирался руками в грязь, чтобы нащупать в ней что-нибудь интересное. Но ему не везло. Ни маленькой ветки, ни какого-нибудь напоминания о человечестве, ничего кроме грязи. Егор подумал о том, откуда же ее столько набралось. Он представил, как неистовый ветер перемалывает в труху все, что встречает на своем пути: дома, людей, животных, растения, перемешивает их до гомогенного состояния с водой из океанов и замазывает получившимся раствором все напоминания о человечестве.

Он перешел на северную сторону горы. Догадался об этом, когда увидел выступающие из воды невысокие островки, бывшие еще совсем недавно верхушками горной гряды. Островки вели к следующей высокой вершине. Сейчас ее почти не было видно, но Егор помнил из прошлых походов, что она там была.

Горная гряда интриговала надеждой. Хотелось верить, что где-то там обязательно есть чем поживиться. С горы Егор видел, что гряда местами уходит под воду и наверняка, там было очень глубоко и топко. Нога сама сделала первый шаг. Егор поддался этому порыву и пошел за ней следом.

Гряда, некогда обильно поросшая кустарником и травами, так что со стороны казавшаяся зеленой, теперь была просто каменной, со следами попадания «шрапнелью». Егор внимательно смотрел по сторонам, надеясь заприметить что-нибудь стоящее. Но природа умела прятать свои секреты.

Местами Егор заходил в воду, ступал осторожно, опасаясь провалиться в бездну. Но почти нигде вода не поднималась выше

пояса. Вскоре из поля зрения исчезли оба берега. Куда ни глянь, везде был бесконечный водный простор, и только шляпы островов параллельной гряды высились в туманной дымке.

Атмосфера снова пришла в движение. Егор не стал дожидаться первых капель, а сразу развернул коврик и накрылся им. Дождь не заставил себя ждать. Засверкали молнии, раздался гром и начался ливень. Молнии пробивали густую атмосферу и ударяли в водную поверхность. Гром еще сильнее встряхивал тучи полные дождя, и ливень припускал с большей силой. Через некоторое время снова начался град.

Егор смотрел на стихию, и ему пришла идея, что градины можно собирать. В голове он придумал устройство, сделанное из капота автомобиля. По возвращении домой решил начать именно с него. Егор поднял несколько плавающих градин и поднес их поближе к глазам. Молочного цвета лед был усеян вкраплениями песка. Мужчина понюхал льдинку. Ничем необычным она не пахла. Воду, добытую из града и дождя, можно было пускать на технические нужды.

Каждый раз, когда заканчивался дождь, становилось прохладнее. Егор не стал дожидаться, когда упадет последняя капля. Как только наметилось затихание дождя, продолжил движение. Выбрался на небольшой островок и сделал двадцать приседаний, чтобы согреться. Перешел на противоположный берег и уперся в водную преграду. Впереди, метров на пятьдесят была только вода. Дальше, из воды поднималась очередная небольшая вершина, а за ней из дымки уже проступала гора. Поворачивать назад уже было как-то жалко, а идти вперед страшно.

Егор представил, как его тянет на дно, в черную вязкую пучину грязи. Его взяла оторопь. Наверняка, тот, кто устроил эту катастрофу, мечтал разделаться с последними свидетелями. Мужчина заметался. Хуже всего вернуться ни с чем к семье, которая смотрит на него с надеждой. Но с другой стороны, живым он нужнее, и у него будет еще один шанс принести пользу. Что делать?

Он сделал осторожный шаг в воду. Ботинок скрылся в мутной воде, но стал на твердую поверхность. Второй шаг. Нога опустилась в воду по колено. Третий шаг. Так же по колено. Сиюминутный импульс заставил Егора снять с себя коврик и трос, выбросить на сухое клинья, и налегке, оставив один топорик, двинуться дальше. Первые десять

шагов глубина оставалась постоянной, а потом осмелевший мужчина смело ступил вперед. Опоры под ногой не оказалось, и Егор со всего маха угодил в воду. Она скрыла его с головой. С перепуга, Егор замолотил руками как колесный пароход. Он почувствовал ледяной холод и вязкую субстанцию под ногами и запаниковал. Ему показалось, что он даже закричал под водой. Когда голова снова показалась над водой, безмолвный мир вздрогнул от его истошного крика.

Егор не сразу пришел в себя. Страх парализовал волю, способность адекватно воспринимать действительность и реагировать на нее. Несколько минут по-собачьи поддерживал свою плавучесть, бесцельно вращая головой, пока холод не заставил придти в себя. Осмотрелся трезвым взглядом и, определив направление, поплыл. Егор смертельно устал, преодолевая оставшееся расстояние. С блаженством воспринял ощущение твердой опоры под ногами. Выбрался на берег, упал на камни и несколько минут лежал без движения, пытаясь отдышаться и придти в себя.

Когда дыхание восстановилось, и мысли собрались в кучу, он встал и пошел дальше. Гора маячила перед ним, и больше открытой воды на пути не было. К сумеркам он добрался до её подножия. Ночь сгустилась мгновенно. Егор решил не искушать судьбу, двигаясь вслепую. Нашел ровное место и оборудовал ночлег.

- Пересвет! Пересвет! Командир! Ответьте! – Сквозь помехи эфира донесся встревоженный голос Игоря Кружалина.

- Да, Игорь, слышу тебя, что случилось?

- Отлично, капитан уходите на максимальную глубину, скорее!

- Да, что случилось? Снова ураган?

- Нет, командир, это цунами. Как мы и предполагали, часть воды выдавило к полюсам и теперь она возвращается назад. Наша дизельная подлодка, скорее всего, погибла. Мы получили сигнал от английской субмарины. Последнее, что они передали, это то, что они видят огромную волну, идущую с севера. К сожалению, связь пропала. Надеюсь, они успели опуститься под воду.

- Спасибо, Игорь, немедленно опускаемся. До связи.

- До связи, командир.

Татарчук приказал экипажу готовиться к погружению. Под ними было не менее пятисот метров. Больше лодка все равно бы не

выдержала. Субмарина опустилась на перископную глубину. Командир посчитал, что с момента, когда они заметят цунами, у них будет достаточно времени, чтобы уйти на максимальную глубину.

Командир не отходил от перископа. Океан волновался, но горизонт был чист. Именно горизонт чуть не сыграл с лодкой роковую ошибку. Командир забыл, что линия его из-за низких облаков стала гораздо ближе. Внезапно возникшая в обзоре черная стена цунами приближалась с катастрофической скоростью.

В носовой балласт пошла вода. Лодка клюнула носом и пошла вниз, помогая себе двигателями. Буквально, через минуту после того как Татарчук отдал приказ на погружение, мощный водоворот закрутил субмарину. Корпус заскрипел, застонал, экипаж разлетелся по стенам отсеков. Терехин в этот момент находился в рубке управления. Его сбило с ног резким толчком и протащило по полу. Татарчук, в момент погружения сидел за управлением лодкой. Он слетел с кресла и ударился об угол панели управления. Виктор увидел, как у него из головы толчками из раны ударила кровь. Командир потерял сознание. Терехин бросил взгляд на гидролокатор. Глубина погружения уже была больше максимальной, и продолжала увеличиваться. Автоматика бездействовала.

Терехин бросился к штурвалу и попытался рулями и тягой выровнять лодку. Дополнительно, он открыл прокачку всех балластов. Корпус скрипел, неся на своих плечах нагрузку, на которую не был рассчитан. Вдруг, на аварийном табло загорелся знак. В лодку пошла вода.

- Аварийный расчет, в четвертом отсеке вода! Устранить и доложить!

От расчета требовался профессионализм. Лодку еще швыряло из стороны в сторону. В таких условиях сделать качественную герметизацию было очень сложно. Терехин не сводил глаз с показателей глубины. Избыточное давление могло разорвать лодку по возникшей трещине. Нужно было немедленно всплывать. Компрессоры выдавили воду из носового и кормового балласта, но в поврежденном среднем балласте, требовалась постоянная работа компрессора, потому что через повреждения корпуса вода снова затекала в него. Лодка понемногу стала подниматься к поверхности.

Рулями и тягой Терехину удалось придать кораблю прямолинейное движение. Но неспокойный океан все еще тешился с ней, как с игрушкой.

- Течь устранили, товарищ капитан второго ранга. – Доложил расчет.

- Хорошо. Как только сможем, отправим сварщиков.

Из-за цунами и проблем, вызванных им, пришлось пропустить сеанс связи с космической станцией. Татарчук пришел в себя. К тому времени его перенесли в санчасть и положили на кушетку.

- Что с лодкой? – Первым делом спросил он.

- Все нормально. Одна течь в четвертом отсеке, но ее заткнули.

- А! Как болит башка. Надо же, как я так приложился? – Командир потрогал повязку и сморщился от боли.

- Там, рубка вся в вашей крови, товарищ капитан. – Ответил корабельный врач, капитан-лейтенант Бахмут.

- Кто у руля?

- Капитан Терехин.

- Хорошо. Тогда я еще полежу у тебя. Есть что-нибудь для быстрого восстановления?

- Вы о чем, товарищ капитан первого ранга?

- Вот только не надо делать удивленные глаза. Все ты прекрасно понял. Капни мне витаминок в спирт.

- Пересвет! Лодка «Пересвет»! Командир! – Сквозь помехи донесся голос космонавта Кружалина. Голос его был встревоженным.

- Привет, Игорь! Это Виктор Терехин, заместитель командира «Пересвета». Спасибо, что предупредили о цунами. Если бы не вы, оно бы нас накрыло. Приблизилось мгновенно. При том, что мы готовились, все равно не успели сразу среагировать.

- Слава Богу, вы живы! Что с Дмитрием?

- Голову разбил немного. В санчасти отлеживается.

- Пусть поправляется. Я очень рад, что вы снова на связи. Признаться честно, страшно остаться единственными людьми на планете.

- Да ладно тебе. Есть вести он наших, в Норвежском море?

- Нет, молчат. Американцев предупредили о цунами. Они на связь не выходили пока. Думаю, что они на глубине еще.

- Как думаешь, Игорь, такие цунами могут еще повториться?

- Вряд ли. Я вот подумал, что волны могут сойтись на экваторе и снова разойтись в обратном направлении. Но силу они потеряют, это точно.

- А может быть, загасятся?

- Может. Какие у вас планы?

- Планы те же. Двигаемся домой, через Норвежское море.

- Хорошо, до связи!

- До связи! – Ответил Терехин в пустой эфир.

Тамара надеялась, что муж успеет вернуться до наступления сумерек. Она несколько раз спускалась вниз по дороге, несмотря на протесты сына, ждала там Егора, но каждый раз начинающаяся гроза загоняла ее в пещеру. Дурацкие мысли лезли ей в голову. Что будет, если Егор не вернется? Она понятия не имела с чего начать, чем заниматься, чтобы найти пропитание. Могла приготовить тех же крыс, но совершенно не представляла, как их поймать. Да и сама охота на крыс представлялась ей чем-то пугающе отвратительным, к чему она не скоро будет готова.

Когда наступила ночь, Тамара дождалась, пока уснут дети, взяла горящую свечу и вышла с ней наружу. Ей хотелось, чтобы Егор смог издалека увидеть пламя свечи, как ориентир. Она водила свечой из стороны в сторону. Легкий ветерок колыхнул пламя и затушил его. Тамара осталась стоять в полной темноте. Поругала себя за несообразительность. Что стоило ей взять с собой зажигалку? Возвращаться пришлось наудачу, вытянув перед собой руки. Пару шишек набить все равно пришлось.

В пещере Тамара уже ориентировалась и смогла добраться до матраца, на котором спала Катюшка. Забралась под нагретую палатку и прижалась к дочери. В животе раздались голодные урчания. Завтра они будут есть крыс. С этой мыслью Тамара уснула.

Егор проснулся оттого, что стало прохладнее, еще он отлежал себе все, что можно отлежать на голой скале. Поясница не разгибалась, ноги и руки затекли. Егор осмотрелся. Вершина, перед которой он стоял, имела пологий южный склон. Егор решил снова искать путь вдоль кромки воды.

Дожди приносили пользу. Они вымывали грязь из горных складок. Егор предположил, что через некоторое время он сможет

ходить по горам гораздо свободнее, не выискивая среди рек грязи удобный проход.

Утренняя свежесть отступила. Стало теплее, и зубы перестали стучать друг о друга. Куда бы ни упал взгляд Егора, везде виделось одно и то же. Голые камни и только вода до горизонта. Он бы сейчас дорого отдал, чтобы увидеть то, что сталось с его родным городом. Предполагая очевидные масштабы разрушений, Егор надеялся, что на равнинах нет такой воды. Ему казалось, что ветер должен был ее сносить с ровных поверхностей и терять только там, где встречались препятствия. Как эти Уральские горы.

По ощущениям, время приближалось к обеду. Желудок все настойчивее просил покормить его. Егор остановился, чтобы сделать глоток воды. Ее в бутылке оставалось чуть меньше половины. Вода не заглушила голод, но ненадолго успокоила желудок. Он присел на камень, чтобы дать отдохнуть натруженным ступням. Ходьба по камням то еще испытание для связок. Вынул натруженные ноги из ботинок и осмотрел. Ему показалось, что щиколотки немного припухли. Помассировал ноги, разгоняя по ним кровь.

Надо было идти дальше, чтобы успеть до зимы изучить окружающую местность и получить с нее, хоть какую-нибудь пользу. Егор со страхом представил себе время, когда начнутся морозы, когда весь мир скроется под снегом. Самое теплое, что у него было из одежды, это грязная куртка, в которой он лазил ремонтировать свою машину. Но и она вряд ли могла спасти от мороза. Нужны дрова, много дров, чтобы всю зиму не выходить из пещеры. Питаться подножным кормом, то бишь крысами и ждать тепла.

За невеселыми мыслями Егор не заметил, как тропка, по которой он шел, вдруг оборвалась отвесным склоном с отрицательным уклоном. То есть основание склона уходило в гору сильнее, чем нависал карниз. Егор посмотрел вниз и обомлел. Он увидел деревья. Серые, грязные, они, тем не менее, не были сломаны ветром. Егора пробрало ощущение торжественности момента. Ему показалось, что он встретил соотечественника после долгих лет жизни на чужбине.

Склон уходил вниз на сто метров. На дне его была такая же жижа, что и везде. Егор спустился в обход, по более пологому склону. Уровень воды, когда-то был выше уровня нижнего основания уклона. Сейчас он опустился ниже, метра на два. Ступил в грязь и к

собственному удовольствию понял, что глубина ее не больше пятнадцати-двадцати сантиметров. Ботинки чавкали и вязли в ней, но Егор не обращал на это внимания.

Высокий каменный потолок нависал над головой. Он то и защитил деревья от безжалостного урагана. Но деревьям все равно досталось. Некоторые ветви обломились под тяжестью налипшей грязи, другие обвисли, с трудов выдерживая дополнительный вес.

Егор дотянулся до ближней ветки и осторожно отер лист от грязи. Затем очистил все листья на ветке. Приятно было видеть зелень живых листьев. Подтянул ветку к носу и вдохнул запах зелени. Она источала тонкий горьковатый аромат ностальгически приятный. Во что бы то ни стало, Егор поклялся самому себе сохранить эти деревья. Может быть, во всей округе не осталось никого живого кроме семьи Горбуновых и этих деревьев.

Обломанные ветки лежали под ногами. Их было гораздо больше, чем можно унести за один раз. Егор не стал устраивать себе передышки, а сразу принялся собирать их. Ветки еще были сырыми, плохо ломались. Он несказанно обрадовался тому, что не потерял топорик. С ним работа шла споро. Скрутил тросом вязанку и попробовал ее приподнять. Она оказалась тяжелой. И без того непростой путь, мог занять с такой ношей гораздо больше времени. Егор решил возвращаться другой дорогой, которая по его разумению должна быть короче. Он решил обойти гору, на которой обосновались по другой стороне.

Начался дождь. Кажется, что у природы все погодные явления случались строго по часам. В первой половине дня гроза с молниями и градом, а ближе к вечеру еще одна гроза с молниями и градом, но более сильным. Егор дождался окончания грозы под скальным карнизом и сразу отправился в обратный путь. Хотел успеть добраться до своего резинового коврика раньше, чем начнется вторая гроза.

Лямки из троса скручивались во время ходьбы и резали плечи. Егор пытался игнорировать боль, но терпения хватило не надолго. На плечах стали появляться кровоподтеки. Он согнулся вперед, чтобы принять часть веса вязанки на спину и разгрузить плечи. Так уставала спина и поясница. Знание маршрута позволило с меньшими блужданиями вернуться к тому месту, где широкое водное пространство отделяло его от своих брошенных вещей.

Егор остановился у кромки воды, снял с плеч вязанку и опустил ее в воду ради эксперимента по установлению плавучести. К огромной радости, она не утонула. Был у соленой воды такой плюс. Примотав один край троса к ноге, Егор забросил вязанку в воду. Форсирование воды с грузом далось намного тяжелее, чем порожняком. Он заранее стал прощупывать дно, надеясь ощутить опору под ногами. Видать судьба была благосклонна к нему или же оценила приложенные старания. Каменистое дно попадалось под ногами от самой середины водной преграды. Тем не менее, Егор выдохся, пока добрался до берега.

Вещи лежали на том же месте где он их оставил. Капли дождя и града, несущие в себе песок, оставили налет песка на всем. Егор дал себе на отдых десять минут. Интенсивные нагрузки на организм, нормально не питавшийся десять дней, давали о себе знать. Легкие ходили ходуном, во рту чувствовался привкус крови, руки дрожали. От недостатка кислорода кружилась голова.

Отведенного времени хватило, чтобы унять дыхание и тремор в руках. Егор заново перевязал вязанку, сделав подобие ранца. Примерил ее, отрегулировал длину лямок, чтобы сидело плотно. Груз получился чуть ли в половину его роста и весил по ощущениям больше двадцати килограмм. Еще Егор вдел резиновый коврик в него, чтобы он нависал козырьком над головой, позволяя ему идти даже в дождь.

Хотя он и устал, но радость от возвращения домой с ценной находкой, придавала ему сил. Егор не заметил, как прошел по перешейку и снова забрался на родную гору. Двинулся по восточному склону. Здесь он еще ни разу не ходил, и это было прекрасной возможностью разведать маршрут. Как и полагалась склонам с подветренной стороны, поверхность их изобиловала грязевыми потоками. Если бы не регулярные дожди, то они давно бы очистились и подсохли, не мешая движению. Местами Егор переходил застывающие грязевые потоки вброд, местами обходил стороной. Ему хотелось успеть до ночи вернуться домой, поэтому он все чаще выбирал прямой путь.

Известно, что торопливость не доводит до добра. В какой-то момент Егор настолько потерял осторожность, что смело вошел в скалистую складку плотно забитую грязной густой субстанцией. Складка спускалась к подножию уступами, и он решил перейти ее

именно по одному из таких уступов. Грязь скрывала неровности дна. Егор неловко поставил ногу, поскользнулся, потерял равновесие, груз за спиной перетянул назад и сорвал его с уступа. Он покатился по скользкой отвесной стене. Его несколько раз перевернуло и ударило о камни. Почувствовал, как упал спиной на вязанку дров, ноги запрокинулись и по инерции перевернули тело. Свет померк.

Тамара весь день ждала Егора. Она даже заставила сына подняться на гору повыше, чтобы разглядеть, не идет ли отец. Егора не было, и в душе у нее назревала тихая паника. Катюшка просила еду. Тамара обшарила все возможные прятки, куда Егор мог спрятать галеты. Ничего не нашла. Три крысиные тушки, подветренные и ужасные на вид, оказались единственным съедобным продуктом в пещере.

- Матвей, нам надо как-то приготовить из этого еду. – Матери очень хотелось опереться на чью-нибудь смекалку.

- Мам, у нас из нормальной горючки, только резаная покрышка. Если приготовить на ней, еда может пахнуть жженой резиной.

- А, все равно, думаешь, это будет иметь значение, чем пахнет крысиный суп? – Последние слова Тамара произнесла шепотом, чтобы не напугать дочь.

Матвей собрал на улице небольшой очаг из камней. Разжег резину и поставил на огонь котелок с водой. Тамара, незаметно от дочери вынесла одну крысиную тушку. На свету она выглядела еще отвратительнее. Разрезала ее на несколько кусочков и бросила в котелок. Резина горела жарко и вскоре вода закипела. К запаху горящей резины примешивался запах вареного мяса. Надо сказать, что у всей семьи уже давно посасывало под ложечкой, и они с удовольствием разделяли своими рецепторами запах дыма на съедобную и несъедобную фракции.

Тамара подсолила бульон, и попробовала на вкус. Получилось сносно. Привкус горелой резины присутствовал слабый и ощущался только послевкусием. Тамара зачерпнула полную ложку и проглотила ее. Не три звезды Мишлен, но близко к тому.

-Хочешь попробовать? – Обратилась она к сыну, подозрительно наблюдавшим за ее реакцией.

- Как оно? – Спросил Матвей.

- Отлично.

Матвей набрал ложку, поднес ее вначале к носу и принюхался, затем отпил немного, погонял бульон во рту. Вкус его устроил, и он вылил остатки в рот.

- Съедобно. – Заключил он.

- Сюда бы перчика и лучка для вкуса. – Тамара восприняла ответ сына за комплимент.

Мясо поварилось еще минут пятнадцать, пока не прогорела резина. Тамара сняла котелок и отнесла в сторону, чтобы дым больше не попадал в бульон. Катя крутилась рядом, и никак не могла дождаться начала обеда.

Крыса была поделена на четыре части. Детям раздала по задней лапке, на которой было много мяса. Себе положила переднюю с ребрышками, и такую же часть оставила в котелке для Егора. Дети ели за обе щеки. Катя переспросила однажды, на самом ли деле это горный кролик. Матвей утвердительно махнул головой в ответ, но хитро переглянулся с матерью.

Тамара была довольна собой, что накормила детей, но неопределенность с мужем подтачивала ее радость. По их договоренности с Егором, он должен был обойти гору за сутки, плюс еще несколько часов на непредвиденные обстоятельства. Он ушел вчера утром. Сутки и время на форс-мажор закончились. Чем больше время близилось к вечеру, тем тревожнее становилось у неё на душе. Ночь в пещере без мужа пугала ее. Черная пещера, черная вдова.

Егор пришел в себя оттого, что чуть не задохнулся. Жижа затекла через нос и попала в дыхательное горло. Мужчина закашлялся и попытался открыть глаза. Далось это с трудом. Сухая корка грязи залепила веки. Ему на мгновение показалось, что он снова очутился в пещере. С перепуга попытался убрать с лица грязь, но сделал это небрежно, вместе с бровями. Попала она и в глаза. Когда Егор прочистил их, то заметил, что день подходит к концу.

Егор сидел посреди грязной лужи. Левая рука болела. Подвигал ею, пошевелил пальцами. На перелом не было похоже, скорее сильный ушиб. Посмотрел вверх, туда, откуда он свалился. Метров пять было до того злосчастного уступа. Кажется, он еще легко отделался. Можно было пробить голову, сломать позвоночник, да все что угодно. Егор пообещал себе больше не делать таких непредусмотрительных действий. Снял вязанку с плеч, чтобы оценить ее состояние.

Она была в грязи, но в целости. Если бы не вязанка, удар мог оказаться значительно жестче. Егор поднялся на ноги. Сейчас он стоял на уступе, который был гораздо шире того, с которого он свалился. Чтобы не испытывать судьбу еще раз, выбрался из грязи и подошел к краю. Отсюда до воды было метра три. Темнеющая, вместе с закатом вода, превратилась в черную инфернальную субстанцию. Суеверная часть души считала водоем местом, противоположным понятию «жизнь».

Разглядывая воду, Егор заметил на самом краю водной поверхности что-то странное. Из-за сгущающихся сумерек тяжело было определить, что это за предмет. Несмотря на свое помятое состояние, он все же решил удовлетворить любопытство. Все, что осталось от человечества вызывало ностальгию и, в конце концов, могло пригодиться в хозяйстве.

Осторожно, не опираясь на больную руку, Егор спустился к кромке воды. Предмет действительно имел человеческое происхождение. Это было колесо грузовика. Егор смыл с него грязь. Покрышка была рваной, будто ее трепали гигантские собаки. Обод смят сильным ударом. Егор попробовал сдвинуть колесо, но оно не поддалось. В голову закралось подозрение, что у колеса имеется продолжение. Он протянул за колесо руку и нащупал покореженный металл или пластик. Вот и первый настоящий сюрприз от человечества. Позабыв о боли и осторожности, Егор скинул свой груз и наступил на колесо. Опора держалась уверенно. Он опустился на колени и прощупал все пространство вокруг, скрытое мутной водой. По ощущениям, там было мятое железо, скорее всего кабина грузовика. Недостаток света не позволял увидеть ее очертания сквозь воду.

Егор вернулся на берег и прошелся вдоль него, чтобы разглядеть остальную часть машины. Сразу за кабиной просматривался прицеп. Удивительно, что машину не разорвало на мелкие части от удара. Не терпелось забраться внутрь, чтобы узнать содержимое грузовика. Если бы не ночь, которая неотвратимо приближалась с каждой секундой, то Егор не удержался бы от исследования.

Скрепя сердце, он отказался от этой затеи и решил продолжить путь, пока не наступит полная тьма. Заночевать там, где она его застигнет, чтобы ранним утром снова двинуться в путь. Если он рано

вернется домой, то в тот же день отправится назад, к этому грузовику, прихватив с собой Матвея, для подстраховки.

Человеческие глаза быстро привыкли к недостатку света и спокойно видели то, что в прошлой жизни казалось сплошной тьмой. Егор шел до тех пор, пока видел, куда поставить ногу. Он затруднялся предположить, сколько пути преодолел. Остановиться на ночлег решил только тогда, когда влетел в жижу, не отличив ее от камней.

На ощупь нашел ровное место среди камней, подложил руку под голову и собрался засыпать. Несмотря на усталость, сон пришел не сразу. События дня пробегали перед глазами. Разнылась ушибленная рука. Егор пролежал минут тридцать, и никак не мог уснуть. Тело быстро начинало уставать в одном положении. Мужчина приподнялся, чтобы сменить позу. Ему вдруг показалось, что где-то вдалеке мелькнул огонек. Он всмотрелся. Некоторое время было темно, и Егор уже решил, что ему показалось, но вдруг отчетливо увидел, как вдали снова загорелся огонек.

Он встал. Протер глаза, поморгал для верности. Огонь все еще светился. Это точно не могло быть иллюзией. Кто же мог светить в темноте? Конечно же, кто-то из его семьи. Егор достал фонарик с динамо и сделал несколько движений. Лампочка слабо загорелась.

- Эх, была, не была!

Егор снова навьючил на себя вязанку и, используя далекий огонек, как ориентир, под «вжиканья» собственного фонарика, продолжил путь. Слабый свет проницал тьму метра на три. Этого вполне хватало для того, чтобы случайно не оступиться. «Маячок» приближался. Егор заметил, что огоньком машут, привлекая внимание.

Один раз он потух, и Егор подумал, что уже не загорится. Но огонь снова загорелся, указывая путь.

- Тамара! Матвей! – Крикнул Егор, предполагая, что это кто-то из его семьи.

- Егор. – Донесся слабый голос Тамары.

Егор облегченно выдохнул. Глубоко в душе он боялся, что огонь может быть каким-нибудь новым природным явлением, типа огней святого Эльма, что с такими грозами вполне могло случиться.

- Егор! – голос жены приближался.

- Тамара! – Отвечал Егор.

Через полчаса Егор различил в отсветах огня вход в пещеру и фигуру жены возле него. Последние метры он преодолел как на крыльях. Как только ступил на площадку, сразу скинул с плеч вязанку и кинулся к жене. Тамара бросилась навстречу. Наобнимавшись, Тамара отстранилась и заметила, что Егор по самые уши в грязи.

- Повалялся немного, но дрова нашел. – Довольным тоном произнес Егор.

- А мы тебе поесть оставили. – Похвасталась супруга.

- Крысятина?

- На покрышках.

Тамара поставила котелок на огонь. Взяла бутылку и израсходовала остатки воды на то, чтобы хоть немного ополоснуть тело мужа. Егор, не останавливаясь, пересказал все, что случилось с ним за время похода, завершив рассказом про утопленную фуру.

- Интересно, что в ней? Хоть бы еда какая-нибудь? – Размечталась супруга.

- Завтра, Егора возьму с собой, там и проверим, что в ней.

Запахло съестным. Егор потянул носом. Желудок тут же отреагировал урчаньем.

- Всё, Тамар, не могу терпеть, давай, какое есть.

Тамара сняла котелок и поставила перед мужем. Егор уплетал за обе щеки и нахваливал.

- Никогда так вкусно не ел. – Сказал он, обгладывая крысиную ножку. – А на дровах все будет еще вкуснее.

Теперь, когда беспокойство покинуло Егора, а ужин заставил кровь отлить от головы, он понял насколько устал. Язык не слушался, слова путались.

- Всё, пошли спать.

Тамара помогла мужу подняться и отвела его в пещеру. Через секунду после того, как он забрался в спальник, послышалось сопенье. Тамара загасила свечу и тут же уснула.

Встав раньше всех, она снова разожгла костер на покрышках, и поставила готовиться бульон из очередной крысиной тушки. Один за другим, члены семьи стали выбираться на свежий воздух. Было в этом уже что-то привычное, устоявшееся.

Егор отнес вязанку в пещеру. Разложил ее в тоннеле, где был сильный сквозняк. По его представлениям, высохнуть она должна

была дня за три. Сын и дочь обрадовались возвращению отца. Катя прижалась к его грязной майке и простояла так с минуту. Отец добродушно стерпел ее порыв. Егор рассказал сыну про грузовик и о желании взять его с собой. Тот с радостью согласился.

Пока готовилась еда, Егор решил сделать устройство для сбора дождя и града. Он выломал капот со своего автомобиля. Удары камней здорово его измяли и пробили насквозь в нескольких местах. Повертел железку так и сяк. Мысль, как ее приспособить для дела не шла в голову.

- Может быть, попробовать прочистить складку в горе? – Предложил Матвей идею для сбора дождевой воды. – Здесь есть такая рядом. Если очистить ее от грязи, то можно собирать воду, которая в дождь течет с горы.

- Хм. – Егор посмотрел на пострадавший капот. – Умно, и городить ничего не надо.

Приставил железку к груде камней, оставшихся от расчистки прохода в пещеру, и вернулся к автомобилю. Облазил его, обнюхал, попытался заглянуть под днище. Ему хотелось понять, остался ли целым бензобак. Горючее было бы не лишним. Машина была тяжелой, и все его попытки подобраться оказались тщетными. Только по косвенным признакам Егор догадался, что бензин не вытек из бака.

Отобедав, сразу стал собираться. Снова взял трос, топорик, клинья и бечевку. Своим женщинам он нашел работу, расчистить тот самый естественный желоб над пещерой, по которому стекала вода.

По светлому времени суток, дорога до машины заняла меньше часа. Егор намного увереннее двигался по еле приметным тропкам. Сына он привязал к себе тросом и в таком тандеме они добрались до места, где из воды торчало колесо. За ночь уровень воды немного упал, и колесо торчало наружу полностью, и даже часть прицепа показалась над водой.

- Вот, оказывается у нас под носом лежал этот клад. – Отец махнул в сторону машины.

- Интересно, что у нее там, внутри. Хоть бы не порожняком шла? – Испугался своего предположения Матвей.

- Типун тебе на язык. Я этот вариант даже не рассматриваю. – Егор сделал петлю из троса вокруг пояса. – Хотя, если фура

действительно пустая, всё, что сможем снять с нее, тоже пойдет в дело. Тут одних покрышек насколько времени хватит.

Егор стянул с себя майку и штаны, оставшись в одних трусах.

- Держи крепко. Я попробую стать на будку и прорубить в ней дыру, чтобы спуститься. Если машина сорвется, держи меня изо всех сил.

- Хорошо пап.

Егор зашел в воду. Вода была холодной, явно не для купального сезона. Вначале по колесу он забрался на кабину. Она представляла собой груду искореженного металла. Егор попробовал рукой исследовать ее. Засунул руку в щель, нащупал, как ему показалось, сиденье и затем ухватился за что-то мягкое. Когда до него дошло, что мягкое, скорее всего раздувшийся труп водителя или пассажира, молниеносно вытащил руку, едва сдержав крик. Со страхом посмотрел на свою ладонь и несколько раз побултыхал в воде, смывая с нее следы покойника.

- Что там? – С берега спросил сын.

- Да так, показалось. – Не хотел пугать сына покойниками.

Егор перепрыгнул на прицеп. Машина не шелохнулась. Прошел по нему до самого конца. Прицеп лежал под углом, задней частью вниз, утопленной в воде на метр. Хотелось верить, что дверки прицепа не открылись от удара и содержимое все еще находится внутри. Егор набрал воздуха и нырнул. Двери выдержали удар не полностью. Замок на цепи удержал их от распахивания, но нижняя часть правой двери сорвалась с петель и выгнулась наружу. К тому же Егор нащупал, что прицеп лопнул под нагрузкой и между платформой и бортами, была приличная щель. Любопытство узнать тайну груза разбирало Егора. Он выплыл, снова набрал воздуха и опустился. В воде решился открыть глаза, чтобы разглядеть номер, написанный на дверях. Автомобиль был местным, что позволило надеяться на его относительную сохранность.

Егор выплыл и взобрался на прицеп. Дыру внутрь решил прорубить ближе к кабине. Металл прицепа легко поддавался лезвию топора. Дыра получилась квадратной, с шириной стороны в один метр. Егор отогнул жестянку, пробитую частыми сквозными отверстиями. В образовавшейся квадратной купели вода была такой же черной, как и везде. Приступ клаустрофобии и натренированная осторожность, не

позволили Егору немедленно отправиться на исследование «потрохов» фуры. Сначала он опустил в воду руку. Она не нащупала ничего кроме воды. Края дыры получились зазубренными. Егор завальцевал их обухом топора, чтобы не пораниться. Сделал знак сыну, что собирается спускаться. Матвей махнул в ответ, что понял.

Егор присел на край, поставил руки на противоположные стороны отверстия и опустился в воду по грудь. Ноги встали на что-то твердое. Егор пытался определить ногами предмет, на котором они стояли. Овальное и большое, но совершенно непонятное. Егор нырнул и обшарил предмет руками. Походил он на ванну и, кажется, их было несколько штук вставленных одна в другую и перевернутых вверх ногами.

Егор вынырнул, набрал воздуха и снова погрузился в воду. Он решил спуститься ниже. Судя по положению прицепа, весь груз должен был сместиться назад. Так и было. Весь груз занимал пространство от пола до потока в задней части прицепа. В основном это были ящики и размокшие в воде коробки. Егор вытянул один из ящиков и поднялся с ним наверх. Матвей с интересом наблюдал за находкой.

Егор прочитал на поверхности ящика этикетку.

- Краны-смесители, мейд ин чайна! – Повторил он вслух надпись. – Нужны они нам?

- А поесть там, ничего нет? – Матвей расстроился, из-за того в фуре была не еда.

- Да ладно тебе, мать давно пилила меня из-за старых кранов в доме. Мечта сбылась, хотя и не совсем вовремя.

- Что там еще? – Спросил сын, не заинтересовавшись находкой.

- Прямо подо мной ванны. Доставать будем?

- Тяжелые наверно, не допрем?

- Если стальные, то допрем, а чугунные увольте. Ладно, пойду еще разведаю.

Егор снова нырнул. Всё, чего он ни касался было покрыто слоем скользкой грязи. Она мешала сразу определить, что попадалось под руку. Егор пытался выдернуть какую-нибудь коробку из общей кучи, но скользкая грязь не давала ухватиться за неё как следует. Егор потянул за коробку, которая, как ему показалось, подалась. На самом деле, коробка была картонной, она просто развалилась в руках. Егор

пошарил в ее внутренностях, нащупал какие трубки и на остатках дыхания всплыл с ними в руках.

Это были пластмассовые трубки, сифоны и гофра для умывальников. Егор бросил их на поверхность прицепа и глубоко вдохнул.

- Уффф! Кажется здесь только сантехника. – Егор отер лицо от воды. – Это самое нужное нам сейчас.

- Чего будем делать с ней? – Поинтересовался сын.

- Поднимать, а там видно, куда приспособить. Ванна нам точно нужна одна. Сколько мы уже не мылись? Полмесяца. Никакой гигиены. Мать наша об унитазе новом мечтала. Глядишь, исполнится и ее мечта.

Егор отдышался. Снял с пояса бечевку и снова нырнул. Нащупал ванну, приподнял верхнюю и продел в верхнее сливное отверстие бечевку. Воздуха не хватило, чтобы сделать узел. Он поднялся, отдышался, снова нырнул и завязал узел. Выбравшись на поверхность, он привязал конец бечевки к тросу.

Ванна прошла в прорубленное отверстие по диагонали. Наудачу, она оказалась стальной и довольно легкой. На ней имелись отметины от попадания предметами, пробившими жестянку прицепа. К счастью, ни одного сквозного отверстия на ванне не оказалось.

- Вот, цивилизация все-таки напомнила о себе. – Егор постучал кулаком по ванне.

- Лучше бы это была фура со сгущенкой. – Посетовал Матвей.

- Или пивом. Это, поверь мне, намного веселее, чем сгущенка.

Егор разрубил топориком покрышку с колеса, одел ее себе на плечи, как хомут на лошадь, взялся за ванну спереди, Матвей сзади и пошли домой. В ванной лежали китайские краны и пластмассовые трубки.

До дождя они не успели вернуться. Пришлось спрятаться под перевернутой ванной. Железо гулко передавало удары попадающих градин.

- Как черепахи в панцире. – Сравнил их положение Матвей.

- Точно. – Согласился отец.

Глава 5

Глава 5

Тамара была удивлена «добычей» своих мужчин и обрадована. Ей уже давно мечталось принять хоть какую-нибудь водную процедуру, и ванна была как нельзя кстати.

- Я теперь и помыться смогу и постирать.

- А вы канаву-то расчистили? – Поинтересовался Егор насчет оставленного поручения.

- Да и отмыли сразу после дождя. С водой теперь проще будет. Ведра нужны, чтобы воду носить. А еще лучше, вторую ванну принести, чтобы поставить ее под дождевой поток.

Егор теперь точно знал, что никакая вселенская катастрофа не отучит женщину желать чего-то за счет физических или умственных усилий мужчины. С какой легкостью Тамара говорит об этом, словно Егор обладатель волшебной палочки и ему стоит взмахнуть ею и вторая ванная очутится здесь.

- Хорошо, мы с Матвеем сходим еще раз, может нарыбачим чего. – Усмехнулся Егор.

Эту ванну было решено установить под сходящий с горы дождевой поток. Здесь и пригодился капот. Он прекрасно соединял неровную поверхность скалы с ванной. Тамара осталась довольна приспособлением, хотя и не смолчала по поводу низкой эстетической привлекательности конструкции.

Она накормила добытчиков крысиным бульоном и отправила за «добычей». Чем больше ходил Егор по скалистым тропкам, тем быстрее у него получалось проделывать тот же самый путь. Тело успешно адаптировалось к новым условиям существования. Ноги сами выбирали правильную опору. Связки привыкали к нагрузкам и становились крепче. Матвей адаптировался еще быстрее, прыгая по скальным выступам с грацией горного барана. До затопленного грузовика они добрались на этот раз намного быстрее.

Первым делом они вытащили ванну. В отличие от первой, принявшей на себя часть удара камешками и прочими снарядами, разогнанными сильным ветром, вторая ванна пребывала в идеальном

состоянии. Егор решил, что у них имеется запас времени, чтобы разведать содержимое фуры тщательнее. Он проверил, что находилось слева и справа от стопки ванн. Слева, под слоем грязи, лежали какие-то мягкие тюки, справа, на ощупь, железки похожие на радиаторы отопительной системы. Егор попробовал выдернуть, но ни один не поддался. Видимо, сцепились от удара или их заклинило. Тогда он взялся за мягкие тюки. Потянул и тот легко подался его усилиям. Егор вынырнул вместе с ним. Прополоскал его в воде, чтобы очистить от грязи и рассмотрел добычу. Смотанные веревкой и завернутые в бумагу, в тюках оказались стопки спецодежды. Сквозь грязь проступала надпись во всю спину «Сантехмонтаж». Эта находка оказалась весьма и весьма кстати. Тоненькие одежды, в которые была одета семья Горбуновых, уже сносились. Они не могли даже переодеться, потому что второго комплекта белья не существовало.

- А вот и обновки модные. Катюхе рукава замотаем, будет ходить да радоваться. – Посмеялся Егор.

- Пап, мы будем выглядеть как семья сантехников.

- Лучше быть похожими на сантехников, чем бомжей, потерявшихся в горах.

Поднял на поверхность все тюки с одеждой, которые удалось нащупать. Они были мокрыми и тяжелыми, поэтому с собой взяли только два. В каждом лежало восемь курток и восемь штанов. Остальные оставили рядом, чтобы дождь немного простирал их. Этими находками Егор не удовлетворился. Поднял несколько всевозможных пластмассовых трубок, сгонов, сифонов и прочего, чему он не придумал применения в настоящих условиях. Но все равно какая-то хозяйственная часть его натуры сложила их в ванну и понесла в сторону дома.

Последующие дни семьи Горбуновых можно было считать попыткой приспособиться к новым условиям существования с максимальной отдачей. Как-то сами собой разошлись обязанности в семье и стали напоминать уклад древних пещерных людей. Мужчины – добытчики, рискующие собой ежедневно ради того, чтобы семья ни в чем не нуждалась, и женщины – хранительницы семейного очага. Спустя две недели с момента как открылась пещера, Егор уже не вспоминал о том, что когда-то сам готовил еду. Тамара, по умолчанию,

отобрала эти обязанности. Она потихоньку обустраивала быт пещеры из тех предметов, которые приносили мужчины.

Теперь у них была нормальная ванна с ширмой, тоже найденная в затонувшем грузовике. Вода в ванной подогревалась покрышками, и ее принятие было самой ностальгически комфортной вещью. Егор нашел и принес жене целую пластиковую канистру какого-то жидкого стирального порошка. Теперь одежда у всей семьи была чистой и приятно пахла. Тамара заставила мужчин принести показавшийся вначале бесполезным электрический водонагреватель, разобрать его, чтобы выбросить все ненужное и попросила сделать из него умывальник с краном. Она строго следила за тем, чтобы каждое утро дети не отлынивали от гигиенических процедур. Катя, несмотря на возраст, была у матери на побегушках. Забот хватало и ей.

Егор с сыном периодически уходили за дровами. Тогда они отсутствовали почти двое суток, с одной ночевкой вне пещеры. Возвращались они под конец вторых, груженые вязанками дров. В промежутках, когда нужды в дровах особой не было, они ходили в тоннели охотиться на крыс. Егор нашел способ разломать свою машину, при помощи железок найденных в фуре. Поставил машину на «ребро» и осторожно снял с нее бензобак. Из картера собрал остатки масла, и смешал их в небольшой емкости пополам с бензином. Получилась два литра медленно горящей жидкости. В корпус старого советского железного фонарика вставил фитиль, залил этой жидкости и зажал. Получилась лампа, которую зажигали в пещере перед сном.

Матвей не отставал в смекалке, а в чем-то и превосходил отца. Не затуманенный жизненными ограничениями молодой разум, был больше склонен к нестандартным решениям. Когда отец вынул из машины сильно пострадавшие сиденья, прорванные арматурой и ощетинившиеся пружинами, он не придумал, куда их можно приспособить, и отложил в сторону. Матвей долго ходил возле них и в один прекрасный день смастерил из пружины, куска резины и прочих железок рабочий вариант мышеловки. Ее проверили на крысах. Мышеловка работала и вместе с отцом, они сделали еще несколько таких ловушек.

Лексикон, который сформировался в социальной сфере человечества, не совсем подходил к новым условиям. Такие понятия как «будни» и «выходные» теперь не имели смысла. С одной стороны

все дни были как будто будними. Какая-нибудь работа обязательно находилась, но с другой стороны Егор ловил себя на мысли, что ощущает себя, как отпускник. То, чем теперь приходилось ему заниматься изо дня в день, не приносило ему усталости и раздражения. Напротив, он тянулся к работе, планировал и ждал ее, как человек, долго ждавший выходные, чтобы заняться любимым делом.

Лодка шла в надводном положении. Свободная часть команды высыпала наружу, чтобы лично убедиться в торчащих из воды скалах. Под низким небом, при сумеречном освещении из-под воды выступала гряда гор. Еще недавно они были скрыты под водой, а теперь возвышались на полкилометра в небо. Осознание этого факта делало зрелище грандиозным и мрачно-печальным одновременно. Именно печаль владела командой «Пересвета» большую часть времени. И любое отличие нового мира от прежнего в первую очередь вызывало печаль по потерянному навсегда миру.

Субмарина двигалась к северным широтам. Становилось прохладнее с каждым днем. Стали появляться первые айсберги. В прежние времена они здесь не плавали. Скорее всего, их принесло цунами. «Пересвет» обогнул Англию и вошел в Норвежское море. Океаническое дно поменялось разительно. Огромные участки суши, выдавались глубоко в воду. Приходилось лавировать между ними, чтобы не засадить лодку на мель. Шла вторая неделя, как закончилась катастрофа. За это время с космической станцией связывалась американская подводная лодка, астрономы из Южной Америки, метеослужба со Шпицбергена, базы из Антарктиды. Разумеется, выживших должно было остаться намного больше. Но возможностью связи обладали не многие. Космическая станция вещала на волнах разной длины, чтобы люди, имеющие приемники, могли услышать их.

Общая картина событий из разных источников складывалась такая: суша была затоплена полностью за исключением гор. Ветер был такой силы, что против него не смогли выстоять даже самые крепкие здания. Соленая вода, смешиваемая с почвой, органикой животного и растительного происхождения, перетертыми в труху продуктами человеческой цивилизации, приобрела почти черный цвет.

Чем яснее становились последствия катастрофы, тем отчетливее приходило понимание того, что родные, оставшиеся дома, погибли. Но все равно, каждого тянуло вернуться домой, чтобы лично убедиться в

этом. Хрупкая надежда на то, что именно его родным удалось как-то избежать смерти, существовала у всех членов экипажа. Даже Виктор Терехин считал, что его семья придумала способ избежать смерти. Он не мог и не хотел представить себя без дочери и жены. Это было слишком несправедливо. До катастрофы у него были планы уволиться, как подойдет срок, чтобы дать своим женщинам то, чего они были лишены из-за его службы. Капитан просто не мог допустить того, что этим планам не суждено сбыться.

На входе в Норвежское море случилось наблюдать интересную картину. Выступившая отмель встала буквально на пути субмарины. Пока искали маршрут, как обойти ее, Терехин выбрался на палубу, чтобы визуально оценить масштабы препятствия. Он был крайне удивлен, когда перед ним открылся вид, крайне похожий на пустыню. Огромные барханы белого песка, перемежавшиеся озерцами между ними, простирались до самого горизонта.

Это было настолько удивительно видеть в северных широтах подобную невероятную картину, что он позвал офицеров, чтобы разделить с ними свое удивление.

- А мы точно не к Африке приплыли? Не удивлюсь, если магнитные полюса земли поменялись местами, как и предсказывали провидцы, и мы плывем совсем не в ту сторону? – Гренц шутил, но то, что они видели перед собой, очень сильно напоминало африканскую пустыню.

- Я считаю, что песок намело после того, как смыло всю воду. – Предположил Бурега. – Смотрите, какая высота у этих барханов.

Барханы на самом деле выглядели эпически. Вершины большинства из них запросто достигали сотни метров.

- Надо занести на карту эту аномалию. – Предложил Татарчук.

Лодка обогнула «Северную Сахару», так было решено назвать это место, по широкой дуге.

Северная Атлантика сильно потеряла в глубине. Чтобы попасть в Норвежское море пришлось тщательно планировать маршрут. Все глубины, которые были меньше четырехсот метров, считались сушью. Крадучись, на самом тихом ходу, «Пересвет» прошелся вдоль побережья Исландии. Выступившие из воды скалы и открытые участки дна, вызывали у экипажа лодки страх. Не верилось, что так сильно можно было изменить привычный пейзаж.

Подлодка зашла в район предположительного нахождения российской дизельной субмарины. Радио без перерыва передавало сигнал на военной частоте, акустики пытались уловить мельчайшие намеки на работу дизельного двигателя. Пять дней «Пересвет» бороздил квадрат и все безрезультатно.

- Всё! – Командир подлодки решительно рубанул воздух. – Считаю поиски нашей подлодки надо прекратить.

Команда согласилась с командиром. Убедительным доводом для принятия этого решения стали два корпуса небольших судов, обнаруженные на отмелях. Один корабль наполовину засыпало песком. Но по той части, что торчала наружу, определили, что кораблю досталось от стихии неслабо. Второй корабль расплющило о скалы. Возможно, когда уровень воды был еще достаточно высок, судно разогнало ветром и впечатало в камни. Сейчас он находился над водой в ста метрах от поверхности. Корпус судна изрешетило стихией, как машину с чикагскими гангстерами.

«Пересвет» направился к берегам Норвегии. Согласно плану, озвученному Татарчуком, они собирались зайти вдоль норвежского побережья в Баренцево море, чтобы затем взять курс на Мурманск. Кружалин Игорь убедил их, что в северных широтах стихия была слабее, подарив надежду на то, что северный город остался более-менее целым.

На палубе лодки всегда находился вахтенный матрос. Его задача состояла в том, чтобы визуально оценивать препятствия перед лодкой. Ими могли оказаться как неожиданные отмели, так и погибшие суда, которые локатор мог заметить в самый последний момент. Подлодка шла прямо к фьорду. Он еще не показался, до него было около двадцати миль.

Матрос Перелыгин кутался в черную шинель на холодном ветру. Шинель передавалась от вахтенного к вахтенному. Она была на пару размеров больше чем надо, и хлипкий матрос походил в ней на пугало. Время зимней формы одежды еще не подошло, поэтому в лодке ее не оказалось. Пришлось снять шинель с вешалки корабельного музея. В ней в Великую Отечественную воевали офицеры-подводники. Их слава грела только душу, но не тело матроса Перелыгина.

Матрос кутался в шинель с головой, оставляя открытым один глаз между расстегнутыми пуговицами. В таком состоянии переносить

трудности солдатской службы было гораздо легче. Возможно, поэтому он не сразу заметил изменения, происходящие рядом. Вода вокруг лодки стала темнее и гуще, напоминая свойствами обычную грязь.

Перелыгину, занятому собственным комфортом, понадобилось время, чтобы понять, что дальнейшее движение вперед может привести к необратимым последствиям. Вода вязко вздымалась перед носом подлодки, оставляя грязные разводья на бортах. Когда до него дошло понимание опасности, он со всех ног кинулся к шлюзу.

- Эй, вахтенный, передай в рубку, что мы попали в грязюку. Пусть сдают назад!

Терехин находился на вахте, когда ему передали сообщение от наружного вахтенного матроса. Он быстро сопоставил возросшую несколько минут назад потребность двигателя в сохранении скорости и приказ дать обратный ход.

Его самого очень заинтересовала эта аномалия, и он решил выбраться наружу, чтобы лично наблюдать ее. Матрос приплясывал под порывами ветра. Лодка, начавшая маневр, зачерпнула носом густую жидкость. Виктору стало абсолютно ясно, что ни о каком заходе во фьорд не может быть и речи. Он сопоставил то, что видел с тем, что могло ждать его в Мурманске, и очень расстроился. Сейчас они находились на одной широте с городом.

Виктор услышал возглас испуганного матроса. Перелыгин забирался по ступенькам на отлив.

- Товарищ капитан второго ранга, а мы что, на глубину уходим? – Спросил матрос испуганно.

- С чего ты взял, Перелыгин? Я не отдавал такого приказа.

- А чего тогда лодка погружается?

- В смысле? – Не понял Терехин.

- Да мы уже наполовину погрузились от прежнего уровня.

Терехин присмотрелся и понял, что лодка на самом деле находится глубже, чем нужно.

- Давно заметил?

- Нет, недавно. Мне кажется, как назад стали сдавать.

Действительно, лодка погружалась. Каждая волна густой жижи перекрывала предыдущую, размазываясь по корпусу лодки грязными разводьями

- Бегом в лодку! – Приказал Терехин матросу. Как только тот застучал ботинками по ступеням шлюза, Терехин нырнул следом и задраил за собой люк.

- Воздух в балласты на полную и максимальный ход! – Приказал он с «порога».

Его приказ не вызвал удивления. Необычную ситуацию на приборах заметили и остальные дежурившие члены экипажа.

- Что там? – Спросил Бурега. – Мы как в киселе плывем.

- Там грязь, жижа болотная. Подъемной силы нет, вот и тянет ко дну. – Объяснил Терехин. – Уходить надо, подальше от берега.

- Откуда она, с суши?

- Откуда же еще. Оттуда. Воде же надо возвращаться назад, в океаны.

- Выходит, скоро снова все станет, как прежде. – Предположил кто-то их вахтенных.

- Выходит.

Назревала новая экспедиция. Те запасы дров, которые обнаружил Егор, закончились, и теперь требовалось искать новые «залежи». Вместе с сыном они обошли гору, на которой Егор нашел живые деревья. Дальше дороги посуху не было. Это значило, что искать топливо придется, переплывая по воде. Черная вода пугала всех, но другого выхода Егор не видел.

Решено было отправиться к двойной вершине, возвышавшейся из воды на расстоянии пяти километров на надувном матрасе. Из пустых пластиковых бутылок, коих в пещере было множество, сделали для себя спасательные жилеты. Из кусков пластикового водопровода смастерили весла, бросили на матрас весь минимальный набор, состоящий из топорика, троса и клиньев. Из еды взяли четыре вяленых крысиных тушки.

В путь отправились с вечера после вечерней грозы, чтобы иметь возможность, за оставшееся до следующей грозы время, преодолеть водный путь. После плотного ужина, матрас спустили на воду и отчалили от берега. Не сразу все пошло гладко. Ни Егор, ни сын не имели навыков управления лодкой. Поначалу их крутило и вертело у берега под насмешливые взгляды провожающих женщин.

Кое-как, под команду Егора, у них получилось заставить лодку двигаться в нужном направлении. Для отца с сыном стало открытием,

как много усилий требуется для управления таким бесхитростным транспортом. Через полчаса они выдохлись и взяли небольшой перерыв. От пещеры они удалились едва на две сотни метров. Тамара махала им с берега.

- Устали! – Крикнул ей Егор. – К следующему году вернемся!

Немного отдохнув, двинулись дальше, экономя силы. Егор решил, что небольшое, но продолжительное усилие поможет им скорее достичь цели. В итоге, перед наступлением темноты, они были примерно на середине расстояния между их горой и двойной вершиной.

- Как будем держать направление в темноте? – Поинтересовался Матвей.

Уже стемнело так, что не было видно ни той, ни другой горы. Только черная вода вокруг и тишина. Егор огляделся по сторонам. Ни звезд, ни прочих ориентиров не было, только интуиция.

- Без понятия. В темноте можно и развернуться назад, не заметить. Давай, пока мы точно знаем, что плыли правильно, погребем еще под счет, а потом бросим весла и поспим. Куда мы денемся из этого водоема.

Так и сделали. Гребли в течение часа, не напрягаясь, стараясь прикладывать равное усилие на весла. Затем Егор вынул весло из воды и положил поперек матраса.

- Баста! Сушите весла, сэр. – Обратился он к сыну.

Матвей сделал то же самое. Вокруг «плота» воцарилась невероятная тишина. Стало слышно, как в ушах шумит кровь.

- Интересно, какая под нами глубина? – Спросил сын.

- В центре метров пятьсот наверно. – Предположил отец.

- Глубоко.

Матвей представил пятьсот метров черной бездны, и ему стало не по себе, даже передернуло.

- Давай спать. – Предложил он отцу, потому что ему захотелось, чтобы быстрее наступил день.

- Давай. Спать, так спать. Если в туалет среди ночи захочешь, будь осторожнее, не свались за борт.

- Ладно, не переживай.

В плотных робах, предназначенных для сантехников, оказалось тепло спать. Свежий ветер, гуляющий над водой, не продувал их.

Матвей быстро нашел удобную позу и сразу уснул. Егора некоторое время одолевали мысли о будущем, но и он не смог долго сопротивляться сну.

Непонятная тревога заставила его открыть глаза. Светало. Над водой повисла легкая дымка. Он огляделся по сторонам. Ничего подозрительного, кроме…, кроме шума. Монотонный шум, похожий на шум водопада. Егор сунул весло в воду. Перед лопастью взбугрилась вода. Их несло течением. Куда могло нести их утлое суденышко? Только туда, где вода уходила из долины.

- Матвей, проснись!

Отец потрепал сына за одежду. К его чести сын проснулся сразу. Он вытаращился во все глаза и завертел головой.

- Нас несет течением, к водопаду. Грести надо в обратную сторону!

Отец схватил весло и принялся интенсивно грести, выгребая матрас в обратную сторону. Матвей сел на колени и тоже присоединился к работе. Время от времени приходилось при помощи весла определять направление течения, чтобы плыть противоположную сторону. Тем не менее, шум водопада нарастал. В воде стали появляться буруны, свидетельствующие об интенсивном движении воды.

Егор не чувствовал усталости, греб в полную силу, рискуя сломать весло. Ругал себя за легкомыслие, но изменить что-то был уже не в силах. Он был почти уверен, что течение мощнее их усилий и непременно затянет в свою бурлящую пучину.

- Пап, смотри! – Крикнул сын.

Егор посмотрел в ту сторону, куда указывала рука Матвея. Сквозь редеющую дымку он увидел берег, примерно в сотне метров от них.

- Туда! – Крикнул Егор и развернул мощным гребком плот к берегу.

Организм, подстегиваемый страхом и желанием выжить, работал на двести процентов от привычных усилий. Как единый механизм, отец и сын погружали весла в воду и отталкивались от нее. Движение к берегу происходило под углом, из-за того, что лодку все равно сносило течением. Водопад и берег приближались с одинаковой скоростью. Вода здесь уже не была спокойной. Она крутилась водоворотами, дрожала выходящими снизу встречными течениями.

Егор не смотрел назад. Не хотел даже думать о страшном исходе их путешествия. Он греб, как неистовый. Если бы ему сейчас в руки сунули весло раза в три больше, он не заметил бы разницы, и работал им с такой же интенсивностью.

До разрешения ситуации оставались секунды. Шум водопада давил на уши, но и берег был маняще близок. Вдруг матрас крутануло. У Егора захолодело сердце. Он уже решил, что их захватил водопад. К огромному облегчению это не водопад захватил их, просто они из интенсивного потока неожиданно перескочили в тихую воду у самого берега. Скальный выступ чуть дальше по течению образовал изолированную бухту, которую мужчины в панике не заметили.

Отец с сыном подгребли к берегу. Егор соскочил и вытащил нос матраца на берег. Ему все еще не верилось, что они спаслись. Матвей выбрался следом. Ноги и руки тряслись, но на душе был праздник. Они вырвались из лап смерти.

- Ни хрена себе, сплавали за дровами. – Егор утер пот со лба.

- Кто ж знал? Вода с виду такая спокойная.

Они просидели на берегу минут пятнадцать, восстанавливая дыхание. Егор задрал голову и посмотрел в сторону вершины.

- Кажется, мы добрались до цели. Вон, видишь… – Он указал в сторону горы, плохо различимой из-за легкого тумана, – Это наша гора. Значит, эта гора, та самая двойная вершина.

Матвей приподнялся на непослушных ногах. Звук водопада заглушал речь отца, но он понял, о чем речь. Выходит, только с виду водоем казался спокойным. Течения в нем все-таки есть. На лоб Матвею присела мошка. Он рефлекторно стукнул ладонью себя по лбу.

- Постой, зачем ты стукнул себя по лбу? – Спросил удивленный отец.

- Да, мошка какая-то села.

- Да ты что! – Егор расцвел, как будто сын сообщил ему благую весть. – Я же не видел ни одной мошки у нас. Значит, они выжили?

Матвей не разделил радости отца. Вскоре мошек стало намного больше. Они настойчиво пытались залезть в глаза и нос.

- Лучше бы их не было. – Признался Матвей, размахивая руками.

- Да ладно тебе, они такие родные.

Матрас спустили и убрали в рюкзак. В руках остались только весла, которые можно было использовать, как дополнительную опору.

Под настойчивое жужжание мошкары, отец с сыном двинулись изучать новую территорию. Как и везде, все, что можно было сорвать и унести ураганом, здесь было сорвано и унесено. Под ногами ничего не шаталось и не осыпалось, только твердая скальная поверхность.

Научившись немного разбираться в ландшафте, Егор смело шел вперед. Дымка над водоемом растаяла и теперь их гора с Черной пещерой виднелась намного четче. Егор почти чувствовал, как оттуда на них смотрит Тамара, желая разглядеть своих мужчин и успокоиться. Да, телефонов здорово не хватало.

- Как думаешь, лучше через вершину пройти, или обойти вокруг? – Поинтересовался Егор у сына.

- Настоящие герои всегда идут в обход. – Ответил Матвей расхожей фразой.

- Я тоже так хотел сделать вначале, но смотри, какая она пологая. – Отец показал на вершину. – Проще подняться, и разглядеть сверху.

- Давай, через вершину. – Согласился сын. – Не мешало бы подкрепиться, перед подъемом.

- Лады.

Они позавтракали вяленым мясом крыс примерно с таким же видом, как совсем недавно завтракали омлетом или геркулесовой кашей. Завтрак запили водой.

- В путь? – Егор поднялся и встряхнулся, выгоняя из тела лень.

- В путь.

Мошкара не отставала, сопровождая их подъем.

- Интересно, что они едят? – Спросил Матвей у отца. – Кругом ведь никакой органики?

- Не знаю, сейчас вода, как бульон, сколько всего в ней намешано, может быть, ее пьют?

- Бе! – Матвей сделал жест, как будто его тошнит. – Мошкара просто обрадовалась живым существам, как и мы ей.

- Кто знает? Может быть, теперь нам вместе обживать землю придется?

- Да, нет, крысы остались, жуки всякие, мыши летучие.

- И Горбуновы.

- Как Ной с семьей в свое время. Тебе, кстати, не являлся голос бога. Почему ты вдруг решил поехать в пещеру именно в этот день? – Матвей пристально посмотрел на отца.

- Нет, голосов не было никаких. Хотел вас свозить, показать, где мы с мамой познакомились, ну, и красоту нашей природы показать. Вы же с сестрой кроме телефонов и компьютеров ничего и видеть не хотели.

- Удивительно, что тебе захотелось именно в этот день? Хотя, может и совпадение?

- Скорее всего. Удачное стечение обстоятельств. Случай.

- Случай – синоним бога. У меня статус такой был.

- По какому случаю?

- Ну, это, когда познакомился с одной девчонкой, как будто бы случайно, нашел это выражение и поставил себе в статус.

- С Юлей?

- Черт! Откуда ты знаешь?

- Мама сказала.

- А она-то, откуда узнала?

- Сам иногда удивляюсь, но мамы знают всё.

Матвей вздохнул. Наверно, освежились воспоминания о своей зазнобе. Часть пути отец с сыном прошли молча. Когда на небе снова началось движение, они нашли небольшой выступ и спрятались под него.

- И часы не надо, все по минутам. Когда же этот дождь небо-то промоет? – Егор выглянул из-под выступа.

В небе громыхнуло. Егор испуганно вжал голову. Через несколько секунд пелена дождя накрыла гору.

- А ты заметил, что перед дождем мошкара куда-то подевалась? – Спросил Матвей отца.

- Честно признаться, я заметил, что их нет, только после того, как ты спросил. – Признался Егор. – Чуют, черти, когда дождь начнется.

Как только дождь прекратился, отец с сыном продолжили подъем. До вершины оставалось совсем немного. Через час они стояли на ней и разглядывали окрестности с высоты. Дальше на восток и северо-восток виднелись еще две горы. На юг простиралась бесконечная ровная водяная гладь. Справа, под горой, на которой они находились, бурлил водопад, чуть не убивший их. Слева высилась вторая вершина двойной горы, соединявшаяся с их коротким хребтом. Если они не обнаружат ничего полезного тут, придется по хребту перебираться на

соседнюю. Вид сверху не внушал оптимизма. Гладкий, блестящий камень до самой воды.

- Но мошки откуда-то берутся? – Егор рассчитывал увидеть сверху какую-нибудь нетронутую ветром экосистему.

Его внимание задержалось на хребте. Он расположился между гор как парус, натянутый между двумя реями, прямо поперек направления ветра. За его ровной плоской стеной вполне могла образоваться зона, где ветер почти не ощущался.

- Нам туда. – Егор махнул рукой в сторону хребта.

Спускаться к подножию необходимости не было Хребет, похожий на перепонку на лягушачьей лапе, начинался от середины горы. Сейчас им была видна наветренная сторона. Под основанием ее ничего необычного не было заметно, хотя она являлась препятствием всему, что нес в себе ветер. Егор решил, что предметы, отраженные хребтом, опустились на дно. Да и вряд ли то, что пережило такое столкновение, могло годиться в дело. Гораздо интереснее было исследовать, что находилось на обратной стороне.

Они обошли гору, чтобы разглядеть подветренную сторону «перепонки», и увидели то, что ожидали, но все равно оказались не готовы. Отец с сыном испытали примерно такой же шок, как герои Конан Дойла попавшие в затерянный мир. За хребтом находилось совершенно ровное пространство, издали казавшееся совсем нетронутым стихией. Оно было ниже вершины хребта метров на сто пятьдесят и не доставало до воды еще метров двадцать. По площади «затерянный мир» простирался на пятьсот метров в ширину, как раз от горы до горы, и метров на сто выдавался в сторону воды. И все это пространство было зеленым от деревьев. Человеческий глаз, уже отвыкший от любых цветов кроме серого, коричневого и черного, воспринял зелень, как какой-то неземной, фантастический цвет, привнесенный искусственно.

- Затерянный мир! – Довольно произнес отец. – Большое плавание стоило тех опасностей, которые мы с тобой пережили.

- Пошли? – Глаза Матвея горели предвкушением.

- Пошли.

Еще метров за двести до «затерянного мира» послышался шум. По мере приближения к нему, они с удивлением опознали в шуме нестройный лягушачий хор. Егор вспомнил, как в детстве, отдыхая на

каникулах у бабушки, которая жила возле старицы, каждый вечер слышал эту лягушачью песню.

- Не все потеряно, Матвей. Как видишь и лягушки смогли выжить.

Матвей согласно кивнул головой. Он не мог понять, почему мошкара садится только на него. Отец как будто ее не замечал. Последние метры горы сменились ровной поверхностью «затерянного мира». Сверху она казалась нетронутой, но на самом деле почти вся ее поверхность была затянута густой грязью. Первая вода сошла с нее, и теперь жидкое состояние поддерживалось регулярными дождями. Из-под ног, в разные стороны, прыснули потревоженные лягушки. Матвей от неожиданности чуть не свалился в грязь. Отец присел и резко накрыл ладонью маленького лягушонка. Он перехватил его за лапу и поднес к лицу, прокручивая перед собой.

- Отлично, с собой мы наберем лягушек. Когда они размножаться, тоже будем их есть.

- Прям, как французы?

- Как французы, царствие им небесное.

Егор дотянулся до веток ближайшего дерева. Это был ясень.

Листья на нем выглядели так, будто их обгрызли черви. Видимо, во время урагана и здесь было несладко. На листьях лежал песочный налет, след от грязных дождей. Егор сорвал один листок, смял его и растер пальцами, поднес к носу и глубоко вдохнул его запах.

- Аааааа. – Блаженно произнес он. – Прошлым пахнет. Понюхай?

Матвей взял в руки измятый лист и понюхал. У него сразу возникли ассоциации с летними каникулами, когда он с товарищами лазал по деревьям. Подумалось об этом как о виденном когда-то сне. Настолько неправдоподобно воспринималось сейчас прошлое.

- Куда пойдем? – Спросил Матвей отца.

- Облазим весь лес. Здесь должно быть полно обломанных веток, да и с неба многое могло упасть. Слыхал про газовую эжекцию?

- Не помню, нет, не слышал. – Признался сын.

- Смотри. – Егор поднял руку вверх. – Сильный ветер дул поперек этого хребта, и сразу за хребтом создавалась область низкого давления, где было относительно спокойно. Тут тоже был кошмар, я думаю, что в воздухе висел такой плотный грязеводяной туман, но никого не сдувало ветром. Поэтому лягушки и мошкара эта… – Егор хлопнул

себя по щеке, – здесь и выжили. Птицы тоже могли бы выжить, но они приучены при первой опасности взлетать в воздух.

- Познавательно. – Как-то иронично заключил Матвей. – Когда поспеют семена на деревьях, надо будет завезти их на свою гору и попытаться вырастить.

- Правильно мыслишь, только не семенами, а черенками. А может быть, мы расчистим здесь себе место, поставим шалашик, и будем все лето жить, как на даче, а на зиму перебираться в пещеру.

- Пап, а зимой, когда замерзнет все, может, сходим в наш город?

Егора вопрос застал врасплох. Он ни разу не задумывался об этом. Действительно, зимой воду должно было заковать морозом в лед. Лучше дороги для путешествия и не придумать.

- Не знаю, как насчет нашего города, но до ближайшего поселения добраться можно попробовать.

Нестройный хор тысяч лягушачьих глоток заглушал разговор. Но после месячного безмолвия лягушачий гомон казался одним из самых прекрасных звуков на земле.

- Вдруг здесь есть расщелины. – Сказал Егор, прощупывая опору вокруг ногой. – Давай свяжемся тросом, и будет держаться друг от друга метрах в трех.

Так и сделали. Егор пошел первым, держа в руках весло и прощупывая им дно. Сын озирался по сторонам, любуясь низкорослыми потрепанными, но все равно такими прекрасными, деревьями. Лягушки, потревоженные людьми, прыгали в стороны и скрывались в грязи, оставляя на поверхности часть мордочки с глазами.

- Скоро это болото зацветет. Чуешь, запах уже появляется?

Матвей втянул воздух.

- Чую. Деревья не погибнут?

- Не знаю, будет жалко, если погибнут. В следующий раз, приедем сюда и наберем саженцев. Начнем озеленять нашу гору, чтобы внукам было, где играть.

- Откуда они возьмутся? – Удивился Матвей.

- Точно. Я как-то об этом не подумал.

- А ты, правда, считаешь, что кроме нас никто не спасся? Неужели из миллионов людей только нам повезло. Сколько людей находилось на отдыхе в горах? Ведь кто-то так же как и мы спрятался в пещере?

- Хотелось бы в это верить. Как говорится, надейся на лучшее, но готовься к худшему. До зимы, я думаю, вода сильно спадет, между горами можно будет свободнее ходить, тогда и попробуем найти кого-нибудь.

Егор разговаривал с сыном, полуобернувшись назад, и совсем забыл про то, что надо проверять перед собой дно. Он оступился и со всего маху упал в грязь. Испуганные лягушки гурьбой прыгнули в стороны. Матвей потянул за веревку изо всей мочи.

Егор поднялся на ноги. По лицу и телу стекала густая грязь.

- Заболтался я с тобой. – Оправдался он, размазывая её по лицу. – Плесни мне немного воды на руки.

Егор подошел и налил в подставленные ладони отцу питьевой воды. Егору не удалось смыть ее с лица с первого раза. Он снова подставил ладони. Со второй попытки лицо немного отмылось.

- Споткнулся об ветку наверно? – Предположил он.

Пошарил руками в том месте, где налетел на препятствие. Он схватился за что-то и потянул. Грязь в этом месте вспучилась, никак не желая расставаться с находкой. Матвей засунул руки в грязь и тоже ухватился за неё. Его усилия не пропали даром. Над грязью выступила часть, по которой еще сложно было определить предназначение вещи. Они снова поднатужились и вытянули её наружу. Это был мотоцикл. Погнутый, покореженный чоппер. Егор протер номер. Аббревиатура «DE» говорила о том, что мотоцикл принесло ветром из Германии. Грязь скрывала многие повреждения, но можно было догадаться, в каком состоянии находился аппарат.

- Как думаешь, можно с него снять что-нибудь? – С любопытством осматривая находку, спросил Егор, скорее у самого себя, чем у сына. – Мотор, генератор?

Задняя часть мотоцикла выглядела, как яйцеклад у тараканьей самки. Грязь на ней собралась большим комом. Егор счистил ее руками. Под ней обнаружились два кожаных кофра, висящие по обе стороны заднего колеса.

- Посмотрим, что немецкий байкер брал с собой в дорогу. – Егор нащупал язычок замка и открыл кофр.

Он был полон грязи. Егор осторожно засунул руку прямо в нее и вытянул оттуда тяжелую коробку. Очищенная от грязи, коробка

оказалась металлическим ящиком с инструментами. На крышке имелись следы ударов, а в паре мест ящик был пробит.

- Неплохо, этим можно будет раскрутить что-нибудь, тот же мотоцикл. Берем с собой.

Егор снова полез в кофр и вынул еще одну коробочку, раза в два меньше первой. Надпись на очищенной крышке была сделана на немецком. Для Егора этот язык был таким же понятным, как и китайская грамота. Он тщательно ее очистил. Коробочка оказалась пластиковой, и к удивлению, целой на вид. Наверное, ящик с инструментами защитил ее от ударов.

Егор откинул защелки и открыл коробку. Как ни странно, но грязь практически не попала внутрь. На мягком поролоне в прорезях лежал аккуратно уложенный набор туриста, отлученного от электрических сетей. В центре зарядное устройство, набирающее заряд при помощи солнечных батарей. По краям лежали устройства, которые оно питало: фонарь со светодиодными лампочками, набор переходников к разным телефонам, миниатюрный аккумуляторный радиоприемник и еще небольшая прямоугольная штука, предназначение которой он не понял.

- Это…, это сокровище! – Проговорил Егор с придыханием.

Он даже не стал прикасаться грязными руками к содержимому коробки, чтобы невзначай не испортить его. Осторожно закрыл его и убрал в рюкзак.

- Я теперь смогу телефон зарядить и поиграть! – Догадался Матвей.

- Конечно, и свет теперь мы можем иметь не только от костра. Вот находка, так находка. – Егор даже раскраснелся от переполнявших его впечатлений.

Больше ковыряния в этом кофре ничего не дали. Там остались только грязь и камни. Во втором кофре оказалась совершенно разбитая аптечка. Битые пузырьки, жгут, и перепачканные в грязи упаковки таблеток на немецком языке. Егор отобрал более мене целые упаковки и поместил их в рюкзак.

- Лекарства всегда пригодятся. – Заключил он.

Он прощупал кофр снаружи, из-за того, что в грязи могли оказаться осколки стекла. Твердого там ничего не осталось.

- Ради этого стоило упасть лицом в грязь. – С чувством самоиронии произнес отец. – Думаю, что это местечко много чего

скрывает под толщей грязи.

Больше с мотоцикла взять было нечего. Конечно, если разобрать его, то можно было найти какие-нибудь детали пригодные в домашнем хозяйстве, но времени на это не оставалось. Нужно было подробнее рассмотреть «затерянный мир» чтобы приехать сюда в следующий раз как следует подготовившись. Отец с сыном двинулись дальше.

Глубина дна варьировалась в пределах одного метра. Где-то приходилось залезать в нее по пояс, а где-то, отмытое дождем дно выступало наружу. Дров здесь было в избытке. Если начать регулярно их запасать, то к зиме должен был собраться достаточный запас.

Приветов из прошлого, подобного мотоциклу, больше не встречалось. В основном, под ногами попадались камни, сбитые ветром с верхушки хребта. Может быть, что-то и было здесь, но густая грязь надежно скрывала от человеческих глаз свои тайны.

В середине обширного уступа образовалось озерцо. На фоне окружающей его грязи оно выглядело светлее. Над ним висело облако мошкары, потому Егор с сыном не решились приближаться к озерцу близко, боясь, что это облако прицепиться за ними. Они обошли его метров за двадцать.

Матвей первым заметил, как затихли лягушки и стройными рядами направились к этому озеру.

- Чего это они? – Удивился он, наблюдая, как игнорируя их, мимо прыгают земноводные.

- Не к дождю ли это? – Догадался отец.

Как повелось по новому порядку, перед тем, как начаться грозе в небе происходило интенсивное движение облаков. Коричневые массы, похожие на грязную вату, двигались, мялись и рвались сильным ветром, дуновение которого почти не касалось поверхности земли. Егор подумал, что возможно там, в высоте стихия еще не закончила свою разрушительную деятельность.

Мужчины осмотрелись в поисках укрытия. Ветви деревьев не могли защитить их от града, к тому же стоять по колено в воде и под дождем совсем не хотелось. Егор пошел в сторону хребта, выискивая взглядом в плоской стене, хоть какую-нибудь впадинку, способную защитить их. Он нашел ее, прикрытую кустами чахлой акации, на высоте двух метров от уровня грязи.

Егор подсадил сына, чтобы тот забрался в укрытие. Забросил ему рюкзаки и следом забрался сам. Громыхнул гром и полил дождь. Отвесные струи не попадали в скромное убежище. Ощущался только холод, сопутствующий дождю. Начался град. Он сбивал с деревьев последние листья и с чавканьем уходил в грязь. Егор физически ощущал желание растений взять хоть небольшую передышку для того, чтобы восстановить силы.

Пользуясь бездействием, достал из рюкзака набор для зарядки. Подключил радиоприемник к зарядному устройству. На шкале отобразилась графическая информация о состоянии заряда батареи. В ней еще оставалась половина заряда. Егор повернул колесико включения приемника и колесиком тюнера принялся сканировать эфир. Гроза создавала сильные помехи, перемежающиеся со звуками эфира. Как и следовало ожидать, передавать сигналы было некому.

Матвей взял из рук отца приемник и покрутил его. Он нашел переключатель длины волн. Выставил на среднюю позицию, видимо, означающую средние волны, и пробежался шкалой тюнера по всей длине волн. Ничего, кроме помех от грозы и завываний эфира. Переставил тюнер на крайнюю позицию, которая могла означать длинные волны. Результат был тем же.

Матвей, молча, протянул приемник отцу. Тот убрал приемник и зарядку на место.

- Маломощный приемник. Надо будет с вершины горы попробовать поймать. – Егор захотел успокоить сына.

- Да, ладно тебе, пап, что я не понимаю что ли? Радиостанции питать надо электричеством. Те, кто выжили, скитаются так же, как и мы, ищут возможность не умереть с голоду. Им сейчас не до того, чтобы восстанавливать радиостанции.

- Может быть ты и прав, но не всех ураган застиг, как нас на отдыхе. Военные были на боевом дежурстве, под землей в укрепленных бункерах. Там автономность огого, месяцами можно жить. Вода схлынет, и можно выбираться наружу. У них и техника всякая есть и запасы. – Егору, больше хотелось верить в то, что он говорил, чем он считал на самом деле.

Неподалеку раздался глухой удар, и следом за ним мощный шум. Пелена дождя мешала подробно рассмотреть происходящее. Похоже, что край уступа, на котором образовался «затерянный мир» обвалился,

и потоки воды и грязи устремились вниз. Дождь начал стихать, воздух прояснился, подтвердив предположение. Часть карниза обрушилась вниз и вода из озерца ушла.

Из-под воды показался остов легкового автомобиля. Течение потянуло его за собой, но автомобиль уперся в невидимую преграду и замер. Вокруг него образовались грязные буруны. Дождь смыль грязь с кузова, обнажив красную краску под ней. Еще минут двадцать лил дождь, постепенно ослабевая. Наконец, он затих окончательно.

Прямо посередине утеса напротив озерца образовался провал. Грязь, взбитая градом, как тесто руками хлебопекаря, разжижилась и густым потоком стекала вниз.

- Все, что не делается, делается к лучшему. – Заключил Егор, глядя, как падает уровень грязи. – Надоело по колено в грязи хлюпать.

- Пойдем, посмотрим, что в машине можно найти? – Заторопился Матвей, заинтересованный находкой.

Они спустились вниз и прошли к тому месту, где совсем недавно еще было озерцо.

- Я уже название этому месту придумал – Лягушачье озеро. – Поделился Матвей.

- Как первооткрыватели нового мира, имеем право присваивать свои названия местам, но я хотел назвать его – Дача Горбуновых.

- Ну, ты больше прав, озеро-то утекло.

На самом деле воды в озере осталось еще по пояс. Автомобиль был скрыт по самые дверки. Подойдя ближе, мужчины почувствовали неприятный трупный запах, доносящийся из него. Егор посоветовал сыну остаться в стороне, чтобы увиденное не травмировало его слабую психику. Хотя, после всего, что ребенок видел и пережил, и не потерял рассудок, в крепости его психики можно было не сомневаться.

Егор подошел к машине вплотную. Нос прикрыл отворотом куртки. Через мокрую одежду тошнотворный запах почти не проходил. Вокруг машины кружилось облако мошкары. Салон автомобиля был заполнен грязью по уровень окон. Передок автомобиля был смят, крыша деформирована, но стойки почти не повреждены. Из грязи торчали четыре больших выпуклости. Егор вспомнил первый день, когда они приехали к Черной пещере и тот красный автомобиль с семьей, которая оказалась там перед ними.

Автомобиль действительно был похож. Тамара, что-то говорила про пролетевшую по воздуху красную машину. Тогда они все списали на игру воображения, да и как можно было всерьез в это поверить тогда. Похоже, семье с собачкой не повезло. Егор зашел к машине со стороны водителя. Просунул в дурно пахнущую грязь руку, чтобы нащупать ключи. Тело водителя коснулось его руки и чуть не вызвало рвотный рефлекс. Егор боялся вдыхать воздух. Он ощупал рулевую колонку и наткнулся-таки на торчавший из замка ключ. Вынул и, держа руку вытянутой, отбежал от машины и прополоскал ее в грязной жиже, желая отбить неприятную вонь.

- Помоги мне! – Егор позвал сына, чтобы тот помог открыть багажник.

Крышка багажника была слегка деформирована, но замок выдержал удар и не дал ей открыться. Ключ повернулся в замке, но крышку где-то зажало. Егор с сыном поднажали и рывком открыли её. Багажник, как и следовало ожидать, был полон грязи. Но кроме грязи он был полон и вещей, которые несчастная семья взяла с собой на пикник. Егор вытянул наружу термосумку.

- Даю палец на отсечение, что в ней кола или пиво. – Предположил отец.

Он отошел в сторону и расстегнул замок сумки. В ней действительно лежали пластиковые бутылки с минеральной водой и колой.

- Кола! – Матвей не смог скрыть радостных чувств.

Он поднял бутылку над головой, словно победное знамя.

- А пива нет. – Вздохнул Егор.

В багажнике оказался мангал для шашлыка. В нем лежал мешок с углями, шампуры и жидкость для розжига.

- Все нужное, жаль увезти сразу все нельзя. – Егор отнес мангал со всем содержимым на сухое место.

В небольшом ведерке оказался маринованный шашлык, пахнущий почти так же, как трупы в салоне. Егор выбросил его подальше. Ближе к салону стояли несколько пакетов. В одном из них были упаковки с чипсами.

- Ух, ты, чипсы! – Обрадовался Матвей. – Можно мы одну пачку съедим по дороге.

- Чипсы – нездоровая пища, не разделяю твоей радости. Но по дороге съедим одну пачку. – Желудок отца отреагировал урчанием на пакетик с нездоровой едой.

- Клево! – Матвей захлопал в ладоши, как маленький.

Видимо сработал триггер, сделавший его в один миг тем ребенком, которым он был до катастрофы. В других пакетах оказались различные хозяйственные принадлежности для пикника. Одноразовая посуда и полотенца, почти растворившиеся в грязи. Попались им так же и два надувных плавательных круга. Видимо, семья собиралась после посещения пещеры, отправиться на озеро или речку.

- Это для нас с тобой. Лучше, чем пластиковые бутылки. – Оценил отец неожиданную добычу.

- А нам, что постоянно их надутыми на себе носить, или надувать, когда в воду свалимся? – Поинтересовался Егор.

- Ах да, бутылки в этом плане лучше. – До Егора дошло, что надетый заранее круг будет мешать и выглядеть нелепо. – Тогда вам с Катюхой плавать сгодятся.

На дне багажника Егор нашел чехол, в котором была упакована палатка, дуги и колышки к ней.

- Стоящая вещь для путешествий. Берем. – От подвесил ее на сучок ближайшего дерева.

Добрался он и до набора автомобилиста. В тряпочной сумке с замком-молнией лежал огнетушитель, знак аварийной остановки, ленточный трос и аптечка.

- Аптечку берем с собой. Трос сгодится нам связывать дрова. Остальное пока отложим.

Под поликом Егор обнаружил запаску, ножной насос и домкрат. Пока возможности забрать все найденные вещи не было, отнес их к скале и поместил в ту выемку, в которой они прятались от дождя.

- Теперь надо собирать дрова. – Решил Егор.

Близились сумерки, а у них еще не было собрано ни одной вязанки. Из-за понизившегося уровня грязи наружу выступило большое количество обломанных ветвей. Матвей стаскивал ветки на скалы, а отец ровнял их топориком, чтобы вязанки получались плотными и удобными. За час они собрали дров гораздо больше, чем могли унести за один раз.

- До ночи, мы сможем обернуться только один раз, но возить за пять километров по воде две вязанки непростительное расточительство наших сил. – Решил Егор. – Предлагаю набрать дров на три ходки. Одну отнести сегодня, завтра еще две и уже с таким запасом вернуться домой.

- А успеем до ночи доплыть, тем более с грузом?

- Отплывем через день.

- Мамка будет беспокоиться.

- А мы ей сигнал подадим. Даю голову на отсечение, что она по вечерам будет всматриваться в горизонт, не плывут ли ее мужики назад с добычей. Мы с тобой разожжем большой костер из резины, она увидит его и догадается, что это мы даем ей знак.

- Ну, давай. Только пачку чипсов одну съедим завтра?

- Договорились.

- И колу попьем?

- Идет. В конце концов, там кофеин есть, а энергия нам понадобится.

Ударно поработав еще полчаса, Егор удовлетворенно вытер со лба пот. По виду, дров должно было хватить на месяц. Он сделал две тугие вязанки из своего троса и того, что добыли в красном автомобиле. Разрубил покрышку запасного колеса пополам и одну половину убрал в вязанку. Помог сыну закрепить вязанку на спине, Матвей помог отцу. Как разведчики перед выходом, мужчины проверили, как на них сидит снаряга. Удовлетворившись, они отправились в путь.

Вид с вершины горы на темнеющее небо впечатлял. Заходящее солнце с трудом пробивалось через толщу грязных облаков, заставляя последние светиться красным светом, как разогретая в огне железо. Красный отсвет облаков падал на черную водную поверхность, делая ее и без того мистический ореол еще более страшным и отталкивающим.

На половине спуска Егор остановился. Снял с вязанки покрышку, полил на нее жидкость для розжига и поджег. Густой огонь принялся пожирать резину, разгораясь все сильнее. Когда Егор убедился, что покрышка уже не затухнет, они продолжили путь.

К месту назначения добрались в полной темноте. Пятно костра ярко светило над головами, отражаясь в низких облаках.

- Надеюсь, мать правильно истолкует наш знак, и не бросится нам на помощь? – Егор посмотрел в сторону, где должна была находиться их гора.

- Она может. Очень переживает, когда мы уходим из дома.

- О! Матвей, смотри! – Отец указал рукой в сторону их дома. – Смотри, она нам тоже светит! Увидела! Интересно, что это значит?

- Я думаю, что она приняла наш сигнал, и как бы дает это понять. Она отвечает на наше сообщение.

- Ладно, увидела наш огонь, уже хорошо. Давай спать. Разбужу с первыми лучами, или как это теперь называется. – Егор так и не придумал, как назвать теперешние утра, лишенные прямых солнечных лучей.

Он нашел удобное положение, закрыл глаза, и под назойливое приставание мошкары, заснул. Матвей не сразу последовал примеру отца. Ему, как растущему организму требовалось приличное количество калорий. Матвей дождался, когда отец уснет, чтобы открыть бутылку с колой. Сначала насладился ее забытым запахом, затем сделал маленький глоток. Газированный напиток обжигающе прокатился по горлу. Затем сделал два больших глотка, громко отрыгнул, закрутил пробку и с довольной улыбкой улегся спать.

Отец, как и обещал, разбудил чуть свет. Утро было прохладным. На камни легла роса. Матвей, стуча зубами, стал собираться в дорогу. Отец достал из рюкзака завяленные крысиные тушки. Одну протянул сыну.

- Подкрепись.

Матвей взял ее в руки и откусил небольшой кусок. Мясо крыс стало настолько привычным, что давно уже не вызывало никакого неприятия. Отец открыл пакетик с чипсами и глубоко вдохнул их запах.

- Ааа, божественно. – Произнес он с придыханием. Вынул горсть чипсов и отправил их себе в рот. Пакетик протянул сыну.

Матвей взял его и тоже набрал в ладонь чипсов. Аромат приправы ударил в нос, заставив отреагировать желудок урчанием. Закинул их в рот и зажевал ими крысиное мясо. Все кулинарные чудеса мира меркли перед его блюдом. Вкусовые рецепторы буквально дрожали от наслаждения.

Матвей вернул пакетик отцу. Так они передавали его друг другу, пока все чипсы не закончились. Отец открыл бутылку колы, заметив, что она уже начата. Ничего не сказал на это. Отпил и протянул сыну.

- Это был праздник живота. Награда за наши труды и смелость. – Произнес он довольно.

- Если бы мы знали, где находятся склады с едой, то могли бы устраивать себе регулярные праздники живота.

- Под толстым слоем грязи они, Матвей. Как в них попасть, я даже и не представляю. Зимой сгоняем куда-нибудь, может, повезет.

Егор с сыном закончили завтракать, поднялись и пошли на обратную сторону горы. Еще по вязанке дров они успели принести до первого дождя. Он застал их по возвращении, на самой вершине. Как они не спешили спуститься с нее до начала града, у них ничего не получилось. Пришлось вжиматься в камни и прикрываться дровами, чтобы не отбило голову. Град не причинил им никакого вреда.

Когда дождь закончился, Егор спустился на выступ и набрал в бутылку немного грязной жижи и забросил в нее головастиков и мелких лягушат.

- На развод. – Пояснил он удивленно смотрящему на него сыну.

Зацепив остатки дров и добытых трофеев, они вернулись на место, откуда собирались отчаливать к дому.

- А может, осилим пять километров до темна? – Матвею не хотелось ждать еще половину дня и всю ночь.

Отец засомневался, одержимый теми же мыслями.

- У нас же груз тяжелый. Не осилим с непривычки.

- А давай из палатки парус замастрячим. Помнишь, после обеда ветер всегда дует от двойной горы в сторону нашей. Немного поможет.

Это было на самом деле так. После обеда легкий ветерок всегда гнал волны от Черной пещеры, после обеда, наоборот, к ней. Егор задумался на минуту. Жизнь, как ему казалось, ничему его не учила. С таким трудом они выбрались из западни водоворота, как снова пытаются совершить ту же ошибку. Но внутренний голос был на стороне сына. И Егор поддался ему.

- Ладно, попробуем сделать парус, а еще подвяжем наши дрова к тем надувным кругам, чтобы лучше держались на поверхности.

Егор взялся за сооружение паруса из палатки и подходящих веток, а Матвею поручил надувать матрас и круги при помощи трофейного

насоса. Дело шло споро. Вскоре на воде лежал плот из дров, скрепленный при помощи тросов. Посередине плота торчал парус. Егор заклинил его при помощи подходящих веток. Парус держался крепко. Мокрое дерево имело плохую подъемную силу, поэтому подсунутые под плот два надувных круга пришлись, как нельзя, кстати. Плот приподнялся над водой.

Часть трофеев побросали на матрас, а часть на плот. Матрас спустили на воду. Матвей первым разулся и забрался в него. Отец помог сдвинуть плот в воду и следом запрыгнул в импровизированную лодку. Весла ударили по воде, и семейный тандем с хорошей добычей отправился домой.

Первый год

Мир приспосабливался к новой жизни. От микробов до глобальных воздушных течений, формирующих климат планеты. Микробы в благоприятной для них влажной и питательной среде, принялись размножаться в геометрической прогрессии. Каждая лужа и водоем зацвели. Вода стала источать неприятный болотный запах. А на днях, Егор своими глазами видел, как над водой появился пузырь. Он был размером с их матрац, на котором они продолжали плавать за дровами. Пузырь бесшумно надулся метрах в двадцати от лодки и так же бесшумно лопнул, наполнив воздух запахом сероводорода.

Где-то под водой микрофлора отчаянно размножалась на питательных останках некогда живого мира. Водоемы грозили превратиться в смердящие болота, вблизи которых жизнь будет невозможна. Пока это был единичный случай и Егор не сильно беспокоился об опасности, но он знал, что в будущем им придется искать место, удаленное от таких водоемов. Существовало ли оно, дать ответа было некому.

Еще одной проблемой стал бурный рост водорослей. Только пару недель назад, когда они с Матвеем первый раз отправились к двойной вершине, на обратном пути им попалась небольшая лента водорослей, зацепившаяся за их плот. Сейчас водоросли покрывали большие участки, и с собой приходилось брать самодельные мачете, изготовленные из разных сантехнических принадлежностей, чтобы обрубать запутавшиеся в водорослях дрова.

- Это не водоем, не озеро, это бульон или окрошка. Боюсь, что до зимы он станет не судоходным. Водоросли покроют всю поверхность,

и мы просто не сможем по ней плавать. – Рассуждал Егор.

- И как же нам ездить за дровами? – Спрашивал Матвей.

- Ждать зиму, или придумывать какие-нибудь болотоступы из бутылок. У меня вообще-то есть идея, но для нее нужен велосипед. Хочу что-то такое, похожее на катамаран сделать.

Фуру с сантехникой им не удалось разобрать до конца. Она хранила еще немало тайн, и Егор рассчитывал найти в ней что-нибудь необходимое для воплощения своего проекта.

Погода тоже приспосабливалась к изменениям. Регулярный дождь с градом, который случался дважды в сутки и делящий их на отрезки, начал давать сбои. Иногда не случалось первого дождя, иногда второго, но так, чтобы весь день без дождя такого еще не случалось. Егор связывал это с изменением движения воздушных масс. Целый месяц после катастрофы воздух был почти неподвижен. Природа словно компенсировала разрушительную мощь урагана. Но постепенно стали появляться ветра и регулярный дождевой цикл изменился.

Егор не мог определиться, небо на самом деле становилось светлее, или это глаза приспособились жить в условиях вечных сумерек. Возможно, дожди вымывали из атмосферы пыль, а ветер сильнее перемешивал нижние и верхние слои, делая их более однородными и оттого более прозрачными. Иногда по ночам, когда налетал внезапный ветер, в скалу, рядом с пещерой бились волны. Ветер свистел в неровностях скал, волны гулко сотрясали воздух. В такие ночи, Катюшка просыпалась и мелко дрожа, прижималась всем телом к матери.

По календарю, при котором жила человеческая цивилизация, наступила осень. Утра стали гораздо прохладнее. Лягушки, которых размножил Егор, уже не выводили свадебных песен, мошкара стала пропадать, и все вокруг стало готовиться к зимнему замиранию. Особо заметно это было по деревьям, растущим на утесе двойной горы. Их листья подернулись желтизной, и небольшое их количество уже лежало у подножия деревьев.

Матвей забрался на скалу повыше. Он считал, что радиоприемник там сможет поймать хоть какую-нибудь волну, на которой выжившие люди смогут передать послание. Он рассчитывал на военных, у

которых в руках была вся инфраструктура для выживания в экстремальных условиях.

Приемник ловил пустой эфир. Иногда мальчику казалось, что он ухватывал обрывки фраз ускользнувшей волны, но сколько он ни пытался гонять кругляш тюнера туда и обратно, ничего, кроме ненужных завываний не было слышно. Матвей грешил на слабую мощность приемника. Он уже собрался домой, когда сквозь свист эфира и треск помех раздался далекий голос. Мужской голос говорил на английском. Матвей замер и вслушался в слова. Он плохо воспринимал английский язык на слух, хотя и учил его в школе. Он захотел просто запомнить фразы, чтобы пересказать их отцу так, как он их услышал.

- Это экипаж международной космической станции. Нашу планету постигла глобальная катастрофа. Просим всех, кто выжил и имеет возможность передавать радиосигнал, выйти на связь с нами, для координации…., закрыта облачностью….. – Русская речь, последующая за английской, внезапно оборвалась.

Из динамика снова раздавались помехи. Матвей поднял над головой приемник и стал водить антенной по сторонам, словно это влияло на прием волн. Напрасно, эфир снова наполнился помехами. Матвей, рискуя разбиться, стремглав побежал вниз.

- Пап! Мам! Я слышал голос! Это с МКС! – Матвей поднес приемник, все еще издающий помехи, к отцу. – Экипаж МКС, они просили выйти на связь с ними, для координации, а потом звук пропал. Еще они успели сказать про то, что что-то закрыто облачностью.

Тамара и Егор переглянулись. Им хотелось верить словам сына, но они не были уверены в том, что он не фантазирует.

- Наверное, ушла за горизонт. – Егор посмотрел в небо, словно мог увидеть пролетевшую космическую станцию. – Телефон заряжен?

Матвей достал телефон, который использовал, как игровую приставку. Отец посмотрел время на нем.

- Так, как мне помнится, МКС совершает один оборот вокруг Земли за полтора часа. Можно попробовать снова поймать их передачу. Волну не трогал?

- Нет, не трогал. – Ответил Матвей.

- Тогда, выключай, не сажай батарейки. Через час снова включим, и будем ждать. Я думаю, что передачу они ведут непрерывно.

Нежный аромат крысиного бульона, приправленного для вкуса веточками дикой вишни и угольками из костра, приманил всех к столу. Перед этим Егор разбирал кучу трофеев добытых из фуры с сантехникой. Его не оставляла мысль собрать надежный аппарат для плавания. Ничего подходящего, за исключением металлических труб и уголков, из которых можно было собрать раму, он не видел.

- Сколько осталось? – Спросил Егор сына, следящего за временем.

- Двадцать минут. – Матвей свернул игру, чтобы посмотреть время.

- Было бы просто замечательно, если бы эти парни сверху могли нам рассказать, где остались люди, и куда нам идти, чтобы с ними встретиться. – Мечтательно произнесла Тамара.

- Куда отсюда уйдешь-то? Только зимой, по льду. Представляешь сколько с собой надо нести припасов? Дров, к примеру, чтобы греться, я не говорю про еду. А как ориентироваться, если ни звезд, ни вообще ничего, кроме этих грязных облаков не видно. Будем ходить кругами. – Разбил ее мечты супруг.

- А что делать? Так и жить в этой пещере, до скончания века? – Спросила она с обидой.

- Ждать надо. Вода понемногу уходит, глядишь, скоро откроются дороги по горам. Следующим летом можно будет попробовать уйти севернее на двухнедельный переход. А зимой мы с Матвеем сходим до ближайших поселков, посмотрим, чем там можно поживиться? Матвей считает, что надо проверить железнодорожные станции. Тяжелые вагоны могло не так далеко унести ветром. А нам все равно, что в них будет, уголь, зерно, холодильники или детские игрушки. При нашей жизни любая вещь сгодится.

- Холодильники-то куда сгодятся? – Спросила Тамара.

- Ну, холодильник можно вместо шкафа использовать.

- Уж лучше игрушки. – Вставила реплику Катюшка. – Мне куклу если что надо, и газировки.

- Ладно, если повезет, мы вам принесем всего, что вы закажете. – Пообещал ей отец. – Сколько еще?

- Пять минут. – Сообщил Матвей оставшееся время.

Егор дохлебал остатки бульона. Налил в кружку чай из корней дикой вишни. Ароматный, с приятным вишневым привкусом, насыщенного коричневого цвета, но не сладкий.

- Все, пора. – Сообщил Матвей.

- Заводи шарманку.

Приемник зашипел пустым эфиром.

- Точно не трогал волну? – Переспросил отец.

- Не знаю, может быть немного и повернул, когда бежал вниз.

Отец взял в руки приемник и осторожно повернул кругляш тюнера вправо, а потом влево. Помехи сменили тональность, но речи не было слышно. Вся семья замерла в ожидании свидетельства, что они не одиноки на Земле. Егор продолжал крутить настройки, опасаясь не успеть на короткий момент связи. Мусор в атмосфере, наверняка содержал металлическую пыль, экранирующую радиосигнал и пробивался только тогда, когда проходил прямо над головами обладателей радиоприемников.

- Сколько времени ты спускался с горы? – Поинтересовался отец у Матвея.

- Минут десять.

- Понятно. – Неопределенно ответил Егор.

Вдруг, тихим далеким голосом в треск помех стала пробиваться человеческая речь. Разобрать ее было невозможно, но с каждой секундой она становилась все отчетливее. Вся семья замерла, словно боялась своим движением сбить волну.

- … глобальная катастрофа, многие погибли, но мы принимаем сигналы от выживших по всей планете. Все, кто имеет возможность передать сигнал на этой частоте, свяжитесь с нами, международной космической станцией, для того, чтобы мы могли координировать вас. Позже, мы передадим координаты тех, кто вышел с нами на связь, для того, чтобы вы смогли найти друг друга и объединится. Не поддавайтесь панике, проявляйте стойкость, вместе мы преодолеем трудности. – Мужской голос, говорящий на русском сменился женским, говорящим на английском.

Горбуновы, замерев, смотрели на приемник, теряющий сигнал. Это была первая весточка от людей за более чем полуторамесячное уединение. Егор не мог сказать, вдохновил его этот призыв или нет, но мурашки пробежали по коже, как в торжественный момент. Семья, судя по виду, пребывала в таком же состоянии. Даже Катя замерла и смотрела на приемник, как на выпрошенный у Деда Мороза подарок под елкой.

- Жаль не сказали, где поблизости люди есть. – Посетовал Матвей.

- Да, по зиме можно было бы попробовать добраться до них, если бы знать, где искать. – Согласился отец. – Интересно посмотреть как там дела, на равнине? Я, наверное, займусь изготовлением катамарана, или что там у меня получится? Испытаю его, да попробую сплавать подальше.

- Не знаю, Егор, может дождаться зимы, опасно ведь? – Забеспокоилась Тамара.

- Посмотрим, сначала надо сконструировать его, вот этими ручками. – Егор поднял обе руки, сомнительно разглядывая их. – Матвей, поможешь мне?

- Конечно, мне интересно это.

Уровень воды опустился настолько, что больше половины фуры выглядывало наружу. Егор боялся, что сильно поврежденный прицеп не выдержит, и все содержимое вывалится из него, навечно исчезнув в черном иле перетертого ураганом человечества. Чтобы этого не случилось, он стянул кузов автомобильными тросами.

Позабытая на время находка, снова стала объектом разграбления. Егор вырубил в боковой стенке приличное отверстие, через которое передавал сыну добытые из машины вещи. Многое уже пошло на благоустройство пещеры. Из листов обшивки прицепа они смастерили полноценную ванную комнату. Недалеко от входа в пещеру стояла ванна под дном которой имелся очаг, разогревающий воду в ней. На стене висела емкость от электрического водонагревателя. Егор прикрутил к ней кран, и она использовалась, как умывальник. Из всего гигиенического ассортимента у них имелось несколько больших емкостей с жидким порошком, предназначенным для прачечных. Им стирали, умывались и даже полоскали рот. Тамара была в восторге от неслыханной роскоши, мыться в теплой воде.

Егор толком не определился из чего он хочет смастерить катамаран. Основным условием для его нормального плавания по заросшей водорослями воде он считал плоское ровное дно и небольшую осадку. Ему виделось колесо с лопастями, выполнявшее роль весел. Он знал, что скоро нормально грести веслами не получится совсем. Водоросли уже сейчас наматывались на них, заставляя терять время на очистку и отбирая лишние силы.

Ничего подходящего для постройки катамарана на глаза не попадалось. Сегодня Егор добрался до разбитых унитазов, порезав руки об острые края. Под унитазами лежали десятки пластиковых труб. Он не придумал им применения сейчас, но посчитал, что в будущем они сгодятся. На самом дне под трубами, лежали радиаторы отопления. Егор отложил их в сторону, решив соорудить на досуге отопительную систему на зимний период.

Ближе к концу прицепа нашлись несколько неподъемных деревянных ящиков, затянутые грязью. Егор самостоятельно вынес их на берег. Он тяжело поставил на камни первый ящик. Матвей подсуетился и поддел топориком крышку. Под слоем промасленной бумаги лежали болты и гайки. Он вынул их и скрутил.

- Уже что-то. Можно будет сварганить какую-нибудь конструкцию.

- Точно, корыто с мотоциклом. – Иронично заметил отец.

- Ну, ты еще не все раскопал.

Егор устало распрямил спину, потянулся, отер присохшую грязь с колеса грузовика и уселся на него. Сил продолжать работу почти не осталось.

- Возвращаться надо. Добыча сама себя не отнесет. – Произнес он без всякого энтузиазма, глядя на плоды сегодняшней охоты. – Столько всего перелопатили, а все без толку, ничего подходящего.

- Пааап? А у грузовиков резина бескамерная? – Неожиданно спросил Матвей.

- Не знаю, а что?

- Да я подумал, что на его камеры можно поставить плот какой-нибудь, если они есть?

Егор слез с колеса, и уставился на него, как будто впервые видел. Из оставшихся шести колес прицепа, половина была накачанной, и если в них была камера, значит, она уцелела. Егор скрутил ниппель. Воздух со свистом устремился наружу.

- Ты маленький гений, Матвей! – Похвалил отец сына. – Там же точно есть камеры. Я когда разрубил передние колеса, видел их, хоть они и были размочалены в хлам.

У Егора откуда-то снова появилась энергия. Вместе с сыном им удалось разбортировать одно колесо, и достать целую камеру.

- Тут резина не то, что на нашем матрасе. – Егор теребил камеру в руках. – Ему уже немало осталось, скоро лопнет по швам.

Вторую камеру достать не успели. Опустились сумерки, мгновенно переходящие в ночь. Егор нагрузил себя радиаторами отопления, а сыну доверил нести пластиковые трубы. Тамару впечатлила возможность устроить отопление в зимнее время сильнее, чем перспектива кататься по воде на катамаране.

Весь следующий день, Егор и Матвей снимали покрышки с колес. К четвертому колесу они довели свои умения до автоматизма. Теперь у них была основа, на которую можно было громоздить остальную конструкцию. Егор снова полез в прицеп грузовика.

На его удачу оказалось, что болты и гайки шли комплектом к набору для сборки металлических стеллажей. Какая-нибудь фирма торгующая сантехникой перед самой катастрофой решила расширить склад, и заказала этот набор. Металлические уголки с отверстиями, металлические полки и уголки для крепления полок. Егор был в восторге.

- Нам даже придумывать ничего не надо, просто скрутить между собой и получится отличный плот.

- Ты же хотел катамаран? – Переспросил Матвей.

- Ой, подумаешь, я хотел девочку, а родился ты. Папа предполагает, а Господь располагает. Получается плот, значит, будет плот. – Пикировался Егор.

Двое суток ушло на то, чтобы собрать ровную площадку и поместить ее на четыре надутых баллона. Дело в том, что камеры могли быстро повредиться, если бы по ним терлись головки болтов. Егор никак не мог придумать, чем накрыть их, чтобы они напрямую не соприкасались с собранной из полок металлической площадкой, имеющей помимо торчащих болтов еще и острые края.

Ему пришлось снова углубиться, в прямом и переносном смысле, в недра фуры, еще таящие много интересного. В итоге были обнаружены крепкие резиновые коврики, которые положили поверх накачанных баллонов. Площадку из полок тоже застелили резиновыми коврикам, чтобы не скользить при ходьбе. Между собой баллоны и площадка никак не скреплялись, соединены были только камеры. Осадка плота получилась небольшой, из-за общей легковесности

конструкции. Он ощущался устойчивым и почти не кренился, если встать на угол.

Егор решил проверить его в деле, чтобы выявить возможные недостатки. Плот получился квадратным, с шириной стороны в два с половиной метра. Места на нем было хоть отбавляй. Его решили нагрузить всем, что было выставлено на берегу и ждало своего часа. Плот глубоко осел, но выдержал тяжесть. Пока никакого движителя на нем не было, гребли по старинке, веслами.

Разогнать плот с грузом оказалось делом не простым, пришлось изрядно попотеть. Но в движении он показал себя более управляемым и предсказуемым, чем надувной матрас. Тамара и Катя издалека увидели приближающихся мужчин. Из-за инерции Егор с Матвеем не рассчитали расстояние, с которого надо было начинать тормозить. Плот глухо вошел в скалистый берег, помяв угол, и чуть не уронив груз в воду.

После разгрузки Егор, хоть и выглядел уставшим, согласился прокатить Катюшку и Тамару на плоту. Женщины, ни разу не были на воде. Как только плот отошел от берега метров на тридцать, ими овладел первобытный страх, и они хором запросились назад.

- Я теперь вам больше сочувствовать буду. – С пониманием произнесла Тамара. – Не по себе становится, когда берег так далеко.

- В этом озере черти водятся. – Катюшка осторожно выглянула через край плота.

- Да бросьте нагонять страху, озеро, как озеро. – Успокоил их Егор.

Вдруг рядом с ними на поверхности появился пузырь. Он тихо лопнул, наполнив воздух тошнотворным запахом.

- Вонища! – Катюшка заткнула нос пальцами.

- Точно, черти пахнут серой. – Согласилась с ней мать.

- Никаких чертей, просто органики до черта в этой воде, пора бы уже ей начать кормить микробов. То ли еще будет через год или два. Думаю, нам придется перебираться повыше, или искать новое место, если будет совсем нечем дышать. – Рассудил Егор.

- Ты чего, вы обязательно найдете людей, и мы переселимся к ним. – Утвердительно сказала Тамара, напуганная перспективой такого долгого одиночества.

- Или люди найдут нас и будут жить с нами, в Черной пещере. – Подсказал Матвей.

- А чего, вода упадет еще ниже за пару лет. Весь, более-менее чистый горизонт воды уйдет из долины. Останется только густой нижний слой. Он забурлит, зацветет. Судоходство по нему в принципе будет невозможно, из-за отравления, и того, что поверхность озера превратится в непроходимое болото. Жить можно будет только на вершинах гор, а путешествовать только зимой. – Нагнал жути Матвей.

- Вот, ты, сынок нарисовал перспективу. Я думала, что скоро грязь осядет, и вода снова станет голубой и прозрачной, как раньше.

- Пузырь сероводородный рассказал тебе о том, что будет вскоре с этим озером. – Усмехнулся сын на материнское предположение.

- Ладно, почему-то я вам верю, хоть и не хотелось бы. Не пойму только Матвей, откуда у тебя эти знания? Ты ведь постоянно терялся в торговом центре? – С ехидцей спросила мать.

- Потому что вот это мужской мир, а торговый центр – женский. – Гордо пояснил сын.

В этот раз правильно рассчитали скорость и тихо причалили к берегу.

- Покрышку от красной машины все равно надо будет привязать вперед. – Решил Егор.

Матвей спрыгнул на берег и придержал плот. Егор помог Тамаре сойти на берег. А дочь он просто посадил на плечи и поднялся с ней до самой пещеры.

Глава 6

Глава 6

- Привет, Пересвет! Как дела?

- Привет Игорь, нормально. Чуть не потонули у берегов Норвегии. Здесь тоже грязь несет с берегов, не подойти. Идем в сторону дома.

- Понятно. Есть новость одна. Мы вышли на связь с метеорологами со Шпицбергена и они рассказали нам интересную вещь.

- Какую же?

- У них на острове есть Хранилище Судного дня. Это посевной материал почти всех сельскохозяйственных культур, запечатанный в горе на случай событий типа конца света. Хранится он там при низких температурах и довольно неплохо защищен от условий внешней среды. Большая вероятность, что он не пострадал. Метеорологи говорят, что и у них дуло, но не так сильно. Они сами где-то в центре острова, вахтами на горе работают.

- Предлагаешь, отправиться на Шпицберген, проверить это хранилище?

- Да. Наша американка недавно выходила на связь со своей лодкой. Она им тоже рассказала об этом хранилище. Боюсь, что американцы захотят использовать конкурентное преимущество, чтобы стать обладателями самых дорогих активов на планете.

- Да уж, нам только войны за ресурсы сейчас не хватало.

- Это верно, но никто не знает, что у них на уме. А вы уже думали о том, что будете есть, когда запасы еды на лодке закончатся?

- Думали, а как же. Во-первых, это рыба. Попробуем сетями половить. Во-вторых, это водоросли. На мелководье их тьма-тьмущая. В-третьих, гипотетически, мы думаем высадиться на берег, где это возможно и попробовать поискать припасы. На том же Шпицбергене. А вы сами-то, как думаете дальше жить?

- А мы же начали режим максимальной экономии. У нас все просто, мы рассчитали время, на которое нам хватит кислорода, разделили продукты питания на этот срок. А потом…, а потом будем

садиться. – Голос космонавта стал тише, наверное, по вине ослабевающего сигнала.

- Удачи, и спасибо за информацию.

Ответа не последовало.

«Пересвет» сменил начальный маршрут и двинулся на север, к острову Шпицберген. Татарчук не воспринял серьезно предупреждение Игоря о том, что американская субмарина захочет единолично завладеть хранилищем семян, но посчитал, что если такое хранилище действительно существует, то цены его содержимому в новом мире точно не будет.

Гренландское море изобиловало айсбергами. Глубина его позволяла идти под водой, не опасаясь зацепить льдину на полном ходу. До западной оконечности архипелага Шпицберген дошли за трое суток. К тому времени у них уже были координаты Хранилища Судного Дня. Уникальное сооружение, находящееся внутри скалы на глубину ста двадцати метров, находилось неподалеку от столицы архипелага, поселка Лонгйир.

Чтобы снова не попасть в ту же ситуацию, что и у берегов Норвегии, вахтенным наружу отправили офицера капитан-лейтенанта Виктора Гренца. Дело в том, что поселок находился почти в самом конце фьорда, поэтому опасность надо было заметить вовремя, чтобы успеть развернуться. Терехин по собственной инициативе составил компанию офицеру.

Показались скалистые берега архипелага и широкий проход между ними. Вода, хоть и казалась темной, но на грязь не походила совсем. Белые бурунчики, разбегавшиеся по сторонам от корпуса лодки только подтверждали это. Берег приближался, но вода, с виду, оставалась без изменений.

- Из космоса было видно, что ветра здесь почти не было. – Произнес Терехин. – Думаю, что опасаться стоит только мелей, которые могут быть во фьорде.

- Честно говоря, мне уже не терпится ступить на нормальную твердую землю. Будь это хоть Шпицберген, хоть Новая земля. Хочется быстрее закончить этот поход и остановиться. – Гренц зябко кутался в шинель.

- Здесь очень суровый климат. Полгода день, полгода ночь, морозы сильные и ветра.

- Все равно. Можешь посчитать меня параноиком, но у меня появился страх, что земли, в смысле суши, больше нет, и нам придется до конца дней своих скитаться по океанам. Смотрю я на эти скалистые берега и чувствую, как страх уходит.

- Я считаю, что надо попробовать добраться до Мурманска. Если невозможно будет подойти к берегу, то придется селиться на островах типа Шпицбергена, ближе к Северному полюсу.

Лодка вошла в створ между двух скалистых берегов. Прямо по курсу высилась выступающая из воды скалистая гряда, почти перегораживающая проход во фьорд. Только справа имелся небольшой проток. Лодка замедлила ход и из шлюзового люка вскоре показалась голова Татарчука вооруженная биноклем.

- Пройдем? – Спросил командир, махнув в сторону единственного прохода.

- Не можем знать, товарищ капитан, мерить надо? – Ответил Терехин.

- Пройдем. – Уверенно ответил командир. – До нас уже прошли.

- Как это? – Терехин не понял, к чему клонит Татарчук.

- Кажется, американцы опередили нас. И если только у нас правильные координаты этого хранилища, то они должны быть уже там.

- Откуда известно?

- Оттуда! – Татарчук ткнул пальцем в низкое темное небо.

Терехин и Гренц рефлекторно посмотрели в направлении указанном пальцем командира.

- Из космоса. – Пояснил он. – Они наши глаза и уши. Хорошо, что их Джейн не понимает по-русски. Наш визит будет для американцев сюрпризом.

- Не дольше, чем их акустики засекут нас.

- Предлагаю создать разведгруппу и высадиться на берег, не заходя во фьорд. Как думаешь, капитан? – Татарчук обратился за поддержкой к Терехину.

- А что, логично. Можно будет скрытно понаблюдать, что там американцы задумали.

- Возглавишь? – Спросил Татарчук.

Виктор Терехин понял, что попал в положение, когда инициатива нагибает инициатора.

- Возглавлю. – Согласился он нехотя.

Группа из пяти матросов и двух офицеров, вооруженных автоматами, возглавляемая Терехиным, высадилась на берег. Им пришлось надеть на себя по двойному комплекту одежды, иначе можно было окоченеть под суровым северным ветром. Температура едва держалась на отметке пяти градусов выше ноля.

Выбравшись на землю, стало очевидно, что еще совсем недавно вся она была скрыта под водой. По всему берегу на приличную глубину отмечались следы морской флоры и фауны. На крутых скалистых склонах остались только крупные камни, которые не смогло сдвинуть течением. Зато ближе к кромке воды имелись косы из гальки, принесенные уходящей водой.

Вода сошла не вся. В долинах остались запертыми озера с плавающими в них айсбергами. Каждая низина была заполнена водой. Сотни ручьев бежали с гор и из-под выброшенных на берег ледяных глыб. В одной из луж диаметров в десять метров, осталась рыба, разрезающая поверхность плавниками. Разведгруппа не смогла пройти мимо такого подарка природы. Три рыбешки, по полкило каждая были выловлены и разделаны на месте. Их решили оставить там же, предоставив ветру немного подвялить мясо, а на обратном пути, забрать. Терехин сделал из этой находки важное открытие – даже на голых скалах, каким являлся Шпицберген, можно было найти источники пропитания.

Группа миновала место, где находился российский поселок шахтеров Баренцбург. От него почти ничего не осталось. Только фундаменты домов, дорожные плиты и остатки пристани. Группа Терехина не стала осматривать развалины в поисках чего-нибудь стоящего. До Лонгйира, рядом с которым находилось хранилище, предстояло идти еще два дневных перехода.

Каменные осыпи, реки и ручьи, затрудняли продвижение. Низкое небо, разрождавшееся время от времени сильной грозой, только усугубляли трудности. От дождя прятались в непромокаемых палатках, используя вынужденные остановки для перекусов. К концу вторых суток вышли к окрестностям Лонгйира. С вершины холма открывался вид на бухту, в которой стояла американская субмарина.

Поселок смыло в море, как и Баренцбург. Скелеты некоторых зданий, затянутые каменистыми селями, едва проглядывали наружу. В

стороне от поселка, на берегу суетились несколько человек. Терехин навел бинокль на них. Это были военные. Матросы с американской субмарины готовились куда-то идти. У каждого солдата за плечами висел рюкзак, некоторые держали в руках носилки.

- Они нас и приведут к хранилищу. – Сказал товарищам Терехин.

Длинный прямоугольный выступ служил входом в хранилище. Наверняка в нем имелся длинный коридор, разделенный отдельными помещениями, предотвращающими попадание теплого воздуха внутрь здания. Возле входа уже находились с десяток человек. Они грузили на себя тяжелые рюкзаки, складывали мешки на носилки. Было ясно, что военные присваивали себе семена, которые предназначались для всего мира.

Из всех военных оружие имелось только у двух человек, караулившихвозле входа. Виктор прикинул, что шансы занять хранилище у них велики. Местность позволяла подойти к нему незаметно, но уж больно не хотелось устраивать стрельбу до тех пор, пока не попробовали договориться. Было неприятно осознавать, что американцы знали об их подлодке и не соизволили заранее пойти на контакт, чтобы вместе решить вопрос с семенами. Учитывая, что выживших, заявивших о себе, было не более трехсот пятидесяти человек. Это экипажи двух субмарин, и еще несколько человек, раскиданных по всему миру и имеющих связь.

- Виктор. – Терехин обратился к Гренцу. – Бери трех человек и иди наперерез этой груженой группе. Заворачивайте их к хранилищу. Мы тем временем обезоружим охрану.

Гренц отобрал бойцов и, прикрываясь складками местности, выдвинулся наперерез группе американских матросов, тяжело нагруженных семенами растений. С Терехиным остались двое. Американцы совершенно не ожидали, что им может кто-то помешать. Автоматы у караула висели за спиной. Они помогали товарищами закидывать тяжелые рюкзаки на плечи.

Сделав небольшой крюк за скалой, в теле которой находилось хранилище, Терехин вышел в тыл американцам, прокравшись вдоль высокой серой стены входа, имеющей на себе следы потопа.

- Руки вверх, оружие на землю! – Выкрикнул Терехин на английском.

Внезапное появление вооруженных людей вызвало среди американцев недоумение, постепенно переходящее в осознание, что с ними не шутят. Темнокожий боец нехотя снял автомат с плеча и положил его на камни. Второй боец помедлил и только когда Терехин однозначно намекнул, направив ему в грудь ствол автомата, опустил оружие. Матрос собрал автоматы и повесил трофеи за спину.

- Прекратить работу! – Приказал Терехин.

- Почему? Кто вы такие? – Спросил американец с офицерскими знаками отличия.

- Ты главный здесь? – Спросил его капитан.

- Да, я.

- Я офицер с русской субмарины «Пересвет». Мы здесь, по той же причине, что и вы. Мы считаем, что будет правильным договориться о совместном использовании хранилища.

- Что вы хотите предпринять?

- Сейчас наша подлодка получит сигнал о том, что у нас в заложниках американские матросы, и передаст это вашим, чтобы в случае захода в бухту вам не захотелось пустить торпеду. Сколько семян вы уже успели вынести?

- Я не считал. – Американец ответил резко.

- Не стоит так себя вести, офицер. Людей осталось так мало, нам нужно учиться жить вместе.

- Именно поэтому вы направили в меня свое оружие?

- Именно потому, что ты еще не понял этого.

Из хранилища на свет вышли еще несколько американских подводников. Они замерли в изумлении, когда увидели направленные на них стволы автоматов. Вскоре показалась группа американцев, возвращающихся назад. Их вели четыре вооруженных матроса. Группа подошла, скинула с плеч груз и расселась на камни.

- Куда вы собирались их везти? – Спросил Терехин американского офицера.

- К себе. Мы собирались обогнуть Америку, чтобы найти место, где можно нормально пристать к земле.

- Уже пытались это сделать?

- И не раз. Но кругом грязь, как на болоте.

- Мы тоже пытались в Норвегии. Еле ушли.

- Я думаю, что грязь со временем осядет на дно, и тогда можно будет спокойно пристать к берегу.

- Наверно.

Время шло. О том, как обстояли дела на субмаринах, никто не знал. В животе начало урчать. Терехин отдал приказ матросу разогреть еду из сухого пайка. Матрос зашел в коридор хранилища, собрал алюминиевую подставку для сухого горючего и поставил на нее разогревать гречневую кашу. Американцы с интересом наблюдали за ним. Один из наших матросов заметил их любопытство, вынул такое же позолоченное корытце с кашей и показал его американским матросам.

- Эксчейндж, обмен. Наше на ваше.

Американец выудил из своего рюкзака вещь, похожую корытце из толстой фольги.

- Бобы, с говядиной. – Сказал он на английском.

- Давай, посмотрим, чем вас буржуи кормят.

Произошел обмен. Оба матроса с интересом рассматривали этикетки на пайках. Их пример подстегнул и остальных.

- Так парни, только не теряйте бдительности. С оружием к американцам не подходим. – Приказал Терехин.

Темнокожий американец вытащил из кармана пачку сигарет, показывая, что готов махнуть ее на другую. Наш матрос вынул из кармана точно такую же пачку. Американец разочарованно хлопнул себя по ногам. Из-за обмена между матросами возникла непринужденная атмосфера. Тот матрос, что выменял у нашего гречневую кашу, долго нюхал ее, пробовал на язык, наконец, решился и принялся смело орудовать ложкой.

- Они там, что без фасоли жить не могут? У них в лодке, наверное, хорошая вентиляция. – Матрос с «Пересвета» попробовал разогретую фасоль. – Мм, ничего так, есть можно.

Неожиданно у американского офицера сработала рация.

- Всем, вернуться на борт.

- С семенами?

- Нет, семена оставьте там.

- Передай русским, что их лодка уже в бухте, им тоже надо возвращаться. До связи.

- Есть.

Американский офицер опустил рацию.

- Я слышал. – Сказал ему Терехин. – Парни, выдвигаемся.

- Оружие верните. – Попросил американец.

- На берегу. – Сухо ответил капитан.

Игорь все правильно рассчитал. Кислород стал заканчиваться к тому дню, когда иссякли припасы продовольствия, кроме НЗ, который планировалось взять на борт спускаемого аппарата. Момент, когда облаченные в скафандры Игорь и Джейн начали отстыковку от станции, был очень волнительным. Они не знали, чем завершится спуск, как аппарат пройдет через атмосферу, полную твердых частичек, как выдержит ее парашют, куда они приземляться, или приводняться, что было более вероятным.

Степи северного Казахстана, куда обычно приземлялись космонавты, превратились в одно большое море. Вряд ли можно было надеяться, что там есть суша и они попадут прямиком на нее. Надо было готовиться к приводнению. Еще одним поводом для беспокойства являлось то, что они пробыли в невесомости довольно большой срок, и теперь им для реабилитации в условиях гравитации требовалось время.

Спускаемый аппарат мягко отделился от станции и направился к земле. Под ним раскинулась непривычная коричнево-серая поверхность Земли, больше похожая на снимки Юпитера. Она бурлила, двигалась течениями, собиралась в темные спиральные круги. Вряд ли кто-нибудь из людей из доапокалиптического прошлого поверил бы в то, что его родная голубая планета будет выглядеть из космоса, как безжизненный газовый гигант.

Аппарат нырнул в темную атмосферу. В иллюминаторах потемнело, и сразу началась тряска. Для Джейн это был первый спуск, а для Игоря третий. Он точно знал, когда и как должно трясти. Он со страхом ждал, как будет трясти дальше, если сейчас трясет сильнее, чем надо. Он был прав, тряска усиливалась. Причины ее, как виделось Игорю, были в сильной неоднородности воздушных масс, как по температуре, так и по плотности. Непривычно прогретые солнцем грязные внешние слои атмосферы поднимались вверх, а холодные внутренние опускались вниз, создавая аномальные прослойки между собой. Аппарат проносился сквозь эти потоки, судорожно реагируя на них своим стальным телом.

Вибрации стали настолько сильными, что Игорь поверил, что у них остались считанные секунды, после которых спускаемый аппарат разорвет предельными нагрузками. Джейн пыталась посмотреть на Игоря, чувствуя неладное. Но все, что она видела, это мельтешащая, размытая вибрациями картинка, по которой невозможно было понять реакцию более опытного товарища.

Неожиданно тряска стала стихать. Возможно, аппарат прошел слой, где смешивался воздух и попал в более однородный нижний слой. Игорь напрягся, ожидая срабатывания механизма, выпускающего парашют. Ничего не происходило. В иллюминаторах было все так же темно. Но подсознание подсказывало, что парашюту пора бы уже и открыться. До Игоря вдруг дошло, что датчик, отвечающий за открытие парашюта, ориентируется по атмосферному давлению. Вполне могло оказаться, что более влажная атмосфера могла иметь нужные параметры ближе к Земле. В тот момент, когда он подумал об этом, резкий толчок раскрывшегося парашюта дернул посадочный модуль.

Джейн приподняла голову. Ей захотелось увидеть реакцию Игоря. Полет ее здорово напугал, и она хотела понять, чем был этот толчок. Игорь понял ее опасения. Поднял вверх большой палец и улыбнулся. Ему стоило сил выдавить из себя улыбку, но она была искренней, а Джейн умела отличать настоящие чувства от показных. Девушка расслабленно откинула голову назад в кресло. Ей стало намного спокойнее, и внутренне она решила не дергаться до момента посадки.

Второй толчок случился, когда раскрылся основной парашют. За окном все еще темнела серая мгла. Она начала проясняться и резко исчезла. Сквозь иллюминаторы в модуль проник непривычный сумеречный свет, хотя в это время на этой долготе был полдень. Краем глаза Игорь увидел в иллюминатор бесконечный водный простор от горизонта и до горизонта.

Вскоре сработал пороховой двигатель торможения, и модуль мягко приземлился на воду. Темные волны на время окатили иллюминаторы, затем на них опустилась ткань парашюта. Внутри стало совсем темно.

- Поздравляю тебя с удачным приземлением! – Произнес Игорь. – Точнее приводнением.

Он успел снять с себя шлем и теперь разминал мышцы, затекающие от непривычной силы тяжести.

- Спасибо, Игорь. Я чувствую себя так, словно меня пропустили через центрифугу. Мышцы болят и тошнит. – Призналась Джейн.

- Это от перенапряжения. Расслабься. Впереди у нас много времени. Будем акклиматизироваться потихоньку.

Модуль спокойно лежал на воде. Волнения воды не было никакого. Игорь решился открыть люк, потому что воздух уже заканчивался. Ему стоило усилий подняться и повернуть рычаг. В модуль проник непривычный влажный воздух, пахнущий морем. Он освежил внутренности модуля и придал сил космонавтам.

В первое большое плавание на плоту, отправились через день. Егор посовещался с сыном, и они вместе решили разобрать немецкий чоппер. У них была мысль применить часть узлов для создания движителя плота. Они хотели снять цепную передачу со всеми узлами, колесом, цепью и звездочками попробовать пристроить их на плот. А так же они могли захватить большое количество дров, гораздо большее, чем возили до этого прицепом к надувному матрацу.

Хорошо, что заботливый мотоциклист возил инструмент с собой. Егор, на всякий случай взял еще и инструмент из своего автомобиля. Мотоцикл вытащили на сухой берег. Отмыли его и принялись разбирать. Буквально каждый узел нес на себе следы ударов. Коробка передач была разбита, но к счастью приводная звездочка пятой передачи цела. С оси выбили шплинт и сняли звездочку. Затем скрутили заднее колесо, отсоединили его от рамы и амортизаторов.

Егор посмотрел на дело рук своих, и снял еще и переднее колесо с мотоцикла.

- Ты задумал еще, чтобы наш плот ездил по суше? – Поинтересовался Егор.

- Нет, я переделал концепцию. Хочу сделать два колеса по краям, и место сэкономим, и отдача будет выше.

Вскоре стукнули первые утренние заморозки. Выходить умываться на улицу не хотелось до самого обеда. Вода в умывальнике была ледяной, и только закаленный человек мог позволить себе такие экстремальные процедуры. Егору пришлось перетащить умывальник в пещеру. Он смастерил из радиатора отопления небольшой нагреватель,

сообщающийся через пластиковую трубу с умывальником. Емкость умывальника работала, как расширительный бочок.

Под батарею он придумал ставить подогреватель, сделанный из корпуса старого термоса. Его можно было использовать как на жидком топливе, вроде смеси бензина и масла, так и на резине. Обычно использовался второй вид топлива. Егор разжигал его рано утром и к тому времени, когда просыпалась семья, в умывальнике вода нагревалась до приемлемого уровня. Эта конструкция навела Егора на идею, как сделать отопление на зиму, совместив процесс готовки пищи и обогрева помещения.

Неожиданные хлопоты отвлекли его от завершения плота. Когда с умывальником было покончено, Егор и Матвей снова приступили к работе над плавсредством. Они сделали из толстого прута, снятого с крыши фуры, ось, на которую насадили звездочку и оба колеса. Для того чтобы управлять плотом, предусмотрели механизм, рассоединяющий ось и колесо. Закрепили ведущую звездочку при помощи уголков на плоту. Приделали к ней подобия педалей. Плот защитили от брызг из-под колес, вырезанными из стенок прицепа щитами. На каждое колесо поставили по восемь штыков от небольших садовых лопаток. Они должны были играть роль гребных лопастей.

Теоретически, плот был готов к испытаниям. Для Егора это был волнительный момент. Он как будто отчитывался перед кем-то важным в том, что достиг зрелости, и теперь может содержать семью. Он сам сел на мотоциклетное сиденье. Матвей сел спереди. В руках он держал весла на всякий случай.

Женщин на борт не взяли. Они и не горели желанием. Егор сделал первый оборот педалями. Лопатки забили по воде. Плот осторожно пошел вперед. Педали крутились с большим усилием, чем ожидал Егор. Это было к лучшему. Плот откликался на его усилия понятной реакцией. Егор потянул за правый рычаг. Правое колесо остановилось, и плот стал поворачивать вправо. Отпустил рычаг. Плот по инерции еще тянуло вправо. Пришлось подкорректировать левым рычагом. Когда нос с сидящим на нем сыном, замер, Егор крутанул педали активнее. Плот потянуло вперед с заметным ускорением.

Над щитками взлетала вода и обрывки водорослей. Скорость на плоту не шла ни в какое сравнение со скоростью на утлом матрасике. По бортам журчала вода, расходящаяся волнами в стороны.

- Уууууу! – Крикнул Матвей. – Крутоооо!

Ему в ответ прокричали с берега впечатленные женщины.

Какая нужда была в том, чтобы плыть неизвестно куда, не имея четкого представления, Егор не знал. Он чувствовал позыв сделать это, как чувствовали его первопроходцы, открывающие новые земли. Было страшно и ночь, накануне отправления он почти не спал. Мозг подкидывал всякие страшные ситуации, которые могли ждать его, заставляя придумывать из них выход.

Утро Егор воспринял с облегчением. Он смастерил завтрак, разогрев вчерашний лягушачий суп и заварив ароматный чай из корней дикой вишни. Семья, почуяв съедобный запах, заворочалась и проснулась.

- Не передумал? – Спросила Тамара.

Она не видела особой необходимости в этом походе и считала, что продуктами и дровами они обеспечены на всю зиму. Опасность путешествия Тамара считала несоразмерной любым находкам. Даже если бы Егору удалось найти людей, то это, скорее всего, были бы такие несчастные, как и они. Тамара уже привыкла жить своей семьей, и ей не хотелось видеть других людей рядом, тем более, которые не могли дать чего-нибудь полезного. Другое дело, если бы муж нашел поселение, где существовали приемлемые условия для жизни и эти люди знали, как жить в новых условиях. Но это было маловероятным.

- Не передумал. Не беспокойся, Тамар. Ничего страшного не будет. Я тебе уже сто раз говорил, что буду плыть вдоль гор, чтобы не заблудится. На ночь буду причаливать, а днем плыть. Через неделю вернусь, ну или через восемь дней. Хочу сделать четыре дня в одну сторону и четыре в обратную.

Тамаре ничего не осталось, как вздохнуть. В прошлой жизни она бы закатила такую истерику, что у мужа и мысли бы не появилось настаивать на своем решении. Теперь она чувствовала, что Егор поступит так, как решил и этого не изменить. Появилась в нем черта, которой не было прежде, мягкая вежливая упертость.

Проводы были недолгими. Егор с сыном установили на плот ящики с инструментами и запчастями, спальник, палатку, недельный запас еды и воды, и еще кучу разного рода необходимых вещей. Матвей просился с отцом, но Егор его не взял. Один мужчина должен был остаться в семье, на всякий случай.

Тепло простившись со всеми, Егор занял место на плоту. Мягко набирая скорость, он отправился в первое дальнее плавание. Через час родная гора была уже далеко позади, через два она скрылась в дымке. По левую руку высилась гора с отвесной стеной, под сводами которой стояли деревья, пережившие катастрофу.

Егор обогнул ее. Убедившись, что здесь нет бурных потоков, он выплыл на плоту в бескрайнее водное пространство равнины. Слева от него до самого горизонта раскинулась черная водная гладь, упокоившая под собой всю многовековую человеческую цивилизацию. Справа высились островки, бывшие некогда вершинами старейших гор планеты.

В первый день Егор посчитал, что преодолел не меньше пятидесяти километров. Ничего необычного, кардинально отличающегося от тех мест, где жила семья, он не увидел. Скалы, выступающие из воды, как правило, выглядели безжизненно. Вблизи многих из них вода образовывала водовороты и бурлящие потоки. На расстоянии километра эти потоки теряли силу, вливаясь в спокойный черный «океан».

Он, к слову, скоро мог изменить свой цвет с черного на зеленый. Водоросли бурно разрастались на его поверхности, и вероятно могли покрыть ее сплошным ковром через некоторое время.

В первую ночь как назло, вершины закончились. Из воды торчали небольшие острые края скальной породы. Егор побаивался приближаться к ним из-за вероятности повредить баллоны. Ему пришлось налечь на педали, чтобы найти нормальный ночлег. Небольшая вершина, размером с большой дом, торчала из-под воды. Егор разогнал плот и стал на нос, прощупывая веслом перед собой дно, дабы не напороться на острые камни.

Ему удалось благополучно причалить. Ноги, от непривычного перенапряжения тряслись мелкой дрожью. Егор развел огонь в самодельной горелке. Подогрел ужин, плотно поел и забрался в спальник.

В новом месте он стал прислушиваться к звукам. Где-то далеко шумел водный поток, над головой кружили мошки, были еще какие-то звуки, но затягиваемый усталостью в омут сна, Егор пообещал себе поинтересоваться ими завтра с утра.

Мокрый холодный воздух пробирался в спальник. Егор пытался игнорировать его, но природа оказалась настойчивее. Пришлось просыпаться. Над водой висел утренний туман, и дальше тридцати метров ничего не было видно. Можно было бы запросто поспать лишний час до тех пор, пока туман не начнет рассеиваться, если бы не осенняя промозглость.

Егор поставил на горелку суп из лягушек, а сам решил пройтись по своему небольшому пристанищу. Ему вспомнились какие-то звуки, которые он слышал перед сном. На обратной стороне острова сквозь туманную дымку проглядывало оранжевое пятно. Егор подошел поближе и обомлел. Это был изрядно потрепанный труп в спасательной жилетке. Он терся ею о камни, приплясывая на небольших волнах, издавая при этом свистящие звуки. В антураже пасмурного утра плавающий труп показался жутким предвестником грядущих неприятностей. Егору стало не по себе. Он торопливо вернулся на место ночлега. Аппетит жуткое зрелище отбило начисто. Сложил все свои пожитки на плот и отчалил, решив не торопиться, пока не развеется туман. Где-то рядом шумела вода и это здорово настораживало.

- Не надо быть таким сентиментальным. – Вслух успокоил сам себе Егор.

В глазах еще стоял скелет в оранжевой жилетке.

Воздух стал светлеть и прогреваться. Туман рассеялся, и плот продолжил свое движение, набирая скорость. Источником шума оказались пороги. Группа скалистых выступов торчала из воды на пути потока, покидающего водоем, зажатый между гор. Егор обошел их стороной, опасаясь повредить конструкцию. Тем не менее, бурный поток подхватил его и понес на открытую воду. Плот завертело, как игрушку. Егор пытался рычагами выровнять его, чтобы пересечь поток, но возникающие на пути водовороты кружили плот, мешая управлению.

Их отнесло километра на три, туда, где поток терял силу. Егор вымотался, борясь с течением и собственной психикой, пытающейся поддаться панике. Отдохнув и перекусив, продолжил путь, приближаясь к горам под углом. Там, где гладь воды была спокойной, чувствовался легкий запах болота. Пару раз вдалеке, Егор видел, как

на поверхности появлялись пузыри газа. Его теория о том, что скоро вся вода станет болотом, подтверждалась и вдали от Черной пещеры.

Второй день никаких происшествий не принес. Одинаковый пейзаж в виде торчавших из черной воды островков, повторялся раз за разом. Небольшие вершины Южного Урала можно было считать высокими холмами, если бы ветер не снял с их поверхности все намеки на почву и растения. После катастрофы они выглядели как пологие скалы. Плот достойно справлялся с нагрузками, но Егор все же решил причалить на ночевку раньше, чтобы провести профилактический техосмотр.

Небольшая гора с удобной бухточкой идеально подходила для ночлега. Ветер, дующий от острова, донес до слуха редкие лягушачьи кваканья. Это значило, что катастрофа здесь, что-то пропустила мимо своего взгляда. Наутро Егор запланировал осмотреть местные достопримечательности.

На этот раз Егор разбил палатку, и заночевал в ней. Морозный утренний воздух не тревожил его и поэтому он проспал гораздо дольше, чем планировал. Отдых пошел на пользу. Он чувствовал себя отдохнувшим и полным сил. При свете дня прошелся по склонам горы, подробно разглядывая место, к которому причалил.

То, что на противоположной стороне имелась отвесная стена, позволившая местным лягушкам пережить катастрофу, можно было не сомневаться. Егору не терпелось посмотреть, что же еще там осталось. Он поднялся в гору, чтобы с вершины осмотреть противоположное подножие горы. К его удивлению она оказалась такой же пологой.

Секрет, почему выжили земноводные, заключался в другом, сразу за горой начиналась «гребенка» небольших скал. Они ослабили ветер, позволив животным выжить. На обратном пути Егор решил внимательнее осмотреть эту достопримечательность. Спускаясь к плоту, он понял, что допустил кардинальную оплошность, касаемо всего путешествия. Ему нужно было взять с собой что-нибудь для составления карты. Нанести на нее примечательные ориентиры, горы, потоки, дать свои названия местам, чтобы было проще ориентироваться в дальнейшем.

Вернувшись, занялся запланированным техосмотром. Поочередно проверил все баллоны. Один из них показался ему немного мягче остальных. Пришлось его подкачать. У левой педали появился

небольшой люфт. Егор подбил клин и затянул ослабшую гайку ключом. Заодно проверил механизм, блокирующий колеса. Этот узел, по его мнению, получился самым ненадежным, и ему нужно было постоянное внимание. К счастью, рулями Егор пользовался редко и нашел их состояние удовлетворительным.

Тронулся в путь сразу после легкого обеда. Воздух потеплел, и он почувствовал, если даст себе слабину то уснет. Егор налег на педали и долго не позволял себе взять отдых. По дороге ему встречались потоки, идущие со стороны гор, но все они были слабее встреченного накануне, и почти не отнимали времени на их преодоление. Из стоящего внимания ему попалась только группа островков, которые не были скалами. Отмытые дождями от черной грязи, они выставили на показ свою породу красного цвета. Егор не стал проверять, песчаник это или глина. Сегодня ему хотелось сделать норму в пятьдесят километров. Он решил обследовать их на обратном пути.

Горы становились все выше, а погода прохладнее. По суше можно было пройти почти везде. Хребты, соединяющие вершины, возвышались над водой, как мосты. Егор представил, как человечество вынужденное жить на этих вершинах ставит на них маяки, чтобы заблудшие в ночи путники не свалились в воду.

Он плыл до самого последнего момента, пока не наступила ночь. Плот мягко ткнулся в берег у очередной горы-острова. В воздухе чувствовался легкий морозец. Егор поставил палатку и убрал в нее припасы, чтобы они не покрылись за ночь льдом. Подогрел лягушачий суп и поужинал. Ему показалось, что в нем появилась легкая кислинка. Тамара запретила ему есть этот суп больше трех дней, боясь, что тот может пропасть. Егор решил, что утром доест остатки супа и перейдет на мясо сырокопченых крыс. Что ни говори, а прилагательное к этому блюду звучало ностальгически красиво.

Проснулся от легкого шуршания по ткани палатки. Егор осторожно выглянул на улицу. В совершенно неподвижном воздухе на черную воду медленно и отвесно падал пушистый снег. Зрелище гипнотически завораживало. Егор испытал даже некоторую торжественность от причастности к нему.

Однако голод напомнил ему, что кормить себя нужно не только духовным. На завтрак он разогрел остатки супа и заварил чай. В

морозной атмосфере запах вишневых веток казался еще приятнее. Чай согревал изнутри и бодрил.

В снегопад плыть вперед, или куда бы то ни было еще, представлялось делом опасным. Видимости никакой, можно было запросто потерять ориентир и уплыть, куда не нужно, или попасть в водную ловушку.

Примерно через час воздух стал теплеть. Снег пошел крупными мокрыми хлопьями и скоро закончился. Егор снес свое имущество на плот и продолжил плавание. Гряда, вдоль которой он плыл ранее, стала раздаваться вширь. Горы уходили на запад, и Егору показалось, что он почти весь день уходил влево, пока не столкнулся с опасной преградой.

Её он чуть не проглядел. Вначале, Егору показалось, что с управлением стало что-то не так. Плот постоянно отклонялся от прямого курса. Ему даже пришлось остановиться и проверить механизмы. На вид они были исправны. И только тогда, когда Егор перестал управлять плотом, он понял, что попал в течение. К большому удивлению, течение никак себя не проявляло. Из недавнего опыта он знал, что потоки, выходящие с гор, бурливы, изобилуют водоворотами, а этого течения нельзя было отличить от обычной стоячей воды.

Это было что-то новенькое. Егор заметался между желанием узнать явление поближе и страхом быть наказанным за любопытство. Победило первое, но с оговорками. Пришлось самому себе дать обещание отплыть на расстояние пяти километров вглубь течения, если оно действительно было таким широким, затем сразу же вернуться.

К исполнению плана он приступил немедленно. Вода бурлила по правому борту. Чтобы выдерживать курс, приходилось пользоваться чаще правым рычагом. Отплыв на приличное расстояние от гор, Егор заметил, что цвет воды поменялся. Он стал коричневым, как будто в составе воды присутствовал песок или глина. И здесь, почти не было водорослей. Егор на минуту бросил управление. Перевалился через борт и набрал в ладонь воды. Когда она стекла в складках ладоней застрял песок. Спокойная вода не могла так долго держать песок на поверхности. Какая-то сила должна поднимать его вверх. Егор подумал, что где-то выше по течению могут существовать пороги, на

которых мощный поток должен был закручиваться, поднимая вверх тонны донного песка. Всю наносную грязь, видимо, уже унесло течением вниз.

Он повернул плот поперек течения и направил его вверх. Буруны поднялись перед его носом. Егор налегал на педали. Справа, почти на грани видимости чернела скала-ориентир. Слева и прямо, до самого горизонта, только вода. Любопытство не порок, но оно могло стоить ему жизни.

Егор крутил педали почти без передышки. Он дал себе зарок, если за час до окончания светового дня не увидит ничего интересного, то повернет в сторону гор, заночует и на следующее утро направится домой. Почти сразу после того, как Егор принял это решение, ему показалось, что впереди клубится какая-то дымка. Он скрестил пальцы на удачу, желая, чтобы это был не новый снеговой фронт.

Течение усиливалось. Было тяжело ему сопротивляться, но дымка росла в размерах, и это подстегивало интерес к ней. Вскоре, Егор различил шум, идущий со стороны непонятного природного явления. Почти во всю линию горизонта протянулась темная полоса, подымающаяся над белесой дымкой, похожей на пар.

Неизвестное явление распаляло любопытство. Он пообещал себе повернуть назад, сразу, как только появятся первые признаки опасности. Забыв об усталости, Егор удвоил усилия. На ровной поверхности воды появились первые водовороты. Они еще не представляли опасности. Плот проходил через них без всяких последствий. Но чем ближе приближался Егор к загадочному серому явлению, тем беспокойнее становилась вода.

Находясь на приличном расстоянии, он уже мог смело предполагать, что видит перед собой обширный водопад. Миллионы тон одновременно падающей воды наполняли воздух низкочастотным басом, от которого зудело в ушах. Одной стороной водопад упирался в горы, а другой уходил далеко за горизонт. Егор решил, что пора уже править к горам, когда мимо него проскочило большое бревно. Он проводил желанную добычу с завистью. Мимо него только что проплыл запас дров на целую зиму. Если бы только он мог взять его на буксир.

Егор направил плот к горам. Дело пошло быстрее, и через час с небольшим ему удалось выбраться на сухую поверхность. Он привязал

плот к клину, вставленному между камней, а сам направился вверх, чтобы подобраться к странному природному явлению. Чем ближе Егор подбирался к нему, тем сильнее ощущалась неистовая мощь природного явления. Вода под ним, падая в большой высоты, бурлила как кипяток, скрывая основание водопада водяной взвесью.

Порыв ветра сорвал мокрое облако в его сторону, покрыв влагой, стекающей по лицу как пот, ледяной соленый пот. Воздух дрожал с такой силой, что заставлял тело дрожать вместе с ним. Егор крикнул и не услышал своего голоса. Вперед он продвигался осторожно, на ощупь. Видимости было на один шаг.

Пелена водяной взвеси резко закончилась, открыв тайну водопада. Это была плотина созданная катастрофой. Тянулась она неровной лентой прямо на запад насколько хватало глаз. Уровень воды по другую сторону водопада был метров на тридцать выше. Выглядело это фантастически даже для нового мира, будто был нарушен какой-то закон физики, позволивший природе создать два океана с разной высотой. Океан над океаном.

Егор мог запросто перейти на противоположную сторону по горе, на которой сейчас находился. Что он и сделал. Воздух сотрясался от шума. Казалось, все кости в теле вибрировали в такт звуку, грозя оторвать от себя мышцы. Пальцы рук и ног зудели от этих вибраций, зубы, если крепко не смыкать челюсти, часто стукались друг о друга, передавая звон по костям в уши, отчего последние тоже зудели.

Егор остановился над водопадом. Ему стала понятна причина его появления. Склон горы был завален всяческим мусором, спрятанным под слоем грязи. Сюда его мог выбросить только мощный водный поток, собирающий этот мусор по пути. Егор прошел дальше. Сверху ему было видно, что плотина это не стена, вставшая на пути воды, а огромный вал, шириной может быть, в несколько километров. Рано или поздно вода должна была ее разрушить, и тогда уровень воды в двух океанах должен был выровняться.

Егор прошел вглубь «высокой» воды еще с километр до тех пор, пока позволяла суша. В отличие от мест, где поселились они, здесь можно было разжиться чем угодно. Вода вымывала и выбрасывала на склоны горы многие предметы исчезнувшей цивилизации. Сквозь покрывающую всё и вся грязь, Егор различил остовы легковых

автомобилей, грузовиков, а так же ощерившиеся во все стороны стволы деревьев.

Это был настоящий Клондайк припасов. Если найти здесь пропитание в виде крыс и лягушек, то можно было смело переселяться в эти края. Егор даже представил, как он восстанавливает автобус и делает из него летний домик. Переселение сложный процесс, особенно в психологическом плане, но перспектив у Черной пещеры на будущее не было никаких.

Темнело. Егор решил возвращаться, потому что непредусмотрительно забыл на плоту спальник и палатку. Возвращение через водяную взвесь снова намочило его одежду. До плота удалось добраться в полной тьме. Он был бесконечно благодарен неизвестному байкеру за то, что он возил с собой набор с фонариком. Подсвечивая путь, Егор без проблем нашел плот. Ему показалось, что он уснул раньше, чем успел дожевать кусок крысиного сырокопченого мяса. Даже водопад не помешал его сну.

Утро началось со снегопада. Это было еще более фантастическое зрелище, чем днем ранее. Прикрываемый снегом водопад немного затих. Слабо различимый в белой пелене, он казался ненастоящим, сказочным, нарисованным или придуманным. Эта нереальность снова наполнила грудь Егора торжеством. Он ни разу в жизни не восхищался так природой, как после устроенной ею катастрофы.

- Ты просто хотела привлечь к себе мое внимание. – Вслух проговорил Егор свою догадку. – Ладно, теперь я вижу какая ты красотка.

Ему хотелось запомнить и передать сказочный вид момента своей семье, но он не знал таких слов и сравнений, чтобы передать те чувства, которые испытывал.

Егор плотно позавтракал и отчалил от берега. Увлекаемый попутным потоком, он с запасом перекрывал расчетную скорость. Бросил крутить педали и занялся разглядыванием воды. Именно поэтому он заметил неподалеку бревно, несомое течением. Егор подплыл к нему и пристал правым бортом. Бревно, почти лишенное веток и коры, в длину составляло не меньше шести метров и в диаметре около полуметра. С обоих концов оно было грубо обломано.

Егор обмахнул толстый конец бревна тросом и отплыл вперед. Расстояние между бревном и плотом оставил метра три, чтобы иметь

возможность среагировать. Перевесил причальный баллон с носа на корму, чтобы дерево не повредило плот в случае удара. Довольный уловом он поднажал на педали. Бревно слегка дернуло плот, а потом как послушный бычок, последовало за ним.

До наступления темноты Егор успел зайти в стоячую воду и проплыть мимо горы, на которой устраивал ночлег в третью ночь. В помощь ему был и попутный ветер, поднимающий легкую зыбь на безмятежной воде. Заночевать пришлось на горе, у которой с западной стороны не оказалось пологого берега. Егор обогнул ее и там пристал, еще раз поблагодарив немецкого байкера за предоставленные удобства.

Утром проснулся от жуткого холода. Зубы клацали друг о друга и никаким усилием воли не получалось прекратить это. Дрожащими руками Егор развел огонь и согрел чай, и только после этого смог съесть ледяные куски крысиного мяса. Он еще раз попил чай перед тем, как отправиться дальше.

Небо сделалось намного темнее обычного. Солнце не пробивалось сквозь тучи, создавая под ними мрачный мир вечных сумерек. Ледяной ветерок холодил спину, заставляя крутить педалями интенсивнее обычного.

- Этак к вечеру я буду дома. – Предположил Егор.

Эта мысль даже порадовала. Ему уже нестерпимо хотелось попасть в теплую уютную пещеру, развести огонь под ванной и как следует согреться в ней. А потом рассказать семье за чашкой ароматного чая о своих приключениях. Егор нажал на педали. Бревно немного осадило его намерения, а потом сдалось и поплыло с нужной скоростью.

Он пожалел, что не взял с собой хозяйственных перчаток, которые нашел в фуре с сантехникой. Сейчас они были бы очень кстати. Браться за железные рычаги не хотелось. Руки сразу начинало ломить от холода. Ветер становился сильнее, и рабочая роба уже нее была способная защитить от холода. Егор встал и вынул из рюкзака палатку, обернулся ею с головой, оставив свободными только руки, и то на время, если потребуется подрулить.

Ветер поднял волны. Они догоняли плот и с плеском ударялись о его борта, растекаясь по палубе. Это можно было считать досадной неприятностью, потому что скоро начались совсем другие проблемы.

Поднялась метель. Она началась внезапно. Егор сразу понял, что стихия разыгралась не на шутку.

Его толкнул в спину порыв ледяного ветра. Он обернулся и увидел, что в какой-то сотне метров от него находилась белая стена приближающейся снежной метели. Пришлось срочно править в сторону гор. Плыть вслепую Егор не собирался.

Метель накрыла его, когда до ближайшего пристанища оставалось не меньше километра. Егор выправил курс и был уверен, что доберется до берега, даже если не будет его видеть. Снег закрыл собой всё. Сильный ветер кружил его вокруг плота и бросал в беспокойную воду. Егор плотнее закутался тканью палатки и не переставал крутить педали. Рано или поздно, но он непременно окажется у подножия горы.

Удар обо что-то, чуть не сбросил его в воду. Он еле успел зацепиться за рычаг. Ноги соскользнули с мокрого, покрытого коркой льда, пола и очутились в воде. Бревно догнало плот и чуть не придавило их. Егор в паническом страхе заскочил назад, крепко ухватился за рычаги управления и огляделся. Вода бурунами расходилась от плота, словно они застряли на пути мощного потока. Препятствие разглядеть не удалось, скорее всего, оно скрывалось под водой. Егор крутанул педали. Плот управлялся, а значит, они уже соскочили и просто попали в мощный поток. Теперь вообще было неясно в какую сторону править.

Вокруг была только белая мгла, тонущая в черной воде. Мозг лихорадочно соображал, как поступить в этой сложной ситуации. Плыть наудачу было опасно из-за возможности сбиться с курса и уплыть так далеко, что горы могли исчезнуть из виду. Для Егора они были единственным ориентиром, по которому он смог бы вернуться домой.

С другой стороны, пассивно ждать он не мог. Мокрые ноги начали замерзать. Одежда на морозе стала колом и больше не сохраняла тепло. Приходилось выбирать из двух зол, потеряться или замерзнуть. Егор выбрал первое. Чтобы не удалиться на большое расстояние от гор, потянул за правый рычаг и крутанул педали. По его замыслу, если ездить по кругу, то не получится удалиться от берега на большое расстояние.

Кают-компанию «Пересвета» перед переговорами, украсили, как могли. Командование американской атомной подводной лодки «Монтана» совместно с командованием «Пересвета» решили, что переговоры на высшем уровне помогут найти компромисс необходимый для совместного использования запасов семенного хранилища.

Пять американских офицеров, одетых в парадную форму и благоухающие дорогим парфюмом, вошли в помещение кают-компании. Их встретил командир «Пересвета» Татарчук, заместитель командира Терехин и еще два старших офицера. Виктор Терехин на переговорах выступал в качестве переводчика.

На столе стояли бутылки с минеральной водой и бутылка с разбавленным медицинским спиртом. Татарчук решил, что начатую бутылку коньяка ставить невежливо. Вместо этого они на скорую руку профильтровали спирт, через уголь из фильтрующего элемента противогаза, смягчили его сахаром и дистиллированной водой. На вкус все равно получилось достаточно мерзко, но гораздо терпимее, чем просто развести спирт водой. Из закусок на столе были только консервированные фрукты и овощи. Из горячего – борщ. Красный наваристый, заполняющий своим ароматом всю атмосферу камбуза.

- Предлагаю, начать наши переговоры с небольшого вступления. – Татарчук сделал знак матросу, чтобы тот разлил спирт по посуде, пластиковым одноразовым стаканчикам.

Матрос разлил очень оперативно.

- Прежде, чем завести разговор о деле, я хочу поздравить вас, коллеги, с тем, что нам удалось пережить катастрофу, аналогов которой не было на памяти человечества.

Терехину с трудом успевал переводить речь командира. Татарчук взял в руки стаканчик и протянул его в середину стола. Американцы, не привыкшие к таким традициям, не растерялись и чокнулись с командиром российской подлодки. Выпив, российские переговорщики сразу накинулись на горячий борщ. Американцы пытались заесть сладкими консервированными персиками, но видя, с каким аппетитом русские офицеры уплетают борщ, последовали их примеру. Они обменялись между собой репликами, признавая, что такая закуска вполне подходящая. «Банкующий» матрос снова разлил спирт по стаканчикам.

- А теперь я хочу помянуть тех, кто погиб в этой катастрофе. Ради памяти о них, мы должны поступить так, чтобы тем, кто уже никогда не будет с нами, не было стыдно за нас. За тех, кто не снами, не чокаясь. – Татарчук выпил одним махом.

Офицеры раскраснелись от алкоголя и горячего борща. Командир американской субмарины Джон Коннелли дождался, когда матрос обновит посуду. Взял в руки стаканчик и поднялся. Долго смотрел в его дно, как будто там было написано то, что он собирался сказать. Наконец, он выдал:

- Офицеры, сейчас мы остались без стран, которые защищали, без родных и близких, без всего, ради чего пошли на эту службу. Все, что у нас сейчас осталось, это наши жизни. Нас мало и надо как-то с умом распорядиться этим, чтобы род человеческий не прервался. Мы хотим начать миссию по поиску оставшихся в живых. Ведь где-то они остались? Давайте сделаем так, чтобы это хранилище не стало новым яблоком раздора. Давайте становиться умнее.

Коннелли протянул руку с алкоголем Татарчуку. Тот встал и чокнулся с американским капитаном. Остальные присоединились к ритуалу. На трех тостах решено было пока остановиться, чтобы выяснить позиции сторон и попробовать трезво решить проблему.

… - Семена не зря хранятся при отрицательной температуре, так они дольше сохраняют всхожесть. – Убеждал американцев Бурега, знакомый немного с сельским хозяйством. – Вы не знаете, сколько собираетесь возить их с собой. Нам даже неизвестно, есть ли сейчас почва пригодная для посева?

- Это не проблема. Соль можно выгнать из почвы. Недостаток света компенсировать искусственным освещением. Благо, ядерного реактора при такой нагрузке хватит на десятилетие. – Американский офицер приводил свои аргументы.

- К тому же, это хранилище было построено на американские деньги. – Припомнил один из офицеров «Монтаны», но на него так шикнули свои, что он самоустранился от беседы.

- Я считаю, что семена трогать пока не надо. Здесь они продержатся намного дольше. Как говорят наши космонавты, полярный круг наименее пострадавшая от стихии территория. По Шпицбергену это заметно. Соответственно, считаю, что ехать далеко не надо. Южнее нам не найти плодородного слоя. Его, скорее всего,

сдуло. Для начала, надо обследовать острова Баренцева моря. – Привел доводы Виктор Терехин.

- Возможно, вы и правы. Но посмотрите на нас, мы мужчины, и от нас потомства не дождешься, как бы мы хорошо не устроились. Нам надо искать выживших людей, и желательно, чтобы женского пола среди них было больше.

- Верно говорит, американец. – Бурега качнул головой. По нему уже было видно, что он пьян.

- Так, господа офицеры, предлагаю выйти на палубу, вдохнуть свежего морского воздуха. – Предложил Татарчук.

На американской подводной лодке имелись резиновые моторные лодки. Они свободно курсировали между субмариной и берегом. Когда офицеры стояли на палубе, разгоняя кислород по сосудам, от берега отчалила лодка и направилась к «Пересвету». Когда она подошла ближе, стало видно, что в лодке сидят гражданские. Офицеры разглядели двух женщин, на вид которым было лет под сорок. С обветренными красными лицами, в грязных робах. На лицах женщин читалась радость и одновременно смущение и страх. Последнее, скорее всего из-за большого количества мужчин.

- Это метеорологи, помните, которые выходили на связь через Джейн. Их зовут Ингрид и Нора. – Доложил матрос с лодки.

- Везите их на «Монтану», сводите в душ и накормите. – Приказал Коннелли.

- Есть, сэр.

Лодка с метеорологами уехала.

- Ну, вот капитан, женщины у вас уже есть. – Произнес Татарчук вслед удаляющейся лодке.

- Шутите? У меня сто тридцать человек мужского пола. Боюсь, этих красоток придется селить отдельно и брать под охрану.

- Вы знаете, как им удалось спастись? – Спросил Терехин.

- Кажется, они забрались в пещеру в горе, на которой стояло их оборудование. Но там их все равно затопило. Они выжили благодаря тому, что в пещере образовался воздушный пузырь, в котором они провели семь суток.

- Интересно, а сколько всего людей находилось в пещерах? Это же реальная возможность уцелеть. – Предположил помощник капитана.

- Пока мы сможем до них добраться, они все перемрут с голода. – Произнес Татарчук с фатальными нотками в голосе.

По внутренним часам Егора, метель уже продолжалась не меньше пяти часов. Начинало темнеть. Ветер, проходя с силой между Егором и рычагами управления, свистел в них. Волны поднялись не на шутку и перекатывались через плот, замерзая на нем ледяной коркой. Егор больше не чувствовал своих ступней. Они промокли и замерзли. Пальцы рук, тоже окоченели из-за того, что приходилось хвататься за ледяные рычаги управления.

Сквозь промерзшее сознание, готовое к тому, чтобы перестать бороться, до Егора дошла мысль, что ветер всегда дул ему в спину. Он выровнял плот по ветру, бросил рычаги, укутался с головой в палатку и, не переставая крутить педали, продолжил движение.

Пришел в себя Егор от невыносимой тишины. Открыл глаза и понял, что наступила ночь. Ветер стих, снег больше не падал. Легкие волны стукались о борт плота, да бревно периодически ударяло вдогонку. Ледяного ветра не было и в помине, как будто он примерещился. Теплый ветерок нес с собой болотный запах. Ступни ног ломило. По всей видимости, они обморозились. Егор встал и сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь по телу.

Он пытался вспомнить тот момент, когда отключился. Что это было с ним, сон или потеря сознания? Как давно закончилась метель? Ему не терпелось дождаться, когда наступит утро, и он сможет разглядеть, в какие места его занесло. Пока же он занялся проверкой своего имущества.

В луче фонаря озаметил, что на плоту не хватает его рюкзака, в котором была провизия. Наверное, его выбросило за борт во время столкновения с препятствием. Егору чертовски захотелось есть. А в том рюкзаке у него был запас питьевой воды и горелка. Сейчас ему не помешали бы лишние калории. От холода трясло, как в лихорадке. Он снова сел за педали, чтобы согреться. Водяная взвесь поднялась колесами. Егор попытался ослабить правый рычаг, но он поддался без усилий. Правое колесо не работало. Егор посветил фонарем. На оси с правой стороны не оказалось пружины отвечающей за возврат клина в паз.

Егор ругнулся. Трясущимися руками открыл ящик с запчастями, нашел в нем болт и забил его в паз. Теперь механизм отключения

правого колеса должен был работать с постоянным зацеплением, а это значило, что повороты направо стали невозможны.

Егор находился в каком-то перевозбужденном состоянии, непривычном для себя. Мысли путались, наползали друг на друга, а тело требовало выхода энергии, как при употреблении алкоголя.

Все, кто увидели бы его в этот момент, могли подумать, что Егор пьян в стельку. Глаза его блестели, но почти ничего не выражали. Они стояли, как у сильно пьяного человека. Губы шептали только одну зацикленную фразу, о том, что ему надо вернуться

Горизонт озарился новым рассветом. Егору хватило сообразительности, несмотря на состояние сопоставить сторону, откуда начался рассвет с направлением движения. Губы тряслись, зубы стучали как при лихорадке, из-за чего сводило скулы. Желудок подкатывал к горлу, норовя стошнить, но он был пуст. Егору казалось, что воздух стал еще холоднее. Проникал в каждую мизерную щель в одежде, заставляя тело содрогаться в сильных судорогах.

Небо становилось все светлее, и вместе со светом приходило понимание, что гор нигде нет, вокруг только бескрайняя водная гладь. Егор выбрал направление движения в сторону более яркого горизонта, накрылся палаткой с головой, чтобы надышать под ней и согреться. Ноги не переставали крутить педали. Теплее Егору не становилось, и до него стала доходить мысль, что у него просто поднялась температура. Он заболел.

Самочувствие ухудшалось. Временами Егор терял связь с реальностью и не мог понять, где он находится, и что ему делать. Усилием воли, он приводил себя в более-менее нормальное состояние, и продолжал движение. Он не помнил, сколько прошло времени, когда на горизонте показались горы. Их вид приободрил мужчину. Он нашел в себе сил увеличить скорость.

По дороге впал в беспамятное состояние. Организм Егора работал только над поставленной и сохраненной в подкорке задачей. Мужчина ничего не помнил, пока не достиг гор. Здесь у него на миг случилось просветление, необходимое для того, чтобы распознать знакомые места и заново проложить курс.

Наступила ночь. Егор причалил к первой попавшейся горе. Неподалеку от берега нашел в камнях выемку, в которой скопилась дождевая вода. Его трясло от ее холода, но он пил ледяную воду и не

мог остановиться. Потом упал на камни и, накрывшись палаткой, мгновенно уснул.

К утру ему полегчало. Организм начал побеждать болезнь. Егор встал и осмотрелся. Он с трудом помнил, как оказался на этой горе. Места казались знакомыми, и если бы не болезнь, которая все еще мешала полностью прочувствовать реальность, Егор понял бы, что находится на соседней, от их Черной пещеры, горе.

К обеду, он нашел в себе силы забраться на плот и продолжить движение. Тяжелое бревно, тянуло назад, и Егор пару раз порывался отрезать трос и бросить его, но здравый смысл запрещал ему пойти на поводу у своей слабости.

Он несколько раз бросал взгляд на гору впереди и все никак не мог понять, отчего у него становится тепло на душе, пока не признал в ней родные места. Радости не было предела. Единственное, что её омрачало это то, что Егор подплыл с «задов», и теперь ему нужно было вернуться и обогнуть гору. Это были пустяки, по сравнению с тем, что он пережил в прошлые два дня. Егор развернулся левым бортом и не торопясь поплыл назад.

Непогода не обошла стороной и Черную пещеру. Тамара сильно переживала из-за того, что отпустила мужа в такое опасное путешествие. Они с Матвеем по очереди дежурили на выступе скалы, с которого была хорошо видна гора к северу от Черной пещеры. Оттуда они ждали возвращения Егора.

Отец появился в дежурство Матвея. Мальчишка сорвался с места и побежал сообщить радостную весть родным. Семья выстроилась на берегу. Не хватало только духового оркестра, чтобы понять насколько радостной была встреча. Матвей сразу заметил, что отец что-то тянет на прицепе.

- С добычей возвращается. – Прокомментировал он.

Егор начал махать издалека. Жена и дети махали и кричали в ответ. Он пристал к берегу. Матвей принял трос и привычно зацепил его за вбитый в щель между камнями клин. Тамара, опасавшаяся спускаться к воде по крутому спуску, не удержалась и бросилась в объятья мужа. Вдруг она отстранилась и внимательно посмотрела на него.

- Ты же горячий, как огонь и бледный! Ты заболел? – Тамара приложила ладонь ко лбу Егора. – Ну, точно, тридцать восемь, не

меньше.

- Да, все нормально, Тамар. Я уже иду на поправку.

Егор с сыном забрали с лодки все, что можно было унести в руках. Бревно оставили на потом. Катюшка обняла отца, когда тот поднялся на площадку. Егору показалось, что за неделю его отсутствия, дочь подросла и повзрослела.

Егора накормили, напоили. Тамара сунула ему несколько таблеток и заставила их выпить. Так желаемую им ванну Тамара не разрешила принимать, объяснив это высокой температурой. Егор попытался рассказать семье, что он видел во время путешествия, но отхлынувшая от мозга кровь свалила его на полуслове.

Находка женщин-метеорологов придала переговорам большую основательность. Их появление сделало мужские разговоры более приземленными и практичными. Командование российской субмарины больше склонялось к скорейшему основанию поселка у любого подходящего берега, чтобы потом начать поиски людей. Основным аргументом, который приводил Татарчук, было то, что люди должны идти туда, где жизнь уже устроена.

Американцы же, наоборот, ставили во главу угла поиск выживших, а у ж затем, обустройство поселка на берегу. Аргументы были убедительными у обеих сторон, поэтому обсуждение продолжалось три дня. Временами оно достигало накала, что казалось, компромисса уже не достичь. Подлодкам придется разойтись, а хранилище семян использовать по своему усмотрению.

Виктор Терехин после обсуждений подолгу не мог уснуть. В голове кружились разговоры. Мозг усиленно пытался выбрать вариант подходящий обеим сторонам. Он считал неправильным желание американцев набить в свою и без того тесную подлодку, еще и спасенных людей.

- Господа! – Начал Терехин на четвертом дне обсуждений. – Мне видится, что проблему мы создаем себе сами. Мы с командиром пришли к такому варианту: наша подлодка ищет подходящий берег, где и организовывает поселение. Мы предлагаем вам часть вашего экипажа оставить здесь, на Шпицбергене. Как только мы найдем подходящее место, вернемся и заберем их. А вам для священной миссии сбора выживших, нужно будет место на корабле. Пока вы будете их собирать, мы соорудим поселение. Его координаты оставим

здесь в хранилище и передадим на космическую станцию, если к тому времени они еще будут на орбите.

Американцы принялись обсуждать предложение.

- А что если мы сами найдем подходящее место для поселения? Лишние люди нам не помешают?

- Не время сейчас селиться порознь. Вместе держаться надо. – Твердо заявил Татарчук. – Нас и трехсот человек не осталось, если посчитать вместе.

Американцы еще полчаса мусолили новое предложение.

- О'кей! Мы согласны. Этот вариант действительно самый подходящий. – Коннелли даже встал, что произнести это.

На следующий день с американской субмарины сошли на берег тридцать матросов. Им оставили пропитание и оружие. Чтобы продержаться здесь на камнях и холодном ветре запаса питания было недостаточно. Матросы должны были научиться ловить рыбу в озерах, оставшихся после наводнения. В глазах военных можно было прочесть чувство, будто их бросили на голодную смерть.

- Парни, как только мы найдем подходящее место, сразу же вернемся за вами. – Пообещал им командир «Пересвета»

- Извини, кэп, но женщин я тебе не оставлю. Это стратегический запас, и делиться им мы пока не намерены. – Сказал перед уходом в дальнее плавание американский командир.

- Я вас прекрасно понимаю. Дамы у вас не Елены Троянские, так что войной из-за них мы на вас не пойдем. – Пошутил командир российской подлодки.

В тот же день оба корабля вышли из фьорда и разошлись по своим направлениям. Американская лодка, прямиком через Северный полюс, направилась к Аляске. Её экипаж хотел пройти вдоль побережья самого северного штата, попытаться через Берингов пролив попасть в Тихий океан и обойти западное побережье США до самой Калифорнии. Расчет делался на Кордильеры. Огромный горный массив мог спасти многих людей.

«Пересвет» отправился к северному побережью России. Как и собирались ранее, начинать решили с полуострова Рыбачий с заходом к Мурманским верфям. Насчет последнего особого оптимизма не питали. Если там не будет ничего подходящего, маршрут собирались проложить дальше на восток, к Островам Новой Земли. Учитывая, что

моря здесь неглубокие, была большая вероятность не подойти к берегам. Но в этом они могли убедиться только воочию.

Месяц прошел с тех пор, как посадочный модуль с двумя космонавтами начал свое плавание по бескрайним просторам нового океана. Готовые к этому зрелищу люди все равно испытали шок, когда изо дня в день вокруг ничего не менялось, кроме погоды. Ветра и течения управляли модулем, забавляясь им, как игрушкой.

Как только Кружалин ощутил в себе достаточно сил, вытянул из воды парашют и убрал его внутрь модуля. Непромокаемая крепкая ткань могла здорово пригодиться для дальнейшей жизни. Если они, конечно, обнаружат землю раньше, чем умрут с голода или жажды. Припасы подходили к концу. Джейн верила, что Игорь обязательно найдет решение до того, как они совсем обессилят от голода. Кружалин чувствовал эту ответственность, но понимал, что от его умений зависит немногое. Течения играли гораздо более важную роль в их судьбе, чем способности выживать в сложной ситуации.

Пару раз модуль цеплял мель. Всякий раз, когда это случалось, Игоря одолевал страх, что они навсегда застрянут где-то посреди бескрайнего водного простора. Подобная проблема сулила им только смерть. Видимо, из-за страха ему пришло на ум использовать парашют не по назначению. Отсоединив один из запасных парашютов от общей связки, Игорь превратил его в парус. Дождавшись хорошего ветра, начал стравливать понемногу парашют, как летучего змея, не давая ему упасть в воду. Самодельному парусу удалось создать тягу, потянув посадочный модуль в сторону ветра.

Джейн оценила сообразительность напарника. Её вера в то, что все будет хорошо, после демонстрации смекалки напарника, укрепилась. Устроив мозговой штурм, космонавты пришли к решению, что модулем можно управлять. У них был компас и парус, а это значило, что они могут самостоятельно выбирать направление. Согласно посадочным расчетам они приводнились в северном Казахстане восточнее южной оконечности Уральских гор. За месяц их могло унести как угодно далеко, а могло кружить на одном месте. Игорь не знал этого наверняка, поэтому решил держаться северо-западного курса. Ближайшая возвышенность суша находилась где-то в той стороне.

Они были немало удивлены, когда через неделю попыток поймать и удержать нужный ветер, на горизонте показались горы. Невысокие старые Уральские горы. Чем ближе модуль подтягивало к суше, тем заметнее становилась разница между поверхностями открытой воды и вблизи гор. Вода здесь была темнее и как бы гуще. И течений на вид не было совсем.

Последние двести метров до ближайшего острова добирались несколько часов. Ветер перед горой ослаб и раздувал самодельный парус редкими порывами. Наконец, модуль заскреб днищем по камням, дернулся пару раз и замер. Игорь спрыгнул в воду. Ее уровень доходил ему до груди. Ухватился за стропы и потянул модуль к берегу. Не дойдя до суши десяти метров, модуль прочно сел на дно и занял вертикальное положение.

- Всё, приехали, Джейн.

Кружалин помог напарнице выбраться из модуля на берег.

На дворе стоял октябрь. Воздух оставался свежим на протяжении всего дня. Выбравшись на берег, Игорь понял, что первым делом надо развести костер, иначе они просто замерзнут. Ему пришлось вернуться в модуль и принести скафандр для Джейн, и самому забраться в этот неповоротливый костюм. Тело в скафандре быстро согрелось. Странно выглядела парочка в скафандрах, слоняющаяся по берегу, в поисках горючего.

Голый, вылизанный ветром до камней, остров-гора не давал никаких надежд обнаружить на нем дрова или пропитание. Игорь сориентировался по компасу по сторонам света, чтобы яснее представить с какой стороны остров был наиболее подвержен ветру. Они пристали к южному берегу, и теперь им следовало идти по правой стороне, чтобы попасть на подветренную.

Скафандры сковывали движения. Идти по скалистой поверхности, удобной для передвижения разве что горных баранов, было жутко неудобно и опасно. Игорь, от греха подальше, отправил Джейн на берег под предлогом найти удобное место для ночлега. Она находилась не в лучшей физической форме для исследования сложной местности в сковывающем движения костюме. Восточные склоны изобиловали камнепадами, являющиеся довольно зыбкой опорой. Игорь старался не наступать на них, особенно после того, как лавина камней вдруг

пришла в движение совсем рядом и с шумом съехала вниз. Ему повезло, что он сразу нашел твердую опору и отскочил в сторону.

На восточном склоне образовался огромный обвал. Часть горы отделилась от основной и обрушилась. У подножия обеих половинок образовалась расщелина. С виду, место было защищенное от ветров и удобное для того, чтобы соорудить в нем убежище.

Обойдя всю восточную сторону, Игорь увидел, что их гора является первой из цепочки вершин. До следующей вершины было менее километра и, судя по бурунам на поверхности воды, к ней вело мелководье. Если приглядеться, то на горизонте виднелась еще один участок суши. Между ней и цепочкой вершин получался своеобразный залив. Склонность к исследованиям заставила Игоря наметить в планы изучение прилегающей территории.

Ничего горючего для костра Игорь так и не нашел. Вершина была слишком пологой, чтобы создавать разрежение с подветренной стороны и все, что было легче увесистого камня, смело ветром в воду. Без всякой надежды и хороших новостей он решил возвращаться назад. Напоследок захотел подняться на самую вершину, чтобы рассмотреть прилегающий ландшафт сверху. В скафандре сделать это было очень тяжело. Игорь снял его, потому как обсох уже достаточно и налегке поднялся на гору.

Сверху открывалась панорама на безграничную водную гладь, теряющуюся в дымке. Кружалин еще раз поразился тому, каким изменениям подверглась планета. Ни в каких самых невероятных предсказаниях не рассматривался этот вид апокалипсиса. Природа, как всегда, оказалась изощренней и хитрее, подсунув человеку то, к чему он совсем не был готов.

На склоне, отполированном ветром и отмытым дождями до блеска, выделялось еще более яркое пятно. Игорь заинтересовался этим и решил спуститься проверить. Подойдя ближе, увидел, что это впечатанная в гору машина, небольшой грузовичок. Его вдавило в полость горы и расстреляло камнями. Листовой метал фургона, смятый от удара в гармошку, был испещрен разнокалиберными отверстиями. Кузов автомобиля нафарширован камнями, колеса разорваны в клочья. На мятых дисках топорщились жалкие остатки покрышек.

Игорь срезал складным ножом, входящим в набор космонавта, куски покрышек. Это были не дрова, но другого горючего ему раздобыть все равно не удалось. Останки машины можно было раскурочить и обнаружить в них еще что-нибудь полезное, но прогулка по горам настолько сильно измотала Кружалина, что он и думать не хотел об этом. Игорь вернулся к тому месту, где его ждала Джейн.

- Вот, согреемся немного. – Игорь положил перед ней черные куски покрышек. – Дров нигде нет, да и глупо было надеяться найти их. Ветер вымел все под метелку. Будем греться останками цивилизации.

Джейн критично рассмотрела находку Игоря. Она уже размечталась разогреть на огне одну из коробочек из сухого пайка. Делать это на коптящей резине она бы не решилась.

- А много этих останков ты встретил? – Спросила она.

- Один грузовик на той стороне. Его впечатало в гору. Если освободить его от камней, застрявших в нем, то можно будет найти еще что-нибудь полезное. Но это пока все, что я нашел.

- Ну, ладно, пока и это сойдет. Мы же не остановимся на этом острове навсегда?

- Как знать, не думаю, что остальные острова будут сильно отличаться от этого. Я тут нашел прекрасное место для того, чтобы создать жилище. Я вообще считаю, что нам надо как-то обустроиться здесь, а потом попробовать обследовать все окрестные горы.

Игорь все-таки согрел банку на куске горящей покрышки. Он проделал маленькие отверстия для выхода пара, через которые едкий черный дым не смог придать вкуса еде. Впервые, после приземления Игорь и Джейн ели горячую пищу. Это было так ностальгически приятно, что на мгновения в голове поселилась мысль, а была ли катастрофа? Горячий обед унес обоих космонавтов в прошлое, в те времена, когда горячая пища была самой обыденной вещью.

Не откладывая дела в долгий ящик, Игорь и Джейн соорудили из парашютов подобие палатки в ущелье. Все, что можно было снять с посадочного модуля, было снято и перенесено в новое жилище. Были вынуты даже кресла, из которых устроили кровати.

Игорь добрался до впечатанной в скалу машины, чтобы и ее запчасти пустить в дело. Из частей выхлопной системы ему удалось соорудить трубу, через которую из палатки на улицу выходил дым.

Сама печка была собрана из камней и железок, которые удалось снять с машины. Конструкцию ее несколько раз меняли, чтобы уменьшить задымление. В итоге, пришлось обмазать ее грязью, лишившую печь главного недостатка.

На обогрев палатки шло все, что горело. Пластик, поролоновая набивка сидений, уплотнительные резинки. Они жутко чадили, распространяя нездоровый аромат внутри жилища. Это подвигло Игоря скорее начать исследование окрестностей. Из всего, что могло плавать, был только спускаемый модуль. Он стал немного легче, после того, как его освободили от ненужных вещей.

Джейн, ни в какую не соглашалась оставаться одна. Чтобы не быть для Игоря бесполезным балластом, девушка помогала ему сдвинуть модуль на глубину, и вообще старалась вести себя так, чтобы у напарника не возникало желания обвинить ее в бесполезности. Игорь подозревал, что Джейн панически боится оставаться одна и относился к ее помощи снисходительно, делая вид, что без нее, ему было бы гораздо тяжелее.

К чести обоих напарников, они испытывали друг к другу огромное уважение, будучи в космосе. Несчастье еще больше сплотило Игоря и Джейн. Но к чувству уважения все больше примешивалась симпатия другого рода. Джейн, когда перед ней замаячила перспектива остаться одной, вдруг поняла, что не хочет оставаться без Игоря больше нескольких часов. Его присутствие всегда действовало на нее успокаивающе. Джейн некоторое время считала это принятием авторитета товарища, пока он нечаянно не взял ее за талию, чтобы помочь отодвинуться в тесноте нового жилища. В тот момент Джейн почувствовала, как ее пронзило желание. В голову ударила кровь, губы раскраснелись, дыхание участилось. Игорь ничего не заметил. С того момента девушка смотрела на напарника немного иначе чем прежде, и ей очень хотелось увидеть ответные чувства в его глазах.

Чтобы не полагаться на непостоянный ветер, Игорь смастерил весло. Пользоваться им было немного неудобно, но это было лучшее из того, что он смог придумать и сделать. В первый день они добрались до ближайшего острова. Он ничем не отличался от того, на котором обосновались они. Те же голые скалы и никакого сюрприза. Второй остров оказался щедрее. С западной стороны, под отвесной

кручей, вперемешку с грязью и камнями лежало несколько стволов деревьев. Достать их было непросто, поэтому Игорь решил, что лучше будет попытаться вытащить их на обратном пути.

Третий остров начинался вровень с другой грядой островов расположенных восточнее. С этого места начинался залив. Вода здесь была спокойнее и темнее, и уже начинала припахивать болотом. Игорь догадался, что между этими цепочками гор было похоронено под водой огромное количество всего, что нес на себе ветер. Он представил себе тысячи людей и животных, покоившихся под водой, деревья, траву и почву. Невольно вспомнились жена, дети и родители, которые тоже лежали где-то под толщей грязной воды.

Третий остров оказался голым, как и четвертый. Пятый отстоял на приличном расстоянии, и был едва различим на горизонте. На полдороги к нему задул северный ветер. К вечеру полетели первые снежинки, быстро переросшие в настоящую метель. Модуль заиграл на волнах. Игорь накрыл проем люка парашютной тканью, чтобы снег не летел в него. Им оставалось только отдаться силам природы, потому что править в такую метель было совершенно бесполезно.

Стемнело быстро. В стекло иллюминатора бился снег, смываемый волнами. Игорь не на шутку испугался, что модуль обледенеет до такой степени, что под увеличившимся весом опустится до выходного люка. Он периодически выглядывал наружу, подсвечивая фонарем корпус модуля, но наледи не заметил. Видимо, мороз еще был слаб для этого.

Однако ночь все равно прошла в тревоге. Будущее пугало. Джейн и Игорь сидели спиной к спине, укутавшись парашютной тканью. Под ней было тепло. Джейн клевала носом, но засыпать боялась. Отчасти за компанию, из солидарности с Игорем, который упорно следил за уровнем воды в иллюминаторе.

- Игорь? – Джейн произносила мягкий звук «рь» твердо. – А тебе не приходили мысли, что все, что мы с тобой делаем, все эти попытки выжить, приспособиться, на самом деле нам и не нужны?

- Эй, что за мысли? Я понимаю, что мы с тобой застряли в сложной ситуации, но свет обязательно будет в конце тоннеля!

- Ты про смерть, про видения тех, кто испытал кому?

- Нет, конечно, я про тех, кого мы слышали, с кем общались, пока были на орбите. Людей намного больше осталось, чем мы думаем.

Если тебя будут мучить суицидальные мысли, скажи мне, у меня есть практика по психологии. Если хочешь, я проведу с тобой несколько сеансов. Возьму недорого.

Джейн неожиданно развернулась лицом к спине Игоря.

- А чем рассчитываться надо? – Спросила она игриво так, что у Игоря не возникло сомнений насчет формы расчета.

Прямота немного смутила Игоря. Он еще считал Джейн товарищем, хотя понимал, что их совместная жизнь непременно приведет к нормальным отношениям, которые существуют между мужчиной и женщиной. И он не собирался противиться этому, потому что близкие отношения должны были помочь выживанию, и в первую очередь в психологическом плане.

- Смотря, что у тебя есть? Сейчас самая котируемая валюта - это еда. – Игорь выкрутился, как мог.

- Хм, мне кажется, что ты пытаешься демпинговать мою валюту. Испокон веков мужчины охотились, приносили домой еду, а там их ждали женщины…, ну ты понимаешь? – Джейн пропустила свои руки под руками Игоря, обвив его грудь.

- Я так понимаю, психолог тебе больше не нужен.

Игорь почувствовал, что изображать и дальше из себя товарища ему совсем не хочется. Он начал поворачиваться к Джейн лицом. В этот момент модуль зацепил дном о камни. Металлический корпус заскрежетал, наполнив внутренности душераздирающим звуком. Скрежет продолжался недолго. Модуль замер на одном месте. Игорь увидел испуганное лицо Джейн в свете фонаря.

- Ничего страшного, я думаю, мы пристали к берегу. – Успокоил он девушку. – Не знаю только к какому.

Игорь высунулся из люка и посветил фонарем сквозь снег. Свет отразился от него, как от сплошной стены, так и не позволив понять, куда их прибило. Игорь плотно закрыл люк модуля парашютной тканью.

- У нас есть прекрасная возможность выспаться, пока не наступит утро.

Джейн была не против. Страх успокоил гормоны, и сон был бы прекрасным продолжением тревожной ночи. Игорь смастерил подушку из куска парашюта.

- Попробуй, не жестко? – Предложил он Джейн свое творение.

Джейн легла, покрутила головой по ярко-оранжевой материи.

- Сойдет. А ты будешь спать?

- Конечно. Сейчас нам ничего не грозит.

Девушка легла на «подушку» подложив под голову ладонь, спиной к Игорю. Мужчина немного помялся, явно не решаясь на что-то серьезное. Потом, отбросив сомненья, он прижался грудью к спине Джейн, просунул свою руку под ее и прижал ладонью крепкую грудь, и совсем обнаглев, просунул между ее ног, свою, упершись коленкой в промежность девушки. Джейн приняла эту наглость благосклонно, но дальше форсировать события не стала. Близость согрела их. Сон налил глаза свинцом и пара уснула.

Игорь проснулся оттого, что свет раздражал глаза сквозь веки, а волосы Джейн щекотали нос. На улице рассвело. Метель, кажется, закончилась. Грязная вода, закрывая половину иллюминатора, лениво плескалась снаружи. Игорь попытался разглядеть через него обстановку вокруг, но плохой обзор мешал это сделать. В который раз Кружалин ощутил себя гостем на чужой планете, который может чувствовать себя в безопасности, только в привычной обстановке, а именно, внутри посадочного модуля.

Игорь хотел встать и выглянуть из люка, но боялся разбудить Джейн. Девушка сладко сопела, и разбудить её показалось ему кощунством. Пришлось ждать, прислушиваясь к тихому шелесту волн. Наконец, Джейн зашевелилась, открыла глаза и зевнула.

- Привет! Выспалась? – Спросил ее Игорь.

- Да. Очень хорошо спала. А ты?

- Тоже.

- Когда проснулся?

- Час назад.

Джейн резко развернулась.

- И все это время ждал, когда я проснусь?

- Ага. А что делать, телевизора у нас все равно нет.

Джейн хмыкнула. Игорь встал и выглянул из-под ткани. Он смотрел во все стороны, никак не комментируя увиденное. Наконец, к большому нетерпению Джейн, он произнес:

- Кажется, мы приплыли туда, куда надо. Метель забросила нас в страну Оз.

- Ты увидел сияние Изумрудного города?

- Нет, я увидел большую свалку хлама, оставшуюся нам от прошлой цивилизации.

Заинтригованная Джейн не выдержала намеков и сама выглянула наружу. На фоне черной воды, примерно в трех метрах от застрявшего на мелководье плота, начиналась белая от снега «пустыня» разнообразного мусора. Понять, что именно было спрятано под снегом, выглядывая из модуля не удалось, но очертания явно указывали на искусственное происхождение «пустыни».

- Окучиванием этого добра мы и займемся до наступления зимы. – Деловым тоном произнес Игорь.

Он не знал, когда именно начнется зима, но понимал, что рядом с таким добром прожить будет проще.

Глава 7

Глава 7

День за днем прошло больше двух месяцев после катастрофы. Короткое полярное лето подходило к концу. Оно и без того выдалось мрачным из-за низких и плотных туч, регулярно разрождавшихся невероятными ливнями, и обещало вскоре превратиться в абсолютную тьму на целые полгода. «Пересвет» торопился застолбить место для поселения до ее наступления.

Полуостров Рыбачий не подошел из-за той же причины, что имелась по всему побережью. Темные потоки выносили с материка так много грязи, что по мере приближения к берегу, лодка начинала в ней вязнуть. То же самое ждало и в Мурманске. Подойти к городу даже и не пытались. Опасность, которая подстерегала их там, была очевидной. Виктор Терехин, как и многие офицеры, оставившие в городе родных, всей душой желали подойти к нему, убедиться в том, что никто из них не спасся.

Ради этого Татарчук разрешил группе офицеров из четырех человек проехать на моторной лодке в залив и осмотреть то что осталось от верфей, дабы не питать бесполезных надежд. С первого раза группа даже не смогла найти то место, где находился судостроительный завод. Абсолютно все пространство на их месте покрывало грязное болото. Ни остовов кранов, ни стен цехов, ни массивных стапелей, ничего не проступало из воды наружу. Только ровная черная гладь.

С материка в сторону моря направлялись потоки грязной воды. Перед выходом в море они образовывали дельту, где встречался с другими потоками, образуя мощные водовороты. Вязкая жидкость закручивалась и шумела, меряясь силами между собой, пугая экипаж утлой моторной лодки. Офицеры, глядя, во что превратилась земля, понимали, надеяться найти живых в мертвом мире полная бессмыслица. Не солоно хлебавши, вернулись на борт субмарины, угрюмые и полные желания скорее пристать к любому подходящему берегу.

Пробираясь по мелям, лавируя между выступившими из воды островками суши, субмарина достигла Новой Земли. Этот остров знаменитый своей секретностью из-за ядерных испытаний внешне сильно походил на Шпицберген. Невысокие голые скалы, испещренные узкими фьордами, безжизненный пейзаж. Остров делился на две половины узким проливом, носящим название Маточкин Шар. Северный остров и особенно северная его половина, состояла из гор с вершинами больше одного километра. С точки зрения обустройства он мало подходил, даже внешне. Безжизненные каменистые утесы напоминали фантастические пейзажи другой планеты.

Южная оконечность Южного острова оказалась равнинной. То, что ураган пощадил ее, было хорошо видно с борта корабля в бинокль. Склоны покатых холмов сохранили зелень. Будь здесь такой же ветер, который застал лодку в Атлантике, прибрежные холмы сточило бы до самого камня. Хотя, действие ветра могло ослабить и наводнение, спасшее растительность.

Решено было пристать к берегу в небольшой бухточке. Глубиномер показывал достаточную глубину и ровный рельеф дна. Лодка подошла вплотную к отвесной стене скалы. Волнения моря здесь почти не ощущалось, поэтому удалось подойти на расстояние выброса трапа. Это был первый сход экипажа субмарины на землю. Чтобы не устраивать из этого официоз, на землю сошли все, кроме дежурной смены, без построений и произнесения речей.

Около восьмидесяти матросов и офицеров разбились на группы для разведки территории. Терехин знал про местный поселок Белушью Губу, но из-за сильно изменившегося ландшафта был не уверен, что им сразу удастся его найти. Здесь, как и на Шпицбергене, схлынувшая вода оставила множество озер, ручьев и даже полноценных рек, представляющих препятствия для исследования территории. Поселок должен быть в самом начале Костина пролива по левому борту. Но Белушья Губа могла оказаться под водой, или накрыта слоем грязи, или полностью снесена в море.

Суша оказалась не такой уж и сушей. Надо было внимательно следить за тем, куда ставишь ноги. Местами нанесенный наводнением морской ил скрывал под собой глубокие ямы. Но по большей части под ногами были камни, покрытые лишайниками и мхом, промытые

проливными дождями. С Терехиным напросился в группу Виктор Гренц, и еще три матроса. По плану им предстояло обследовать местность вдоль берега. Виктор Терехин взял с собой ручку и лист бумаги, чтобы записывать все достойное внимания.

Было невероятно приятно видеть пучки зелени, перенесшие недельное затопление. Частые дожди, наверное, уже смыли все излишки соли назад в море, поэтому растения выглядели здоровыми и полными сил. Один из матросов, кажется, это был Саломатин, нагнулся над маленьким ярко-синим цветком. Он вдохнул его аромат, так что лепестки прильнули к его ноздрям.

- Аааа! – Произнес он довольно. – Какой аромат. Домом пахнет.

- Ты в тундре жил что ли? – Поддел его товарищ.

- Сам ты, в тундре. Я из деревни. Это у тебя в городе дом бензином воняет, а у меня цветами, особенно когда свежескошенное сено на задах лежит.

Природа острова, привыкшая к суровым условиям, достойно пережила конец света. Тут и там попадались яркие пятна цветочных полянок, группы порыжевших листьев морошки, белые и розоватые колонии камнеломки. Терехин не переставал удивляться жизнеспособности растений выбравших для себя такие суровые условия обитания. Животные были более уязвимы к силам стихии, и этот фактор мог повлиять на будущую судьбу растительного покрова. Насколько зависимы между собой симбиотические связи между животным и растительным миром архипелага должно было показать время.

Если не считать непрекращающегося холодного ветра, то остров Южный архипелага Новая Земля нравился Терехину все больше и больше. По дороге им попадались мелкие озера, в которых била хвостом рыба, оставшаяся после наводнения. Голодная смерть не грозила экипажу в любом случае. Пройдя не меньше десяти километров вдоль побережья, они наткнулись на выброшенный на берег рыболовецкий сейнер. Судно с темно-синими бортами и номером вместо названия, лежало в мелком озерце на левом борте. Палубные надстройки разломало и согнуло стихией. Верхняя половина лебедки выглядывала из воды вместе с тросами и остатками сети.

Группа обступила корабль. Неожиданно из-за него взлетела стайка потревоженных чаек, разразившихся душераздирающими криками.

- Ого! – Удивился матрос Саломатин. – А это первые птицы, которых я увидел после этого… урагана.

- Точно, на Шпицбергене я их не видел. – Припомнил Гренц.

- Хороший знак. – Оценил их появление Терехин.

Судно обошли со всех сторон. Внешне, он почти не пострадал от стихии. Группе вспомнился другой корабль, повисший на скалах с простреленными насквозь бортами.

- Если обоснуемся здесь, можно попробовать стащить его в воду и снова приспособить для ловли рыбы. – Предложил Гренц.

- А пока нужно посмотреть, что можно снять с него для дела. – Виктор Терехин достал листок и ручку, осмотрел приметные места и нарисовал на листке силуэт корабля, обозначив расстояния до берега и ближайших холмов.

Пришло время возвращаться и делиться своими открытиями. Интересно было узнать, что обнаружили остальные группы. В кают-компании «Персвета» сделалось шумно. Каждый руководитель группы делился своими новостями с другими. Кают-компания напоминала фондовую биржу в момент обвала акций.

- Так, командиры, можно немного потише! – Татарчук встал и приподнял руку. Он дождался, когда все затихнут. – Спасибо. Давайте по очереди. Начнем с капитана Терехина. Пожалуйста, Виктор Ефимович.

Терехин описал маршрут, которым они добирались. Он рассказал про хорошо сохранившуюся растительность, про озера, полные рыбы, про чаек, оставив корабль на десерт. Когда он упомянул о рыболовецком сейнере и его приличном состоянии, по кают-компании прошелся довольный шепот.

- Ну что ж, отличная новость. Спасибо капитан.

У командира следующей группы были только озера и ручьи. Третий описал отличное место, где нашли скопление бревен, скорее всего, потерянных каким-нибудь кораблем, перевозившим лес. Это было важно для будущего освоения острова. Четвертая группа наткнулась на поселок. Здания его были смыты наводнением, но фундаменты, дороги выложенные плитами и взлетно-посадочная полоса пребывали в приличном состоянии, разве что местами

затянуты илом. Но самым важным в их находке оказались большие бухты алюминиевых проводов, до которых наводнение не добралось. Когда поселок начнет возводиться, проводами можно было соединить двигатель лодки с поселком, нуждающимся в энергии.

Пятая группа нашла как раз следы поселка. Стены зданий, облицовку, крыши растянуло наводнением по огромной площади. Вода уходила с севера на юг и несла за собой все, что могла унести. Им повстречалось множество бытовых вещей, автомобилей и прочего, что составляло нормальное функционирование жизни в поселке. Из пострадавшего имущества можно было попытаться сделать что-нибудь рабочее.

Шестая группа, двигавшаяся вдоль берега, но в противоположном от группы Терехина направлении, встретила только трактор-кабелеукладчик, наполовину затянутый в прибрежную гальку.

- Итак, подводя итоги ваших исследований, могу заключить, что у нас есть все необходимые основания для строительства поселения на этом острове. Надо будет произвести полную инвентаризацию имеющихся у нас строительных материалов, обмозговать, как следует, что из этого можно построить и приступать к работе. – Татарчук посмотрел на офицеров и встретил в их глазах одобрение.

При всей любви к флоту и приключениям, каждый офицер и матрос мечтал после тяжелого похода ступить на твердую землю. Строительство поселка было начато на подъеме инициативы, с использованием смекалки и высокой отдачи труда.

Осень подарила выжившим тепло. «Бабье лето» захватило октябрь. Все усилия семьи Горбуновых были направлены на подготовку к зиме. Егор пытался воссоздать в пещере подобие дома. Он, наконец, полностью разобрал фуру. Из бортов и крыши отгородил комнату в пещере. Получился такой домик в домике. Стеллажи очень пригодились. Вместе с сыном собрали из них полки, стол и стулья. Получилось уютно.

Из двух емкостей для электроводонагревателя Егор смастерил печку. В первой емкости была собственно печь, а во второй, верхней, вода. От второй емкости вдоль стен расположились пластиковые трубы, подключенные к радиаторам отопления. Воду для отопления собирали исключительно дождевую. Фильтровали ее и заливали в систему отопления.

Его изобретение заработало не сразу. То воздух в системе появлялся из-за неправильного угла наклона труб, то трубы протекали. Герметики, добытые из фуры, пришлись как нельзя кстати. Наконец, все проблемы были устранены и, Егор продемонстрировал семье свое творение. Небольшое помещение нагревалось быстро. Тепло давало ощущение небывалого уюта, уже забытого напрочь. Топить печь можно было чем угодно, хоть покрышками. Тяга получилась хорошей, и дым совсем не попадал в комнату, уходя через трубу под свод и далее в многочисленные ходы пещер.

Матвей, заделался охотником. Ему очень нравилось бродить по тоннелям и лазам пещер, расставляя ловушки для крыс. Он уже сам мог сесть на плот и сплавать в течение дня к двойной горе. Набрать там дров, лягушек и вернуться домой.

Тамара и Катя вместе занимались хозяйством. На их долю приходилась готовка, уборка, стирка и прочие женские радости. Они совсем не изъявляли желания покидать Черную Пещеру. Напротив, их пугали открытые водные пространства.

Прием передач с МКС не прекращались. Они дарили надежду, что скоро люди смогут объединиться и совместным трудом преодолеть трудности. Из передач Горбуновы узнали, как здорово повезло экипажам подводных лодок. Они спасались от ветра, уходя на большую глубину стремительно мелеющих океанов. Больше всего повезло лодкам с ядерными реакторами. Их автономность позволяла существовать продолжительное время, превратив субмарины в плавучие поселки.

Согласно последним отчетам, нынешние океаны и моря превратились в подобия таких же грязных водоемов, что и везде. Вода с затопленной суши стремительно возвращалась назад, таща за собой мусор и грязь. Подлодки мигрировали к полюсам наименее пострадавшим от наводнения.

Были сообщения о выживших в горах, так же, как и Горбуновы. И таких людей должно быть намного больше, чем тех, кто смог о себе заявить. Выжили военные, запертые грязью в своих подземных пунктах управления. В общем, человечество не погибло, но сократилось сильно. Теперь, для нормальной коммуникации между выжившими, нужно было ждать много лет, пока вода не уйдет с материка.

Матвей отправился к Верблюду, двойной горе, которую они сами назвали так, за сходство с горбами этого животного. Помимо охоты на крыс и лягушек он отвечал и за озеленение их горы, и за распространение по округе лягушек и личинок мошкары.

Дорога до Верблюда на плоту занимала чуть больше часа. И то, если бы не водоросли, время от времени наматывающиеся на колеса, можно было бы проделать этот путь гораздо быстрее. Матвею приходилось останавливаться и очищать гребные лопатки, теряя время. Дорогу можно было считать безопасной, если бы не поднимающиеся со дна водоема пузыри газа. Их появление участилось. Отец приказал сыну держать под рукой мокрую тряпку, чтобы дышать через нее, если вдруг пузырь лопнет совсем рядом с плотом. Возможно, в этом не было особой нужды, но родители есть родители. Им всегда кажется, что их ребенку угрожает опасность.

Матвей благополучно добрался до горы. Пришвартовал плот к вбитому клину, и отправился набрать земли. Вода покинула уступ, на котором сохранился лес, из-за чего грязь постепенно густела, превращаясь в настоящую черную глину. Молодые побеги настойчивой растительности уже пробивались из-под корки грязи. Тоненькие стебельки травы и деревьев тянулись к свету. Матвей избирательно поддевал топориком дерн и складывал его пластами в рюкзак. На их горе, очищенной до блеска ветром, не было и намека на то, что там появится растительность. Приходилось это делать за природу.

Осень дарила людям последние теплые дни. Лягушки, попутавшие времена года, орали как оголтелые, чувствовали, что скоро им придется отправиться в зимний анабиоз. Мошкара донимала, лезла в лицо и под одежду. Матвей набрал полный рюкзак земли, забрался на нагретый камень скалы и просто уставился в сторону горизонта на восток.

За Верблюда они еще ни разу не плавали. Наверняка, за горизонтом тоже были горы, а может быть начинались степи, покрытые водой. Матвей знал, что родители не одобрят его намерения сплавать в ту сторону, но подростковый максимализм и неподкрепленная опытом уверенность в своих силах, настойчиво советовали ему воспользоваться шансом.

Матвей загрузил на плот рюкзак, и бутылку с собранными в нее головастиками. Справа гору обогнуть было нельзя. Стремительный поток воды покидающей долину мог опрокинуть плот или утянуть на дно водоворотами. Слева путь был длиннее, но спокойнее. Матвей налег на педали.

Себе он дал зарок, что проплывет вперед на расстояние одного часа и тут же вернется назад, чего бы он там не увидел. Под мерные удары лопаток по воде Матвей не заметил, как гора Верблюд осталась далеко позади. Когда обернулся двойная вершина почти растаяла в дымке испарений. Данное себе обещание вернуться через час как-то потеряло силу. Паскудный чертик нашептывал на ушко продолжить движение. А что могло случиться в этой спокойной воде?

Видимость на открытой воде не превышала пяти километров. Матвей с отцом вычислили это расстояние экспериментально. Горизонт терялся в пяти километрах впереди и за дымкой, застилающей его, могло оказаться что угодно. Матвей дал себе второе обещание, что проплывет еще час и точно вернется назад.

Он снова налег на педали. Лопатки подкидывали над плотом все больше водорослей. Запах болота усиливался и Егор решил, что глубина до дна в этом месте меньше, чем у них. Справа вздулся пузырь газа. Он мягко лопнул и через мгновение нос ощутил запах сероводорода. Матвей прикрыл нос влажной тряпкой, как учил отец. Ему показалось, что толку от такого фильтра немного. Вонь все равно чувствовалась.

Левое колесо крутилось в натяг. Стебли водорослей закрутились возле него, и пора было освободить его от них, чтобы не угробить конструкцию. Матвей остановил плот, достал самодельный нож и принялся обрезать стебли. Он посмотрел назад, гор*ы* не было видно совсем. В душе затомилось чувство, что он совершил глупость. Пока гора маячила в поле зрения, Матвей чувствовал себя спокойно, но как только понял, что остался один посреди бескрайней водной глади, не имеющей ориентиров, ему стало страшно. Нужно было возвращаться назад.

На всякий случай Матвей проверил и правое колесо. Водорослей на ней накрутилось совсем мало. Пока счищал их с колеса, уловил какое-то движение под водой. Матвей пригляделся внимательнее. Только когда увидел переливающуюся радужными бликами сферу под

самым плотом за секунду до выхода её на поверхность, догадался, что это поднимается пузырь газа. Метнулся к мокрой тряпке, но не успел. Газовый шар вышел из воды прямо под ним. Плот ухнул в черную пучину, сомкнувшуюся сверху. Матвей не удержался и свалился с него, хлебнув перед этим глубокий глоток газа. От газа и страха на мгновение потерял чувство реальности. Голова закружилась, мир вокруг изменился, и все происходящее будто наблюдалось со стороны. Он слышал шум воды и поднимающихся к поверхности пузырей воздуха, но ничего поделать не мог. Ему казалось, что это происходит не с ним и делать ничего не надо.

Еще немного, и Матвей пошел бы на дно. К счастью спазм легких, жаждущих порцию кислорода, вывел его из созерцательного состояния. Он глотнул воды и закашлялся. Руки и ноги рефлекторно забили и потянули к поверхности. Матвей выплыл, отчаянно выкашливая воду из легких. В груди и горле горело огнем. Некоторое время Матвей ничего не соображал, только кашлял.

Откашлявшись и придя в себя, стал искать глазами плот. Тот оказался метрах в двадцати. Естественно, палуба его была пуста. Ни рюкзака с землей, ни бутылки с головастиками, ни ящика с инструментами и запчастями. Матвей поплыл к плоту и забрался на него. Кашель еще долго душил его. В горле не проходил привкус крови и болотной жижи.

Матвей огляделся по сторонам. Страх сжал холодными щупальцами его сердце. Он понятия не имел, в какую сторону теперь нужно плыть. Черная вода от горизонта до горизонта. Как назло, в небе началось движение, быстро переросшее в проливной дождь. Матвей сидел, уткнувшись лицом в колени. Дождь хлестал его по открытой спине и голове, скатывался по лицу и смешивался со слезами.

- Матвей еще не приплыл? – Егор вышел из пещеры и, щурясь на свет посмотрел в сторону Верблюда.

Тамара, стиравшая в это время в уличной ванне, тоже обернулась, чтобы разглядеть плот.

- Наверное, ждал, когда дождь пройдет? – Сказала она, хотя материнским чутьем уже начинала переживать за сына.

Егор что-то пробубнил сквозь зубы. Из водного транспорта у него имелась только камера от грузовика и весло. Плыть на камере получалось раза в три дольше, чем на плоту.

- Если через час не появится, поеду его искать. – Твердо сказал отец.

Через час сын не появился. Тревога нарастала. Тамара, сведя брови к переносице, не отрываясь смотрела в сторону двойной горы. Егор сел на баллон, пропустив ноги в отверстие посередине и энергично работая веслом, отправился на поиски сына.

Матвей пытался вспомнить, что рассказывал отец о том случае, когда метель так же заставила его потерять ориентир. Он рассказывал, как определил направление, откуда взошло солнце, и держался его, чтобы приплыть к горам. Сейчас солнце находилось где-то посередине небосвода, и понять в какую сторону оно пойдет на закат, было невозможно. Матвей решил ждать заката и плыть на него.

Он живо представил, что творится в семье по поводу его долгого отсутствия. Внутренний голос ругал себя за легкомыслие, корил и называл всякими оскорбительными словами. Рядом вышел на поверхность еще один огромный пузырь. Лодку качнуло. Воздух тут же наполнился смердящим зловонием. Матвею захотелось назвать это место Мертвым морем.

Первобытная жизнь уже успела закалить мальчика, он вспомнил, как пропал в пещерах горы. Тогда его захлестнула паника, страх, что он ничего не может сам, и ему придется ждать родителей, чтобы они спасли его. Сейчас же Матвея больше терзала совесть, что он заставил их переживать. Незначительный страх присутствовал, и он был связан с тем, что газ мог еще раз сыграть с ним злую шутку. Предсказать появление пузырей было невозможно, и поэтому приходилось полагаться только на случай и удачу.

Солнце начало клониться к закату. Солнечный свет, проходя через грязные облака, рассеивался, искажая представление о настоящем положении светила. Направление по нему было примерным, и шанс промахнуться мимо родной горы был велик. Матвей взял немного севернее, решив, что его сместило на юг.

Через час горы все еще не появились. Небо стремительно темнело. Мальчику хотелось пристать к любой суше лишь бы не оказаться на воде ночью. Его пугала перспектива попасть под выход газа в темноте. Вероятность этого была ничтожно мала, но обжегшись на молоке, люди привыкли дуть и на воду.

Снова стало подклинивать левое колесо. Водоросли намотались и мешали ему работать. Матвей бросился искать нож, но вспомнил, что держал его в руках, когда упал в воду. Он попробовал снять водоросли руками, но их тугие и скользкие стебли совсем не поддавались усилиям. Тогда Матвей попытался перекусить их. Неожиданно, это дало результат. Водоросли имели привкус болота, но на вкус показались съедобными и напоминали отдаленно привкус морской капусты, ламинарии.

Матвей подумал про еду, отчего голодный желудок заурчал. Мальчик поднял перед собой стебель морской травы и, зажмурившись, сунул его в рот. Организм принял необычную еду спокойно. Матвею даже показалось, что он приобрел сил и пустился в путь с новой энергией. Солнце повисло над самым горизонтом. Сквозь коричневые облака оно отражалось красным пятном на черном глянце водоема.

Из-за особого преломления лучей, подсвечивающих дымку, рассмотреть что-либо на горизонте не представлялось возможным. Матвей все глаза проглядел, но не мог с уверенностью сказать, есть ли там горы или нет. Он вставал на цыпочки, будто это могло помочь ему. Временами казалось, что он видит горы, а в следующее мгновение понимал, что это оптические иллюзии, вызванные напряженным вглядыванием.

Солнце заходило за горизонт и все, что видел Матвей, это была золотисто-красная полоса заката. От него красная дорожка протянулась прямо к плоту, указывая верный путь на запад. Матвей был уверен, что выбрал правильное направление, и рано или поздно найдет свой дом. Его больше беспокоили родители, не находящие себе место. Ради них он торопился вернуться.

Стемнело, но Матвей не останавливался. Выходящий на поверхность газ, периодически напоминал о себе сероводородным зловонием. Матвей, во что бы то ни стало, хотел выбраться на безопасную сушу. Через каждые десять минут он останавливался и прислушивался. В природе царило полное безмолвие. Матвей боялся услышать шум водопада, коих было в избытке вокруг долины.

Он в очередной раз остановился послушать природу и очистить колеса от намотавшихся водорослей. Матвей подцепил зубами скользкий стебель и дернул. Водоросль поддалась. Очистил одну сторону и собрался перейти к другому колесу. Матвей не сразу

сообразил, что у него над головой шумит рой мошкары. Отмахивался от них, пока не дошло, что насекомые живут вблизи суши.

Быстро очистив второе колесо, Матвей продолжил движение. На темном фоне неба появилась еще более темная тень горы. Она быстро приближалась. Матвей сбавил скорость и осторожно причалил к берегу. На душе отлегло. За прошедший день он успел почувствовать отвращение к воде и плаванию в целом.

Спать пришлось на голых камнях. Мошкара лезла в лицо, кусала кисти рук и торчащие из-под штанов лодыжки. Но это были пустяки по сравнению с ночевкой на плоту на открытой воде. Матвей уснул, как убитый.

Проснулся рано утром от холода. В утренних сумерках рассмотрел, что пристал к северной оконечности Верблюда. Это здорово обрадовало мальчика. Он поднялся, разогрел тело физическими упражнениями, забрался на плот и пустился в путь. Матвей так бодро налег на педали, что чуть не проглядел лежащую у берега автомобильную камеру. Ему сразу стало понятно, что это отец пустился на нем на поиски своего непутевого сына. Матвей повернул плот в ее сторону.

Отец спал, как и Матвей на голых камнях. Сын бесшумно причалил к берегу, слез с плота и осторожно тронул отца за плечо. Егор резко открыл глаза и сел.

- Ты, ты, где был? – В глазах отца была и радость от того, что сын нашелся и вопрошающая строгость.

- Пап, я…, это…, я хотел немного за Верблюда сплавать, а там, понимаешь, там вода совсем стоячая и газа много. Прямо подо мной пузырь вышел, плот провалился, а меня в воду сбросило. – Последние слова Матвей проговорил чуть не плача

Отец отвесил ему звонкий подзатыльник и тут же обнял.

- Балбес. – Только и смог выдавить отец, потому что к горлу подступил ком.

Из неудачной попытки Матвея расширить горизонты территорий вышла одна полезная вещь. Горбуновы теперь добавляли водоросли во все блюда. Они так пришлись по вкусу, что спустя пару недель огромные пучки их сушились на веревках перед пещерой. Надо полагать, скудное питание до этого не могло восполнить потребности организма во многих питательных веществах и минералах. Как только

в меню появились водоросли, все члены семьи заметили прибавку энергии и сил, что в свою очередь отразилось на общем самочувствии.

Люди уже давно придумали, как должен выглядеть постапокалиптический мир, а Игорь Кружалин и Джейн Оукленд воплотили их представления в жизнь. Ни в одной из гор в округе не было пещер, поэтому пришлось создавать себе жилище из всего, что было под руками. В достатке были кузова мятых автомобилей, вырванные с корнем деревья, листовое железо, в первую очередь сорванное с крыш домов, и в самом конце свалки лежали железнодорожные контейнеры, неплохо перенесшие катастрофу.

Неподалеку от свалки Игорь нашел неплохое место, где небольшой уступ нависал над ровной площадкой. Эту природную особенность бывшие космонавты в течение месяца превращали в жилье. Со стороны результат их усилий здорово напоминал традиционное жилище из постапокалиптического мира. Куски листового железа соседствовали с частями автомобилей, а щели между ними были заложены камнями. Стены получились толстыми, а все щели в них выявлены и замазаны черной грязью. Внутри домика получилось просторно. Пол утеплили ковролином, найденным в железнодорожных контейнерах. Содержимое контейнеров и послужило основой меблировки жилища. В домике было все, к чему привыкли люди, и даже гардероб. В контейнерах нашли много зимней одежды, поэтому предстоящая зима совсем не страшила.

Жилище разделили на комнаты, вернее на зоны. Они были условными, без стен. С порога начиналась кухня и соседствующая с ней душевая. Зоны делили тепло печки между собой, поэтому и находились рядом. Напротив душевой обустроили спальню. Она состояла из старой гнутой панцирной кровати и небольшой тумбочки из размокшего материала рядом с ней. Перед сном Игорь любил разглядывать Джейн принимающую душ. Джейн специально принимала его после Игоря, чтобы тот успел нагреть для неё постель. Он был не против, получая заряд бодрости от созерцания красивой женской наготы. Напротив кровати висели два скафандра, напоминая молодым людям об их космическом прошлом. Кроме этого они могли пригодиться на случай сильных морозов, если случатся перебои с топливом.

Тепла печки на всё жилище не хватало. В противоположном от входа конце соорудили склад вещей и продовольствия. Раскопки на свалке, время от времени, дарили настоящие сюрпризы. Совсем недавно Игорь раскопал остатки грузовика, в котором нашлись два мешка ячневой крупы. Случай сделал так, что они оказались в воздушном пузыре, и грязь не попала в них. Легкий запах плесени присутствовал в крупе, но Джейн перебрала ее, выбросив испорченную часть. Оставшуюся крупу хорошую прогрели на огне и ссыпали назад в мешки. Получилось полтора мешка. Это было хорошее дополнение к консервам, которые периодически попадались на свалке.

На первый взгляд, причина образования свалки в этом месте казалась непонятной. Игорь предположил, что между двумя цепочками гор, во время урагана возникли аэродинамические завихрения, которые вырвали из потока блага цивилизации. Трудно было представить, как бы Игорь и Джейн себя чувствовали, если бы не этот подарок судьбы. Еда из космоса, как ни пытались ее растягивать, быстро закончилась. Рука судьбы как будто привела их сама в это место, устроив метель.

К тому времени, как стукнули сильные морозы, в поленнице уже было достаточно дров. Мачете, входившее в состав НАЗ-7, работало без устали. Постоянно затачивая и оттягивая его на камне, Игорь быстро сточил четверть толщины лезвия. Следовало поберечь этот ценный инструмент. Он стал использовать мачете только для разрубания бревен на полена и обрубания веток. Полена он разрубал на чурбаки самодельным механизмом, благо железа было навалом.

Заготовка дров оказалась самым трудоемким процессом. Бревна были сырыми, кололись на чурбаки плохо, правда пока не пришла зима с морозами. Мерзлые поленья раскалывались только одной силой мысли. Затем, мокрые чурбаки приходилось сушить, для того, чтобы они нормально горели. Делалось это на печке и рядом с ней. Иногда Игорю так надоедало это занятие, что он бросал все и топил печь автомобильными покрышками. Получалось нагреть жилище гораздо быстрее и с меньшими затратами сил. Но печка работала не идеально, и немного дыма попадало в помещение. Джейн не одобряла неэкологичные виды топлива.

Зима сразу взяла природу в оборот. Она долго собиралась, но как только наступила, мало не показалось никому. Первая метель бушевал

три дня. В пещеру долетали звуки вьюги, но в импровизированном домике было тепло, светло и уютно. Горбуновым не хватало книг. Ими можно было бы себя развлечь в свободное время, которого стало намного больше. Матвей и Катюшка терзали телефон, но и он вскоре сел и дети тоже загрустили.

Егор пытался пересказывать книги или фильмы, но рассказчик из него был никакой, и семья каждый раз засыпала под его сбивчивый пересказ.

- А нет, это я перепутал, это же было в другом фильме. Они почему-то наложились у меня в один. – Примерно так выглядели его истории.

Тамара находила себе занятие в готовке еды, тем самым избегая уныния. Ей приходилось включать воображение, чтобы каждый раз удивлять семью.

Сразу после метели наступили трескучие морозы. В новом мире воздух был намного влажнее, чем прежде. Низкая температура вымораживал влагу, покрывая все поверхности инеем. Когда Горбуновы в первый раз вышли на свежий воздух, они были изумлены переменами в природе. Все вокруг стало белым. Горы и вода. Скалы покрылись узорчатым рельефным инеем, похожим на рыбьи плавники. Дети проводили по нему рукой, и он осыпался со стеклянным звоном. Морозы успели сковать воду льдом. Лед был еще тонким, и ступать на него было страшно. Он проминался под весом тела и подозрительно трещал. Снег лег на лед неравномерно, большими белыми барханами, чередующимися черными пятнами открытого льда.

Чем занять себя зимой Егор не представлял. Для задуманного им путешествия лед был тонок, а там, где были течения, его могло еще не быть совсем. Настоящей теплой одежды у них не было, а идти куда-то в морозы налегке самоубийственно. Егору, как и его семье, еще хотелось пожить. Они только почувствовали некоторую привычность в однообразии дней и отсутствии явной опасности умереть по разным причинам. Никто, правда, теперь не представлял, какую цель преследует их жизнь. Воспитать достойных детей? А кто это оценит? Для родителей дети всегда будут достойными, а других людей они пока не встречали. Материальные блага потеряли свое значение, потому как сравнивать себя было не с кем. Сейчас Горбуновых можно было назвать нищебродами, питающимися с помойки, но их это

совсем не волновало. Проплыви мимо их пещеры контейнер с отходами, они бы непременно поковырялись в нем, чтобы найти что-нибудь полезное. При этом были бы безмерно счастливы, найдя в нем что-нибудь полезное. Карьеры не было, и никого это не расстраивало. Тамара, что было очень удивительно, чувствовала себя счастливой. По утрам она просыпалась с удовольствием, планировала свой распорядок и вдохновенно отдавалась ему. Такого не было с ней еще со школьной скамьи. Подсознательно она чувствовала, что именно в школьном возрасте ее сломали, заставив принять чуждые ей правила жизни. Она их приняла, потому что безоговорочно верила взрослым и сама стала поступать так же, пытаясь «осчастливить» мужа и детей.

Хотя, до сих пор, Тамара, да и Егор, воспринимали настоящую жизнь, как затянувшееся приключение. Инертная часть сознания ждала, что, в конце концов, все вернется к нормальной жизни. «Нормальной», значило привычной прошлой жизни, но голос разума все настойчивее глушил инертное сознание, убеждая его принять эту жизнь, как единственно нормальную.

- А ты знаешь, мой расчет оправдался. – Сказал как-то Егор жене, имея в виду семейное путешествие к Черной пещере. – Правда, для этого пришлось убить человечество.

- А по-другому никак. – Согласилась Тамара. – Они нам давно мешали быть счастливыми.

Лед становился толще, и ходить по нему стало совсем не страшно. Егор с сыном для добывания водорослей рубили лунки во льду и вынимали их самодельными крюками. Один случай навел Егора на интересную идею. Как-то прорубая очередную лунку, попал на место, где подо льдом находился огромный пузырь газа. Он не видел его и догадался о существовании, только когда газ засвистел в прорубленное отверстие, наполнив пространство вокруг запахом серы.

Спустя день, Егор смастерил из ставшей бесполезной газовой плитки и трубки газовую горелку. Он нашел еще один пузырь подо льдом, пробил в нем аккуратное круглое отверстие и когда из него пошел газ, заткнул его трубкой. Открыл конфорку на плитке. Из нее пошел газ. Щелкнул розжигом и газ загорелся.

- Вот вам и цивилизация. На этом халявном газе можно и готовить и палатку обогревать в походах. – Обрадовался он.

- А он не ядовит? – Поинтересовался сын.

- Сероводород ядовит, но он здесь в качестве ароматической отдушки. В основном это метан, производный газ метаболизма микроорганизмов. – Пояснил отец.

Изобретение на самом деле оказалось очень необходимым для зимних путешествий. Егора не покидала мысль отправиться в те места, где раньше были населенные пункты. Он рассчитывал, что часть их могла показаться из-под воды. Горбуновы начали испытывать затруднения с солью. Без нее их скромное меню становилось совсем безвкусным. Егору мечталось найти хоть какую-нибудь крупу. Он несколько раз видел во сне, как с огромным удовольствием наворачивал за обе щеки гречневую кашу и запивал горячим кофе.

Еще Катюшка требовала книжки, да и Матвей не прочь был занять себя чтением. А Егору и Тамаре достаточно было клочка старой газеты, чтобы уронить ностальгическую слезу об ушедшем прошлом.

Таким образом, придуманная идея с горелкой оказалась чрезвычайно полезной. Она и подстегнула процесс подготовки к путешествию. На этот раз Егор решил взять сына с собой. В случае удачи, возвращаться назад должны были с грузом, а вдвоем они могли унести гораздо больше.

Тамара утеплила одежду, подшив подкладку из обшивок сидений автомобилей. В обувь сделали стельки из крысиных шкур, а подошву нарастили вырезанными из покрышек кусками резины. Одежду проверили на морозе. Она показала себя неплохо. В отапливаемой палатке в ней можно было спать даже поверх спального мешка.

Дыру для газа из соображений безопасности решили пробивать не внутри палатки, а снаружи. Газ подводился по гибкой трубке внутрь палатки. Среднего пузыря хватало на ночь, если открывать вентиль на одну четвертую мощности. Слабого напора газа было достаточно для поддержания плюсовой температуры в палатке. Для приготовления еды его было мало, но для разогрева достаточно.

Специально для похода Егор соорудил два корыта, на которых на обратном пути они должны были везти добычу. Тамара, оценив корыта, упрекнула мужа в излишнем оптимизме. При этом она дала понять, что вернувшись с пустыми руками, Горбуновым не грозила голодная или холодная смерть.

День выхода перенесли на пару дней из-за разбушевавшейся метели. Сразу после нее установилась спокойная погода с небольшим

морозцем. Снега успело подвалить немало. Перед входом в пещеру намело сугроб полностью закрывающий его. Матвею и Катюшке это было в радость. Сугроб тут же обзавелся ходами и пещерами.

Ранним утром мужская половина семьи Горбуновых отправилась в поход. Они спустились на лед и направились на запад в обход горы. Шли раздельно, держать друг от друга на расстоянии пяти метров, чтобы не провалиться одновременно под лед. Отец с сыном связали себя длинной веревкой. Егор шел первым и если проваливался под лед, то у Матвея было время среагировать и вытянуть отца.

Метель сдула снег с ровной поверхности. Идти было легко. Подошва из покрышек с протектором хорошо цеплялась за лед. Егор совсем не ощущал веса, громыхающих позади него, корыт. В прошлом, он немало поколесил по этим местам и с закрытыми глазами знал все дороги и деревушки в округе. Он вспомнил некоторые из них, которые вполне могли находиться выше уровня воды.

Шли они строго на запад, примерно той же дорогой, которой приехали к Черной пещере до урагана. Дорогу, разумеется, не было видно, поэтому приходилось использовать солнечный ореол, немного проглядывающий из-за низких туч, как примерный ориентир.

К зиме тучи не стали светлее. Они даже немного потемнели и приобрели серый оттенок. Из-за этого снег не казался белым. От горизонта до горизонта простиралась серая равнина, упирающаяся в подножия таких же серых скал.

Местами метель вымела снег до самого льда, который на фоне серого снега, казался почти черным. Под его прозрачной поверхностью скрывался рисунок из трещин и вкраплений пузырьков газа. Кое-где это были не вкрапления, а настоящие газовые хранилища, пятном до нескольких десятков метров в диаметре.

Через пару часов гора с Черной пещерой скрылась за горизонтом. От нечего делать, Матвей разглядывал лед под ногами. Во всем однообразии окружающего пейзажа, только его рисунки из трещин и пузырьков выделялись неповторимой оригинальностью. Матвей развлекал себя игрой, представляя, на что похожа та или иная комбинация трещин и пузырьков. Ему виделись дома, машины и даже слоны. Так они с отцом протопали половину дня.

В полдень Егор объявил первый привал, выбрав в качестве причины остановки приличный газовый пузырь подо льдом. Пока отец

проделывал дыру, Матвей собрал палатку. Они по-быстрому разогрели обед и приготовили чай на вишневых ветках.

- Как хочется нормального чая попить. – Посетовал отец, отпивая красноватую жидкость, с запахом компота.

- А я бы кофе выпил, или какао. – Признался Матвей.

- Я помню, как на одном крутом повороте магазинчик стоял, недалеко отсюда. Он, то ли «Ручеек», то ли «Солнышко» назывался. Его-то, скорее всего, нет уже, но за дорогой с подветренной стороны у них склад был, его могло прикрыть от ветра. Думаю, начать с него.

- А сможем найти?

- Там местность холмистая такая, дорога идет, то вверх, то вниз. Думаю, что те холмы выше уровня воды. А магазинчик был почти на самом верху. Если не найдем, то севернее можно попробовать найти село Никольское. Там у них турбаза была с подъемником. Они тоже выше должны находиться.

- Мне даже и не верится, что над водой есть что-то кроме гор. – Поделился сомнениями Матвей.

- Вот и посмотрим.

Мужчины двинулись дальше. Спустя пару часов после обеда Матвей разглядел раньше отца непривычную линию горизонта. Вымороженный от излишней влаги воздух, позволял видеть раза в два дальше, чем летом.

- Кажется, впереди холмы! – Матвей перекричал скребущие по голому льду корыта.

Отец остановился, приложил ладонь ко лбу и всмотрелся в горизонт. Он тоже сумел различить неровный горизонт. Дернул за собой корыто вместе с привязанным сыном, ускорив шаг. Через час стало ясно, что неровности очень похожи на те самые холмы, о которых говорил Егор. А еще через час они стояли у подножия одного из них.

- Осталось вспомнить, на каком из холмов находился этот «Ручеек» или «Солнышко»? – Задумчиво произнес Егор, почесывая вспотевшую голову.

Под холмом лежали самые настоящие сугробы. Корыта решили оставить внизу, чтобы они не мешали подъему. Утопая по пояс в снегу, отец с сыном, забираясь на холм, вымотались больше, чем за весь день похода.

- Ну, что, похоже это на то место? – Спросил Матвей, пытаясь отдышаться.

От мыслей про подъем на вторую вершину, ему становилось нехорошо.

- Да, хрен поймешь. Тогда лес был и дорога, а сейчас что? Ни того, ни другого.

Егор осмотрелся. Закрыл глаза и постарался восстановить в памяти все подъемы и повороты. Первый подъем, затем спуск, в нижней точке которого располагался родник, обложенный камнем. Затем снова подъем и спуск, и на третьем подъеме дорога резко поворачивала вправо. Там стояли ограждения, а за ними небольшое расчищенное пространство, на котором и стоял магазинчик, а летом еще и открытая терраса кафе.

Егор открыл глаза и попытался наложить свои воспоминания на рельеф.

- Выходит, что вон тот холм. – Он показал на холм правее.

- Эх, надо было затащить корыта наверх, сейчас бы съехали с ветерком. – Глядя на подножие холма, с досадой произнес сын.

Матвей, чтобы не пропадать развлечению, спустился с горы кубарем. Отец смотрел на его прыжки и крики восторга и удивлялся, как дети могут абстрагироваться от страшной ситуации, в которой находилась их семья. Он завидовал сыну, мечтая научиться так же, как он не думать о тяжком бремени выживания в новом мире.

Игорь и Джейн больше не были напарниками, или товарищами по несчастью. Они были семейной парой, и цементировало их отношения неожиданная беременность Джейн. Долгие зимние ночи и отменное здоровье не оставили шанса неосторожности. Первое время Джейн очень надеялась, что причиной задержки стало какое-нибудь воспаление, вызванное сквозняками в их лачуге. Она ничего не говорила Игорю, надеясь, что скоро все обойдется. Молчком пропила антибиотики, но месячные все не приходили.

Игорь заметил странности в поведении Джейн, когда прошел второй срок для месячных. Нервы у девушки стали сдавать. Она приходила в ярость от любого не понравившегося ей ответа Игоря. Могла накричать, оскорбить, а потом так же эмоционально разреветься и просить прощения. Для Игоря подобное женское поведение было не в новинку.

- Эй, подруга, а не беременна ли ты? – Как-то зимним днем выдал Игорь, интуитивно почуяв причину крайне эмоциональных настроений Джейн.

Девушка чуть не швырнула в Игоря чурбаком, который собиралась засунуть в печь. Силой воли подавив злость, она села на пол и разревелась. Игорь поднял ее и отвел на кровать.

- Не пристало тебе попу морозить на холодном полу. – Заботливо произнес Кружалин.

- Как ты догадался? – Сквозь слезы спросила Джейн.

- Что я, баб беременных не видел? Все вы до беременности разные, а как забеременеете, так все под одну гребенку становитесь. Ты сама давно заметила?

- Два месяца уже. – Шмыгая носом произнесла подруга.

- Поздравляю! Теперь тебе надо беречься.

- Ты дурак! С чем? Для чего нам рожать ребенка? Какую судьбу мы ему уготовим? Это вторая катастрофа после урагана, которая случилась с нами.

- Джейн! Не говори ерунды. Как случилось, так случилось. Значит, так надо было. Мы же с тобой старались не допустить этого, но судьба решила за нас.

- Я не знаю Игорь, как ты там старался, но святой дух во сне ко мне не приходил. Ты же рад, я вижу. Ты специально это сделал! – Догадка, хотя и неверная, осенила Джейн. – Это была диверсия!

Её глаза снова наполнились слезами. Она по-другому посмотрела на Игоря, будто впервые его увидела. Джейн уперлась вопрошающим взглядом в глаза Игоря, ожидая ответа на только что озвученную догадку.

- Джейн, клянусь, я делал все, что было в моих силах, но возможно их чуть-чуть не хватило. До сего момента я пребывал в блаженном неведении относительно твоего положения.

- Это все твое русское «авось».

- А вы, американцы, все набожные, так что прими беременность, как божью благодать!

Джейн метнула глазами молнии, и молчком отвернулась. Игорь пошел топить печь, про которую забыли. Он не мог понять, что творилось у него в душе. С одной стороны они нажили себе жуткую проблему, но с другой, ему было радостно оттого, что у них будет

ребенок. Как бы ни было тяжело, но дети это еще один мотиватор для того, чтобы не зацикливаться на трудностях. Игорь еще помнил своих детей, и те чувства, которые они дарили ему. Он решительно бросил чурбак в светящиеся угли. Его быстро охватило огнем. Дерево защелкало. Нет, ребенок, это хорошо, решил для себя Игорь.

- Я ананасов хочу. – Раздался с кровати голос Джейн.

Слово беременной от тебя женщины, закон. Игорь пошел в кладовую, разгребать запасы. Где-то в глубине их хранились несколько баночек консервированных ананасов.

К следующему холму добрались минут за сорок. День клонился к закату. Посовещавшись, мужчины решили не забираться на холм, а поискать подо льдом достаточный для разогрева еды и обогрева палатки газовый пузырь. Спать на морозе, не поужинав горячим, совсем не хотелось. И Егор, и Матвей, научились по стуку определять, где подо льдом находится пузырь, если его нельзя было увидеть визуально.

Они разделились и принялись обстукивать лед. Темнело стремительно. Матвей первым закричал:

- Иди сюда, здесь газ.

Отец приволок корыта с вещами. Достал полую трубку и принялся пробивать ею лед. Матвей в это время ставил палатку. Уже в ночи пыхнуло рыжее пламя газа, еле просвечивая сквозь ткань палатки.

В палатке сразу стало тепло и уютно. А когда запахло съестным, то и вовсе шикарно. Матвей с отцом поужинали. Тяжесть перехода сразу дала знать о себе. Сон сморил их мгновенно.

К утру, пузырь газа выгорел полностью, заставив спрятаться в спальнике с головой. Егору надоело трястись от холода. Он решительно выбрался из палатки и размялся. Обошел округу, чтобы найти еще одно место, где скопился газ. Оно нашлось метрах в ста от холма, на который они собирались забраться. Егор вытянул трубку изо льда. Мороз успел прихватить ее. Пришлось постучать обухом топора, чтобы сорвать с места.

Когда проснулся Матвей, отец ждал его, чтобы перенести палатку на новое место и хорошо позавтракать. День обещал быть прекрасным. Легкий морозец при полном отсутствии ветра хорошо подходили под задуманные планы.

Позавтракав, собрали палатку и отправились покорять холм. Так как Егор был почти уверен, что это именно то место, где когда-то стоял магазинчик с незапоминающимся названием, решено было сразу затащить с собой корыта. Сделать это по глубокому снегу оказалось не так просто. Матвей взмок, забираясь на холм.

На плоской вершине холма, как напильником выровненной сильным ветром, снега почти не задерживался. Под обледеневшей поверхностью краснел песчаник. Егор снова восстановил в памяти, как шла дорога по этому холму в прежние времена. Обошел вершину, примерился на разные стороны света и уверенно остановился в определенном месте.

- Здесь был магазин, а за ним склад.

Никаких примет указывающих на то, что здесь когда-то что-то стояло, не наблюдалось. Матвей прошелся по отцовских ориентирам и не обнаружил ничего приметного.

- Фундамент, наверное, должен был остаться? – Предположил он.

- Не знаю, домик был небольшим, может быть и фундамент унесло ветром. Видишь, почвы совсем не осталось, и даже корней деревьев. Но у них склад был тут, как погребок такой. В нем пиво хранилось, напитки. Всегда в холодке.

- Так мы за пивом, что ли корячились сюда? – Удивился Матвей.

- Ну, нет, конечно. Может быть, там еще осталось что-нибудь? Предлагаю обстучать вот этот квадрат. Наверняка, там, где склад звук будет другой.

- А что, если его затянуло водой и грязью?

- Скорее всего, ты прав, затянуло. Но нас, же это не остановит, правда? Для чего я ведро с собой взял. Всё, не теряем время. Держи железку, стучи.

Егор с сыном взялись колотить по мерзлой земле. Она отзывалась металлическим звоном. Егор стучал обухом топорика. Его слух стал подобен слуху музыканта, улавливающему малейшие нюансы мелодии, только вместо музыки было эхо, издаваемое промороженным песчаником. Про себя Егор был почти уверен, что ветер мог снять с поверхности холма столько мягкой породы, что и склад могло унести.

Вдруг его топорик стукнул звонче обычного. Егор сделал еще несколько ударов рядом. «Дзынь», топорик ударил металлом о металл. Матвей тоже услышал этот звук, бросил стучать и подошел к отцу. Под

отбитым куском мерзлой земли выглядывало ржавое железо. Егор расковырял лезвием топора землю вокруг. Их удивленному взгляду предстала проушина для навесного замка, приваренная к железной раме, скрытой пока под слоем мерзлой земли.

- А вот и погребок! – Довольно произнес Егор. – Помнит, папка-то у тебя, где отдыхал от трудов праведных.

Крышку сорвало ветром, следовательно, погреб был полон жижи. Егора эта проблема ни за что не остановила бы. Он был рад тому, что вообще смог найти этот погреб и любой продукт, который там находился в приемлемом состоянии, был очень ценен. Его усилия, не шли ни в какое сравнение с тем, что он мог там найти.

Егор принялся прорубать проход в мерзлой земле. В отличие от окружающего песчаника, проход в погреб был забит мерзлой грязью. Чем глубже он пробивался, тем мягче становилась грязь. В очередной раз ударив топором, Егор пробил щель в земле, в которую чуть не упустил его.

- Классический случай, описанный во всех постапокалиптических источниках. – Пошутил Егор, когда его догадка подтвердилась.

Он раздал дыру в размер творила. Жижи в погребе оказалось не так много, как ожидал Егор. Видимо вода впиталась в песчаник, оставив в погребе только самую гущину. В погреб вела железная лестница. Егор примотал ведро к веревке и спустился в погреб, насколько позволила жижа. Он зачерпывал густую грязь ведром, а Матвей поднимал вверх и вываливал ее.

- Вира! – Командовал отец, набирая полное ведро.

Дело по осушению погреба продвигалось быстро. Рядом с Матвеем образовалась черная куча, прихватываемая морозом. Погребок оказался небольшим, и результат усилий скоро дал о себе знать. Ведро застучало по твердому полу.

- Вот это подарок судьбы. – Обрадовался Егор.

Они выгребал грязь, пока не решился наступить в нее, считая, что она уже не затечет в обувь. Света с улицы едва хватало, чтобы рассеять мрак погреба. Егор осмотрелся, помогая себе руками. В погребе находились три стеллажа. На них все еще стоял товар, которым торговал одинокий магазинчик. Он был таким грязным, что признать в темноте не сразу получилось.

- Матвей, я буду складывать в ведро всё, что найду хорошего, а ты поднимай. – Попросил он сына.

- Ага, найди что-нибудь вкусное, кроме пива.

- Водку тебе еще рано. – Отшутился отец.

Егор вспомнил, что брал с собой старый советский фонарик, восстановленный после того, как утопил его в пещере с летучими мышами, когда искал выход наружу. Попросил сына принести его. Под вжиканья динамо осмотрел погреб. На стеллажах стояли покрытые грязью полиэтиленовые упаковки с бутылками, пластиковыми и стеклянными. Ближе к выходу часть упаковок пострадала от стихии. Егор взял в руки самую ближнюю к себе целую бутылку. Она чуть не выпала у него из рук. Грязь на ней оказалась очень скользкой. Оттер с бутылки грязь. Этикетка слезла вместе с ней. По виду это была обычная пивная бутылка.

Егор поддел грубой рукавицей пробку и сорвал ее. Пиво хлопнуло с дымком и вышло немного пены. Он почувствовал, как ностальгически свело скулы. Запах пива мгновенно наполнил небольшое помещение погреба.

- Я проверю, не пропало ли пиво? – Предупредил Егор сына.

Сделал осторожный глоток. Ароматная горчащая жидкость растеклась по рту. Постороннего привкуса не ощущалось. Егор смело сделал большой глоток. Пиво разошлось по желудку приятной истомой. Это было наслаждение. Чтобы добру не пропадать, допил бутылку до конца. Затем наложил пива из этой коробки в ведро до верха.

- Вира! – Крикнул он Матвею.

Алкоголь уже начал действовать.

Пиво не было предметом первой необходимости, и даже второй и третьей. Оно являлось мостиком в прошлое. Егор проверил еще несколько ящиков. В некоторых оказалась водка, коньяк, настойки. Эти находки тоже не были продуктами первой необходимости. Водка могла пригодиться, как антисептик. Егор загрузил следующее ведро водкой и коньяками. На стеллаже у стены стояли упаковки с минеральной водой и газированными напитками. Минералка и так текла в пещере, а вот лимонад для детей был настоящим подарком. Егор отправил наверх несколько упаковок. Теперь нужно было найти что-нибудь стоящее. Он посветил на нижние полки стеллажей. Там лежали бесформенные

предметы, почти полностью уничтоженные грязью. Егор поковырял их ногой. Грязь захлюпала под ним.

Тогда он сунул руку в грязь, схватил что-то твердое и поднес к свету. Это был шоколадный батончик с орехами. Отличная вещь. Батончики стоило забрать все. Что было в соседней коробке, Егор не разобрал. Скорее всего, печенье в бумажных пачках. Грязь полностью растворила их. В следующей коробке оказалась закуска к пиву в пластиковых пакетах. Она вряд ли испортилась. Егор собрал все пачки и сложил их в ведро. В бесформенной куче у самой стены, которая тоже когда-то была коробкой, Егор нащупал пачки лапши быстрого приготовления. Это самая первая еда для путников со скромным бюджетом, которым не хватает денег на шашлыки и прочие недешевые придорожные радости. Картонную коробку растворило и пачки лапши рассыпались по всему полу. Егор осторожно, чтобы не раздавить их собрал в ведро и передал Матвею.

Перешел к последнему стеллажу. На его верхних полках, так же, как и на остальных, хранилось пиво. Егору было жалко оставлять его тут. Теперь мороз проникнет в склад и разморозит бутылки. Но тащить на себе этот тяжелый, и по большому счету, ненужный груз, тоже было излишней тратой своих сил. Егор протер стекло на бутылке. Открыл пробку и втянул запах пива. Попробовал на вкус. Оно оказалось кислым. Он сплюнул и мысли о пиве оставили его.

Чуть ниже стояла водка. Ей на морозе ничего не сделается, и ее можно было спокойно оставить на хранение здесь. Егор переключился на нижние полки. К его неописуемой радости на них стояли банки с растворимым кофе. Еще до того, как он понял, что именно находится в банках, сердце его забилось от тайной надежды. А вдруг? Провел рукавицей по банке и увидел знакомое название. Слезы радости брызнули из глаз. Задумывая поход, не раз думал о том, чтобы раздобыть кофе или чай. А сейчас он держал в руках банку и не мог в это поверить.

Банок оказалось семь штук. Дальше на полках лежали бесформенные размокшие кучи, в которых невозможно было понять, что это за продукт был ранее. За ними, почти у стены, от одной полки до другой, высилась грязная гора. Егор тронул ее, гора накренилась и рассыпалась по частям. Он поднял пачку и прочитал информацию. В пластиковых пачках находился лагман, скрученная в гнезда лапша.

Очень востребованная в придорожных кафе еда в этой местности. Это было не менее великолепно, чем кофе. С тех пор, как крысятина, лягушатина и водоросли заменили им все блюда, Егор просто тосковал по еде из прошлого.

Наконец, у самой стены возвышалась еще одна грязная горка. Фонарик не пролил свет на ее происхождение. Егор смело влез в нее рукавицей. Гора, на ощупь напоминала мешок. Егор потянул за что-то, «мешок» потянулся за ним и упал в грязь. В руках Егора осталась часть «мешка». Егор поднес рукавицу к свету. Долго рассматривал предмет в руке, пока не понял, что у него в руках пучок грязных волос. Он отскочил в сторону, со страхом и отвращением уставившись на предмет на полу.

Набравшись храбрости, провел по голове покойника. Из-под грязи показалась мертвенно бледная кожа. Она сорвалась от легкого прикосновения и потянулась за рукавицей. Алкоголь тут же испарился из крови. Желудок скрутило в спазме. Егор стремглав выскочил наружу. По его бешеному взгляду сын сразу догадался, что отец напуган.

- Там покойник. Проговорил Егор.

Матвей глянул в темный проем погреба. Его передернуло, и он отошел в сторону. Отец с минуту приходил в себя. Успокоившись, осмотрел, как сын разложил груз.

- Надо будет пиво и лимонад укрыть чем-нибудь, иначе они замерзнут по дороге. – Решил он.

- Снегом укрыть и всё. – Предложил Матвей.

- Молодец, точно. Так и сделаем.

- Да прибудет с нами сила! – Вставил реплику Матвей.

Чтобы напитки и пиво на складе не замерзли, творило решили закрыть снегом. Егор снова слез в погреб, убрал все коробки на средний ярус, где как ему казалось, должна была поддерживаться самая оптимальная температура. В свете этого подумал, что открытый покойник начнет смердеть и испортит своим запахом все продукты. Пришлось при помощи веревки вынуть его из погреба и похоронить в снегу. Сын согласился только выкопать небольшую яму, а все остальное время прятался за сугробами, пока отец исполнял похоронный ритуал. Творило накрыли запасной палаткой. Прижали ее

края комьями грязи и закидали снегом и снова обложили оставшейся грязью, чтобы ветром не смело снег.

- Даст бог, не промерзнет. – Егор осмотрел дело рук своих. – За зиму сюда можно несколько раз наведаться, пока все не вывезем. Хотя, – Егор задумался, – Мама будет не в восторге. Оставим этот склад на всякий стратегический случай.

Они разделили груз пополам. Прикрыли его снегом и собрались отправляться.

- Домой? – Спросил Матвей отца. – Или на лыжную турбазу, про которую ты рассказывал?

- На турбазу если ты не устал. Тут крюк всего-то пять километров. Глянем, чем там есть поживиться и сразу домой.

- Я совсем не устал. – Радостно произнес Матвей к полной неожиданности отца.

На лыжную базу нужно было идти на запад. Из-за холмистого рельефа на пути постоянно попадались снежные переметы. Матвей, с отцовского разрешения, съел шоколадный батончик, поделившись с отцом. Углеводы придали сил. Мужчины сделали рывок, и дошли до высоченного холма, в центре которого имелась зигзагообразная складка с переменными уклонами, используемая зимой как лыжный спуск.

До катастрофы, для подъема на вершину лыжников существовал подъемник. Сейчас от него не осталось и следа. Место для трассы завалило снегом. На остальной части холма снега было немного, и подниматься без груза оказалось несложно.

- Представляю, как будет трудно тащить за собой полные корыта. – Представил Матвей.

- Переложим в одно и поднимем пустое.

- А что здесь было раньше?

- Внизу, теперь под водой, была турбаза. Домики, магазинчики, столовая. А наверху был прокат лыж, экипировки и небольшой бар. Но это только в зимнее время. Куда они девали лыжи на зиму, не знаю. Хотелось бы, чтобы закрывали в том домике, наверху.

- Да, лыжи нам бы не помешали по снегу топать. А почему ты думаешь, что тот домик, мог остаться?

- Видишь, какая здесь складка? Как будто два холма прижались друг к другу. А домик был в аккурат между ними. Можно

рассчитывать, что хотя бы до половины стен здание сохранилось. Только в нем все равно должно быть грязищи под самый верх. Не будем гадать, лучше один раз увидеть, чем сто раз посчитать.

- Стихи, прям. – Заметил рифму Матвей.

- Ну дык, такая красотища кругом.

Егор и Матвей забрались на вершину и рассматривали окрестности сверху. Перед ними на лыжном спуске лежал ровный снег без всяких намеков на скрывающийся под ним домик с лыжной экипировкой.

- Как будем искать? – Спросил Матвей.

- Он где-то здесь. – Егор махнул рукой. – В самом начале трассы.

- Ну, здесь толщина снега, точно не пять метров.

- Значит, от домика осталось меньше, чем я думал.

Егор решительно направился вниз и тут же провалился по пояс. Сделал еще шаг с тем же результатом. Мягкий не слежавшийся снег не держал человеческий вес. Егор настойчиво, как поплавок, ринулся вперед. То выскакивал на поверхность, то снова тонул. Остановился, выпрямился, и показал сыну, что стоит на ногах.

- Он здесь! Я нашел его! – Крикнул он довольным возгласом.

Подпрыгнул и скрылся в снегу с головой. Матвей с испугом уставился на то место, где мгновение назад стоял отец. Егора не было полминуты, а потом из-под снега показалось его счастливое лицо.

- Все в порядке! Крыши нет, это была стена и я соскользнул. Иди сюда!

Матвею стоило больших усилий пробиваться через толщу рыхлого снега. Отец подал ему руку и помог забраться на стену. В том месте, куда провалился Егор, чернела яма, ведущая внутрь помещения.

- Здесь все залито жижей, как и везде. Смотри, из-за того, что стены армированы железными прутьями, они выдержали ветер.

Конечно, здесь он был не таким сильным, но, тем не менее, сдуло только крышу. Жижа вытекла из домика через окна и выбитые двери. Ее уровень совсем небольшой. Из замерзшей грязи торчали лыжи, палки, какое-то тряпье вперемешку с выбитыми оконными рамами.

Матвей заметил, что из той комнаты, в которой они находились, в соседнюю вела дверь.

- Интересно, а там что?

Егор снова забрался на стену и перелез в соседнюю комнату. Маленькое помещение, скорее всего, использовалось как подсобка. Окон в нем не было. Но часть стены, смотрящая на спуск, была разрушена полностью. Грязи в помещении осталось немного, как и вещей, которые смыло грязевым потоком. Только в углу стоял сейф, высотой с человеческий рост. Егор толкнул его, но тот не пошевелился. Его основание, видимо, было прикреплено к полу.

- Матвей, иди сюда, у нас тут крепкий орешек.

Сын перелез через стену и плюхнулся с нее рядом с отцом.

- Ого, здоровый. – Удивился сын размерам сейфа. – Интересно, что в нем?

- Интересно, как его открыть? – Егор заглянул с обратной стороны и постучал по ней. – Не думал я, что когда-нибудь мне придется взламывать сейфы.

Сейф, хоть и выглядел солидным, но закрывался только на ключ. Егор понятия не имел, как открыть сейф без ключа.

- Ладно, давай, пока попробуем поколоть лед, чтобы вытащить наружу лыжи и палки. Может быть, нам потом придет какая-нибудь идея насчет того, как вскрыть сейф.

- Давай. – Согласился Матвей.

Отец с сыном вернулись в соседнюю комнату и принялись рубить лед. Его черные куски разлетались в стороны, освобождая из плена упругие пластиковые лыжи. Егор рубил топором. Дело у него спорилось. Лед откалывался крупными кусками. Матвей стучал заточенной монтировкой. Та звенела у него в руках, и отскакивало ото льда без всякой пользы.

- Не могу. – Не выдержал Матвей бесполезной траты усилий. – Ничего не получается.

- Ладно, отдохни, подумай, как открыть сейф, а я пока поработаю.

Матвей перебрался в соседнюю комнату и встал напротив сейфа, пытаясь понять, как подступиться к нему. Егор шумно колол лед, забрызгивая во все стороны осколки. Выбил пару одинаковых лыж и осторожно очистил их от налипшего льда. Теперь он собирался выбить изо льда палки.

- Пап, я сейф открыл. – Голова Матвея показалась над стеной.

- Да, ладно? – Егор не сразу поверил. – И что там?

- Там ботинки крутые, очки и еще что-то.

Егор молодецки перепрыгнул через стену.

- Как тебе удалось его открыть, маленький гений?

- Да я заметил, как в этой стене кирпич отходит, потянул за него, а там ключи.

- Ну, ты Шерлок Холмс!

Егор заглянул внутрь сейфа, недра которого почти не тронуло стихией. На полках лежали аккуратно расставленные пестрые ботинки известных брендов, над ними лыжные очки в яркой оправе и не менее яркие перчатки. На самом верху хранилась лыжная мазь и элементы лыжных креплений.

Егор нашел и вытянул ботинки своего размера. Просунул в них руку, ощупывая материал, из которого они были изготовлены. Затем скинул с правой ноги свой страшный почти самодельный ботинок, модифицированный автомобильной покрышкой и надел лыжный. На фоне жуткого одеяния, в котором был Егор, ботинок из сейфа смотрелся чересчур нарядно.

- Это самая моднячая обувь, которая у меня была. – Егор повертел перед собой носком ботинка. – Беру.

Он снял второй и переобулся. Сделал несколько шагов и задорно подпрыгнул на месте.

- Годится. Теперь подберем обувь тебе.

На Матвея тоже нашлась обувь. Высокие ботинки с красными вставками смотрелись на нём, одетом в раздутую рабочую робу, как на корове седло. Но кому сейчас было оценивать стиль? Практичность, единственное, что имело значение.

- Забираем все. – Решил отец. – На наших дам не угодить сразу, им нужен гардероб, чтобы выбор был.

Матвей натянул на руки перчатки, не в пример более теплые и удобные, чем рукавицы сшитые матерью из куска робы. На лицо натянул очки.

- Как я тебе? – Спросил он отца.

- Олимпиец. Член сборной сантехников.

Матвей усмехнулся. Егор тоже надел перчатки и очки.

- В метель самое то в очках ходить. – Решил он. – Жмуриться на ветер не придется.

Ботинок и перчаток набралось по двадцать пар, очков двенадцать штук. Груда получилась немаленькая. За раз не унести.

- Как мы не хотели, но корыто придется тащить наверх. – Сказал Егор. – Выноси все наружу, а я пока сгоняю вниз. Заодно, лыжи проверю.

Вместо того чтобы встать на лыжи, Егор сел на них. Оттолкнулся руками и понесся вниз. Он покатился не по лыжной трассе, а по той части холма, где снег был тонким и плотным. Скорость набрал фантастическую, и если бы на его пути повстречалось препятствие, он непременно расшибся. Все обошлось. Егор выкатился далеко за пределы холма. По чистому льду лыжи и не думали останавливаться.

Из двух корыт вещи переложили в одно. Обратно Егор планировал спускаться на корыте, поэтому лыжи оставил внизу. Даже пустое корыто тянуло вниз. Подъем занял приличное количество времени.

Матвей к тому времени вынес наружу все вещи и перенес их на чистое от снега место.

- Это мы с тобой удачно в поход сходили! – Егор был доволен собой, разглядывая «улов».

- Как спускаться будем? – Спросил Матвей, явно рассчитывая проехаться верхом.

- На корыте и поедем. Давай его на лыжи поставим.

Они водрузили корыто на оставшуюся пару лыж. Отец направил транспорт впритык к лыжной трассе. Матвей сел на носу. Отец оттолкнулся и запрыгнул следом. Импровизированные сани сразу набрали ход. Их мелко трясло на неровностях. Морозный ветер холодил лицо, неприкрытое очками. Матвей никогда в жизни не испытывал такого адреналинового наслаждения. Он кричал и смеялся.

Корыто подскочило на крупной кочке и поменяло курс, направившись в сторону лыжного спуска. Егор попытался подправить траекторию, двигая телом, но было поздно, их понесло под уклон. Корыто со всего маха влетело в снег, подняв перед собой снежную волну, но не остановилось, а лишь немного замедлилось. Егор перепугался не на шутку, но видя, что ничего страшного не произошло, успокоился. Сын захлебывался от восторга.

Лыжи они потеряли во время удара о снег. Одна лыжа катилась параллельным с ним курсом, а вторая осталась где-то в снегу. Вдруг, снег на склоне тронулся. Вся масса, от вершины до основания. Матвей увидел это и прекратил кричать, бросив на отца тревожный взгляд.

- Все под контролем. – Неуверенно произнес Егор.

Он обернулся назад, потому что сын с ужасом в глазах смотрел мимо него, за спину. Лавина набирала волну, догоняя неосторожных гонщиков.

- Поворачивай вправо! – Крикнул Егор сыну.

Он сам выставил ногу в снег по правому борту, чтобы заставить корыто сменить курс. Матвей сделал то же самое. Лавина приближалась с нарастающим гулом. Корыто медленно, но верно уходило с траектории. Лавина оказалась быстрее. Егор схватил сына и прижал к себе. В спину ударил снежный вал и закрутил. Он держал Матвея изо всех сил боясь потерять.

Их закрутило, завертело, как в центрифуге. Через несколько секунд круговорот остановился. Егор открыл глаза. Вокруг был только снег. За шеей, во рту, под одеждой. Матвей зашевелился в его руках.

- Отпусти меня! – Глухо, сквозь снег раздался его голос.

До Егора дошло, что он держит сына с такой силой, что может переломать тому ребра. Отпустил его, и тот сразу же куда-то исчез. Через полминуты Егор почувствовал, как его тянут за одежду. Он не стал сопротивляться.

Матвей откинул снег, и Егор увидел хмурое небо над головой.

- Мы живы? – Спросил он и услышал свой голос издалека.

Матвей помог отцу сесть и вытряхнуть из ушей снег. Звук восстановился. Егор огляделся.

- Ни хрена себе, прокатились.

- Ты меня чуть не раздавил. – Усмехнулся Матвей. – Но было весело. Страшно и весело.

Вывалившаяся из корыта добыча яркими пятнами растянулась по спуску. Лавина была не такой опасной, как выглядела. Бывшая трасса, очищенная от снега, открыла им переломанные ветром столбы, на которых крепились тросы подъемника.

- А корыто-то наше где? – Вдруг вспомнил Егор

Они завертели головами. Их транспорт скатился вниз и потерялся на сером фоне снега.

- Хорошо, хоть не надо тащить его на самый верх. – Произнес отец, вынимая из снега ботинок.

- Не ходи пап, я сам сбегаю. – Предложил сын.

Егор посмотрел ему вслед, набирающему ход вниз по крутому склону и подумал, что Матвей испытывает удовольствие от прогулок по природе, которого не испытывал никогда в жизни. Сын ловил настоящий кайф.

Глава 8

Глава 8

Когда были созданы первые времянки и баня, «Пересвет» отчалил на Шпицберген. Через две недели он вернулся, привезя дежуривших там американцев и кое-какие семена растений. Для столь сурового климата выращивание растений казалось рискованной затеей, но Бурега убедил всех, что сможет сделать теплицы, в которых вырастит отличный урожай.

За ударным трудом не заметили, как приблизилась зима. Первые неуверенные снежинки быстро переросли в жуткую метель, парализовав всю работу. Люди попрятались в лодку и те здания, которые успели довести до ума. Два дня завывал ветер, забивая остров снегом. Метель выявила все дыры в домах, которые были просмотрены во время отделки. К счастью, мороз был не сильным, иначе непродуманная система отопления могла подкинуть проблем. Дома, собранные из плит с аэродрома отапливали «буржуйками», переделанными из обнаруженных во время обследования острова бочек из-под топлива. Эта находка позволила реанимировать трактор кабелеукладчик. При помощи его пилы, приспособленной для вырезания в грунте каналов для укладки кабеля, пилили бревна.

Старый дизель молотил круглыми сутками. Благодаря его работе в новых домах никогда не было холодно. Помимо заготовки дров, трактор вырезал траншеи под основания стен. Снятую с затонувшего сейнера лебедку переделали в подъемный кран. С ее помощью ставили стены и поднимали на «коробку» плиты перекрытия. Дома получались некрасивыми, похожими на склепы без окон и дверей. Забирались в них через яму под стеной, в которой вечно стояла вода. В принципе, все члены экипажа, включая американцев, могли спокойно жить внутри «Пересвета», но Татарчук ждал пополнения и хотел быть готовым к нему.

Еще в самом начале освоения острова были обнаружены следы котельной. До катастрофы она топилась мазутом. Рядом с остатками ее стен обнаружилась закопанная в вечную мерзлоту бочка. Внутри нее находилась густая и черная, как смоль масса жидкого топлива. Вместе

со стенами, растащенными по острову наводнением, вода унесла и стратегические запасы угля. Понадобилось несколько субботников, чтобы собрать уголь по кусочкам.

Топить мазутом дома было не с руки. Он плохо горел и не держал тепло. Уголь и дрова подходили намного лучше. Да и жило в домах не более двадцати человек одновременно, занимающихся благоустройством внутренних помещений. Большая часть экипажа жила в подводной лодке. Смены дежурств существовали как в прежние времена, когда существовал Устав и дисциплина. Поэтому был некий круговорот жизни: лодка – отдых – поселок – отдых – снова лодка и так по кругу. Поначалу жизнь в новостройках воспринималась как необходимое зло, но по мере улучшения условий жизни в них, недовольства стало меньше. Со временем дома начали восприниматься, как гражданская жизнь после службы.

Не хватало только женщин для полноценного качества жизни. Именно это занимало Терехина больше всего в последнее время. Не видел он будущего у поселка без женского пола. Сейчас он больше походил на мужской монастырь с суровыми солдатскими законами и аскетизмом. Мужская энергия нередко находила выход в агрессии. Несколько раз случались такие жестокие драки, после которых пострадавших приходилось надолго убирать в санчасть, а зачинщиков отправлять на самый тяжелый труд. Виктор предвидел, что эта проблема не исчезнет сама собой. Будут и драки и убийства. Он заметил, что пятеро темнокожих матросов с американской субмарины стараются держаться вместе. Не особо одаренные умом парни питали к ним острое неприятие. И это при том, что известных выживших в мире людей было не более трех сотен.

Где искать женщин, а заодно и прочих выживших, Терехин не знал. Суша представлялась ему, как один сплошной океан грязи. Все ждали появления «Монтаны» с ценным грузом женского пола. Постепенно Виктор стал готовить Татарчука к тому, чтобы устроить по крепкому льду небольшой поход на материк. Единственной проблемой являлось отсутствие нормальной зимней одежды, без которой поход был невозможен.

Постепенно идея поиска людей вышла за пределы обсуждений высшими офицерами. Где и как искать людей мнения расходились. Кто-то считал, что необходимо направляться к большим городам,

потому что на их останках еще можно было хоть как-то прокормиться. Другие считали, что все города на дне и искать там людей бесполезно. Практичнее попытаться найти их в горах. Только там имелась хоть какая-то защита от ветра и воды. Проверить оба предположения можно было только на практике. Татарчук отдал приказ продумать маршрут, как следует подготовиться, чтобы к следующей зиме быть во всеоружии. А пока дел в строящемся поселении было невпроворот даже для холостяцкого коллектива.

Меняющийся климат привел к одному неожиданному фактору. Зима оказалась не такой суровой, как все ждали. Атмосфера, закрытая от солнца, равномерно распределяла температуру по всей планете. Снега было много, были ветра, но неистовых морозов под пятьдесят не случилось. Тем не менее, мелководные озера лед сковал почти до дна. Жители поселка вырубали лунки и собирали, идущую на кислород рыбу.

К Новому году поселок стал похож на ровное снежное поле, из которого тут и там курился дымок, да были протоптаны извилистые тропинки, сходящиеся в одну широкую, которая вела к подводной лодке. Домики занесло снегом под крышу. Снег был не чистым, с коричневатым оттенком из-за вкраплений мусора, которым была забита атмосфера. Низкое темное небо, лишенное солнца, на полгода спрятавшегося за горизонт, сливалось с бескрайней снежной равниной. Поселок, казался подвешенным в темной бесконечности.

Передвигаться по снегу без специальных приспособлений было невозможно. Смекалистые парни из подручного материала соорудили снегоступы. Удобные приспособления для ходьбы по рыхлому снегу меняли походку человека. Чтобы нормально передвигаться в снегоступах, приходилось шире расставлять ноги и делать более длинные шаги. Со стороны это напоминало ходьбу по земле в ластах.

Российские и американские матросы, в основном из-за языкового барьера, держались отдельно друг от друга. Команда «Пересвета», считая себя большинством, не хотела утруждаться изучением английского. Американцы тоже имели некоторую гордость и особо не спешили вникать в особенности русского языка. Они еще надеялись, что по возвращении «Монтаны» их будет большинство, и язык придется учить русским. Общение происходило при помощи тех, кто немного понимал по-английски. Виктор Терехин был одним из таких

людей. Из-за этого он был освобожден от всякого труда на борту субмарины, участвуя в тех операциях, где американцы и россияне трудились совместно.

Долгая беспросветная ночь, вкупе с мыслями о погибших родных и близких вгоняла в тоску и уныние. Вскоре после празднования Нового года и Рождества двое матросов попытались покончить жизнь самоубийством. Один из них выстрелил себе в рот из автомата, а второй в грудь. Первый погиб на месте, а второго удалось спасти. После этого случая за оружием был установлен более серьезный контроль. Самоубийство вынудило Виктора Терехина сделать вывод, что мужской компании помимо ежедневного труда требуются хоть какие-нибудь развлечения. Он долго думал, чем можно занять молодые организмы, впадающие в депрессию от монотонного однообразия, и придумал занять их спортом. Командным, таким, как хоккей. Ровного льда вокруг было сколько угодно. Дело оставалось за малым: клюшками, коньками и светом, потому как в темноте играть не представлялось возможным.

С первой и второй проблемой справились относительно быстро. Весь хлам, собранный еще до выпадения снега, хранился в самом первом построенном здании. Туда складировали кучу типовых кроватей с панцирной сеткой армейского образца. Полые дужки от спинок расплющили и сделали перья клюшек, а из металлических уголков, составляющих корпус кровати, лезвия коньков с опорой под обувь. Получилось немного топорно, но в темноте не видно. С освещением ледяного поля было тяжелее. Пришлось соорудить из старого автомобильного генератора, педалей и редуктора тренажер для мышц, дающий свет. Над площадкой повесили кабель, к которому были прикреплены лампочки от фар, задних фонарей, плафонов освещения, добытых со всех обнаруженных машин на острове. Получилась длинная гирлянда из слабых лампочек, которые в сумме, кое-как освещали хоккейную площадку. За средний матч менялись три-четыре несчастных, вращающих генератор.

Терехин наотрез отказался формировать команды по национальному признаку. Делал команды смешанными, что должно было привести к улучшению взаимопонимания между русскими и американцами без особой необходимости учить язык. Благодаря этому болельщики теперь не могли выбирать национальную команду, что

тоже служило объединяющим фактором. Темнокожие матросы, вообще являющиеся как бы третьей стороной, не желали играть в хоккей. Следовало придумать, как их привлечь к чему-то общему. Идеи с баскетболом не получили поддержки из-за сложности реализации этой игры в суровых условиях. Американцы предложили Терехину создать команды для американского футбола.

Спустя пару недель, еще одна площадка была расчищена от снега. Две смешанные команды, включая и темнокожих матросов в солдатских касках и самодельной защите, сошлись в борьбе.

- Молодец, Виктор! Уж лучше пусть дурь выбивают из себя таким способом. – Похвалил Татарчук Терехина, глядя, как молодежь самозабвенно предается игре. – Все меньше в голове мыслей дурацких будет.

- Спасибо, командир. Но это временная мера. Игры их отвлекут ненадолго, а потом все равно придется что-то предпринимать для поиска людей.

- Естественно, Виктор. Что-нибудь уже придумал?

- Как только сойдет лёд, попробую взять нескольких парней и пройтись вдоль побережья острова. Хочу найти что-нибудь подходящее, для того, чтобы попасть на материк.

- Например, корабль что-ли? – Удивился Татарчук.

- Нет, корабль вряд ли нам нужен. Шлюпку или лодку, такую чтоб на пару десятков человек. – Ответил Терехин. – А еще, у меня есть идея, отправится в сторону Полярного Урала, и там на каждой высокой вершине установить передатчик, чтобы люди, которые доберутся до них, могли посигналить нам, чтобы мы за ними приехали.

- Не знаю, ты вообще представляешь, как это реализовать технически?

- Что-нибудь придумаем. У нас половина офицеров инженеры, пусть напрягут мозги. Если бы нам удалось найти подходящее место в горах, можно было бы сделать там небольшой сезонный поселок, который занимался тем, что искал людей по окрестностям и устанавливал метки, для тех, кто случайно наткнется на них, чтобы они все направлялись к нам.

- Виктор, вот ты и нашел себе занятие в новой жизни. Подбирай себе команду, готовь ее, как только откроется вода, принимайтесь за дело.

Зимние дни незаметно летели в однообразных заботах. Метели сменялись морозами, морозы мягкими спокойными днями и так по кругу. Небо светлело и казалось, еще чуть-чуть и сквозь облака проглянет открытое солнце. Но этого не происходило. Падающий снег до сих пор включал вкрапления атмосферного мусора, не позволявшего солнцу осветить землю прямыми лучами.

Жизнь в Черной пещере шла своим чередом. Егор с Матвеем еще два раза наведывались на склад, чтобы забрать оттуда все припасы. Тамара дала согласие забрать все, так как считала, что со временем, когда они встретят людей, алкоголь может стать отличной валютой.

Горбуновы справили Новый Год как положено. Тамара украсила уютный домик гирляндами, вырезанными из различного подходящего мусора, собранного по пещере. Елку смастерила из куска пластиковой трубы и кусков материи, оставшейся после подгонки роб. Детям Дед Мороз принес подарки под елку. Все те же шоколадные батончики и лимонад, а родителям он положил кое-что покрепче.

Егор попробовал питаться летучими мышами, вместо осточертевшей крысятины. Водившиеся в пещере выше летучие мыши по вкусу Горбуновым совсем не пришлись, и мяса на этих крохотных животных почти не было. Поэтому новогоднее меню состояло из того же мяса крыс, приготовленного разными способами. Жареное, копченое, вареное с водорослями. Лед, становившийся все толще, затруднял добычу водорослей. Тем не менее, благодаря настойчивости и большому количеству свободного времени, голодными Горбуновы не оставались.

В один из дней неожиданно повеяло весной. Задул теплый влажный южный ветер, и солнце стало светить совсем не по-зимнему. На южных склонах снег покрылся корочкой, пополз в стороны от нагревающихся на солнце камней. Зачастили короткие, но обильные снегопады из мокрого снега. Перед входом в Черную пещеру выстроились снеговики, теряющие осанку с каждым теплым днем.

К этому времени Горбуновы уже не задавались вопросом, когда все закончится. Сознание полностью восприняло новую реальность. Пришло понимание, что все только начинается. Егору взбрело на ум сходить на то место, где он обнаружил странный водораздел. Думая о нем, чувствовал непонятную тревогу, которая червоточинкой заставила его принять решение отправиться в экспедицию.

С собой Егор взял сына. Матвей настолько вжился в новый мир, что отцу казалось, будто его сын был рожден в новом мире. В своем путешествии они дополняли друг друга. Егор являлся силой, а Матвей – смекалкой.

Нападавшие за зиму сугробы под теплыми ветрами присели и уплотнились. Идти на лыжах стало легче обычного. По примерным подсчетам Егора до природного феномена было не менее двухсот километров. Это четыре дня в одну сторону. Шли налегке. За плечами висели только рюкзаки с запасами еды, палаткой и оборудованием для добычи природного газа.

Первые два дня шли вдоль гор. Подо льдом здесь находилась стоячая вода, и проблем с ночевками и разогревом еды не было. На третий день ушли влево от гор, и попали туда, где подо льдом прятались течения. Из того, что вода здесь была чистой, никаких газовых пузырей не наблюдалось. Спали в холодных палатках и ели холодную пищу. Открытые пространства льда, идеально ровные и чистые, резко отличались от того, который был возле Черной пещеры. Матвея так и подбивало разгоняться по льду и катиться насколько хватало разгона. В отличие от отца, он будто не терял сил во время перехода.

На исходе четвертого дня впереди показалась плотина. Более зоркий Матвей заметил необычную структуру раньше и не мог поверить в ее размеры. Темная полоса протянулась во весь горизонт.

- Я тоже не мог в это поверить сначала. Как-то нереально она выглядела, рукотворно. Но потом, подумал и решил, что препятствие в каком-то месте запустило цепную реакцию. Мусор стал цепляться друг за друга и в итоге скатался в такую «колбаску», которая разделила воду на два уровня. – Предложил Егор свою гипотезу появления водораздела.

Вблизи, плотина впечатляла еще больше. Даже сильнее, чем осенью. Струи воды пробивались сквозь трещины во льду, замерзали и образовывали вертикальные ряды ледяных колонн. Они образовались по всей длине водораздела, разных форм и размеров. Егор и Матвей встали прямо под плотиной, задрав головы вверх. С такого ракурса ощущалась вся монументальность и грандиозность природного объекта и собственная ничтожность в сравнении с ним.

- Я жалею, что не взял телефон. Мама и Катюха должны это видеть. – Произнес Матвей с придыханием, не отрывая взгляда от величественных ледяных стен.

- А представь, как будет выглядеть ледоход в этом месте? Гигантские куски льда станут налезать на край, падать вниз, освобожденная вода устремиться вниз по течению…

- А до нас не достанет? – Вдруг испугался Матвей.

- Хм, не думаю. Мы же в стороне от течения. Хотя масштабов я не представляю. – Отец замолчал на время. – Ты зародил во мне сомнения. Нам надо будет что-то предусмотреть на случай поднятия воды.

Егор посмотрел на барьер другими глазами, не как на природный феномен, а как на источник опасности. Силища, аккумулировавшаяся за барьером, могла быть настолько разрушительной, что вызывала суеверный страх.

- Пойдем наверх, посмотрим, что там, за плотиной.

Они поднялись на гору, и перешли водораздел. Это был тот же мир, только на пару десятков метров выше. Погода благоприятствовала, и мужчины решили сделать вылазку вглубь неисследованной территории.

Вначале, они шли по горе, затем спустились и снова стали на лыжи. Вода у самого барьера была неспокойной, местами не замерзла, образовывая полыньи. Над ними поднималась испарина, растворяясь в морозном воздухе и выпадая ажурным инеем на льду. Водовороты у самой границы водораздела, замерзали, намывая лед слоями, один поверх другого, отчего поверхность в этих местах была неровной и неудобной для лыжников. Лишь в полукилометре от плотны удалось набрать нормальный ход. Чем дальше они уходили от водораздела, тем больше убеждались, что отличий между двумя уровнями нет никаких. На севере и востоке виднелись горные вершины. На запад, только серая снежная пустыня. Матвей пытался найти газовый пузырь, но бесполезно. Весь лед под ногами был одного цвета, полупрозрачный, открывающий вид на одинаковую черную бездну.

- Просто здесь еще не пришло время. Как только основная вода сойдет, наступит некоторый застой, и здесь тоже начнутся процессы разложения органики, что и у нас. Скоро весь мир превратится в болото производящее метан и сероводород. – Предположил Егор.

- И углекислый газ. – Добавил Матвей.

- Наверно.

- А знаешь, что я думаю об этом? – Интригующе спросил он у отца.

- Что же?

- Что на Земле скоро наступит парниковый климат.

- Я думал наоборот, что-то типа ядерной зимы. Сейчас апрель, а мы только почувствовали первое потепление. В этом году лед растает не раньше начала июня, а осень начнется в конце июля, начале августа.

- Может и так, но все будет зависеть от того, как скоро очистится небо от пыли. Как только солнце начнет припекать и нагревать черные водоемы, процесс газообразования ускорится геометрически.

- Я хотел бы с тобой поспорить, но ты частенько оказываешься правым в таких делах.

- Потому что тут жизненный опыт не имеет значения. А сложить несколько очевидных фактов в одну кучу не так-то сложно.

- Ну, и каков, по-твоему, дальнейший план наших действий?

- Нам надо переселяться на север. Каждую зиму переходить на несколько сот километров севернее. Я думаю, что лет через пять у Черной пещеры образуются невыносимые условия жизни для нас.

- Посмотрим. А я собрался огородик развести, земли с Верблюда навозить, обжиться, как следует.

- Ну, это теория. К тому же время у нас есть проследить тенденции.

- Мудёр не по годам. Вот что с людьми жизнь без интернета делает. – Егор потрепал сына по отросшей шевелюре. Он по-отцовски гордился его рассуждениями.

Незаметно, за разговорами о будущем, они достигли скалы поднимающейся над уровнем льда не менее чем на тридцать метров. Обошли ее вокруг и не заметили ничего примечательного.

- Пожалуй, дальше можно и не ехать. Давай, отдохнем здесь и повернем обратно? – Предложил отец Матвею.

Сын согласился. Они подъехали к скале с подветренной стороны, сбросили лыжи и забрались на камни. Теплое солнце пригрело их. Между выступами скалы ветра не было совсем, и неподвижный воздух прогрелся до плюсовых температур. В этом месте пахло весной

намного отчетливее. Отец вынул из своего рюкзака нехитрую снедь. После перехода отнимающего силы любая еда казалась вкуснее.

Егор почувствовал, как тепло и еда начали клонить его в сон. В природе все было так безмятежно и тихо, что ему захотелось забыться спокойным сном.

- Я, пожалуй, вздремну немного. – Доложил он сыну.

- Ладно, поспи, а я пока полазаю по скале.

Егор лег между камней и тут же провалился в глубокий сон. Матвей встряхнулся, чтобы не поддаться такому же желанию уснуть. Вначале, он немного походил по льду, обстукивая его в надежде нащупать газовый пузырь, затем бросил это бесполезное занятие и забрался на скалу.

Ветер не пощадил ее. Повсюду виднелись следы ударов, выщербившие скалу. Их как будто расстреливали из танковых болванок в упор. В тоже время острых граней у камней не было. Пескоструй выровнял и зализал все углы и неровности, состарив их на тысячи лет.

Матвей перебрался через вершину на подветренную сторону. Здесь следов разрушения было гораздо меньше. Для него скалолазание стало настолько привычным занятием, что он не задумываясь перепрыгивал с камня на камень, даже на таких высотах, от которых раньше у него кружилась голова.

Матвей прыгнул на выступ, но немного не рассчитал сил и чуть не свалился с него, после приземления. Он крепко ухватился руками за камни и подтянулся. Прямо перед ним из щели между камнями, выглядывал кусок прозрачной пленки, в которую было что-то завернуто. Егор потянул за край, и ему в руки вывалилась записная книжка. Сгорая от любопытства, бережно открыл ее.

На первой странице, ровным почерком были расписаны какие-то мероприятия и напоминалки. Матвей быстро перелистал страницы, пока не наткнулся на место, где была крупно написана дата начала катастрофы. Он жадно впился глазами в текст под ней:

«Меня зовут Гуфаров Ринат. Я и еще пятеро моих коллег прячемся в небольшой пещерке от урагана. Нас было двенадцать, но шестеро пропали почти в самом начале невозможного ветра. Мы думаем, что они уже погибли. Ураган дует с чудовищной силой и нам кажется, что с природой что-то не так. Прямо перед входом в пещеру упал камень и

разлетелся на куски, как от взрыва. Грохот был соответствующий. Сергею пробило ногу в двух сантиметрах от…, впрочем, пронесло. Он лежит и стонет. Мы все ждем конца урагана или света, как получится».

Матвей пробежался взглядом по следующим страницам. Там была описана паника, охватившая людей, когда в пещеру пошла грязь. Описаны были истерики и дрязги товарищей, и их попытки сопротивляться стихии. В отличие от Черной пещеры, тоннелей в этой не было, и люди реально боялись захлебнуться в жиже. К счастью в пещере имелся уклон, и жижа поднималась только до определенного уровня.

«Ураган, который уже казался, будет всегда, наконец, закончился. Мы вышли на улицу и не узнаем мир. Кругом черная вода, голые скалы и коричневое небо, висящее над самой головой. Мы думаем, что миру пришел конец. Как выбираться со скалы, мы не знаем, да и стоит ли. Я считаю, что выживших, подобных нам, единицы, остальные теперь покоятся под толщей черной соленой воды.»

Записи вскоре заканчивались. Их концовка удивили Матвея.

«Вода внезапно опустилась метров на пять. На горизонте показалась черная полоса. Она приближается и она похожа на высокую волну. Мы с товарищами поднимаемся на самую вершину, надеясь, что там вода не достанет нас. Теперь я отчетливо вижу, что это огромная волна, подобная цунами. У меня нет времени, я прячу книжку в расщелину и бегу наверх. Если вы читаете эти строки, значит, нам не повезло»

Матвей представил, как волна, несущая перед собой весь мусор, собранный по дороге, налетает на скалу и сметает с нее всех шестерых человек, сумевших чудом спастись от урагана. Если бы товарищи укрылись южнее барьера, то могли бы выжить, так как это цунами потеряло силу всего в нескольких километрах отсюда.

Матвей сунул находку под куртку и поспешил к отцу. Егор проснулся от шума, который производил Матвей.

- На, почитай. – Сын с ходу, ничего не объясняя, сунул найденную записную книжку отцу в руки.

Егор заинтересованно пробежался по страницам.

- Где нашел?

- На той стороне, в расщелине.

- А пещеру нашел?

- Нет. Даже и не догадался.

- Пошли.

Отец попрыгал на месте, постучал себя по щекам, сделал пять приседаний. Через гору они не полезли, решив обогнуть ее по ровному льду.

Внимательно разглядывая скалу, они заметили инородное по цвету место на ней. Этим местом оказался вход в пещеру. В сравнении с размерами Черной пещеры это убежище можно было назвать пещеркой. Большую часть ее и без того маленького пространства съедала замерзшая грязь. Ничего интересного от тех шестерых товарищей в пещере не осталось. От благодарного человечества виднелись только легкомысленные росписи по стенам.

- Хоть что-нибудь бы осталось, помянули бы их этим. – Посокрушался Егор, надеявшийся поживиться имуществом погибших людей.

- Только книжка осталась. – Сказал Матвей.

- Последняя бумажная книжка. – Печально произнес отец. – Остальные будут на бересте.

- И глине, и росписи по стенам пещер.

- Про охоту на саблезубых лягушек.

Матвей хихикнул, представив себе больших саблезубых земноводных.

- Пап? – Матвей вдруг спросил серьезно.

- Что?

- А нам ведь теперь не обязательно носить фамилию Горбуновы? Теперь паспортов нет.

- А с чего это ты вдруг стал стесняться нашей фамилии? – Егор живо представил, как одноклассники дразнили сына. – И какую же ты хочешь фамилию? Иванов? Кутузов? Наполеонов?

- Сколиозов. Это почти как Горбунов, но благороднее.

Егор на секунду впал в ступор, не понимая, как отреагировать на слова сына. Матвей заметил это.

- Да пошутил я! – Сын хлопнул отца по спине. – Ты бы еще на Остеохондрозова повелся?

- Ты меня провел. Я подумал, что ты серьезно стесняешься нашей фамилии.

- Да, брось. Ной же не стеснялся, что его зовут как коньяк.

- Да кого там было стесняться? Он же только тварей спас. Ладно, Сколиозов, пора возвращаться назад, иначе, наши дамы начнут беспокоиться.

Перебираясь по горе через барьер, Егор еще раз убедился в том, какая сила аккумулируется подо льдом. Вода своим давлением ломала лед, выбиваясь наружу фонтанами. Они снова замерзали на морозе, наслаиваясь поверх старого льда, делая плотину еще выше. Егор представил время, когда лед тронется. Ледяное крошево, несомое волной освободившейся воды, сметет все на своем пути. Вопрос был в том, насколько широко пойдет ее фронт и достанет ли он до Черной пещеры?

- Когда тепло устаканится, придется устроить постоянное дежурство на горе, чтобы не проспать наводнение. – Решил Егор.

Игорь хотел понять, каким будет весенний разлив. В прежние времена, вешние воды питали реки и те выходили из берегов. Собственно разлив был опасен тем, кто жил возле рек. По новым правилам разлива быть не должно вовсе. Русла больше не существовали, лед и снег в его представлении должен медленно и равномерно стаять, оставив уровень воды на том же уровне. Жидкие ручьи с гор были не в счет. На острове, где обосновались Игорь и Джейн, снег сошел гораздо раньше, чем он начал таять на поверхности воды. У них даже не было ручьев. Нагреваясь от камней, снег медленно таял, образуя сосульки над скалистым навесом домика.

Игорь был уверен на девяносто девять процентов, что бояться весеннего половодья не стоит, но подтащил посадочный модуль поближе к дому. Возможно один процент, а возможно и интуиция заставили сделать его это. Модуль ассоциировался у них с территорией безопасности, как сумка у кенгуру, для ее детеныша.

Пока держался лед, Игорь успел обойти все окрестные острова. По его расчетам он удалялся от дома максимум на пятьдесят километров. Помимо каких-то новых припасов он надеялся встретить следы человека. Но напрасно. Больше таких подарков судьбы, как их свалка, или живые люди ему не встречались. Их окружал бескрайний коричнево-серый снег, или же черный лед, кое-где проступающий из-под снега, и темные скалы на горизонте. Темный однообразный мертвый мир.

Джейн тяжело переносила одиночество, и каждый раз отпускала Кружалина с тяжелым сердцем. Этот поход на пятьдесят километров был единственным, когда Игорь переночевал в расщелине скалы, облачившись в космический шерстяной костюм и укрывшись парашютной тканью. Ему и самому было тревожно. Всю ночь слышались звуки, природу которых Игорь не смог объяснить. То ли лед трещал, то ли сами скалы, то ли это были атмосферные звуки. По возвращении домой, его ждал плач Джейн, которая не спала всю ночь от страха за себя и Игоря. Было решено больше не испытывать нервы супруги. Следующие вылазки Игорь успевал совершить за один день.

Однажды и Джейн напросилась с ним, но через пару километров она сильно устала и вернулась назад. С тех пор она решила, что ждать мужа это более женское занятие.

К концу апреля лед истончился настолько, что ступать на него можно было с большой опаской. Он продавливался и подозрительно трещал под ногами. Но недостаток дров заставил идти на риск, чтобы добраться до очередного затопленного бревна. Поверхность льда покрылась слоем воды, пробивающейся из трещин, образующихся в местах, где лед проседал под газовыми пузырями. Из-за этого лед становился еще более скользким. Игорь падал в воду бесчисленное количество раз, промокая до нитки. В конце концов, он подцепил простуду и свалился с температурой.

Джейн, к тому времени животик у нее уже хорошо обозначился, взялась за лечение мужа. Игорь провалялся в кровати больше недели. Он пил таблетки, компоты, Джейн не пожалела на него такой деликатес, как кабачковая икра. За это время лед растаял совсем. Свалка напоминала болото, в котором догнивали остатки продуктов человеческой цивилизации.

Как только Игорь почувствовал себя лучше, он сразу встал, чтобы проверить запас дров. На улице дул теплый и влажный ветер. Уровень воды поднялся гораздо выше, чем он предполагал. От порога дома до водяной кромки было метров пять, хотя прежде было не меньше пятнадцати. Игорь прикинул, что по вертикали это было не меньше двух метров. Он прошел к поленнице и был удивлен тем, что там были наколоты новые дрова. Джейн стояла позади и хитро улыбалась.

- Джейн, ну зачем ты напрягалась? Тебе же нельзя.

- А чего ты всю дорогу говорил мне, что мерзнешь. Вот дрова быстро и закончились. Пришлось самой. Но мне не тяжело было, у тебя же все механизировано.

Игорь обнял Джейн и поцеловал ее в ушко.

- А хочешь, я тебе кое-что покажу? – Интригующе спросила Джейн.

- Что?

- Пойдем со мной.

Она взяла Игоря за руку и потянула за собой вдоль кромки воды. Они обошли небольшой выступ и остановились. Из трещины в камнях пробивался росток. Пока еще было не ясно, что это, дерево или кустарник, но один вид его заставлял умиляться. Игорь провел пальцем по изумрудным листочкам, еще не развернувшимся до конца.

- Жизнь найдет способ выжить. – Сказал он.

- Я имя ему дала.

- Какое же?

- Джига. Оно образовано от моего и твоего имени, потому что он ровесник нашим отношениям, а еще это красивый танец.

- Джига, я Игорь, очень приятно. – Игорь сделал вид, что пожал невидимую руку ростку.

- Я подумала, что это очень удивительно давать всему свои имена. Как я придумаю, так это и будет называться. Прямо как классификатор Карл Линней.

- Хоть у меня и нет с собой паспорта, но я хотел бы оставить за собой имя, данное мне с рождения. – Пошутил Игорь.

- Ой, не передергивай, тебя я не собиралась переименовывать. Хочешь, я еще кое-что тебе покажу?

- Ого, я, что болел целый год?

- Нет, просто ты не биолог, замечаешь не то, что я.

Джейн провела Игоря еще немного и показала лужу, оставшуюся после таяния снега в камнях. Вода в ней была мутной, но через муть можно было разглядеть движение в ней.

- Кто там? – Спросил Игорь удивленно, с неким отголоском страха и брезгливости.

Джейн запустила руку в воду. Движение в ней усилилось. Она вынула раскрытую ладонь из воды. В ней трепыхались несколько головастиков.

- Смотри, мы не одиноки на планете. Скоро нам будут петь лягушки. Угадай, что они едят? – Джейн находилась в торжественном состоянии, ее голос дрожал, а глаза блестели, словно она говорила не о головастиках, а о чем-то великом. – В этой луже тьма личинок насекомых!

- Это замечательно Джейн. Теперь нам будет не так одиноко и не так скучно спать.

- Не иронизируй, я серьезно. Это же будет так уютно, слушать по вечерам лягушачий хор. Я бывала у родственников в Висконсине в детстве, они жили возле небольшого заболоченного озера, и мы там, сидя вечером на веранде и попивая чай со сладостями, слушали, как заливаются песнями лягушки. – Джейн задумалась, отправившись за воспоминаниями. – Чудесное было время. Но это еще не все.

- Не может быть? Скажи мне честно, сколько я был без сознания? – Шутя, спросил Игорь.

Джейн закинула в воду металлический тросик, обнаруженный еще в прошлом году на свалке. Один конец его был сильно размахрен и мог поранить руки. Игорь так и не придумал ему применения. Джейн покрутила трос в руках, поводила им из стороны в сторону и потянула к себе. Игорь с любопытством следил за ее действиями. Вместе с тросом из воды потянулись темно-зеленые стебли водорослей. Джейн подтянула их скользкие стебли к себе. Оторвала кусок и протянула Игорю.

- Это водоросли? – Спросил он.

- Ты наблюдательный. Это источник витаминов, которых нам может остро не хватать в связи с неполноценным питанием, а также мощный источник йода. Сегодня я приготовлю тебе новое блюдо, и оно будет из водорослей.

- Скажи, как быстро они размножились? – Удивился Игорь, разглядывая плоский стебель.

- Их, скорее всего, разнесло ветром, и здесь они попали в хорошую среду, вот и размножаются.

- Прям, как мы. – Неуместно сравнил Игорь.

Джейн надула губы.

- Прости, само вылетело.

- Осложнение на голову, после болезни? – Ехидно поинтересовалась она.

- Прости, Джейн, ассоциация сама напросилась.

- Ты дошутишься, диверсант. Я тебя быстро на одни водоросли переведу.

Игорь прижал Джейн к себе и поцеловал.

- Только не это.

Весна всё увереннее входила в свои права. С каждым днем становилось теплее и теплее. У берегов лед отошел и покрылся водой. Природа пробуждалась. Ей не хватало щебета перелетных птиц, карканья грачей, звона бегущих по дорогам ручьев. Новая весна заявляла о себе шумом сероводородных пузырей, выбивающихся из-подо льда, регулярным снего-градо-дождем и теплым ветром, несущим непривычные запахи с юга.

Егор высчитывал момент, когда начать наблюдать за горизонтом, чтобы не пропустить ледоход. Чтобы не жить в постоянной тревоге, они решили перебраться в верхнюю пещеру. Катюшка здорово сопротивлялась этому, потому что была напугана рассказами брата о летучих мышах вампирах, водившихся в той пещере.

Домик переносить не стали. Это было чересчур трудоемко, а Горбуновы не собирались селиться в верхней пещере, надеясь переждать в ней трудное время. Чтобы не потерять имущество в Черной пещере, ее запечатали. Егор заложил вход камнями и замазал щели грязью. Но, как случается во всех нормальных семьях, из Черной пещеры приходилось постоянно что-то доставать, о чем не догадались сразу. Так и проходила весна у Горбуновых, состоящая из перемещений из одной пещеры в другую и бдений на вершине горы.

По календарю, со дня на день, должно было наступить лето. Водоем, наконец, очистился ото льда. Уровень воды поднялся метра на три, но все равно был ниже того, который был прошлым летом. Егор добывал водоросли у самого берега, опасаясь отплывать далеко. В теплых лужах, прогретых рассеянным солнечным светом, появились первые головастики, а скоро должна была появиться и мошкара.

Егору не терпелось отправиться к Верблюду, на котором, наверно, начала пробиваться трава и распускаться почки на деревьях. Мысль о собственном небольшом садике рядом с Черной пещерой, не давала ему покоя. А наводнения все не было. Егор многое бы отдал, только бы увидеть, что творится на том водоразделе. Вполне возможно, что вода подточила плотину в нескольких местах и сошла постепенно, без

катастрофических последствий. Лед мог осыпаться и спокойно отправится себе туда, куда его несли течения, не причиняя вреда. Эта догадка настолько убедила Егора в том, что опасность миновала, что он решил отправиться к Верблюду.

С сыном они решили подстраховаться. Матвея поставили на дежурство. На самой вершине в каменную нишу накидали резаных кусков резины. В случае начала наводнения Матвей должен был залить их горючей жидкостью и зажечь. Отец, заметив дым, поворачивал назад, либо ускорялся и плыл к Верблюду, в зависимости от того, что было ближе. Тамара пыталась отговорить мужа и подождать с недельку, когда точно будет ясно, что наводнение обошло их стороной.

- Лета сейчас короткие. Один день год кормит. Так говорили в старину. Все хорошо будет, нам всегда везет. – Ответил ей на это муж.

Тамара не стала спорить. Ее мужчины за этот год побывали в стольких переделках, что убеждать их быть осторожнее она, «домашний цветок», не имела права. Она научилась жить с волнением, считая, что большую часть человеческой истории женщины испытывали его, отправляя мужей и сыновей на опасные занятия, от охоты до войны.

Егор смазал все механизмы и подтянул все гайки, накачал баллоны и спустил плот на воду. До чего было приятно иметь в помощниках такое полезное устройство. Егор помахал семье и отчалил от берега. Плот набирал скорость. Вода перед ним расступалась, оставляя позади белый бурлящий след.

Матвей выставил зарядное устройство на солнечных батареях на свет. Телефон разрядился, и ему совсем нечем было заняться. Невеселые мысли одолевали его. Чем он будет заниматься, когда телефон окончательно сломается? Не хотелось даже думать о том времени. Было бы здорово вернуться в свой город, найти магазины, торговавшие телефонами и планшетами и попробовать отыскать там работающий экземпляр. Матвей вздохнул. Он знал наверняка, что город их сейчас покрыт толщей воды, и ничего годного там не осталось. Он бережно погладил свой телефон. Открыл галерею, нашел фотографию Юли, провел по экрану пальцем, снова глубоко вздохнул и отключил телефон.

В спину дунул порыв холодного ветра. Матвей подумал, что скоро начнется дождь со снегом или градом. Он поднял голову к небу. Там

все было спокойно. Тяжелые темные облака висели над головой, сохраняя спокойствие. Да и не по времени был дождь. Матвей уже привык к новому расписанию природы и знал, когда и что у нее происходит.

Взгляд его зацепился на непривычный горизонт. Сквозь дымку, снова появившуюся в воздухе, ему показалось, что на горизонте что-то происходит. Матвей присмотрелся внимательнее. Вроде бы все было спокойно. Мальчик обернулся, чтобы увидеть плот с отцом. Тот уже пересек половину водоема. Тогда он присел на камни, обнял колени, уперся на них подбородком и уставился в сторону горизонта. У него имелось задание наблюдать за горизонтом, и он обязан был не пропустить ледоход.

Спустя пять минут, как Матвей принял решение наблюдать, заметил, что горизонт будто движется ему навстречу. Спустя еще минуту он понял, что это никакой не горизонт, а огромная волна, приближающаяся к их горе под углом. Матвей оглянулся и увидел маленькую точку плота, почти достигшую Верблюда. Он залил смесь из бензина и масла в нишу с кусками покрышки и чиркнул зажигалкой. Она выпала из трясущихся рук прямо в жидкость. Матвей вынул ее и крутанул колесико. Кремний не высекал искры.

- Ах, ты ж, давай, гори! – Матвей подул на механизм и потер его об одежду. Одним глазом он смотрел на приближающуюся волну. Она все еще была далеко, чтобы рассмотреть ее в подробностях. Слабые искорки отлетели в сторону. Колесико и кремний все еще были в масле. Матвей снова подул на них изо всех сил, и снова потер об одежду. Раз, два, три. Пламя выскочило из сопла зажигалки. Егор приложил к нему кусочек смоченной в горючей жидкости покрышки. Та сразу занялась огнем. Егор бросил ее в нишу. Пламя занялось и закоптило черным дымом.

Матвей стремглав бросился вниз, чтобы предупредить мать с сестрой.

- Мам! Мам! Катюха! Бегом наверх! Там волна идет!

Мать и сестра услышали его крики раньше, чем он успел добежать до пещеры. Испуганные женщины выбежали наружу. Матвей подбежал к ним и ничего не объясняя, схватил за руку сестру и потянул за собой вверх.

- Отец доплыл? – На ходу спросила мать.

- Почти. – Ответил Матвей.

Над вершиной поднялся черный столб дыма, сносимый ветром в сторону Верблюда. Все трое, изрядно запыхавшись, поднялись на гору. Они замерли в оцепенении, когда увидели водно-ледяной вал, приближающийся к их горе.

Егор насвистывал мелодию, и в самом благодушном расположении духа управлял плотом. Он даже позабыл время от времени бросать взгляд назад, чтобы проверить сигнал опасности. Он не верил уже, что плотина до сих пор стоит, поэтому относился к возможной опасности формально, как бы для порядка и дисциплины. Когда до Верблюда оставалось около пятидесяти метров, он вдруг почувствовал, что вода резко пошла назад от горы. Егор не сразу сообразил, чем могло быть вызвано такое странное поведение. Обернулся назад и замер. Над их горой поднимался черный дым.

Вот тогда он понял всю свою легкомысленность. Налег на педали плота, утягиваемого обратным течением от горы. К счастью оно скоро остановилось и даже повернуло в обратную сторону. В этот миг до него долетел гром. Егор обернулся и увидел, как огромная волна ударилась в их гору. Миллионы тон воды и льда подлетели в воздух и обрушились на нее. Вся округа содрогнулась от такого удара. Вода заколыхалась под плотом. Егор надеялся, что семья оказалась расторопнее его и успела спрятаться.

Матвей, увидев высоту волны, приблизившуюся к горе, успел забежать вместе с женщинами в пещеру одновременно с жутким грохотом. Могучая сила сотрясла гору. Миллионы тонн воды и льда подлетели в воздух и накрыли ее. Они стояли у входа в пещеру и смотрели, как льдины, с грохотом дробясь о камни, пронеслись перед их глазами. Вода могучими потоками текла шумно по склонам. Тамаре было страшно, но не терпелось выбежать на улицу, чтобы увидеть, когда волна накроет гору Верблюд.

Егор еле успел подняться на сотню метров вверх по горе, когда до него дошла волна. Он укрылся между камней в первой попавшейся расщелине. Он смотрел на накатывающую волну открытыми глазами до последнего. Перед тем как удариться в гору, поднявшаяся над ним, как распустившая капюшон кобра, волна на миг замерла, а затем ударила. Егор почувствовал ее ледяное дыхание, зажмурился, уперся руками и ногами в стену и стал ждать.

Ударило с невероятной силой. Егора вдавило в скалу как прессом. Ему показалось, что еще чуть-чуть и его раздавит. От удара в грудь он выдохнул, упустив драгоценный кислород. Вода не схлынула сразу, задержалась, а не дышать с каждой секундой становилось все невыносимее. В глазах калейдоскопом закружились яркие круги, сознание начало терять связь с реальностью. Егор знал, как только оно совсем покинет тело, он сделает непроизвольный вдох и тогда точно погибнет. Ему показалось, что прошла целая вечность, прежде чем вода сошла.

Вдох был похож на спазм. В ушах стучала кровь, картинка перед глазами плыла, как после сильного перепоя. Он минут пять приходил в себя. Сколько раз судьба покушалась на него, а он все живой. Отдышавшись и придя в себя, он вспомнил о семье.

Водоем, между их горой и Верблюдом наполнился крупными и мелкими льдинами. Течение уже начало сносить их к краям. Уровень воды после волны поднялся метров на пять. У Егора отлегло от сердца. Их пещеру не должно было затопить. Огляделся и не увидел своего плота. Наверняка его переломало льдинами и унесло на открытую воду. Та сторона склона горы Верблюд, что приняла удар стихии, была усеяна кусками льда.

Егор перешел на другую сторону горы, осторожно обходя льдины. Как только он перебрался, с обратной стороны горы послышался грохот. Льдины все-таки не смогли пролежать долго на крутом склоне и скатились вниз. Егор поднялся на гору, чтобы посмотреть на это. Западный склон почти очистился. Огромная груда льда качалась у берега, медленно дрейфуя влево, к водопаду.

Как ни всматривался Егор в сторону Черной пещеры, никаких признаков того, что его семья удачно пережила наводнение, он не увидел. Да и как можно было что-то разглядеть с такого расстояния. Егор задумался над тем, как вернуться назад. Все плавательные средства, а это надувной матрац и еще один баллон с грузовика остались в пещере. Если с Матвеем все в порядке, то он непременно отправится искать отца, а если нет. На душе было неспокойно.

Вдруг над Черной пещерой показался столб черного дыма. Его точно не было минуту назад. Егор до слез в глазах пытался разглядеть кого-нибудь из своей семьи на склоне горы, но тщетно. Изо всех сил хотелось верить, что ему дали знак, что с семьей все в порядке. Он

убедил себя в этом, потому что любил свою семью сильнее всего на свете. В дополнение к этой радости, увидел плот, лежащий вверх баллонами метрах в двухстах на склоне ниже вершины.

Не помня себя от радости, Егор кинулся к нему. Немного помятый, с отсутствующими рычагами и сиденьем, с одним порванным баллоном, плот, тем не менее, годился к восстановлению. Десять минут назад он был готов принять любой удар судьбы, но вдруг осознал, что вышел из переделки с гораздо лучшим результатом, чем ему показалось вначале.

Матвей не стал сразу бросаться разбирать вход в пещеру, чтобы достать баллон и отправится на поиски отца. Вместо этого он снова разжег огонь, чтобы предупредить о том, что с ними все хорошо. Мать и сестру он оставил сидеть на горе на всякий случай. Опасался, что может быть вторая волна. И предупредил мать, если она увидит ее, пусть притушит огонь, чтобы знаком ему стало отсутствие дыма на вершине.

Матвей спустил на воду автомобильную камеру и отправился за отцом. Ледяные глыбы, приходилось объезжать стороной как айсберги, поминая всуе несчастный Титаник. Скорость и так не получалось развить, так еще эти препятствия не давали выбрать прямой маршрут. Матвею очень хотелось затемно попасть на Верблюда. Тревога по поводу судьбы отца не давала покоя. Он видел, какой силы была волна, и если отец не успел попасть на гору, то шансов выжить у него не осталось. А если он все-таки достиг горы раньше, то времени поднять плот, у него точно не было. Матвей очень рассчитывал на второй вариант, понимая, что на роль мужчины-добытчика еще не готов.

Матвей затемно причалил к берегу. Руки онемели от непрерывной работы веслом. Достал фонарик на аккумуляторах и помигал светом в сторону Черной пещеры. Мать поддерживала огонь и должна была принять сигнал от Матвея. Свет оттуда замигал, подтверждая, что сигнал сына принят.

- Как добрался? – Рядом неожиданно раздался голос отца.

Матвей чуть не выронил фонарь от неожиданности. Посветил в сторону отца и бросился ему на шею.

- Живой. – Едва сдерживая слезы выдавил он.

- Живой. Куда я денусь? И даже плот почти целый.

Егор пересказал сыну в двух словах о своих приключениях.

- Я тут костерок собрал, одежду просушить да согреться немного, да вот зажечь нечем, тебя ждал.

- Это мы поправим. Заодно мать успокоим, что у тебя все хорошо.

Через минуту, треща дровами, разгорелся костер. Егор подвесил на рогатине куртку и штаны и занес над огнем. От одежды повалил пар.

- Был на той стороне? – Спросил Матвей отца, имея в виду поляну прикрытую хребтом.

- Да, там все зеленеет. Вода не достала до нее. Там сейчас лето начинается. Слышишь?

Егор замолчал и сквозь потрескивания костра до них донесся хор тысяч лягушачьих глоток. Наступил такой момент, который иногда хочется законсервировать в памяти. Костер дарил свет и уют, ночь – тишину, а осознание того, что снова обманул смерть и можешь продолжать жить, радость полноты жизни. Было хорошо, просто хорошо, даже не хотелось говорить, чтобы не спугнуть это приятное чувство.

На следующий день, мужчины загрузили полный плот земли и саженцев. Егор примостился крутить педали, а Матвей сел на носу, править веслом. Порванный баллон сменили на тот, на котором приплыл Егор. Во второй половине дня причалили к дому.

Радость женской половины была неописуемой. Тамара не удержалась и разрыдалась на груди Егора. Матвей и Катя стояли в стороне, смотрели на родителей, испытывая некоторую неловкость за их поведение.

- Если бы вы костер не развели, я бы с ума сошла. Так страшно

как-то. – Глядя на Егора зареванными глазами, произнесла Тамара. – Черти вас вечно надирают пускаться туда, где опасно.

- Ну, все Тамарочка, теперь до следующего лета никаких наводнений не будет. Теперь все будет спокойно. – Егор поцеловал жену в лоб. – А теперь, я бы съел с десяток крыс.

Джейн готовила обед на улице. Когда стало совсем тепло, и можно было больше не топить печь, она решила, что готовить еду на улице будет уместнее. Игорь собрал из камней полукруглую печь, которую назвал тандыром, и вставил в ней чугунную кастрюлю, названную им казаном. Джейн приняла эти названия и тоже использовала их. В этот раз она готовила кашу из ячневой крупы с небольшим количеством

какой-то рыбной консервы. Игорь называл такие блюда, хорошим закусоном для холостяка. Джейн подозревала, что холостяки не заморачиваются над тем, что есть, но их запас провизии заметно оскудел к весне. Не в последнюю очередь по ее вине. Первую половину беременности ей до смерти хотелось съесть то одного, то другого, то всего сразу.

Игорь лазил по свалке, пытаясь добыть из нее еще чего-нибудь годного к использованию. Если применить настоящие понятия о погоде, то день был теплым и ясным, если воспользоваться понятиями из прошлого, то день был теплым и пасмурным. Но в любом случае он не предвещал ничего плохого. Джейн, время от времени, бросала взгляд на мужа, лазающего в воде среди опасных конструкций из железа, камней и прочего. Возможно, поэтому она первой увидела, как на противоположной стороне залива, между двумя островами показалось что-то темное, похожее на низкие грозовые тучи или высокую волну.

- Игорь! Что это там! – Крикнула она мужу, показывая рукой в сторону природного феномена.

Игорь услышал ее. Бросил работу и посмотрел туда, куда указывала Джейн. Он секунду смотрел, а потом со всех ног побежал к берегу.

- Беги к модулю! Скорее! – Крикнул он.

Джейн чуточку помедлила, чтобы оценить угрозу. По всей линии горизонта протянулась темная полоса, здорово напоминающая огромную волну. Джейн со всех ног пустилась к посадочному модулю. Игорь бежал наискосок, продираясь через завалы и постоянно оглядываясь назад. Джейн раньше него забралась на модуль по лесенке, которую нашел на свалке муж. Высунувшись наполовину из люка, ждала, когда добежит Игорь. Волна за его спиной стремительно приближалась. Она уже накрыла собой горы на противоположной стороне долины.

Завалы мусора мешали Игорю развить приличную скорость. Он спотыкался и падал через него. Джейн не на шутку испугалась, что волна настигнет его раньше, чем он добежит. Игорь ступил на твердый берег и прибавил скорости. Стремглав поднялся по лестнице, схватил за руки Джейн и помог ей спуститься внутрь модуля. У мужа из раны на правой руке обильно текла кровь. Он поранился, пока пробирался

по свалке. Игорь не обращал на это внимания. Нырнул за Джейн следом. Нашел в недрах модуля заранее приготовленный из парашютной ткани и жгута клапан для входного люка. Помогая себе матерным словцом, надел его на основание люка.

В это время Джейн, через маленький иллюминатор наблюдала за тем, как темная волна приближалась к их острову.

- Игорь, а модуль выдержит? – Спросила Джейн, ожидая только положительного ответа.

- Конечно, он и не на такое рассчитан. В любом случае, нам только волну выдержать. Если вода пойдет внутрь, выплывай и греби вверх. Не паникуй, не бойся. Нам выдержать первый удар, остальное уже не так опасно. Накинь жилет.

В случае приводнения у космонавтов имелся свой спасательный набор. Игорь одно время хранил их в домике, но потом решил, что в модуле они будут нужнее. Он надел свой жилет после Джейн. Снаружи приближался гул, тяжелый, низкий, тревожный. Джейн смотрела в иллюминатор, и по ее лицу Игорь понял, что пора сгруппироваться. Схватил Джейн со спины, плотно прижав к себе, взявшись под грудью. Ногами уперся в стенки модуля. Джейн сделала то же самое. Модуль качнуло, понесло, а потом со всего маху ударило о скалы и закрутило.

Игорь про себя молился, чтобы крышка модуля выдержала. Он не сводил с нее глаз. Она была не герметичной и из-под нее пошла вода. Модуль еще пару раз приложился к скале. Удары были сильным. Игоря и Джейн бросало из стороны в сторону, но они держались. Безопасная конструкция внутреннего пространства модуля была рассчитана на большие перегрузки. Единственным элементом, не рассчитанным на большие нагрузки, являлась самодельная крышка. Ее, как мембрану, дергало туда-сюда.

На мгновение Игорю стало страшно от мысли, что их модуль застрянет на гребне волны, и их унесет в открытое море. Только он об этом подумал, как модуль еще раз крепко приложился к скале и замер. Игорь подождал несколько секунд. В иллюминаторе появился свет.

- Ты как? – Спросил Игорь Джейн.

- Нормально, только тошнит.

Игорь отстранился от Джейн и увидел ее бледное лицо.

- Ну, всё, дуреха, самое опасное позади. Мы спаслись. Сейчас выберемся наружу и пойдем домой.

Игорь разжал объятья. Только сейчас он понял, как крепко сжимал жену. Двинулся, чтобы посмотреть в иллюминатор. Модуль покачнулся. Опора, на которой они застряли, оказалась неустойчивой. На сегодня приключений больше не хотелось.

- Джейн двинься сюда для противовеса, я в окошко гляну. – Шепотом попросил Игорь.

Джейн подвинулась. Игорь, стараясь не делать резких движений, посмотрел в иллюминатор. Модуль был наклонен в одну сторону, отчего больше половины обзора занимала скала под ними. В оставшуюся открытой часть иллюминатора было видно подножие горы и лед, плавающий у берега.

- Джейн, я подсажу тебя, и ты выберешься первой. Найдешь камень и подложишь его под модуль примерно в этом месте. Хорошо?

Джейн согласно кивнула. Игорь определил положение, в котором модуль сохранял устойчивость. Поднялся и при помощи перочинного ножа срезал крышку.

- Выбирайся на эту сторону, а то покатимся. – Предупредил он жену, подтягивающуюся в проеме модуля.

Он помогал ей до последнего. Увеличившийся животик мешал Джейн быть ловкой. С облегчением услышал, как она скатилась по стенке модуля. Игорь не успел понять, что произошло дальше, он только почувствовал на мгновение знакомую невесомость, а потом удар. Все закружилось, удары стали частыми, затем очень сильный удар и тьма.

Джейн кинулась к покачнувшемуся модулю, но только успела дотронуться до него рукой. Посадочный модуль потерял устойчивость, накренился и, перевалившись через камень, полетел вниз. Джейн вскрикнула и беспомощно уставилась на жуткое зрелище падающего по скалам модуля. Он ударялся о выступы, отлетал от них и ударялся вновь. Модуль сделал несколько сальто, ударившись об очередной выступ, и наглухо засел между двух камней. Ноги у Джейн подкосились. Она безвольно опустилась на мокрые камни, не имея сил спуститься и узнать состояние мужа. Где-то в глубине души появилась отчетливая мысль, Игорь погиб, но она была настолько невероятной, что Джейн отогнала ее от себя.

Волна ушла далеко вперед. Вода, оставшаяся после прохождения цунами, стекала по скалам. Джейн не могла отвести взгляда от

застрявшего в трех метрах от уровня воды, модуля. Ей хотелось встать и пойти туда, но ноги не слушались.

- Игорь! – Крикнула она, очень надеясь, что с ее мужем все хорошо.

Ответа не последовало. Джейн стало страшно, что она осталась одна, просто до паники, до зубного скрежета. Они с Игорем прошли через такое количество опасностей вместе, сплотивших их, подаривших любовь и сделавших супругами. Нет, поверить в то, что Игоря может не стать она не могла.

Эта мысль взбодрила Джейн. Она снова почувствовала, как силы вернулись в ноги. Девушка осторожно спустилась со скалы. Ватные ноги тряслись и норовили подогнуться. Джейн часто отдыхала, и в моменты отдыха звала мужа. Из модуля не доносилось ни звука.

Сильные удары оставили следы на стенках модуля. Спускаемый аппарат плотно вошел между камней. Его выходной люк, под небольшим углом был наклонен в сторону воды. Джейн понимала, что Игорь, скорее всего, без сознания, потому и молчит. Она наступила на обгорелую стенку модуля и проверила его устойчивость. Модуль не шелохнулся. Она встала на корточки и осторожно подползла к люку.

То, во что ей не хотелось верить, случилось. Она сразу поняла, что Игорь мертв. Голова его была рассечена и залита кровью. Кровь залила половину лица. Чистый от нее глаз, безмятежно смотрел на мир не мигая. Джейн свернулась возле люка, как собака на могиле умершего хозяина, и тихо заскулила.

Вынимать из модуля Игоря Джейн не стала. Она засыпала модуль мелким камнями и воткнула в люк крест, на котором выбила имя мужа, даты рождения и смерти. Модуль символически хорошо подходил на роль могилы. Он спас их, но забрал Игоря. Джейн казалось, что мужу будет приятно покоиться в этом привычном для них месте.

Джейн не смирилась с потерей мужа. Для нее он незримо присутствовал рядом всегда. Она разговаривала с ним, советовалась или делилась воспоминания. Джейн не сошла с ума. Она отдавала себе отчет, что мужа нет, но это был способ ее защиты от того вселенского одиночества, в котором она оказалась.

Цунами разрушило дом. Волна не разметала его, а просто вдавила вглубь скалы, приплющив одну стену к другой. Ежедневно, Джейн занималась тем, что восстанавливала его. Она делала это по памяти,

стараясь воспроизвести его в первозданном виде, каким его создал Игорь.

Цунами, при всех своих негативных последствиях, сделало одно полезное дело. Оно подняло свалку и обрушило ее на скалы острова. Теперь поиски полезных вещей был серьезно облегчен. Все лежало, как на ладони, в том числе и стволы деревьев. Джейн вспомнила о том, что пора задуматься о зиме, когда одним утром на камни лег первый иней.

Тамара, не без помощи Кати, ставшей за год намного взрослее и самостоятельнее, поставила тушиться на огонь несколько крысиных тушек с водорослями. Егор осторожно предложил достать из запасов бутылочку, на что Тамара согласилась без лишних разговоров.

Семья обедала на свежем воздухе. Дым костра доносил до них приятный аромат горящей древесины, ветер слабо колыхал над их головой импровизированную крышу, сделанную их куска тента и труб пластикового водопровода. Тамара чувствовала, что сейчас они семья. Настоящая неделимая ячейка общества, целостная и самодостаточная. Она представила, как все вернулось назад, к тому моменту, когда они почти год назад ехали к Черной пещере. Что было бы с ними, если бы не этот ветер? Скорее всего, ничего хорошего.

Тамара вернулась к настоящему моменту, вытряхнув из головы дурацкие мысли. В конце концов, какая разница, как было бы, если…, важно, как есть сейчас. Она посмотрела на довольные мордахи детей, на жующую и немного пьяную физиономию мужа, испытав прилив счастья, какого у нее не было с самого детства.

- Кто-нибудь помнит поселок Каргалинский? – Спросил Егор, по большей части у жены.

- Помню, а что?

- Помнишь, как он высоко находился?

- Егор, я догадываюсь, куда ты клонишь. Ты только день назад чуть не угробился, и снова хочешь попасть в очередную переделку. – Тамара с укоризной посмотрела на мужа.

Егор деланно выпучил глаза.

- Тамар, не ругайся, очень хочется еды раздобыть человеческой, и еще думаю найти семена разные. Помидоры, огурцы, редиску, картошку. Водоросли у меня уже вот где. – Егор провел по шее. – Все будет нормально, не переживай.

- Но Каргалинский отсюда километрах в трехстах? Это же очень далеко?

- Тамар, не трехстах, а в двухстах пятидесяти, и это по дороге, а по прямой еще ближе.

- Егор, я только порадовалась тому, что у нас все хорошо, все живы и здоровы, счастливы.

- Мам? – Вмешался Матвей. – Я с папой согласен. По дороге нам ничего не грозит. А представь, как будет здорово, если у нас будет огород. Представила?

Тамара вздохнула. За нее уже решили, и какое она имела право указывать, где опасно, а где нет, если за все время ни разу не сошла с этой горы.

- Ладно, черт с вами, езжайте куда хотите, только научите меня ловить крыс. Так, на всякий случай.

Подготовка к новому путешествию заняла две недели. За это время Егор восстановил плот и навозил дров на год вперед. Матвей наловил крыс и научил своему искусству мать. Тамара оказалась смышленой и смогла перенять опыт.

Лето подошло к своему пику. Было жарко и душно. Дождь случался ежедневно, как в тропиках в сезон дождей. Часть саженцев с Верблюда прижились, и возле пещеры появилась зелень, радуя своим видом ее жителей. Лягушки тоже размножились в геометрической прогрессии. Каждый вечер округа наполнялась их разнобойным кваканьем. Брачный сезон у земноводных был в самом разгаре. В отсутствии естественных хищников популяция лягушек грозила превратиться в доминирующую. Грязь была для них любимой средой обитания. А неограниченное количество водорослей и мошкары убирали проблему питания. В ближайшем будущем лягушачьи лапки обещали заменить куриные окорочка.

Отчасти, приевшаяся крысятина и лягушатина в гарнире из водорослей, была причиной, побудившей Егора отправиться в далекое путешествие. Кто знает, что могло из продовольствия сохраниться в каких-нибудь складах многочисленных магазинов? Второй причиной стало любопытство. Посмотреть, что сталось с большим поселком, перенесшим страшную катастрофу, было познавательно и интересно.

Оставшиеся пустые пластиковые бутылки Егор пустил на создание прицепа. Ожидая крупную добычу, он решил увеличить

грузоподъемность своего плота. Тамара смотрела на его приготовления и тяжко вздыхала. Ей с Катюшкой придется снова полмесяца провести в одиночестве.

- Зато, всю зиму будем в ус не дуть. – Успокаивал ее Егор. – Обещаю привезти тебе чего-нибудь такого эдакого.

- Цветочка аленького?

- Ну, специи какие-нибудь, масло растительное, может, и сахарком разживемся?

- Да пропало уж все давно, поди?

- Пропало, не пропало, а проверить надо. От этого зависит, стоит ли вообще ходить куда-нибудь или нет. Вот ты хотела бы вернуться и посмотреть, что стало с нашим городом?

Тамара на мгновение задумалась. Ее передернуло.

- Бррр, нет, не хотела бы. Там теперь кладбище неупокоенных душ.

- Как знаешь. По мне, так там огромные запасы продовольствия и вещей, которые могли бы нам пригодиться. И еще немного ностальгии. Хотелось бы посмотреть, что сталось с нашим домом, с городом вообще.

- Странно, Егор, вспомни, до этой катастрофы тебя с места сдвинуть нельзя было. Не пойму даже, как тебе в голову пришло ехать к Черной пещере? А теперь тебе дома не сидится.

- Это потому что мы пришли к истокам. Мужчина – добытчик, женщина – хранительница семейного очага. Мы сейчас находимся в естественном равновесии с окружающим миром и занимаемся тем, чем нам предназначено по божьему определению.

- Чем же?

- Просто живем и не паримся. Давно ты заглядывала в свой гардероб?

- Куда? – Со смехом спросила Тамара.

Она рефлекторно одернула на себе ужасную робу.

- Вот, ты не паришься над тем, что тебе одеть.

- Это потому что не перед кем наряжаться, а если бы нас было больше, то я бы давно себе наряды пошила.

- Ну, хорошо, моя теория верна для небольшого количества людей. Будь сейчас на этой горе несколько мужиков, мне тоже пришлось бы как-то выпендриться перед ними, чтобы не потерять твое внимание.

- Ладно, Егор, езжайте. Верю, что все будет хорошо. От себя и Катюшки прошу, чтобы вы не забывали о нас. Если встретите какую-нибудь одежду в приемлемом состоянии, привозите. Не могу уже в этой робе ходить, жарко и трет везде.

- Хорошо. Какая ты у меня понятливая. – Егор полез к жене с пьяными поцелуйчиками.

Лодка медленно двигалась на холостых оборотах мотора. Сильный туман не позволял разглядеть перед собой путь больше, чем на десять метров. Вчера команда, которую возглавил Виктор Терехин, благополучно вошла на материк. «Пересвет» отбуксировал их к северной оконечности Югорского полуострова. Далее начиналось мелководье, и команда Терехина пустилась в самостоятельное плавание. На первый взгляд разницу между открытым морем и затопленной сушей трудно было заметить. Просто из воды стали чаще попадаться выступающие холмы и появились различные течения, огибающие неровности рельефа.

Команда везла с собой много различного оборудования для того, чтобы облегчить свою жизнь и тем несчастным выжившим, которые повстречают метки, оставленные командой Виктора Терехина.

Обход Новой Земли позволил совершить неожиданные открытия. Вдоль западного побережья на берег было выброшено невероятное количество различных судов. Для того чтобы снять с них все необходимое требовалось большое количество времени. Пока же, все находки были исследованы, занесены в каталог и просто хранились под открытым небом. Для своих целей Виктор нашел целую лодку с исправным мотором. Ее подлатали и проверили на воде. Получив удовлетворительные результаты, решили отправиться на материк.

Туман глушил звуки. Тарахтение работающего мотора тонуло, как в вате. Временами казалось, что туман настолько густой, что создает сопротивление движению лодки. Мотор и действительно работал все натужнее. Виктор перевалился, через борт, чтобы выяснить причины. Темная вода разбегалась желтой пеной от бортов. Виктор зачерпнул воду в ладонь.

На вид грязноватая вода была вполне обычной, только сильно пахла болотом. Этот запах уже некоторое время окутывал лодку.

- Стоп машина! – Приказал Терехин. – Вынимай винт.

Матрос заглушил мотор и поднял из воды винт. К большому удивлению команды на лопасти и вал были намотаны грязно-зеленые водоросли. Они-то и создавали большое усилие для его работы. С винта сняли водоросли, но в воду опускать не стали.

- Дождемся, пока рассеется туман, а то засадим лодку в самом начале нашей благородной кампании. – Предложил Виктор.

Команда согласилась. Никому не хотелось сгинуть неизвестно где.

- Используем вынужденную остановку с пользой. – Предложил Гренц. – Ляжем спать.

- Хорошо. Оставь одного дежурного, пусть кашеварит и посматривает по сторонам.

Гренц выбрал дежурного.

- Смотри в оба, особенно за борт. – Напутствовал он матроса. – Если засядем, тебя первого за борт выбросим.

- Да куда здесь смотреть, товарищ капитан, я вас-то еле различаю в тумане, в том конце лодки? А мне еще готовить.

- Верно говорит боец. – Согласился Терехин. – Посади еще на нос кого-нибудь, пусть дно перед лодкой веслом прощупывает.

Когда все остались при деле, лодка превратилась в настоящий спальный отсек. Храп разносился по округе, утопая в тумане. Солнце, которому с трудом удавалось прогревать землю через плотную облачность, разогнало туман ближе к полудню. Команда зашевелилась и проснулась, не столько от тепла, сколь из-за разносившегося запаха приготовленной еды.

Дымка от тумана все равно не позволяла различать далеко вперед, но того, что было видно, хватало заметить, чем отличается открытое море от затопленной суши. Водная поверхность здесь была темнее и гораздо спокойнее. Кое-где из воды выступали скопления водорослей, блестевшие на дневном свету. Да и запах был другим. Морской свежестью здесь, как говорится, и не пахло.

Терехину и в голову не могло прийти, что разница будет настолько сильной. Из-за водорослей экспедиция могла здорово отстать от графика. Использование мотора выглядело нецелесообразным. Его запросто можно было угробить в непроходимых водорослях. Хорошо, что они предусмотрительно взяли с собой весла, предполагая, что те могут пригодиться, если закончится топливо. Теперь команде

предстояло показать, насколько они развиты физически и слаженны в работе.

То ли позавтракав, то ли уже пообедав, команда села на весла, за исключением двух матросов, бодрствоваших раньше раньше.

- Иии, раз! Иии, раз! – Виктор давал отмашку, чтобы команда не махала веслами вразнобой.

- Как рабы, на галерах. – Заметил Гренц, вытирая пот со лба.

- Что-то я надсмотрщиков не вижу. У нас все добровольно, а не по принуждению. Не хочешь грести со всеми, вот тебе ложка, вот тебе свисток, плыви самостоятельно. – Ответил шуткой Терехин.

Команда прыснула от смеха. С непривычки грести веслами оказалось действительно тяжело. На первом привале у всех появился тремор в руках, а мышцы сделались ватными. Уставшая команда взмолилась о продолжении отдыха. Терехин вынул старую бумажную карту, на которой пунктиром были отмечен маршрут с указателями предполагаемых суточных переходов.

- Парни, мы и так немного задержались в тумане. Если мы еще будем отдыхать каждые два часа, то у нас все лето уйдет на то, чтобы добраться до цели. – Попытался он вразумить команду.

- Давай, командир поделимся пополам, и будем грести по очереди. Одна половина десять минут, потом вторая. Скорость будет меньше, но хоть уставать не так быстро будем?

Терехин признал предложение подходящим. Лодка снова тронулась в путь. Во время своего отдыха, Терехин сверялся по компасу и по карте. Всматривался в горизонт, надеясь разглядеть ориентиры, указанные на карте. До ночи так ничего и не появилось. Заночевали на открытой воде. Виктор объявил ночевку. Команда с огромным облегчением бросила весла, и наскоро поужинав, тут же отключилась.

Терехин не смог уснуть сразу. Долго вслушивался в звуки ночи. Было слышно только, как вода лениво плескалась за бортом, да команда храпела на разные лады. Храп тоже можно было считать звуками ночи, но они немного диссонировали с замершей и бесшумной природой. Сон сморил командира экспедиции. Сквозь обрывки ускользающего сознания до него донесся комариный писк.

На следующее утро вся команда проснулась со следами комариных укусов на открытых частях тела. Утомившиеся люди не

смогли проснуться, чтобы отогнать кровососущую живность. Лица, шеи и ладони у большинства сделались похожими на бубоны, симптомы бубонной чумы.

- Чувствуется, что к земле подплываем. – Предположил один из матросов.

Действительно, когда разошелся туман, справа показалась вершина.

- Хребет Пай-Хой. – Пояснил команде Терехин. – Любопытно, что с вечера его видно не было.

Он сунул весло в воду. Вода перед ним немного забурлила, обтекая препятствие.

- Поздравляю, течение сделало за вас работу. – Сказал он, забирая весло назад в лодку.

Веснушчатый матрос перегнулся через борт и поплескался ладонью, поднес ее к носу и понюхал.

- Вода здесь чистая, не пахнет. Смотрите, и водорослей не видно.

К радости всей команды винт снова опустили в воду, и лодка, затарахтев мотором, стремительно отправилась к цели своей миссии. По пути чистая вода еще несколько раз чередовалась стоячей. Тогда приходилось снова налегать на весла. К исходу третьих суток на горизонте показались первые отроги начинающихся Уральских гор. Переночевали у самого подножия первой крупной вершины, боясь во тьме ступить на берег.

Когда рассвело, нашли удобную бухту и пристали к скалистому берегу. Команда разбрелась по скале, с удовольствием ощущая твердую землю под ногами. Виктор Терехин сразу обратил внимание, что на скале полностью отсутствует всякая растительность. Мало того, скалы были словно отполированы. Не было видно ни осыпающегося столетие за столетием щебня, ни даже булыжников. На стенах скалы повсюду присутствовали следы ударов и оставленные ими воронки. На Новой Земле тоже было много скал, но они сохранили свой привычный доапокалиптический вид.

- Виктор, обрати внимание, какой силы здесь был ветер. – Терехин указал Гренцу на воронки в камнях. – Как будто снарядами выбило.

- Охренеть можно! – Гренц провел ладонью по внутренней стенке выемки. – В голове не укладывается. Я сейчас понимаю, как наивно было надеяться на то, что кто-то мог выжить в городах или деревнях.

- Это получается, наветренная сторона была. Интересно обойти и посмотреть, что сталось с подветренной стороной?

Терехин с Гренцом отдали распоряжение обследовать гору, чтобы выяснить, где удобнее расположить на ней передатчик, а сами, по подножию горы, отправились обследовать нетронутою ураганом восточную часть.

Основание горы оказалось намного длиннее, чем они себе представляли. На протяжении всего пути они замечали, как менялся вид горы. Стали появляться осыпи щебня, смешанные с грязью. Выщербленных ямок в скалах стало гораздо меньше. Чем ближе они подходили к восточному склону, тем разительнее становились перемены.

В воздухе появились стайки гудящей мошкары, лезущие в глаза, рот и уши. Возможно, они, таким образом, выражали свою радость по поводу того, что еще кто-то, кроме них, смог выжить. Стали чаще появляться каменные обвалы, преграждающие дорогу. В некоторых местах на пути повстречались большие лужи черной жижи, над которыми висели облака мошкары. Лужи, нагревающиеся под слабыми лучами солнца, превратились в фабрики по производству мошкары. Терехин и Гренц держались от них подальше.

Наконец, в самых укромных местах, там, куда не добрался ветер и вызванные им камнепады, нашлись кусты зеленых растений. Мужчины не поленились и поднялись к одному из таких мест. Под нависшей скалой образовался небольшой оазис зелени. Растительность в нем выглядела чахлой и больной. Сказывалась нехватка света и тепла, а так же перенесенные лишения во время катастрофы.

В этом местечке почти не было движения воздуха, и запах зелени концентрировался, вызывая приятное головокружение и наслаждение ароматами.

- Не все потеряно, командир. – Заметил Гренц. – Растения выжили, значит и люди выжили.

- Я тоже об этом подумал, когда кусты увидел. Я даже загадал перед этим, что если с подветренной стороны что-то осталось от растений, значит и люди остались.

Вскоре команда доложила, что нашла небольшую пещерку, в которой можно спрятать передатчик, провиант и немного лекарств, на

всякий случай. На самую вершину водрузили красную тряпку на коротком флагштоке. Отсюда она была заметна со всех сторон.

Глава 9

Глава 9

Это был первый настоящий выезд на «большую воду» в этом году. Жара спровоцировала более интенсивный рост водорослей и там, где была стоячая вода, они основательно мешали движению плота. Матвею приходилось стоять на носу и разгребать водоросли в тех местах, где их было особенно много. Из-за них в первые два дня путь проделали гораздо меньший, чем рассчитывали.

На третий день, когда почувствовалось начало течения, водоросли стали пропадать с каждым пройденным метром. Поселок Каргалинский находился северо-западнее Черной пещеры. Егору хотелось, чтобы он находился перед линией водораздела. Так бы им не пришлось тащить через нее плот на себе. К тому же с большей вероятностью можно было надеяться, что поселок до водораздела мог находиться выше уровня воды.

Горы давно скрылись на горизонте. Вокруг, куда ни глянь, раскинулась бескрайняя водная гладь, подрагивающая рябью под легким ветерком. Чтобы ночевать на плоту Егор соорудил якорь. Каменюка, примерно в пуд весом, похожая на восьмерку, была охвачена в перешейке верёвкой. Самодельный якорь свободно удерживал плот на одном месте, даже при нормальном течении. Длина веревки составляла тридцать метров. В половине случаев якорь не доставал дна, и от осознания глубины становилось не по себе.

Иногда посреди нового океана из воды выступали участки суши. Вершины холмов промыло бесконечными дождями и недавним наводнением от грязи, что делало возможным стоянку на них.

- А ты знаешь, пап, что из песчаника можно было бы сложить жилище? – Произнес Матвей, разглядывая очередной необитаемый остров.

- Это как же?

- Песчаник легко поддается обработке. Можно было бы напилить из него кирпичей и сложить дом.

- Хорошо, как только соберемся строить дом, непременно воспользуемся твоим советом. – Егор верил, что Матвей в плане

хозяйственности переплюнет его в будущем.

Можно было рассчитывать на то, что в старости они не останутся с Тамарой на руках у повзрослевших, но не самостоятельных детей.

- Так, кум Тыква, покрути педали немного, а то я ног не чувствую. Держи курс вон на тот островок. – Попросил Егор сына.

Матвей пересел за педали, а Егор сел на край плота. Разулся и опустил натруженные ноги в прохладную забортную воду. Это была нега. Вода массировала и охлаждала ноги. Вдруг, его тела что-то коснулось. Егору даже показалось, что не задело, а попыталось дотронуться. Он чертыхнулся и испуганно выдернул ноги из воды.

- Что случилось? – Удивился сын.

- Меня, кажется, кто-то пытался за ногу цапнуть? – Ответил отец, пытаясь разглядеть в темной воде того, кто его напугал.

- Да ладно тебе, кто выживет в этой воде? Палка, наверное, проплывала.

- Да, не похоже на палку. – Егор сел на плот и внимательно осмотрел ногу, участвующую в контакте.

Осмотр ничего не дал.

- Ну не палка, может, покойник проплывал. – Предположил сын.

- Тьфу! Типун тебе на язык.

- Шучу, пап. Не обращай внимания.

Несмотря на подколки сына, Егор остался при своем мнении. Сколько раз в детстве с товарищами они забредали по камышам, и сколько раз ему в ноги стукались напуганные рыбы. Прямо, как сейчас.

- А чего бы им не быть тут? Еды всякой – море. Может быть, они мигрировали из Северного Ледовитого океана вместе с течением. Представь, как было бы здорово, еще один источник питания. И никакого Рыбнадзора. Хоть сетью лови, хоть электроудочкой.

- Да, я бы поел жареной рыбы, да еще с лучком. А чем ловить-то ее? У нас и снастей нет никаких.

Егор задумался.

- Веревка тонкая есть, можно попробовать «телевизор» смастерить. Можно гарпун сделать и ночью с фонариком охотиться.

- А я читал в хрониках, что до революции зимой на реках люди ловили рыбу в лунках. Специально прорубали их, и рыба, идущая на кислород, прямо кишела в них, и ее собирали голыми руками.

- Посмотрим. – Егор присел на колени у борта и уставился в воду.

Он сунул руку и потряс ею в воде и с криком выдернул назад. Следом за рукой, по воде шлепнул серебристый рыбий хвост. Матвей тоже успел заметить его немаленький размер. Отец, подвывая, дул на палец, сделавшийся красным от крови.

- Убедился? – С досадой в голосе спросил отец, будто это Матвей цапнул его за палец.

- Убедился. Сильно болит?

- Пустяк. Сейчас водкой протру, чтоб заразу не занесло.

Егор достал аптечку. В ней всегда лежала дежурная бутылка водки для санитарных нужд. Плеснул на палец и сделал большой глоток из горлышка.

- Это для анестезии и дезинфекции изнутри.

- Покажи палец. – Попросил Матвей.

Егор показал палец, сочащийся кровью из мелких ранок.

- Поздравляю, наше меню можно будет разнообразить рыбой, богатой полиненасыщенными жирами и фосфором. – Глубокомысленно заключил он.

- Осталось только изловить.

- Думаю, с этим проблем не будет. Рыбина на руку бросается, как на приманку. Эта, похоже, была хищной. Я думаю, что они пришли следом за травоядной, или как там их правильно называют? Хотя, какая разница, наука умерла, и мы сами вправе придумывать названия всему. Пусть будут два класса рыб, водорослеядные и хищные.

- А ты заметил, какой у этой рыбы хвост был?

- Успел, здоровый

- Здоровый? Да в рыбине килограмм пятнадцать, не меньше.

- Прекрати, у меня слюни текут и желудок сводит. Я бы сейчас такую рыбу один съел и косточкой не подавился. Может, перекусим?

Весь оставшийся день Егор придумывал, из чего сделать снасть для ловли рыбы. Из имеющегося на борту инструмента ничего стоящего собрать не получалось. Егор пытался подманить рыбу небольшими кусочками крысятины, чтобы оглушить ее веслом. В итоге у рыбы получилось молниеносно и безнаказанно утащить подкормку. Удары веслом каждый раз приходились по пустому месту.

- Шустрая, сволочь. – Негодовал Егор. – Ужин мой сожрала. Вернешь в десятикратном размере! – Крикнул он в воду.

Ответом ему было молчание.

На пятый день путешествия Егор принялся сосредоточенно искать приметы, по которым можно было бы определить местоположение поселка. Торчащие из воды островки не давали полного представления о том, где находится Каргалинский. Самым явным признаком могли стать высоченные отвалы переработанной породы, из которой добывали медь. И то, если их не смело ветром.

Сильно не хватало бинокля. Иногда, из-за долгого и напряженного всматривания в горизонт, начинали чудиться горы, холмы и даже дома. Если подумать про корабль, вполне можно было увидеть и его. Егор старался выдерживать направление на северо-запад. Шанс, промахнуться мимо поселка был велик, поэтому Егор пытался соотнести все приметы, встречающиеся ему на пути, с теми, что он знал до катастрофы.

В это путешествие Егор взял с собой карандаш и листы бумаги, прежде разлинованные квадратиками, с длиной стороны в один сантиметр, соответствуя десяти километрам в действительности. Сейчас, лист бумаги пестрел цепочкой холмов, обнаруженных по их маршруту.

На педалях сидел Матвей. Он меланхолично крутил их и водил сонным взглядом по сторонам. Без необходимости чистить колеса от водорослей, работа превращалась в более легкий, но монотонный труд. Матвей уставился на черную точку, выступившую из дымки. Вначале он принял ее за очередной обман зрения. Но чем ближе она становилась, тем натуральнее выглядела.

- Пап, смотри, что там? – Матвей указал рукой вперед.

Егор оторвался от бумаг и посмотрел в направлении, которое указывал сын.

- Не понятно, на мираж не похоже. – Егор привстал и приложил ладонь ко лбу. – Правь на нее.

Чем ближе становилась точка, тем грандиознее она выглядела. Но определенно сказать, что это, пока не получалось. Когда до объекта осталось меньше трехсот метров и отец и сын, ахнули. Перед ними из воды выступал сильно поврежденный корабль. Он лежал на боку, во всю свою исполинскую длину. Несмотря на снесенную с палубы надстройку, в нем можно было опознать океанский лайнер или огромный паром.

Плот, приблизившись к огромной махине, наполовину утопленной в воде, смотрелся как воробей на фоне дома.

- Вот это размерчик! – С придыханием произнес Матвей.

- Даа! Всю жизнь мечтал поплавать на таком. – Согласился впечатленный отец.

Судно сильно повредилось катастрофой. Ветер, возможно, не мог поднять его в воздух и нес по воде. Борта замяло внутрь, а палубу наоборот выдавило наружу. Все, что осталось на палубе, выглядело разбитым и покореженным.

- Полезем? – Матвей, не скрывая азартно блестящих глаз, махнул головой в сторону корабля.

- Опасно, но пройти мимо точно нельзя. Надо будет подстраховаться.

К счастью в поход были взяты тросы и фонарь. Егор обогнул корабль со всех сторон, чтобы найти подходящее место для подъема. В итоге, они с сыном пришли к мнению, что лучше всего подняться со стороны носа, пройти до выбитых иллюминаторов и забраться через них внутрь корабля.

Когда-то белые борта лайнера, были покрыты ржавчиной и напоминали лунную поверхность, испещренную ударами метеоритов и астероидов. Наружный осмотр показал, что помещения внутри затянуло грязью. Егор выбрал каюту, показавшуюся ему наиболее безопасной. Привязал Матвея тросом и спустил через иллюминатор внутрь помещения.

В каюте было душно и воняло затхлым. Смешанное с грязью имущество лежало на стене, в которой находилась дверь в коридор. Матвей принялся разбирать его, чтобы освободить выход. Кровати и столы, смешанные с грязью и постелью, создали трудно разбираемый хаос. Матвей от досады пнул кучу, и она с шумом ушла вниз, провалившись в дверной проем. Дверь, как оказалось, была открыта.

Матвей выглянул в проем и увидел грязный коридор, забитый мусором. Почти во всех каютах по его ряду двери были открыты. В каютах напротив двери завалило грязным мусором, и понять, открыта она или нет, не разобрав его, не представлялось возможным.

- Я спускаюсь ниже. – Предупредил Матвей отца.

Для этого ему нужно было отвязаться от троса.

- Подожди, я с тобой. – Остановил его отец, зная за сыном способность попадать в передряги.

Егор протиснулся в иллюминатор и спустился по тросу, который нашел к чему привязать снаружи.

- С чего начнем? – Спросил сын, глядя в мрачный коридор.

- Предлагаю разобрать завалы, чтобы найти каюту с закрытой дверью. Может быть, там что-то сохранилось в целости. Постель, одеяла, хоть, что-нибудь пригодное в хозяйстве?

Они приступили к разбору завалов. Матвей сразу предложил проверять, открыта дверь или нет, ударяя по куче вороха ногой. Напротив открытой двери куча проминалась, а напротив закрытой нет.

В первой открытой каюте обнаружился полный беспорядок, как и в остальных. Грязи в них было намного меньше, чем в верхних каютах, но сырости, уничтожившей обстановку, столько же. Егор попробовал воду на вкус. Она была почти пресной. Это значило, что вода внутрь судна попадала с дождем. Следовательно, до уровня воды эти каюты еще не доставали.

Они пробили вход в очередную каюту. Свет фонарика выхватил груду переломанной мебели и постельного белья. Егор свесился вниз и потянул за край ткани, показавшейся ему целой. Та, почти без усилий порвалась.

- Не годится. – Посетовал он на состояние вещи. – Давай, пройдемся по коридору вверх. Похоже, здесь мы не найдем ничего полезного. Вода и время сделали свое черное дело.

Егор зацепил тросом Матвея к себе и пустил сына вперед. Местами грязь и мусор сделали коридор настолько узким, что приходилось становиться на четвереньки, чтобы протиснуться по нему.

- Здесь лестница! – Раздался крик Матвея, идущего впереди.

Он дождался, когда отец подберется ближе, чтобы осветить фонарем находку. Лестница соединяла верхние и нижние палубы. Это был не тупик, коридор шел дальше. Егор примерился, чтобы понять, куда идти вниз, а куда вверх, потому что в лежащем на борту судне всё было не так однозначно.

- Куда пойдем? – Спросил отца Матвей.

- Думаю, надо идти вниз. Меня интересуют больше всего хозяйственные каюты, или помещения для персонала. Там, где можно

разжиться чем-нибудь полезным.

Егор забрал фонарь у сына и сам пошел впереди.

- Не подходи близко, будь готов упереться во что-нибудь, если я провалюсь. – Предупредил он сына.

- Хорошо.

Грязная и влажная лестница оказалась чище коридоров. Потоки воды промыли ее, стащив весь мусор вниз. Отец с сыном спустились на уровень ниже. Здесь коридор тоже был захламлен, но не так сильно, как верхний. Двери кают оказались открытыми. Так как на этом уровне каюты были не по борту, в них не оказалось иллюминаторов. Егор отвязал от себя трос и отдал фонарь сыну.

- Посвети мне.

Он подпрыгнул, ухватился за края дверного проема и, сделав выход силой, оказался внутри каюты. Матвей подсвечивал ему снизу.

- Чего там? – Спросил он с нетерпением.

- Грязи почти нет, но все трухлявое. Даже не знаю, чем тут поживиться.

Егор спрыгнул вниз.

- В каютах нам ничего полезного не найти, пошли дальше.

Они прошли до конца коридора, периодически заглядывая в каюты. Но это все были номера, состояние вещей в которых выглядело одинаково ветхим. Дошли до следующей лестницы, миновали ее и добрались до помещения с надписью на латинице «SAUNA».

- Это то, чего мне сейчас очень не хватает. – Мечтательно произнес Егор, почесав раззудевшуюся спину.

Дверь в сауну оказалась запертой. Егор ударил по ней ногой. Поднажал плечом. Дверь не шелохнулась.

- Кажется, она вообще открывается навстречу. – Догадался сын. – А чего нам искать в сауне, кроме тазиков?

- В самом деле. – Согласился отец. – Пошли дальше.

В лодке остался инструмент, при помощи которого можно было вскрыть дверь, но для этого нужна была острая необходимость. Они вернулись к лестнице, которую проигнорировали недавно. Снова спустились вниз на следующую палубу. Здесь тоже были номера, а там где этажом выше была дверь в сауну, здесь находился тупик. В каютах, которые были под ногами, плескалась черная вода. Спускаться ниже уже было смысла.

Тогда Егор с сыном решили проверить коридоры по всей длине судна. Они шли, пока Матвей не заметил на двери каюты, находившейся над их головами, вместо номера надпись «service room».

- Это надо проверить. – Довольно произнес отец. – Ну-ка, отойди.

Отец подпрыгнул и крутанул ручку двери. Они тут же распахнулась под тяжелым весом всего, что на ней держалось. Металлическая столовая утварь чуть не убила Егора. Он еле успел отскочить от града падающих ножей, вилок, тарелок и кастрюль.

- Так, хоть что-то нормальное нашлось на этом корабле. – Обрадовался находке Егор.

- Наконец-то будем, как нормальные французы, лягушек ножом и вилкой есть. – Пошутил Матвей, взяв в руки столовые приборы.

- Уи, месье. Ля кленуль ням, ням, карашо. – Поддержал его шутку отец, поглаживая живот.

- Чего? – Не понял Матвей.

- Да так, французский из школьной программы. Посвети мне, заберусь внутрь.

Каюта, по виду, предназначалась для работников многочисленных баров и ресторанов, располагающихся на борту лайнера. Здесь хранилось все, что, так или иначе, было связано с едой. Начиная с зубочисток и заканчивая трехведерными кастрюлями. Егор рассудил, что такие кастрюли им ни к чему, но маленькие вполне могли сгодиться, как и столовый инструмент, особенно ножи и ложки. Тарелок целых не осталось, потому что все они были сделаны из фарфора или фаянсовые. Зато нашлись несколько сковородок, которые здорово могли пригодиться в хозяйстве.

Все хозяйство хранилось в шкафчиках, сорвавшихся со стен и разбитых во время катастрофы. Егор порылся в этом бедламе. Нашел большой нож для колки льда, нож для разделки мяса. Взял их с собой и спустился вниз. С собой решили взять три кастрюли, набив их столовым добром. Добычу вынесли на первую палубу, поставив под свет, идущий из иллюминатора. С собой Егор взял крепкий нож для колки льда.

Они снова вернулись на среднюю палубу, решив дойти ее до конца. Дверь в конце коридора уведомила их о том, что далее находится док с автомобилями. Дверь была заперта, но Егор просунул

в щель нож и немного поднатужившись, открыл ее. В нос ударил запах паров бензина.

Матвей посветил фонарем в помещение. Оно оказалось огромным. Вода в радужных разводах нефтепродуктов плескалась в трех метрах под ними. Пары бензина в воздухе оказались настолько концентрированными, что начали раздражать слизистую носа.

- Пошли отсюда. – Егор развернулся и пошел в обратную сторону. – Здесь нездоровая атмосфера.

Они снова поднялись на верхнюю палубу и прошли в ту сторону, до которой не добрались вначале. Конец коридора оказался разрушенным, а дверь, сорванная с петель, лежала на полу. Егор заглянул в помещение первым. Поводил по сторонам фонариком. В его свете на стенах сверкнули яркие искры отражений. Над головой пятно света выхватило конструкцию, похожую на барную стойку. Нечто, похожее на аппарат для розлива пива, свисало на шланге сорванное со стойки. Егору захотелось осмотреть это помещение, только сделать это было трудно, потому что внизу блестела вода.

- По-моему, это бар? – Уверенно предположил он.

- Не знаю, я по барам еще не шастал. А теперь и не пошастаю.

- Вот шанс, перед тобой.

- А что нам здесь искать. Виски? У нас и так полно алкоголя. Зачем мамку лишний раз злить?

- Так-то оно так, но пройти мимо я не могу. Вдруг, еда какая-нибудь осталась долгохранящаяся? Мне бы только до стойки добраться, а там я перескачу. Видишь, там пол неровный, по нему можно как по лестнице пройти до конца, а там могут быть подсобные помещения. Для нас это самое интересное. – Убедительно произнес Егор.

- И как же ты доберешься? Здесь метра три до стойки.

- По ножам. Не зря же мы их нашли. Поди, принеси еще пару больших ножей.

Матвей забрал фонарь у отца и отправился за ножами. Когда затихли его шаги, стало так тихо, что даже жутко. Егор прислушался к тишине. Он различил слабый гул, расходящийся по корпусу корабля от удара небольших волн. Услышал свист сквозняков, цепляющихся за углы и узкие проходы в завалах. Скрип прогнивающих и деформирующихся под собственным весом переборок корабля. Егор на

секунду представил, как они живут в его недрах, вместе со всеми звуками и призраками погибших людей. Его передернуло от слишком живой мистической картинки. Нет, в Черной пещере он чувствовал себя, как дома.

Вернулся Матвей с ножами. Егор взял один и вогнал его в стену. Нож вошел сантиметров на пять и крепко сел. Держась за косяк, Егор встал на нож. То выдержал его вес. Взял второй и вогнал его примерно на уровне поясницы. Перенес на него вес и осторожно поднялся. Теперь требовалось вогнать нож наверху, чтобы держаться за него руками.

- Матвей, попробуй, вытащи нижний нож и подай его мне.

Матвей раскачал, выдернул нож и передал отцу. Егор вогнал его в стену над головой. Еще один нож он снова забил в стену на уровне поясницы и перенес вес тела на него. Матвей выдернул освободившийся нож и протянул отцу. Егор перебрался еще на метр вверх и уцепился за край барной стойки. Проверил ее на прочность. Она показалась ему достаточной, чтобы выдержать его вес. Тогда он ухватился за нее как следует, подтянулся и забрался.

Внутренняя стена стойки находилась в приемлемом состоянии. Дверцы некоторых шкафчиков пережили катастрофу, не открывшись. Егор выдернул из стены нож и вскрыл им по очереди все закрытые шкафы. В первом стопкой лежали салфетки, наверное, для протирания стойки. Они были грязными от попадания воды, но после стирки, могли пригодиться в хозяйстве для тех же целей. Егор кликнул сына и бросил ему в руки стопку салфеток. В других шкафчиках хранился различный инструмент для работы бармена. Егор не придумал ему применения, и проигнорировал.

За стойкой начинался танцпол. Он был сделан на ступенчатом возвышении. Егор собирался использовать ступени для того, чтобы пробраться в противоположный конец помещения. Наступил на край. Под ногой хрустнули битым стеклом кожухи, закрывающие лампы подсветки. Хорошо, что корабль лежал горизонтально, идти можно было, не опасаясь поскользнуться. Егор светил перед собой и осторожно продвигался вперед.

Впереди показалась сцена. Прямо вдоль стены, которая сейчас являлась потолком, на сцену вели ступени. Егор забрался по ним и остановился, разглядывая дальнейший маршрут. За сценой, за

сваленными на одну сторону кулисами и порванными канатами, на которых менялись декорации, виднелись две двери. Деревянный настил сцены не выдержал нагрузок и топорщился деревянными досками в разные стороны. По ним можно было попытаться перебраться к этим дверям.

Осторожно, пробуя перед собой каждую доску на прочность, Егор добрался до двери. Косяк повело, и она почти не держалась в нем. Хватило одного удара, чтобы выбить дверь. Егор забрался внутрь. Первоначальный осмотр, сразу же убедил его в том, что это была гримерка. Длинный стол во всю стену. Прямо перед ним сплошное зеркало, почти не сохранившееся и мягкие пуфики, на которых когда-то сидели артисты.

С противоположной стороны находились шкафы-купе с вывалившимися дверями. Зато гардероб артистов до сих пор висел в этих шкафах. Егор быстро осмотрел костюмы с блестками, вечерние платья, зауженные к низу, как рыбий хвост. Это то, чего им сейчас здорово не хватало. Как капризная девица Егор вытаскивал наряд из гардероба и если считал его не нужным, бросал на пол. Его внимание привлекли черные брюки, с виду почти обычные, если не считать лампасы по всей длине. Ну, да бог с ними, с лампасами, лишь бы не терли. Не обращая внимания на размер, Егор отложил их в сторону, как и кожаные ковбойские куртки, с нагрудными карманами, отделанными бахромой. Для своих женщин Егор собрал платья и комбинезоны, похожие на те, в которых выступают дрессировщики касаток и дельфинов. Материал был обычный, не латекс или резина, но по виду очень походил на них. Егор решил, что такая одежда очень подойдет, как нижнее белье в холодный период.

Он срезал канат, обмотал гору белья и вернулся к барной стойке. Потравив канат, Егор передал сыну кучу белья. Вернувшись, решил проверить, что интересного спрятано за второй дверью. Немного поковырявшись с замком, Егор открыл ее и оказался в царстве музыки. Здесь хранились музыкальные инструменты, которые сейчас лежали одной большой кучей на дне комнаты. Нужны ли они были сейчас? Егор почесал в затылке. Свет фонаря выхватил саксофон на самом верху. Он вспомнил, как заслушивался саксофонной музыкой по молодости. Тогда она казалась ему той самой музыкой, которая здорово передает отношения между влюбленными. После секундного

колебания Егор спустился в комнату и вытащил из кучи мусора музыкальный инструмент. Мало ему завываний ветра в тоннелях.

На обратном пути Егор срезал несколько мотков канатов для декораций. В хозяйстве вещь очень годная, в отличие от саксофона. Спустился на одном из них, по пути собирая ножи.

- Хорошую добычу мы собрали, сынок, но хотелось бы еды какой-нибудь раздобыть. Я бы сейчас за банку консервов…, не знаю, что бы сделал. – Посетовал Матвей.

- Ты проголодался? – Егор вспомнил, что ели они последний раз довольно давно.

- Проголодался, вроде, но от крысятины с водорослями уже тошнит.

- Куда деваться, гурманам сейчас не легко.

Мужчины покинули корабль. Приятный дневной свет резко контрастировал с затхлым мраком корабельных внутренностей. На улице даже дышалось намного легче. Свой «улов» Егор привязал к плоту, чтобы на случай непредвиденных обстоятельств не потерять. На исследование корабля решили времени больше не тратить. Если бы на нем действительно нашли провизию в съедобном состоянии, то экспедицию к поселку можно было отменить совсем. Егор поставил знак на карте в виде парусника. Огромный корпус корабля виднелся издалека и мог служить прекрасным ориентиром для следующих походов.

Отец с сыном бросили прощальный взгляд на паром и отправились дальше. Вечерело. Можно было остаться и переночевать возле него, но ни Егор, ни Матвей этого не хотели. Корабль казался им зловещим хранителем жуткой трагедии, и суеверный страх заставил их удалиться от него на приличное расстояние. Заночевать пришлось на открытой воде. Искать сушу было уже поздно. Егор бросил якорь в воду. Свободного конца осталось всего два метра.

- Если завтра не найдем поселок, то на следующий день повернем обратно. У нас есть, что представить семье, результата кое-какого мы достигли, ничего страшного не случится, если мы вернемся без того, чего они от нас ждут. – Решил отец.

- Да, нарядов у нас теперь навалом. Девчонки точно обрадуются. А посуда, с круизного лайнера, звучит.

- Знаешь, я иногда представлю, сколько людей погибло, какой ад творился в мире, когда мы сидели запертыми в пещере и даже не понимали, что происходит, не по себе становится. Какой страх они испытывали, когда все это началось. У кого-то дети были на улице, а родители перед смертью мучились страхом за них. У кого-то наоборот, дети ждали родителей. Кто-то видел как погибают родственники и ничего не мог поделать. – Егор замолчал. – Как нам повезло.

- Не говори. А все ты со своим путешествием. С чего ты решил свозить нас в Черную пещеру? – В который раз спросил Матвей.

- Да, как тебе сказать? С матерью вашей проблемы у нас были, вот и решил взбудоражить ее воспоминаниями молодости.

- А я видел, что у вас что-то не так, но думал, что это в пределах нормы. У моих двух товарищей родители давно развелись, и мне казалось, что у нас все нормально.

- Мы были в шаге от развода, Матвей. Черная пещера была нашим последним шансом.

- Точно, последним шансом. И ты им воспользовался. Как сейчас-то у вас с мамой?

- Все отлично! Лучше некуда. Соседей на иномарке из трехэтажного коттеджа нет, подруги из Таиланда больше не приезжают, про дни рождения никто не забывает. Теперь все, как надо.

- Вот и хорошо. Я рад за вас. А теперь пора и баиньки. Глаза закрываются.

- Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, пап.

Матвей почти сразу захрапел. Егор достал из аптечки бутылку водки, сделал глоток и тоже лег спать. Тепло приятно расползлось по желудку. В голову ударил алкоголь. Мир сделался добрым и пушистым.

На это лето Терехин запланировал уставить передатчиками все заметные вершины на расстоянии трехсот километров от начала Уральских гор. Больше и не требовалось, так как мощность передатчиков позволяла передать сигнал именно на такое расстояние. На следующее лето Виктор решил отправиться на поиски людей на юг до самой оконечности Южного Урала.

Установив пять передатчиков, команда Терехина вернулась за следующими, которые должны были сделать, пока они отсутствовали.

К сожалению те, кто занимались этим, не успели вовремя из-за нехватки запчастей. За ними требовалось идти на север Южного острова. Там в проливе на мели сидел корабль, груженный китайской техникой. Пробираться по суше было непросто из-за большого количества рек и озер, образовавшихся после наводнения. Поэтому все ждали, когда вернется Терехин на моторке и довезет их с комфортом.

Собрав всех причастных к сборке передатчиков людей и отпустив свою команду отдыхать, Виктор отправился к проливу. По суше это заняло бы неделю, на лодке они достигли места назначения за один день. Обычный, не полярный. Лодку оставили на берегу. До корабля надо было пройти по дну высохшего пролива еще километра два. Там на скалистом берегу, разорвав железное брюхо, на боку лежал корабль. Большую часть груза катастрофа уничтожила безвозвратно. Вещи, оставшиеся целыми, выбирали тщательно проверяя, чтобы не гонять транспорт напрасно.

Люди уже привыкли, что кроме них и мошкары в этом мире никто не выжил. Пару раз к поселку подлетали чайки. Для восстановления популяции им могло понадобиться несколько лет. В горах Терехин видел лягушек. И это было все, что осталось от богатой наземной фауны. Команда смело шла по плотному дну обмелевшего пролива, обходя озерца воды и небольших ручьев, текущих с берегов.

Точно так же, на Северном острове архипелага Новая Земля жили белые медведи, перенесшие наводнение на вершинах гор. Они начисто забыли об опасности исходящей от людей. Русло пролива сделало поворот и вывело к небольшому озеру. Ни Терехин, ни один член из его команды не заметили, как на другом конце озера, стоя по брюхо в воде, рыбачили три белых медведя. Возле них терлись еще три медвежонка. Между людьми и медведями осталось не больше тридцати метров, когда случился контакт.

Первым остановился Бурега и замер, остальные натолкнулись на него, поздно заметив опасных хищников. На другом конце озера медведи испытали точно такой же шок. Замерли, увидев нежданных гостей. Никому из людей даже на ум не пришло взять с собой хотя бы один автомат. Немая сцена затянулась.

- Командир, что делать? – Не раскрывая рта, как чревовещатель, спросил Бурега.

- Не трусить, и не паниковать, животные адреналин чуют. Пока подождем, что они предпримут. – Посоветовал Терехин.

На самом деле он был совершенно не готов к этой ситуации. С дикими животными ему не приходилось сталкиваться еще ни разу. Медведи ничего не предпринимали, смотрели на людей и ждали их реакции. Проблемы, что делать перед ними не стояло, они привыкли реагировать на раздражитель. Медвежата умильно прятались за спинами медведиц, высовывая из-за их мощных тел свои любопытные носы.

- Видать, они терпелку раньше меня тренировать начали. Что-то у меня командир живот прихватило. Можно я отойду за поворот? – Попросился один из инженеров.

- Стой, ты чего? Сейчас ты пойдешь назад, а они подумают, что мы даем деру и побегут за нами. Сдерживай позывы руками, но не двигайся.

- Понял, остаюсь.

Один из белых медведей не выдержал, громко рыкнул и ударил тяжелой лапой по воде. Второй подыграл ему и повторил то же самое. Кажется, животные начали подзуживать себя на решительные действия. Тут в голову Терехину пришла в голову интересная мысль.

- Мужики, набираем в руки камни, и на счет три бросаем их в медведей и орем. Поняли? На счет, чтоб эффект был.

Команда медленно набрала в руки гальки, разошлась в цепь.

- Раз, два, три! Аааааааааа!

Семь крупных камней устремились в сторону животных. По медведям они не попали, но этого и не требовалось. Брызги шлепающихся в воду камней окатили медведей. Команда инженеров орала, как никогда в жизни. Медведи дрогнули, развернулись и, прикрывая телами медвежат, косолапо побежали прочь, в сторону берега Северного острова. Когда их белые задницы скрылись на том берегу, команда разразилась истерическим смехом.

- Командир, ну ты вовремя сообразил, тебе укротителем в цирке работать надо.

- Точно, поэтому я с вами. – Пошутил Терехин. – Вытряхивайте кирпичи из штанов и идем дальше.

На этом соседство людей и белых медведей не закончилось. Популяция хищников спасалась от катастрофы на Северном острове в

горах. Вместе с ними там же спасались моржи, нерпы и тюлени. Обнаглевшие от обилия еды медведи принялись размножаться в геометрической прогрессии. Обилие рыбы в мелких водоемах гарантировало им пропитание в летние месяцы. Нагуляв за это время жир, косолапые хищники всю зиму лениво охотились на водоплавающих млекопитающих.

Осмелев, полярные медведи стали перебираться через пролив на Южный остров. Люди не могли стерпеть такое опасное соседство, и забили несколько самых наглых особей. Их мясо и жир составили рацион питания на пару недель в поселке. Из шкур сделали тулупы. Недостаток теплой одежды чувствовался до сих пор. Меховая одежда из медвежьих шкур здорово облегчила жизнь в зимнее время.

Легкий ветер поднял волну, ударами в борт плота разбудившая Матвея. Слабое зарево начинающегося утра растворялось в белой мгле утреннего тумана. Ветер играл туманом, скручивал его в клубки и спиральки и гнал мимо плота. Могло показаться, что это плот куда-то плывет. Матвей даже проверил якорь. Тот спокойно лежал на дне.

За такие моменты сказочности Матвей полюбил путешествия. Его переполняли эмоции, поделиться которыми он не мог, потому что не находил таких слов, чтобы их красочно и достоверно описать. Ему было искренне жаль сестру и мать, не видевших этих чудес природы.

Шлеп! Матвей вздрогнул от неожиданности. Он уже привык к безмолвию нового мира и любые звуки, которые не производил он сам, казались неестественными и пугающими. Матвей обернулся на звук и заметил остаточное волнение на поверхности воды, как от движения под ней рыбы. На мгновение, искрящаяся серебристой чешуей, рыба промелькнула совсем рядом с плотом. Матвей отшатнулся от неожиданности. Пару секунд колебался, затем залез в рюкзак с провизией и достал из него вяленой крысятины. Порезал ножом на мелкие куски и бросил в воду, рядом с плотом.

Рыба тут же подцепила кусочек и исчезла с ним в темных водах. Матвей присел на колени, занес над водой нож и стал ждать. Рыба, поверив в собственную безнаказанность, тут же вернулась за следующим. Матвей тут же среагировал на движение под водой. Одновременно с показавшейся у поверхности рыбьей пасти наискось ударил ножом. Он почувствовал, как тот вошел в плоть и, не теряя инерции, продолжил движение. Над водой показалось тело большой

рыбы, надетое прямо под жабрами на нож. Матвей бросил ее на плот и накрыл собой. Рыба неистово била хвостом, пытаясь выбраться из-под него.

Из-за шума проснулся отец и спросонья не мог понять, чем занимается сын, пока не разглядел лупящего по палубе рыбьего хвоста. Он подскочил и прижал рыбий хвост.

- Как ты ее поймал? – Егор удивленно посмотрел на сына.

Матвей, молча показал нож.

- Кружилась тут, дразнила, вот и решил попробовать ее поймать. – Матвей говорил напряженно, держа обеими руками скользкую рыбу.

Добыча еще пару минут билась в агонии, потом затихла. Егор смотрел на нее во все глаза.

- Да в ней килограмм десять, не меньше?

Он поднял ее за жабры. Рыба была тяжелой и запросто могла оказаться тяжелее десяти килограмм. Внешне, она напоминала обычного речного окуня, только накачанного стероидами.

- Нам надо ее приготовить, чтобы не пропала, и довезти до дома. – Егор почесал в затылке.

Позади него снова раздался характерный шлепок. Остальные рыбы доедали крысятину, выброшенную Матвеем для подкормки.

- Да их тут, ловить, не переловить! – Удивился Егор активности морских обитателей вокруг плота.

- Давай, я попробую еще? – Предложил сын.

- Погоди, эту надо определить. Сдается мне, что нам надо коптильню на плоту делать. Предлагаю, немедленно отправляться домой. Каргалинский никуда от нас не денется, а лето слишком короткое, чтобы потратить его на поиски всякого Эльдорадо, которого может, и нет вовсе.

Матвей согласился с отцом. Перспектива еще одну зиму питаться крысятиной и лягушатиной вызывала отвращение. К тому же крыс становилось меньше, и ловить их становилось вся тяжелее. Рыба казалась идеальной заменой.

Едва сошел туман, мужчины тронулись в обратную дорогу. На плоту имелся небольшой запас дров для приготовления чая или разогрева пищи, а так же совсем небольшой пузырек с растительным маслом. Егор посадил сына за «штурвал», а сам занялся разделкой и приготовлением рыбы. Он истекал слюной, глядя на шкворчащие на

дне кастрюли куски рыбьего мяса. В один прием в нее уместилось не больше одной четверти. Аромат готовящейся еды расходился такой, что желудок урчал не останавливаясь. Рыба приготовилась быстро.

- Стоп-машина! Пошли есть, Матвей.

Два раза упрашивать не пришлось. Егор вынул куски и переложил в чистую кастрюлю. На дно первой капнул еще масла и выложил новые куски. Матвей, обжигаясь, достал горячий кусок и вдохнул его аромат.

- Костей много? – Спросил он.

- Не знаю. Сейчас меня это совсем не заботит. – Ответил отец.

Если бы у рыб была душа, и она могла видеть, сколько удовольствия ее тело принесло двум людям, то не стала бы обижаться за это убийство.

Матвей сплевывал кости за борт и всю дорогу удовлетворенно мычал. Они не смогли осилить того, что Егор приготовил за первый прием. Матвей тяжело отвалился от кастрюли и лег, подбоченись.

- Надо как-то довезти до наших девушек. Они сто лет такого не ели, и очень расстроятся, если мы не довезем.

- Придется подогревать всю дорогу, чтобы не пропало, но дров может не хватить. Можно, конечно, двинуться прямо на восток. Тогда через два дня мы будем возле гор, а там с дровами проще. Но до дома, на эти же два дня, плыть будем дольше.

- А давай и ночью будем плыть. Один будет отдыхать днем, а второй ночью, или по полночи.

- А в утренний туман, можно будет и поспать. В принципе, можно и так.

На том и порешили. Через половину дня строгого движения на восток, слева, вдалеке показалась протяженная полоса «плотины». Егор держался от нее на одинаковом удалении, используя как ориентир. Первую половину ночи он решил управлять плотом сам, чтобы убедиться, что это безопасно. За день фонарь подзарядился от солнечной батареи. Егор периодически его включал, проверяя путь перед собой.

Ничего опасного в ночном плавании он не заметил, и потому спокойно разбудил сына, доверив ему дальнейшее движение. Матвей, действовал так, как ему советовал отец. Примерно, через каждые пять минут включал фонарь и подсвечивал им дорогу перед собой. Перед

рассветом от воды стал подниматься туман, становясь все гуще. Когда фонарь перестал освещать дорогу перед собой, Матвей сбросил якорь в воду. Достал из кастрюли кусок холодного рыбьего мяса, съел его и лег спать.

Проснулся, когда услышал удивленный отцовский возглас.

- Горы? Не может быть!

Матвей поднялся и посмотрел по направлению движения плота. Действительно, впереди показались горы. Вернее, это была та гора, которая соединялась с «плотиной». Интересно, как там стало после такого катастрофического наводнения?

Егор подвел плот ближе к плотине. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что высота ее здорово сократилась. Водораздел сочился огромными брешами, убавив грандиозности природному сооружению. Следующей зимой он мог разрушиться полностью, избавив Горбуновых от ожидания очередного ледяного цунами.

Через час отец с сыном сошли на берег. Наводнение выбросило на гору большое количество хлама, среди которого попадались и стволы деревьев. Решено было такому добру не пропадать. Три примерно одинаковых ствола деревьев спустили с горы и прицепили к плоту. Затем, насобирали щепу, и прочую мелочь, способную гореть, для того, чтобы подогревать ценное блюдо по дороге домой.

Уже собрались покинуть гору, как Матвея привлек еле заметный, в ворохе мусора и грязи, остов автомобиля. Матвей освободил одну сторону автомобиля от мусора. Это был семиместный минивен. Кузов его неплохо сохранился. Он был помят, но не расплющен. И самое важное, в нем не было трупов.

- Чем он тебя так заинтересовал? – Полюбопытствовал отец.

- Знаешь, я подумал про то время, когда нам придется убираться из Черной пещеры. Если из этой машины выбросить все лишнее, она будет довольно легкой. Заделать все отверстия, установить внутрь печку, лежанку, поставить на полозья то получиться настоящая карета для переездов.

- А кто, извиняюсь, лошадью будет?

- Мы с тобой, вместе или по очереди.

- Надеюсь, это очень отдаленная перспектива.

Плот с прицепом шел тяжелее. За две смены он достиг спокойной воды. Тянущиеся за плотом бревна цеплялись за водоросли. Они уже не просто торчали из воды, местами они просто лежали на воде, покрывая ее большими площадями. Приходилось маневрировать, обходя заметные скопления. Чем дальше Егор с Матвеем уходили в стоячую воду, тем сильнее чувствовался болотный запах. Ковер из водорослей то тут, то там вздымался под выходящими пузырями газа.

- Ты снова прав, Матвей. – Егор в очередной раз удивился прозорливости сына. – Как тебе удалось так правильно спрогнозировать?

- Это же очевидно. То же самое, что и с прокисшим супом. Микробы сейчас празднуют праздник живота, перерабатывая остатки нашей цивилизации. Через миллионы лет на этом месте будут стоять вышки, и качать нефть и газ. А ученые будут выдвигать гипотезы о том, откуда взялось это добро. А это мы, пережеванные микробами и исторгнутые ими в виде углеводородов.

- Да, уж. А я со школы ничего не помню, кроме формулы спирта. – Усмехнулся Егор.

- А это и не школа. Юля, ну, та девчонка, которая мне нравилась, она была немного повернута на экологии, вот я и подтянулся немного до ее уровня. Про ветер, конечно, никто не думал тогда, я просто сопоставил факты и пришел к такому выводу. – Скромно объяснил сын истоки своих познаний.

- Плохо, что передачи с МКС прекратились. Так бы мы знали, куда нам идти. Сниматься всей семьей с ограниченным количеством припасов, по мне, довольно самоубийственно. Как думаешь, сколько у нас времени впереди?

- Ну, пап, этого я не могу знать. Может быть, пару лет, а может – пару десятков.

- Ну, тогда, ладно, время подготовиться у нас есть.

Лавируя между особо разросшимися полянами водорослей, плот медленно приближался к дому. Егор крутил педали, а сын, стоя на носу плота, расталкивал палкой водоросли в стороны. Ночь они провели на берегу и к вечеру следующего дня увидели родную гору.

Слабое пламя костра колыхало ветром на площадке перед входом в пещеру. Тамара сидела перед костром. Она держала в руках куртку, и кажется, зашивала в ней прорехи. Катюшка, опершись головой о

материну спину, дремала. Мать заботливо отгоняла от нее настойчивую мошкару.

- Привет! – Раздался голос Егора из темноты.

Тамара хотела вскочить, но побоялась уронить Катюшку. Егор и Матвей вошли в круг света. Катя проснулась и захлопала спросонья ресницами. Затем подскочила к отцу и прыгнула ему на руки. Мать обняла Матвея.

- Ну, наконец-то мужики. Как у вас все прошло? Без приключений? – Она настолько привыкла к отлучкам, что больше не плакала по их возвращении.

- Ты не поверишь, но мы были на огромном корабле и поймали вот такую рыбину! – Егор развел руки в стороны.

Мужчины вернулись к плоту и принесли свои трофеи. Удивлению и радости прекрасной половины семьи не было предела. Рыбу тут же поставили на огонь. В ожидании ужина Егор, поправляемый сыном, рассказал о том, что видели за две недели своего отсутствия. История про корабль показалась Тамаре немного страшной и мистической.

- Я бы обошла его дальней дорогой. Жуть какая! На нем тысячи людей были. Как у вас хватило смелости забраться в него? – Тамара передернула плечами. – А вот то, что рыбы полно, это очень хорошая новость. Не зря она мне во сне снилась.

- Нет! – Неожиданно громко сказал Егор.

- Что, нет? – Удивилась Тамара.

Дети замерли и уставились на отца.

- Ты чего, забыла, к чему женщинам снится рыба? Даже не думай, сейчас не то время.

- Тьфу, дурак. Типун тебе на язык. – Тамара шлепнула мужа по коленке.

- Смотри мне. – Егор делано погрозил пальцем жене.

Разогретая на огне рыба источала неповторимый аромат. Разговоры замолкли сами собой. Тишину ночи нарушали только звуки голодных желудков и жужжание мошкары под ухом.

Минуло две недели подготовки к «большой рыбалке». Все три бревна были разрублены на чурбаки и высушены на свежем воздухе, в тех местах, куда не попадал дождь. Их использовали для выпаривания соли из соленой воды. Расход дров был огромный, но и соли требовалось немало. Коптильню на плоту Егор решил не делать. Место

надо было экономить под рыбу. Закоптить ее можно было потом, по возвращении.

Плот пришлось немного доделать под изменившиеся условия. Спереди на него установили клиновидный отбойник. Он расталкивал водоросли перед плотом в стороны. Заодно установили дополнительные щитки перед гребными колесами. Испытания на воде подтвердили полезность нововведений. На самом плоту соорудили ящики. В них собирались складывать пойманную рыбу.

Для ловли рыбы придумали гарпуны из лыжных палок. Егор сплел небольшую сеть из бечевки в надежде, что в нее попадется случайная рыба.

Матвей, тем временем, лучше всех знающий все ходы и ответвления в горе, нашел небольшой грот, в котором даже летом сохранялась минусовая температура. Его можно было использовать в качестве «холодильника» для рыбы. Проблемой являлись крысы, которых обязательно привлек бы запах съестного. Немного побродив по округе, Матвей нашел углубление в стене, похожее на большую чашу. Забраться в него с пола для крыс не представлялось возможным.

Женщины Горбуновых тоже не теряли времени. Тамара придумала способ делать из водорослей пастилу. Она собрала по округе подходящие камни и сложила из них примитивную духовку. На пробу она приготовила рулетики из рыбы и пастилы, добавив немного пряностей с Верблюда. Получилось шикарно и по виду, и по вкусу.

- Хорошо живем. – Сказал Егор, прожевывая кусок рулета. – Одни деликатесы трескаем, как в ресторанах.

- У нас даже вилки и ложки, как в ресторанах. – Катя показала на выгравированное название, нанесенное на каждый прибор с корабля.

- Чем мы заслужили такую милость? – Иронично поддержала Тамара.

- Как? Вы еще не догадались? – Вступил в разговор Матвей.

Вся семья уставилась на него, ожидая откровения.

- Вам решили показать, как бывает хорошо, когда все плохо, чтобы вы сравнили с тем, как бывает плохо, когда вокруг все хорошо.

После некоторой паузы, когда все осмысливали сказанное, первым заговорил Егор.

- Все хорош, кто старое помянет, тому глаз вон.

- А кто забудет, тому оба. – Добавил Матвей.

Егор и Тамара переглянулись. Они оба до сих пор чувствовали уколы совести за то, как относились друг к другу до катастрофы, и в особенности за то, что считали детей достаточно глупыми, чтобы те понимали отношения родителей.

В ночь перед выходом началась жуткая гроза. Первая ночная гроза со дня катастрофы. Перед закатом природа неожиданно затихла. Егору стало тревожно. Еще свежи были воспоминания того дня, когда все началось. Тревоги рассеялись только тогда, когда громыхнул первый раскат грома.

Где-то за черными небесами сверкнули молнии, и до земли долетел первый звук грома. Молнии сверкали все чаще. Вспышки, скрадываемые небесной грязью, едва пробивались сквозь ее толщу. Но звук доходил почти без потерь. Стены пещеры сотрясались от грома. Матвей, несмотря на предупреждения матери, не желал пропустить зрелища. Он любовался на небесные сполохи и мощные раскаты, до дрожи в теле проникаясь силой природных стихий. А затем ливанул сильный дождь.

Он начался сразу и с такой силой, что можно было подумать, будто где-то на небе прорвалась плотина, удерживающая его. Шум от падающих капель поднялся невообразимый. Буквально через несколько минут по склону горы потекли ручьи воды.

Дождь, почти без перерывов продолжался три дня. Горбуновы уже тайно начали подозревать, что начинается второй акт катастрофы, имя которому – всемирный потоп.

На четвертый день дождь прекратился. Вначале затих гром, а потом ослабел дождь и почти сразу затих. Ручьи еще некоторое время громко текли по крутым склонам, но потом и они иссякли. К невероятному удивлению всех, в прореху между тучами на несколько секунд выглянуло солнце.

Оно было настолько непривычно ярким, что нельзя было смотреть не то, что на него, невозможно было стоять с открытыми глазами. Мир в его лучах изменился до неузнаваемости. Серые краски растворились, уступив место другим более ярким оттенкам, зеленой листве деревьев, зеленоватой воде и глянцевому блеску влаги на камнях.

Солнце недолго дразнило людей и снова скрылось за тучами. Этих мгновений хватило, чтобы луч надежды на скорое возвращение прежнего Солнца, прочно зажегся в душах людей. Солнце подняло

настроение у всех. Катюшка пробежалась босыми ногами по лужам, воздев руки вверх, словно пытаясь дотянуться до светила. Тамара, на радостях принялась готовить, а мужчины отправились проверить свою технику, простоявшую под дождем трое суток.

Уровень воды поднялся на целый метр. Это был значительный подъем. Со дня катастрофы ее уровень только опускался, и был ниже двадцати метров, чем в тот день, когда они покинули пещеру. Даже водорослей убавилось на поверхности.

- Хорошо бы, чтобы такие ливни случались не часто. От них на плоту не спрятаться. – Произнес Егор возбужденно и замер. – Я придумал! Нам надо сделать кабину!

Большая рыбалка задержалась еще на пару дней. Из пластикового водопровода, сгонов и муфт, был собран каркас кабины. Ширмами для ванных комнат обтянули этот каркас, местами сделав его убирающимся. Кабина получилась легкой и удобной для использования. В хорошую погоду ширмы можно было скатать наверх, а в дождь опустить вниз и закрепить, чтобы не мотало ветром.

Тяжелый плот, отбойником раздвигал спутавшиеся заросли водорослей. Из-за клиновидного носа повадки плота изменились. Он начал страдать излишней поворачиваемостью при резких маневрах. Стоило только начать активнее пользоваться рычагами, как он чересчур резво реагировал на них. Егору пришлось заново учиться управлять плотом.

Чтобы не тратить много времени на плавание, мужчины решили двигаться по самому короткому маршруту, от горы прямо на запад. Так, по их расчетам, они могли за сутки оказаться на течениях, где водилась рыба. Те воды были для них еще не исследованными, но Егор с сыном рассчитывали, что они ничем не отличаются от прочих мест, в которых им доводилось бывать. Достигнув их, они собирались подниматься строго на север, до тех пор, пока все ящики не будут забиты рыбой.

Ливень, а возможно в этом были виноваты и молнии, наэлектризовавшие атмосферный мусор и заставившие его выпасть на землю, основательно подчистили атмосферу. Вода уже не казалась такой черной, горизонт был виден дальше, да и воздух казался теплее, чем обычно.

Мужчины тронулись в путь ранним утром. К исходу первых суток водоросли стали редеть и на горизонте замаячили чистые воды, отличающиеся иным формированием волны.

- Предлагаю стать здесь, где течение еще слабое. – Предложил Егор.

Матвей согласился. Они сбросили якорь и стали готовить ужин из лягушачьих лапок и водорослей. Вернее, им требовалось только разогреть то, что было приготовлено заранее. Ночь стремительно входила в свои права. Когда ужин был готов, на воду опустилась непроглядная ночь.

Легкий ветер шевелил ширмы и нагонял небольшую волну, разбивающуюся о плот. Матвею отчего-то не спалось. Прошлое иногда так живо представлялось ему, что на мгновение казалось, будто ничего не произошло. Все было как прежде, и самое главное, что Юля была жива, и он сможет утром снова увидеть ее. Матвей вытащил телефон из кармана и включил его. Экран засветился, еще больше отдалив мальчика от действительности.

Матвей подолгу рассматривал каждую фотографию с Юлей. В голове проносились воспоминания, от которых в груди становилось томно. Уровень зарядки на старой батарее быстро терял проценты. Тяжело вздохнув, выключил телефон. Яркий свет экрана оставил отпечаток на сетчатке. Матвей закрыл глаза, подождал с полминуты и снова открыл. Светлое пятно перед глазами так и не исчезло. Тогда до него дошло, что сквозь толщу облаков пробился свет луны. Он не видел его два года. Значит, атмосфера действительно очищалась. Эта новость отвлекла мальчика от воспоминаний, и он уснул в хорошем настроении.

Утром начался дождь. Его капли, шуршащие по пластиковым ширмам, разбудили Матвея. Светало. Прохладный ветерок и дождь заставили мальчика прижаться ближе к огню, на котором отец уже готовил завтрак.

- А я луну ночью видел. – Матвей первым делом вспомнил о ней.

- Да, ладно?

- Серьезно. Она еще сильно размыта была, но просвечивала.

- Таким макаром скоро все времена года восстановятся? И лето снова будет летом, на три месяца?

- Наверно. Вот если бы найти где-нибудь семена овощей, корнеплодов и прочего. Я бы за помидор с картошкой полжизни отдал.

- Да, это точно, иногда так картошки хочется, аж желудок сводит. А хлеба, как хочется с хрустящей корочкой. – Егор воздел глаза к небу, как бы обращаясь к тому товарищу, что за облаками. – Ну, от миссии в Каргалинский мы еще не отказались. Заготовим рыбу и попробуем сгонять туда, авось, сохранилось там что-нибудь из семян.

Мужчины позавтракали и отправились дальше. Утренний туман почти развеялся, так что граница раздела стоячей и проточной воды, была хорошо различима. Они выбрались на течение и ощутили норовистым отбойником, что придется подстраивать стиль управления под новые обстоятельства.

- Съемный надо было делать. – Посетовал на собственную недогадливость Егор.

- В следующий раз доделаем.

Егор стравил в воду сеть, позволив ей тянуться за плотом. Он надеялся, что рыба попадет в нее, следуя за плотом из любопытства. Для подкормки он привязал пару лягушачьих лапок к сети. Рыба, если она тут водилась, никак не реагировала на его уловки. Через каждые пятнадцать минут Егор подтягивал сеть и проверял в ней улов. Пока ничего, кроме мусора в ней не попадало.

- Выходит, не все места здесь рыбные? Там помнишь, рыбы сами нас преследовали?

- Может, поднимемся севернее? – Предложил Матвей.

- Хорошая идея. – Согласился отец. – Денек, покружим здесь. Если клева не будет, пойдем на север.

Было удивительно осознавать, что чуть более двух лет назад на этом месте зеленели холмистые равнины, существовавшие в неизменном виде миллионы лет. В одночасье они стали дном нового мирового океана. Сидя на плоту и не наблюдая ни в одну из сторон берега, прошлое казалось собственной выдумкой.

Егор решил идти строго на запад. Ему было интересно, насколько широким являлось течение и имело ли оно какие-нибудь повороты, заводи или вообще открытые участки суши. Хотя он представлял, что суша сейчас, понятие условное. Сушей могли быть только горы, все остальное являлось болотами, которые из-за регулярных дождей не имели возможности высохнуть.

В полдень они снова остановились. Матвей бросил в воду рядом с плотом несколько лягушачьих лап для подкормки. Они никого не заинтересовали. Течение унесло их прочь от плота.

- Помнишь, как в «Ералаше»? Здесь рыбы нет! – Вспомнил Матвей.

- Да помню. Думаешь, под нами каток?

- Думаю, что рыбы здесь просто нет. То ли не дошла, то ли плавает косяками, то ли за косяками.

- Эхолот нам нужен. И глубину измерили бы и рыбу увидели. Но это я так, гипотетически. Где же его сейчас найти?

- В нашем городе.

- Наш город, скорее всего, на дне. Вернее развалины города.

- Все равно хочется на них посмотреть.

- Ну, это будет выглядеть примерно так же, как и здесь. – Егор окинул взглядом бесконечный водный простор.

После легкого обеда, мужчины снова двинулись на запад. Егор не терял надежды напасть на стаю рыб. Скорость течения воды не везде была одинаковой. Где-то она была стремительной, и местами даже бурлящей. Такие аномалии угадывались издалека и их обходили стороной. Где-то течение почти останавливалось, и если бы не отсутствие водорослей, можно было бы спутать эти места со стоячей водой.

До вечера не было поймано ни одной рыбки. Заночевать решили в зоне спокойной воды. Матвей на всякий случай бросил еще несколько лапок в воду, ни на что не рассчитывая. Солнечное пятно уходило за горизонт. И когда оно зашло, единственным источником света в кромешной тьме, остался только огонек на плоту. Егор разогревал на нем ужин.

- Не может быть, чтобы столько усилий пропали даром. Где-то же должна плавать эта рыба. Я три бревна разрубил, высушил и выпарил на них соль. Хоть какая-то справедливость должна же существовать? – Возмутился он, объедая опостылевшую лягушачью лапку.

- Давай первой же пойманной рыбе скажем это в лицо, пусть ей станет стыдно. – Предложил Матвей.

- Шутки шутишь? А зимой что есть будем, опять лягушек и крыс? – Егор передернул плечами. – Я уже свыкся с мыслью, что зимой у нас будет копченая и соленая рыба.

Он присел на край плота, вынул из кармана старый фонарик с динамо и под частое «вжиканье» стал водить им вокруг. Ему почудилось, что в пятне света мелькнуло что-то живое.

- Ну-ка, дай мне лягушачью лапку. – Егор, не отрывая взгляда от воды, протянул руку.

Матвей сунул в нее требуемое. Отец бросил рядом с плотом лапку и направил на нее луч света. Буквально через пару секунд здоровенная рыбья морда стремительно вылетела над поверхностью воды, прихватив попутно приманку. Егор от неожиданности ругнулся и отпрянул от края плота.

- Ты это видел? – Спросил он сына.

- Видел. Кажется, нас услышали.

Суетясь и мешая друг другу, они стали хвататься за снасти. Взяли гарпуны и изготовились к ловле. Егор бросил лапку и направил на нее свет фонаря. Вначале было неясное движение, а потом стремительный бросок рыбы. Оба гарпуна одновременно вонзились в здоровенную тушу. Удержать ее оказалось тяжелее, чем попасть. Палки гнулись под тяжестью и усилиями рыбы.

- Тяни к себе! – Крикнул Егор, заводя рыбу так, чтобы она не сорвалась.

Они вытянули добычу на плот. Егор схватил тяжелый гаечный ключ и размозжил им рыбью голову. Она шлепнула в последний раз хвостом и затихла. На первый взгляд им удалось поймать рыбу весом больше пяти килограммов. Егор спрятал ее в ящик, чтобы не мешала.

- Будем ловить, пока ловится. – В нем заиграл охотничий азарт

- Ага, согласен. – У Матвея глаза тоже разгорелись в предвкушении.

Он и думать забыл о сне, усталости или тех мыслях, когда он серьезно полагал, что охота дурацкое занятие. Рыба наивно велась на лягушачьи лапки. Некоторым удавалось схватить еду и скрыться во тьме воды безнаказанно, но каждая вторая рыбина падала добычей на скользкий от чешуи пол плота. За час было поймано двенадцать штук.

Егор сел на ящик с рыбьими тушками.

- Думаю, надо пока остановиться и переработать, чтобы не пропало.

- Пап, а можно я буду ловить, а ты разделывать? – Адреналин в крови мальчика не давал ему успокоиться.

- Нет, ты сам-то чуть больше рыбы весишь. Утянет она тебя в воду. Помогай лучше.

Матвей с сожалением отложил гарпун в сторону и принялся помогать отцу. Егор разрезал рыбам живот, вынимал внутренности и выбрасывал их за борт. Так же поступал с жабрами. Рыбы в воде хватали внутренности и рвали их на части между собой.

- Не надо все кишки выбрасывать, можно их на подкормку оставить. – Посоветовал Матвей отцу.

- Точно, соображаешь, сынок. – Похвалил Егор сына за смекалку.

Рыбьи головы и хвосты Егор отделил и убрал в сторону. Разделанные вдоль позвоночника туши уложил на устланное солью дно ящика и, пересыпая солью, укладывал слой за слоем. Разделанные и хорошо уложенные туши заняли совсем небольшой объем ящика.

- Ну что, продолжим, или подождем до завтра? – Спросил подуставший от рыбалки Егор.

- Никаких завтра, здесь и сейчас. – Матвей замер с гарпуном над водой.

Ни дать, ни взять, первобытный охотник за работой. Добычей стали еще пятнадцать крупных рыб. А затем они перестали идти на приманку.

- Спугнул их кто-то? Или время спать у них? – Егор посветил фонарем вокруг плота.

Кто-то огромный и тяжелый прошелся под плотом, чувствительно качнув его. Егор в это время суетился с рыбой у ящика на краю плота и чуть не свалился за борт.

- Кто это? – Со страхом спросил он, перебравшись на середину плота.

- Без понятия. – Матвей выключил фонарь на всякий случай и встал рядом с отцом. – Нам лучше не дразнить его.

Огромное нечто, разогнавшее рыб, здорово испугало мужчин. Они вынуждены были продолжить заготавливать рыбу в полной темноте, прислушиваясь ко всем звукам со стороны.

- Я теперь не буду чувствовать себя на воде в безопасности. – Признался Матвей.

- Надо убираться отсюда. – Решил Егор. – Как рассветет.

Они до самого утра разделывали туши рыб. Как только туман рассеялся, отправились в дорогу. Егор сел за управление лодкой, а

Матвей свернулся калачиком между сиденьем и ящиками, предварительно опустив ширмы, и сразу уснул. По договоренности, отец должен был разбудить его через четыре часа на пересмену.

Всю дорогу Егор озирался, пытаясь увидеть существо, разогнавшее рыб. Больше всего он боялся увидеть акулий плавник. Откуда они могли взяться в северных морях, он не знал, но никакие другие существа, живущие в воде, кроме китов или акул, ему не приходили на ум.

Ночное происшествие заставило его иначе посмотреть на бескрайние водные просторы. Если раньше они были опасны только по вполне прогнозируемым и вовремя замечаемым случаям, то теперь начинали пугать тайнами. Беззаботно болтать ногами в воде уже не хотелось. Егор перестал думать о себе, как об абсолютном хищнике, безнаказанно вылавливающем добычу. Зазевавшись и потеряв осторожность, можно было самому попасть на зуб огромному существу, обитающему в темной пучине.

Пришла пора меняться сменами. Егор разбудил Матвея, лег на нагретое место и тут же уснул. Проснулся он оттого, что сын с кем-то разговаривал. Он открыл глаза и замер. Здоровая белая морда дельфина выглядывала из воды прямо у борта и, судя по всему, оживленно разговаривала с сыном. Матвей снимал животное на телефон.

- А ты совсем не страшный, немного бледный, как утопленник, но глаза добрые. – Признался дельфину Матвей.

Дельфин стрекотнул в ответ, словно понял о чем речь. Егор сел. Дельфин повел глазами в его сторону и снова застрекотал.

- Это мой отец, Егор. – Представил Матвей отца дельфину. – А это дельфин-белуха, который ночью нас чуть не перевернул.

- Очень приятно. – Неуверенно произнес Егор, все еще не веря своим глазам. – Можно нас так было и не пугать. А чего ему надо?

- Мне кажется, ему любопытно, кто мы такие?

- А может рыбы выпрашивает? Скажет, набили полные ящики, гоните мзду.

- Пап, а можно я его потрогаю?

- Нет, ты чего Матвей, не видишь, какие у него зубы?

- Пап, дельфины никогда не нападают на людей.

- Это тогда не нападали, а сейчас, может, с голодухи и нападают.

Дельфин застрекотал и поднялся еще на пару десятков сантиметров из воды.

- Видишь, он обиделся на твои слова.

Матвей, не дожидаясь одобрения отца, положил ладонь на мокрую голову морского млекопитающего.

Осторожно погладил ему длинный нос и голову. Дельфин замер, не реагируя. Мальчик осмелел, придвинулся ближе и двумя руками потрепал «щеки» дельфина. Тот снова застрекотал и попытался положить голову на плот. Под его массой борт погрузился в воду, чуть не замочив ящики с соленой рыбой.

- А ну-ка, бледная скотина, хватит лезть на наш плот. Он для тебя маловат.

Егор аккуратно столкнул голову дельфина в воду. Млекопитающее не посчитало его действия оскорбительными. Снова замерло столбиком перед плотом, переводя взгляд с одного на другого.

- Всё, кажись, рыбалки у нас больше не будет. – Расстроился Егор. – Друг, иди, поплавай в стороне, а лучше подгони нам косяк рыбешек, таких же крупных, как в прошлый раз. Нам бы еще штук двадцать таких и мы будем обеспечены на всю зиму. Ферштейн?

Белуха смотрела на Егора и молчала.

- Матвей, попробуй ты, вы с ним дольше знакомы.

- Я не знаю, что ему говорить. Давай, назовем его как-нибудь, чтобы обращаться удобно было. Предлагаю Нептуном назвать его.

- Хоть Велосипедом, как говориться, только ехать не садись.

- Нептун, плыви отсюда, нам надо рыбу ловить, понимаешь? Буль-буль, ням-ням. – Матвей побултыхал руками в воде, затем изображая, что держит в них рыбу, открыл рот и направил в него воображаемую рыбу.

Белуха теперь смотрела на Матвея. Кажется, ей просто нравилась человеческая компания, и она не спешила покидать ее.

- Вот ведь бестолковое животное. – Посокрушался сын.

Матвей вынул из ящика соленую половинку рыбы и дал ее понюхать дельфину. Тот, то ли сделал вид, то ли на самом деле понюхал рыбу. Нептун издал громкий звук, перевернулся через спину, обдав людей брызгами, и быстро исчез в темной воде.

- На соленое аллергия. – Заключил Егор. – Ладно, хоть так избавились от твоего друга. К вечеру, глядишь, и рыбалка начнется.

Егор принялся готовить обед. Уху из рыбьих голов и хвостов. Уха обещала получиться классическая, такая в которой ложка стоит. Когда вода закипела, восхитительный аромат разнесся по всей округе. Вдруг снова под плотом прошелся кто-то крупный. Вода из кастрюли плеснулась в огонь. Егор с сыном вскочили на ноги, ухватившись заранее, кто за что успел. К невероятному изумлению обоих над водой показалась морда белухи с зажатой в зубах рыбой.

Дельфин подплыл к борту в упор, всем видом показывая, что в зубах у него подарок для людей. Матвей опомнился первым и вытащил рыбу изо рта белухи. Нептун снова застрекотал. Каково же было изумление людей, когда возле плота показались еще две головы дельфинов с рыбами в зубах. Они тоже подплыли к борту. Тут уже ошеломленный Егор принялся принимать ценные подарки от обитателей моря.

- Что вы право, не стоило вам так утруждать себя. Сами бы наловили. У нас и отблагодарить вас нечем. – Смущенно проговорил он, чувствуя себя неловко за невысокое мнение о дельфинах.

Белухи скрылись под водой, но через пару минут снова показались, держа в каждой пасти по рыбе.

- Матвей, это что же делается, это за что нам такое счастье привалило? – Егор на самом деле испытывал неловкость за подарки. – Всех зову в гости на свой день рожденья. Будет выпивка и танцы, и селедка под шубой.

Подплыли еще две белухи с трепыхающимися рыбами в зубах. Теперь белух было пять. Кто из них являлся Нептуном, уже не разобрать. Слишком похожими они были. Дельфины снова ушли под воду, чтобы через несколько минут принести еще по рыбе. В ящиках прибавлялось еще живой, бьющей хвостом, рыбы. Под тяжестью рыбы плот очень сильно просел на корму. Егор решил прекратить принимать подарки.

- Всё, друзья, больше наша грузоподъемность не осилит вашей щедрости. – Он вынул из пасти белухи рыбу и бросил ее назад в воду.

Дельфин проводил полет рыбы взглядом, стрекотнул и вылупился на Егора. Тому пришлось выходить из неловкой ситуации похлопываниями животного по щекам и голове. Дельфин оказался не глупым. Его товарищи перестали приносить подарки. Пострекотав

хором, они исчезли в воде и больше не появлялись. После их приношений в ящиках лежало не меньше двадцати свежих рыб.

Егор сел на сиденье и усмехнулся.

- Надо же, никогда не думал, что животные могут быть настолько умными. Мать не поверит нам.

- Хорошо, что я всё снял на телефон. – Матвей пересматривал отснятое видео. – В Индии дельфины считаются разумным видом, наравне с людьми. Считались. – Поправил он себя.

- Кто знает, может, в новой гонке за право распоряжаться планетой мы отдадим им свое лидерство. – Философски рассудил Егор.

- Они кажутся слишком миролюбивыми, чтобы участвовать в борьбе. Думаю, им не интересно распоряжаться планетой.

- Наверно. – Отец встряхнулся, отгоняя какие-то свои мысли. – Ну, что, Матвей, можно смело возвращаться назад. Давай пообедаем, потом ты сядешь за руль, а я начну разделывать рыбу.

Дорога домой заняла полтора суток. Прошла она без происшествий, если не считать незамеченной в водорослях мели. Плот резко сбавил ход и стал погружаться в густую жижу. Егор сразу сообразил, чем им может это грозить и дал задний ход. Матвея поставил на нос и заставил отталкиваться гарпунами от дна. Кое-как за час выбрались из плена. Егор отметил на карте этот район и назвал его «Топь».

- Если еще где-нибудь существуют такие топи, надо будет их пронумеровать. Представляешь, вляпаешься в такую, а я тебе – поздравляю, вы попали в топь «десять» нашего хитпарада. – У Матвея имелась такая особенность, шутить после пережитого волнения.

Трудно описать восторг, с которым женщины встретили богатый улов. Однако историю его появления они сочли рыбацкой байкой, если бы не припасенное в качестве доказательства снятое сыном видео. После его просмотра Тамара долго пребывала в состоянии когнитивного диссонанса. Большую часть улова постепенно перенесли в пещеру-холодильник, найденную Матвеем. Меньшую часть решили оставить для холодного копчения или вяления.

Короткое лето быстро подошло к концу. Егор с сыном успели еще раз сгонять на рыбалку. По возвращении попали на первые заморозки. Одетые по-летнему, они чуть не подхватили воспаление легких. Ветер и морось с неба, намерзающая на плоту, заставили мужчин выбираться

на улицу из-под защиты ширмочек и соскребать лед с поверхностей. Груженый рыбой плот и так шел вровень с водой, а намерзающий лед делал его еще тяжелее. Вода перекатывалась через борта. В ней мокли ноги и растворялась соль я фщиках, которой перекладывали рыбу.

После этой рыбалки Егор решил, что рыбы уже достаточно, чтобы комфортно прожить до следующего лета и нужно сосредоточиться на заготовке дров. На горе Верблюд на том уступе, ставшим огородом Горбуновых, еще оставались не собранные дрова. Дожди, постепенно вымывали их из грязи. Они так же поспособствовали тому, что восстановилась прежняя растительность. Угнетенные соленой грязью растения, очистились и набрали сил за короткое лето. Со скалы уступ выглядел ярким зеленым пятном, оазисом в мире темной воды и серых камней.

Целыми днями стучал топор, и жужжала пила у Черной пещеры. Опилки и щепа шли на коптильню, собранную из камней и баков от водонагревателей. Матвей выучил дорогу до холодного грота наизусть и мог добраться до него с закрытыми глазами. Хотя, можно было и с открытыми, все равно ничего не было видно. Катюшке отец сплел небольшой сачок. Дочь целыми днями охотилась на берегу на лягушек. Рыба рыбой, но и она могла приесться. В целом, Горбуновы достойно адаптировались к новым условиям. Они все еще вспоминали прежние времена, но делали это все реже и реже. Суровая жизнь словно расставила всех по своим местам в семье. Все нуждались друг в друге, никто ни за кого не делал работу. Царила полная гармония и взаимопонимание.

Егора не покидала мысль раздобыть семена овощей или злаков каких-нибудь. Он уже придумал, как сделает для них парник из тех же ширм и водопровода. Злаки на небольшой площади не имело смысла возделывать, а вот овощи очень были бы кстати. Егор ностальгически вспоминал вкус помидоров, перца, огурцов. Исходил слюной, и даже видел во сне, как ест их сочную мякоть. Егор поставил себе целью, во что бы то ни стало, с наступлением морозов отправиться на поиски мест, где могли сохраниться остатки поселений.

Лето закончилось. В природе установились необычайно плотные туманы. Из-за них день казался вечными сумерками. Туман рассеивался к вечеру, но каждое утро появлялся вновь. В это время суток видимость составляла не больше пяти метров. Камни и весь

инвентарь Горбуновых, оставляемый на улице, всегда оставались мокрыми. Егор решался только на короткие вылазки, вслепую запросто можно было угодить в какую-нибудь неприятность.

По общему мнению, эффект устойчивого тумана связывался с чрезвычайно неподвижным воздухом. В атмосфере царил полный штиль, из-за чего испарения с поверхности стоячих водоемов оставались висеть над ними, делая воздух смердящим и удушливым. Земля еще не определилась, какой климат ей установить на постчеловеческом пространстве.

В конце августа зима впервые дохнула морозом. Матвей, как обычно, рано утром вышел на улицу. Он ожидал снова увидеть непроглядный туман, но к своему удивлению туман оказался довольно редким. Легкий морозец выморозил влагу, посеребрив инеем все поверхности. Вход в пещеру, каменные стены, площадку, ванну, инструмент. Кустарники, которые развели рядом с пещерой, пригнули свои ветви под тяжестью налипшего инея. Из-под белого налета выглядывали еще зеленые листочки. Вода в ванной подернулась ледком с узорчатым рисунком. Воздух сделался свежим и промозглым. Матвей разогнал лед в ванной и через силу умылся. Кожа после умывания раскраснелась, словно ее намазали перечной мазью.

Вышел отец. Так же как и сын, некоторое время он был озадачен изменениями климата, и просто рассматривал их. Увидев сына, направился в его сторону.

- Красиво. – Произнес Егор, пуская пар изо рта.

- Ага. И воздух свежий. – Согласился сын, спеша вернуться в теплую пещеру.

Егор, фыркая и кряхтя, умылся. Набрал в ведро воды и вернулся в пещеру.

- Нашим девушкам воду подогреем, а то они не смогут умыться ледяной водой. – Он поставил ведро на камни и разжег под ним огонь.

- Не иначе как в новом мире мы будем царского рода. Склонность к комфорту заложена в нас генетически. – Произнесла Тамара, не решаясь выбраться из теплой постели.

- Я не против. Царь Егор Горбунов пятнадцатый! Звучит?

- Звучит. Осталось только крестьян найти.

- Да, с этим сложнее. Хороший крестьянин сейчас на вес золота.

Глава 10

Глава 10

К этому времени живот мешал Джейн делать абсолютно все. Заготовка дров превратилась для нее в настоящую муку. Предполагая, что роды могут начаться внезапно, Джейн держала про запас большую охапку дров, большую емкость кипяченой чистой воды, прогретые на печке тряпки. По срокам у нее было больше месяца, но тяжелый физический труд мог ускорить момент начала родов.

Еще ей не давала покоя мысль, что у нее может не быть молока. Она помнила, как у ее сестры почти не было молока, и та выкормила племянницу искусственными смесями. Груди ее набухли, но это могло ничего не значить. Это была не последняя фобия. Джейн очень боялась умереть от кровотечения. Она представляла себя бездыханной рядом с кричащим ребенком, умирающим от голода или холода. Иногда Джейн удавалось убедить себя, что страхи вызваны шалящими гормонами, но чаще никакие оправдания не действовали.

Когда снег стал скрывать под собой полезные вещи, валяющиеся на свалке, Джейн заблаговременно расставила рядом с ними сигнальные флажки с подписями. Они выглядели примерно так: «бревно», «пластик», «резина», «возможно еда». Джейн не представляла, сколько ей всего потребуется зимой, и к тому же физически не успевала заниматься всем одновременно, поэтому выкрутилась таким оригинальным способом.

Роды начались внезапно, в тот момент, когда она выкапывала из-под снега бревно, опознанное по торчащим корням. Начавшиеся с утра схватки Джейн стойко игнорировала, считая их проявлением чего угодно, но только не началом родовой деятельности. По прикидкам, у нее имелся целый месяц или чуть меньше. По ногам неожиданно потекло. Джейн хоть и готовилась к этому, но ее все равно охватила паника. Она заметалась между желанием дотащить бревно и сразу кинуться в дом. Наконец, до нее дошло, что надо бросить бревно. Джейн прибежала в дом, натопила сильнее печь, переоделась и легла в кровать.

Схватки стали более явными. Мышцы живота сжимались спазмом и снова расслаблялись. Ощущение времени пропало. В перерывах между схватками Джейн докидывала дров в печку. Потом ее так прихватило, что она поняла, это последние. На лице выступил пот, не только оттого, что температура в доме была высокой. Джейн чувствовала себя как тяжелоатлет со штангой, у которого от усилий расходилась промежность. Она тужилась, чувствуя, как ребенок выходит из нее. Стонала, часто дышала и громко ругала покойного Игоря за то, что его нет рядом в такой момент.

Вдруг ей стало легко. Джейн без сил откинулась навзничь и отдышалась. Затем с трудом поднялась и увидела ребенка, девочку. Малышка была мокрой и фиолетовой. Джейн подняла ее под животик и шлепнула по попке. Ей казалось, что именно так делали врачи, чтобы вызвать первый вдох. Ребенок вздрогнул, открыл рот, из которого потекла слизь, вдохнул и закричал. Джейн разревелась и прижала ее к себе. На глазах тельце малышки из фиолетового превратилось в красное.

Джейн долго не решалась перерезать пуповину. Обработала ее йодом и завернула в животик. Помыла малышку кипяченой водой и завернула в стерильные тряпки. Все делала на автомате по заранее продуманной программе. Она себя готовила к родам и мысленно представляла всю последовательность действий. В мыслях, Джейн еще не называла ребенка дочкой, к этому ей ещё надо было привыкнуть. Девочка тихо заплакала, и Джейн поднесла ее к своей груди. Сосок вначале попал ей в щеку, но малышка тут же инстинктивно схватила его губами и зачмокала.

Джейн было непонятно, появилось ли у нее молоко. Она осторожно вытянула грудь изо рта ребенка. На кончике соска появилась капелька молока. Девушка облегченно вздохнула и снова дала грудь занервничавшей малышке. Девочка была еще сильно отекшей, чтобы понять на кого из родителей она больше похожа. Джейн очень хотелось, чтобы дочь была похожа на отца. Это было бы справедливо, чтобы бог дал такую возможность видеть любимого человека в своем ребенке.

Малышка сама выпустила материнскую грудь, насосавшись молока и откинувшись, уснула. Джейн осторожно положила ее на самодельный пеленальный столик, укрыла тряпками, отдаленно

похожими на пеленки и растопила потухшую печь. Заготовленное по этому случаю сухое дерево быстро разгорелось и снова создало в доме комфортную температуру. Джейн напилась воды. Ее мучила сильная жажда. Она поставила на печь чайник и высыпала в него цветы ромашки, которые еще Игорь нашел в аптечке одного из автомобилей на свалке.

Дочку Джейн назвала Анной. Так звали бабушку Джейн по отцовской линии и такое имя было у матери Игоря. Анна была тихоней. Ее интересовала только грудь с молоком. Наевшись, она засыпала, позволяя Джейн заняться хозяйством. Искусству материнства Джейн обучалась на своем опыте. Она сама догадалась, что ребенка следует класть на бочок, чтобы срыгнув, он не захлебнулся. Или, например, консервированные ананасы вызывают диатез на щеках Анны. Что-то она помнила из рассказов старшей сестры, и теперь сожалела, что когда-то ей это было совсем не интересно.

Еще на Анну снотворно действовал звук кипящей на печке воды. Каждый раз, когда приходило время ее купать, она погружалась в глубокий сон. Джейн приходилось ее будить. Анна куксилась и тихонько плакала. Зато когда ее клали в теплую воду, она словно просыпалась и счастливо улыбалась, стуча по воде маленькими ручками и ножками.

Сентябрь еще пытался побаловать бабьим летом, но вскоре после него начались морозы. Воду сковало льдом, толщина которого увеличивалась с каждым днем. Все имущество Горбуновых было перенесено в пещеру. Началась очередная зимовка.

Лед в этом году не получился таким гладким. Разросшиеся за теплый период водоросли уже не помещались в воде и лежали шапками на поверхности. Матвей и Катюшка катались на самодельных санях по льду, постоянно натыкаясь на зеленые кучки мерзлых водорослей. Они мешали набрать нормальную скорость, из-за них часто опрокидывались сани, входящие в крутой вираж.

Как только лед достаточно окреп, Егор снова задумал найти следы поселка Каргалинского. Важно было успеть сделать это до большого снега, который мог скрыть то немногое, что могло остаться от поселка. Егор был решительно настроен найти этот поселок, поэтому

подготовка была основательной. Поход мог затянуться на срок, гораздо больший, чем пара недель.

Сани были полны дров и еды, а так же всякого инструмента, который мог понадобиться в дороге. Наверняка, поселок находился в местах, где не было газовых пузырей, поэтому запас дров мог пригодиться. Семейство уже относилось к походам, как к рядовому событию. Мужчины показали свою способность выходить целыми и невредимыми из различных ситуаций. Женщины с делами в пещере вполне справлялись и без них. Запасов еды было достаточно, а все остальное можно было добыть трудом, которого они не чурались.

Матвей был благодарен судьбе за то, что, наконец, закончилась стоячая вода. Тяжелые сани тормозились о водоросли, невероятно изматывая к вечернему привалу. Не хотелось даже ставить палатку и искать подледные пузыри газа. По ровному и чистому льду сани катались сами. На третьи сутки похода было пройдено почти такое же расстояние, какое за двое предыдущих. К вечеру отец с сыном вышли к кораблю.

Его выбрали в качестве ориентира, чтобы не сбиться с пути. Ржавая громадина все так же лежала на боку, вмерзшая в лед.

- Может, заночуем сегодня в каюте? – Спросил Егор у сына.

Матвей посмотрел на корабль. В багровых отсветах заходящего солнца его убитое «тело» выглядело зловеще.

- Нет, не стоит. Я бы даже не хотел ставить рядом с ним палатку. Страшный он какой-то. Днем я бы слазил в него, но сейчас, нет. Пойдем отсюда. – Матвей не стал ждать реакции отца. Он дернул веревку своих саней и поспешно направился в сторону от корабля.

Заночевали в паре километров от него, рядом с широким сугробом. Ночью поднялся ветер. Его порывы нещадно трепали палатку. Погода менялась. Егор выглянул из палатки. Ворвавшийся внутрь ветер растрепал внутри все вещи. На западе висела чернота. В утренних сумерках так воспринимался снеговой фронт.

- Надо было не ждать, а выходить еще неделю назад. – Посетовал Егор на непогоду.

Матвей зашевелился и проснулся.

- Что там? – Спросил он спросонья.

- Снег скоро начнется. Чуть-чуть не успели.

Сын протер глаза, размял руками лицо и выглянул из палатки. Он увидел тот же темный фронт. Вдруг посреди темноты сверкнула молния. Матвей уже собрался спрятаться в теплой палатке, но задержался, удивленный неординарным явлением. Еще одна молния прорезала небо.

- Пап, а разве когда снег идет, бывают молнии? – Спросил он.

- Нет, конечно, с чего ты взял?

В этот момент, к шуму ветра примешался гром далекого раската.

Егор замер, как будто прислушиваясь, а потом выбрался наружу. Неясное очертание далекой молнии снова вспыхнуло на горизонте. Это было что-то новенькое. Снег с молниями. Егор вспомнил те времена, когда сразу после катастрофы, неистовствовали грозы. Тогда воздух наэлектризовывался так, что волосы на теле начинали шуршать разрядами статического электричества. Возможно, атмосфера планеты и сейчас более наэлектризованная, чем раньше, оттого и разряжается молниями при любом удобном случае.

Перед Егором встала дилемма, продолжать путь, невзирая на снег, либо переждать непогоду в укромном месте. Таким местом на всю округу являлся только корабль. Второй вариант казался намного предпочтительнее. В сильный снегопад можно было забрести куда угодно, кроме того места, куда нужно. Он подумал про компас. С ним можно было идти и в метель.

- Придется переждать метель в корабле. – Предупредил отец, забираясь в палатку.

- Время потеряем. – Засомневался сын.

- Хоть как потеряем, что сидеть на месте, что бродить вслепую.

- Может, обойдется? Потеряет силу, не дойдя до нас?

- Давай пока собираться, а там увидим. – Подсознательно Егор чувствовал опасность, исходящую от слишком необычного явления.

Сборы были недолгими. Натренированные до автоматизма действия, позволяли собраться за несколько минут. Молнии приближались, и все отчетливее становилось понятно, что скоро начнется метель. Её холодное влажное дыхание уже доносилось до мужчин.

- Поехали. – Егор быстрым шагом направился в сторону корабля.

Матвею ничего не оставалось, как следовать за отцом. Они шли молча, не оглядываясь. Егор в голове прокручивал варианты, как им

лучше поступить в сложившихся обстоятельствах. Матвей просто смотрел под ноги, не отягощая себя раздумьями. Ветер подгонял их в спину, норовя пустить по гладкому льду самоходом.

Гром приближался. Матвей обернулся, потому что к грому стал примешиваться посторонний звук, напоминающий вой и грохот, совсем не соответствующий ни метели, ни дождю. Снеговой фронт был совсем рядом. Из-за того, что еще не рассвело как следует, он казался сплошной черной стеной. Только редкие вспышки озаряли его откуда-то изнутри, позволяя на долю секунды увидеть приближающуюся стену снега.

Внезапно ветер стих. Это произошло совершенно неожиданно. Только что он свистел в ушах, и вдруг прекратился. Теперь уже обернулся и Егор. Сплошная стена снега неотвратимо нагоняла их, а её бесшумное приближение вселяло необъяснимый страх. Выглядело это чрезвычайно сюрреалистично. Снежный фронт подкрадывался, желая затянуть в себя неосторожных путников. Егор замер, вглядываясь в озаряемую вспышками темную стену.

- Бежим! – Неожиданно крикнул он сыну. – Бежим скорее!

Егор рванул Матвея за рукав и потянул за собой. Сын не понял, что так могло испугать отца, но подчинился. На ходу обернулся и на фоне вспышек увидел неоднородность приближающегося фронта. Немного выступая дальше общей линии, двигался смерч. Он был настолько широк, что Матвей не сразу это понял. Внутри этого смерча и возникали молнии.

До корабля оставалось метров двести. Егор молил бога, чтобы не поскользнуться и не упасть. За спиной приближаясь, гудела смертельная воронка. Лед под ногами заходил волнами и затрещал. Трещины обогнали бегущих мужчин. У Егора возникла мысль бросить сани, но хозяйственная часть натуры не позволяла это сделать. Она ждала, пока риск для жизни станет максимальным.

Легкие рвались от напряжения. Перед глазами появились радужные разводы, как от нехватки кислорода. Лед уходил из-под ног, в прямом и переносном смысле. В любой миг он мог не выдержать нагрузок и разойтись в стороны, проглотив отца с сыном в темные пучины.

К счастью, они успели к кораблю раньше смерча. Они оббежали вокруг корабля, чтобы сразу попасть в каюты. Трещина в корпусе

позволила им забраться внутрь и затащить сани. Через минуту корабль затрясся всем корпусом. Внутри него заскрежетало, загудело, забилось в конвульсиях. Егор с сыном находились метрах в трех от края корпуса и видели, как мощный ветер со снегом и льдом бился о край трещины. Шум стоял невероятный, закладывающий уши. Внутрь судна летели брызги воды и осколки льда. Мужчины спрятались за укрытием, иначе можно было просто погибнуть под таким обстрелом. Корабль трясся в дикой пляске несколько минут, затем смерч ушел дальше. Вокруг корабля образовалась полынья разбитого льда. Судно никак не могло успокоиться, переваливаясь на волнах беспокойной воды.

- Нам надо выше забраться, иначе потонем.

Егор увидел, как вода заблестела на дне каюты. Фонаря не было наготове, поэтому пришлось искать выход руками. Под руку попала дверная ручка. Он потянул за нее. Дверь открылась, но им на голову полетел мусор. Егор чертыхнулся получив по голове чем-то тяжелым.

- Давай подсажу. – Предложил он сыну.

Матвей встал отцу на сложенные руки, зацепился за косяк и выбрался в коридор. Отец подпрыгнул и забрался самостоятельно. К этому времени корабль успокоился. Стало тихо, и только потревоженный каркас корабля изредка стонал от полученных перегрузок.

- Кажись, прошло. – Сказал Матвей, прислушиваясь к тишине.

- Подождем еще немного, а потом я вылезу, проверю.

Минут десять прождали. Гул удалялся. Корабль почти перестал «стонать». Егор спрыгнул вниз. Вода разлетелась брызгами в стороны. В каюте было относительно светло от поступающего снаружи света. Переставляя сани и наступая на них, чтобы не замочиться, добрался посуху до самой щели в корпусе и выглянул наружу.

Смерч разрушил весь ледяной покров в округе. Озаряемый вспышками молний, он уходил на восток. Возле корабля и в стороны от него образовалась обширная черная полынья. На ее поверхности плавали куски льда. Выбраться из корабля в этом месте было нельзя из-за отступившего на несколько метров льда. Егор вернулся внутрь.

- Смерч разрушил лед. Мы не выберемся здесь. – Сообщил он сыну. – Надо забраться на самый верх этой развалины и посмотреть, что можно придумать.

Взяв с собой фонарик с динамо, Егор с сыном снова поднялись в коридор. Перебираясь через горы мусора, они переходили из коридора в коридор, пока не оказались в каютах, расположенных по верхнему борту, откуда можно было выбраться наружу через иллюминаторы.

Егор помог выбраться Матвею. Затем сын помог выбраться отцу. Его рука стала гораздо крепче, как у нормального мужика, без всяких скидок на возраст. Они замерли, увидев разрушения устроенные смерчем. Полоса шириной не менее километра, словно пробитая исполинским ледоколом, тянулась вслед за черной воронкой урагана.

Стихия задела корабль краем, с той стороны, где как раз находилась щель, в которую забрались мужчины. С кормы лед остался целым, только отошел от корабля из-за того, что тот двигался под силой смерча. Небольшая полоса воды не представляла особой трудности для ее преодоления. Сложнее было доставить сани и их содержимое через лабиринты тоннелей к корме.

- Хорошо бы, чтобы смерч не пошел к Черной пещере. Наши девчата могут его вовремя не заметить за горой. – Матвей посмотрел в направлении черной полосы открытой воды, четко указывающей направление движения смерча.

Егор тоже посмотрел в сторону удаляющейся атмосферной аномалии.

- Если не свернет, то мимо пройдет, километров за пятьдесят севернее, не меньше. Вообще-то я слышал, что смерчи долго не живут. – Он немного подумал. – Хотя, и ветра такого никто не ждал, а он случился.

Эпопея с перетаскиванием саней через нутро корабля заняла почти целый день. Нужно было перенести весь груз с них, а потом и сами сани, которые почти нигде не проходили из-за завалов в коридорах. Только к вечеру все было погружено на них и готово для дальнейшей дороги.

Лед трещал под ногами, пока Егор и Матвей не отошли на достаточное расстояние от проделанной смерчем полыньи. Ночевка прошла спокойно. Утро тоже не доставило никаких хлопот. Стояла безмолвная морозная погода и горизонт был чист. По предположениям Егора они уже были в окрестностях Каргалинского, и любая выступающая над водой возвышенность, могла оказаться местом, где находился этот поселок.

Важно было правильно сориентироваться, чтобы не начать блуждать вокруг да около. Егор напряг свою память. Мысленно проложил маршрут, вспоминая детали, которые могли бы помочь сразу двинуться в нужном направлении. Он вспомнил, как по студенчеству бывал у одного знакомого в гостях. Окна дома у того выходили на возвышенность, на вершине которой стоял памятник воинам, погибшим в Великую Отечественную. К памятнику вели белые ступени, похожие на мрамор. Утром Егора разбудило солнце, встающее из-за памятника. Когда Егор забрался на вершину, то он увидел с нее весь поселок, возвышающийся над остальным ландшафтом. Сам поселок находился на ровном возвышении вытянутой формы, длинные стороны которого располагались строго с запада на восток.

Егор вынул свою карту, составленную несколько месяцев назад. Провел пару линий от уже исследованных мест, посмотрел на небо, отыскивая глазами тусклое пятно солнца, затем снова подрисовал линии.

- Если мне ни с кем не изменяет память, то Каргалинский должен быть здесь. – Он нарисовал круг на карте, размером с мелкую монету.

- Ого, но ведь это километров двадцать пять в диаметре. – Матвей быстро прикинул масштаб.

- Была бы карта старая, знал бы точно. – Егор свернул листок и убрал его в карман. – Нам туда. – Кивнул он головой в нужном направлении.

Более зоркий Матвей, первым заметил на горизонте холм. Направление пришлось немного сменить, повернув в сторону полыньи, проделанной смерчем. Чем ближе они подходили к возвышенности, тем отчетливее осознавал Егор, что это именно то, что им нужно. Холм издалека напоминал круп лошади. Посередине прогибался, а к краям поднимался. Восточная часть, образно являлась шеей. Место головы должен был венчать памятник, который по понятным причинам теперь отсутствовал.

Полынья, оставленная смерчем, шла прямиком к холму. Егор всерьез опасался, что она разрушила лед вокруг него. За час, скорым шагом они достигли подножия возвышенности. Смерч прошелся по ней, зацепив краем. На холм удалось забраться без проблем.

Вычищенный ветром, до образующих пород, он уже не внушал такого оптимизма, как в надеждах. Никаких следов построек не осталось и в помине. Ни устоявшего против ветра фундамента, ни арматуры, ничего. Только красный песчаник, оголенный ветром, вымытый дождями и покрытый льдом. Егор печально обвел взглядом цель своего путешествия, к которому готовился два года. Матвей заметил его настроение.

- Может, на корабле еще поищем что-нибудь?

- Там нет того, что я хотел найти здесь. – Он немного помолчал. – Все смел*о*, как наждаком.

Поперек холма, там, где прошелся смерч, поверхность была всклокочена стихией. Ледяные глыбы мощными ударами взрыхлили мерзлый песчаник. Замерзшая вода из смерча сцементировала льдом потрепанный рельеф. Идти по нему было тяжело, ноги скользили по гладким кочкам, грозя подвернуть лодыжку.

Возвышенности, на которой стоял памятник, тоже досталось. Стоило ли говорить, что никаких следов от прежней жизни не осталось и на нем. Та же самая голая порода всюду, без намека на лежавшие когда-то здесь тяжелые ступени. Матвей взбежал на холм вперед отца. Сделал круг по вершине и спустился на противоположную сторону. Через минуту он выскочил с вытаращенными глазами.

- Там, дверь! Там, дверь есть! – Выкрикнул сын.

Егор прибавил шагу. Обогнул вершину и спустился на противоположный склон. Матвей кружился возле ржавого металлического косяка, торчавшего из мерзлой почвы. Эта сторона склона сильно отличалась от противоположной. Стихия пощадила ее. Поверхность здесь даже сохранила темный цвет. Возможно, это были остатки почвы или задержавшийся на поверхности ил. Найденная сыном дверь очень заинтересовала Егора.

Врезанный в землю косяк с дверью повредило смерчем. Ударившая в него льдина, попала по углу косяка и вывернула его наружу. Отошедшая от земли железка обнажила темный провал в подземный ход. Егор провел рукавицей по двери. Облупившаяся надпись не помогла прояснить происхождение этого артефакта из прошлого.

- Давай, дуй за инструментом. – Приказал Егор сыну. – Топор, монтировка и фонарь.

Матвей убежал без лишних вопросов. Егор попытался выдернуть рывком весь косяк, но тот сидел мертво. Ручки на двери не было, вдобавок ее заклинило поведенной рамой. Прибежал запыхавшийся сын с инструментом. Егор вставил в щель между дверью и косяком топор и немного расклинил ее. Матвей подсунул монтировку в получившуюся щель и налег на нее. Оба налегли на инструменты. Ржавый металл заскрипел под усилиями, но не поддался.

Егор переставил топор пониже, ближе к замку. Матвей снова подсунул монтировку. Дверь скрипела, но легко делиться своей тайной не хотела.

- Медвежатники из нас, не очень. – Егор вытер пот со лба.

Подсунул монтировку под дверь, желая снять ее с петель. Дверь застонала, как раненый носорог, поддалась на пару сантиметров и замерла, не желая двигаться дальше.

- Чем тяжелей, тем интересней. – Егор прекратил попытки и отошел в сторону. – Если силой не получается, приходиться напрягать «энтелект».

Интеллект, как то не особо помог с вариантами. Ни Егор, ни Матвей не могли придумать ничего оригинального.

- Если на ум не идет ничего стоящего, значит, будем удлинять рычаг и пробовать снова. – Решил отец.

- А может, попробовать срубить язычки замка топором? – Предложил Матвей.

- Ни в коем случае. Топор это кормилец наш. Не дай бог, сломаем. Лучше поднатужиться, но выломать.

Егор разобрал топор. У него была полая металлическая ручка и она входила в монтировку, позволяя немного удлинить ее. Егор подсунул конструкцию под дверь в районе замка. Отец с сыном налегли на рычаг и принялись выламывать дверь в раскачку. Металл заскрипел, затрещал. Рычаг упруго изгибался. Дверь отгибалась и возвращалась в прежнее положение. Когда Егор уже хотел бросить бесполезное занятие раздался громкий звук похожий на выстрел. Замок лопнул и дверь распахнулась. Егор и Матвей упали на землю и покатились кубарем по склону. Им ничего не стало на пологом склоне. Падение только рассмешило их.

Они поднялись к загадочной двери и уставились в темный проход. Егор вынул фонарь и осветил его внутренности. Небольшой слой

грязи на полу, лопаты, грабли у стены. На самой стене висели поливочные шланги.

- Понятно, это подсобное помещение для ухода за памятником. – Догадался Егор.

Они вошли внутрь. Ветер и последовавший за ним потоп, пощадили помещение. Слой грязи здесь оказался небольшим. Инструмент сохранился отлично и мог сгодиться еще. Вдоль одной стены стоял ряд шкафчиков. В них висела рабочая одежда, под ней лежали резиновые сапоги.

- Не то что мы искали, но лучше, чем ничего. В нашем дождливом климате, резиновые сапоги очень нужная вещь.

Матвей, что-то разворошил на верхней полке одного из шкафчиков.

- Пап, светани-ка сюда. – Попросил он.

Егор посветил. В руках у сына лежал веер разноцветных пакетиков с фотографиями цветов.

- Ух-ты, да это же семена цветов!

Егор с благоговением притронулся к пакетикам. Взял в руки один и потряс им, проверяя наличие семян.

- Берем все. Наша мама в них хорошо смыслит, на следующее лето разведет у нас сад.

Обнаруженное помещение оказалось не единственным. Неприметная фанерная дверь вела в еще одно. К счастью, она оказалась незапертой. Соседнее помещение оказалось в два раза больше первого. В центре него стояла железная емкость, к которой подходили трубы с вентилями.

- Что это? – Матвей впервые видел подобную конструкцию.

- Не знаю, наверное, для полива цветов и деревьев у памятника, а может это водонапорная башня? Высоко же.

В помещении валялось большое количество ржавого железа: обрезки труб, огромные гаечные ключи, покрывшийся цветным налетом окислов глубинный насос и множество разного хлама. Пахло здесь затхлостью и солидолом. Егор направил свет фонаря в сторону небольшой бочки из прессованного картона. Подошел к ней и заглянул внутрь. Так и есть, в бочке жирным блеском отсвечивала густая смазка. Егор проверил ее на палец.

- Для нашего плота незаменимая вещь. А то смазываем его, чем придется. – Егор рассмотрел матовую субстанцию и проверил ее на язык.

- Не особо-то мы разжились в этом походе. – Матвея совсем не тронули находки.

- Как сказать. Такого в наше время уже не производят, а солидол он не только, как смазка, но и как средство от ржавчины используется. Надо собирать все, что попадается, а там посмотрим, что сгодится, а что нет. А самый главный урок из нашей находки, надо перестать тешить себя надеждами поживиться на остатках городов и поселков. Ничего не осталось, всё сдуло к хренам собачьим в новый океан. На обратном пути снова заберемся на корабль и там поищем еще что-нибудь.

По скользкому склону Егор с Матвеем подтащили сани и загрузили на них бочку солидола, одежду, ржавые ключи и семена цветов. Они вышли на лед и снова направились к кораблю. Дорога не заняла много времени. Ориентиром служила полоса открытой воды, вдоль которой и шли.

На этот раз мужчины забирались в корабль со стороны надпалубных надстроек. Это были места, в которые они еще не добирались. Замерзшая вода внутри корабля позволяла не бояться наступать в темноте. Судно промерзло изнутри достаточно сильно. Никакого эффекта погреба не было и в помине. Через многочисленные отверстия морозный воздух с улицы свободно гулял по кораблю.

В темных лабиринтах коридоров они наткнулись на кухню или камбуз, по-корабельному. Большая часть всего, что было в этой комнате, покоилась на дне помещения, скрытое подо льдом. Но кое-что осталось лежать в хорошо закрепленных шкафах. На глаза попалось огромное количество металлических баночек с порошками разных цветов. Они были герметичными и, судя по сохранившемуся запаху, это были специи. Подписанные на латинице названия на большинстве из них были понятны без перевода. Перец черный, красный, белый, чили, травы сушеные, розмарин, базилик, укроп и прочие неизвестные и пряно пахнущие порошки. Несколько видов соли и сахара. От влаги они превратились в монолитные глыбы. Их находка являлась несомненной удачей. Сахара Горбуновы не видели в глаза уже давно, а выпаривание соли было процессом затратным в плане расхода дров. В

одном из шкафов большая металлическая бутыль с оливковым маслом. Но радость быстро сменилась разочарованием. После откупорки бутыли в нос ударил резкий запах прогорклого масла. Масло решили использовать для светильника прямо в той емкости, в которой его нашли.

Среди истлевших продовольственных припасов нашлись два больших пакета, килограмма по три, обжаренных кофейных зерен. Егор, опасаясь, что они тоже могли пропасть, открыл один из них. Он с наслаждением втянул носом густой и чистый кофейный аромат, такой, что непроизвольно потекли слюни.

- Катюшке найдем теперь занятие, будет целыми днями кофе молоть камнями. – Решил Егор.

Груз получился увесистым. Ради него пришлось оставить на корабле тяжелые ржавые ключи, и бочку солидола. Часть смазки переложили в небольшую кастрюлю, остальное оставили до следующего раза. На корабль собирались вернуться и может быть еще не раз.

Зиму в поселке можно было сравнить с медвежьей зимней спячкой. Обильные снега парализовали нормальное течение жизни в поселке. Работа кипела только в теплицах. Собранные по всем кораблям лампочки создавали необходимый свет для фотосинтеза. Летом «Пересвет» ходил на Шпицберген, чтобы оставить координаты поселка и заодно набрать семян, которые решили выращивать в теплицах. Для начала выбрали самые неприхотливые культуры с небольшим периодом вегетации: салаты, редис, огурцы. Он содержали большое количество витаминов и должны были разнообразить меню, состоящее в основном из рыбы, реже из мяса тюленей, или совсем редко, из мяса белых медведей.

Зелень выращивали методом гидропоники. В небольших емкостях с пресной водой, в которую добавляли морскую для создания питательного раствора, плавали ярко-зеленые пучки салата, петрушки и лука. Татарчук боялся, что у мужского коллектива может возникнуть какое-нибудь неприятие дурацкой травы, совсем не мужского блюда. Но первые признаки цинги, в виде расшатывающихся зубов и кровоточащих десен, заставили «альфа-самцов» с удовольствием поглощать траву. Редис, а чуть позже и огурцы, были встречены с пониманием.

Терехину и его команде удалось до наступления зимы установить десять передатчиков. Теперь он ждал сигнала. На пульте, представляющим собой коробку из фанеры, располагались в ряд десять светодиодных ламп. Под каждой находилось обозначение соответствующее горе, на которой находился передатчик. Частота у каждого передатчика была своя. Это было сделано для того, чтобы не заморачиваться с передающими речевыми устройствами. Передатчик должен быть простым и надежным, чтобы в течение многих лет сохранять работоспособность.

Целыми днями Виктор находился рядом с пультом, ожидая сигнала. У него это ожидание чуть не вылилось в паранойю. Всякий раз, когда он находился не у пульта, ему чудилось, что там раздается сигнал. Любой человек, идущий в его сторону, казался ему вестником этого события. За всю зиму пульт так ни разу не сработал. Терехин с нетерпением ждал весны, чтобы проверить исправность передатчиков и установить новые.

Формирование нового «лица» Земли продолжалось и на третье лето после катастрофы. Уровень воды на суше падал, а уровень океана напротив, поднимался. Грязь, мусор, оставшийся после человечества, образовали многокилометровые косы, вдающиеся в Карское и Баренцево моря. Наверняка, подобная картина наблюдалась и по всем побережьям планеты.

Для «Пересвета» поднятие уровня океана являлось большим плюсом. Огромной лодке теперь можно было строить более прямые маршруты, экономя энергию реактора. А он был основным источником электрической энергии в поселке. Когда-нибудь его силовая установка остановится, и этот момент станет началом новой эры человечества, распрощавшегося с последним достижением ушедшей цивилизации. Людям придется снова научиться обходиться обыкновенным огнем, и потребуются сотни лет, прежде чем появится забытое понятие ядерного расщепления.

Пузырь сероводорода поднялся из глубин черной маслянистой грязи. Он почти беззвучно лопнул, образовав на поверхности небольшую ямку, затянувшуюся за пару секунд. В воздухе отвратительно запахло. Терехин отошел от берега, чтобы не вдыхать тошнотворный запах.

Надежды на удачное завершение новой экспедиции ушли на болотное дно, вместе с лодкой и тремя передатчиками. В сумерках место для очередного ночлега казалось идеальным. Небольшие скалы образовывали уютную бухточку, в которой можно было спрятаться от ветра и развести костер. Но ровная водная гладь хранила под собой один секрет, к которому люди еще не были готовы. Отстоявшаяся чистая вода ушла в океан, а вся грязная взвесь, состоявшая из почвы, перемолотой ветром органики и песка, искусно маскировавшаяся под обычную воду, осталась. Скалы создали для этого явления благоприятные условия, отсекая течения, которые могли бы наполнить болота.

Мотор лодки сразу заработал натужно, когда вошел в бухту. В нос ударил неприятный запах сероводорода, а лодка клюнула носом, зачерпнув им приличную порцию густой жидкости. Сразу никто не поверил, что ситуация опасная. Лодка выровнялась и продолжила движение. Но опасность скрывалась под водой. Острый край скалы находился под самой поверхностью непрозрачной воды. Лодка зацепила его вскользь. Этого хватило, чтобы пропороть в борту дыру. Лодка крутанулась, потеряв ход, и стала медленно заполняться густой черной жидкостью.

- Да чтоб тебя! – Ругнулся Терехин. – Виктор, хватай покрышку и веревку и плыви к берегу.

Гренц схватил баллон от автомобиля, который чуть не оставили на базе, решив, что он занимает слишком много места в лодке. Взяв в руки один конец веревки, плюхнулся на покрышку животом, и изо всех сил погреб руками к берегу до которого было не меньше тридцати метров.

Дыру попытались заткнуть всем, что было на борту. Терехин снял нательную майку и попытался просунуть ее в щель, но сильно порезался о рваные края. Кровь смешалась с грязной жидкостью. Грязь, являя собой настоящую неньютоновскую жидкость, медленно и верно затягивала в себя лодку. Экипаж со страхом смотрел на опускающиеся в нее борта. Гренцу потребовалось около трех минут, чтобы доплыть до берега. Веревки едва хватило. Виктор уперся обеими ногами в камень и потянул лодку к себе.

Но беда, как говорится, не приходит одна. Неожиданно под кормой вырвался крупный газовый пузырь. Лодка ухнула в

образовавшуюся ямку, задрав нос. Два матроса и Терехин, не ожидавшие такой подлости от природы скатились прямо в грязь. Виктор Терехин почувствовал, как холодная жидкость на мгновение захлестнула его с головой. Панический страх заставил беспорядочно бить руками по воде, в надежде всплыть. Терехин ударился о борт, не почувствовав боли. Он нашел его край и подтянулся на руках.

- Аааах! – Громко вдохнул он воздух, выбравшись наружу.

Виктор завертел головой, пытаясь разобраться в ситуации. Он еще не совсем понял, что с ними случилось. Двое матросов, свалившиеся вместе с ним, ошалело вращали испуганными глазами, единственными светлыми пятнами на их лицах. Лодка на глазах погружалась в грязь.

- Бросайте лодку нахрен! – Крикнул им с берега Гренц. – Цепляйтесь за веревку и держитесь, а я вас подтяну.

Не привязать веревку к лодке было серьезной ошибкой. Но предусмотреть ситуацию, в которой оказался экипаж, никто не мог. Терехин и матросы, перебираясь по борту, подобрались к носу лодки. Веревка на поверхности не оказалось, она провалилась в грязь.

- Ногами, ногами ищите! Она не могла глубоко уйти! – Терехин понял, что если веревку уже не достать, то им ничто не сможет помочь.

Матрос Верещагин, подняв глаза к небу, словно оттуда должна была придти помощь, вздрагивая головой оттого, что ноги его совершали возвратно-поступательные движения, пытаясь зацепить веревку, на мгновение замер.

- Я, кажется, нащупал ее. – Он скрылся под водой, держась одной рукой за уходящий под воду борт лодки.

Через пару секунд он показался, держа в руке черную, блестящую веревку.

- Значит так, Верещагин первый, ты Гарифулин второй, а я замыкаю. – Приказал Терехин.

- Но, товарищ капитан второго ранга, давайте вы первым. – Предложил Верещагин, едва держась на поверхности.

- Давай, хватайся и ползи, не разговаривай! – Приказал Терехин, видя, как корпус лодки полностью скрылся под водой.

Не привыкший идти против начальства матрос, пополз по веревке. Второй матрос пополз следом. Терехин взялся за веревку последним и дал отмашку. Гренц изо всей мочи потянул к берегу трех здоровых

мужиков. Соленая грязь лезла в лицо, глаза, раздражала их, но мужики терпели. Выбор был невелик, либо на дно, пополнить собой углеводородный пласт, либо терпеть и отплевываться.

Экспедиция, тщательно готовившаяся всю зиму, закончилась совершенно неожиданно. Три оставшихся передатчика ушли на дно, как и запасы еды, рассчитанные еще недели на две. Но команда была спасена. Мужики отплевывались, высмаркивали грязь из носов и вычищали ее из ушей. Мокрую и грязную одежду пришлось снять, сполоснуть в более-менее чистой воде и развесить сушиться на камнях.

Первым делом команда осмотрела место, на котором оказалась. Скала представляла собой вытянутую с севера на юг гряду, которая как морской змей с шипастым гребнем, то уходила в воду, то показывалась над ней.

- Знаете мужики, в чем наша самая большая проблема? – Спросил Терехин команду и, не дожидаясь ответа, продолжил. – В том, что нам надо как-то доплыть до ближайшего передатчика и послать сигнал. А из всего, что может плавать у нас только этот баллон.

Все посмотрели на спасательный круг, снятый с какого-то автомобиля, выброшенного на скалы Новой Земли. Проделать на нем путь в сорок миль до ближайшей скалы, на которой уже был установлен передатчик, казалось нереально.

- А что делать? У нас нет еды, нет ничего, чем мы могли бы наловить себе рыбу. Да и откуда она возьмется в этом болоте? – Верещагин посмотрел на баллон, как на единственный шанс.

- Тогда к передатчику отправится кто-то один, а мы будем ждать здесь. – Предложил Гренц.

Виктор Терехин достал компас и лист бумаги, на котором сквозь грязные разводы проступал рисунок карты. Сориентировался по сторонам света и указал рукой на темнеющий горизонт.

- Вон, в том направлении гора, на которой стоит седьмой передатчик. Надо придумать, из чего сделать весло, иначе ладонями придется грести до второго пришествия. Раз ужина сегодня не будет, давайте разойдемся и поищем что-нибудь подходящее.

Команда разбрелась по горе. Виктор Терехин выбрал себе северную оконечность. В этом месте скала далеко выдавалась в темную, тягучую водную поверхность, выглядящую почти

неподвижной, несмотря на присутствующий ветер. Виктор осторожно ступал между камнями, внимательно рассматривая все места, в которые мог забиться мусор.

Слева шлепнуло и потянуло сероводородом. Виктор успел заметить затянувшуюся воронку, оставшуюся после выхода пузыря газа.

- То ли еще будет. – Произнес вслух Терехин, подразумевая, что процесс газообразования только усилится со временем. – Надо будет это место на картах отметить красным.

Он дошел до самого края, так и не найдя ничего подходящего. Скалы были вычищены ветром и дождями до стерильного состояния. С края уступа виднелась граница «болота». Примерно метрах в ста от того места, где находился Виктор волны чистой воды набегали на безмятежную темную поверхность болота. Терехину показалось странным, что эти две среды не смешиваются. Ведь открытая вода должна была размыть болото течением. Подумав, что дело в подводном рельефе, он вернулся назад.

Его команда уже сидела на камнях и ждала командира. Руки у всех были пусты.

- Ну, что у вас? – Спросил не сильно обнадеженный Терехин.

- Ничего, стерильно как в лазарете. – Развел руками Гренц.

- Я тоже ничего не нашел. – Пожаловался Гарифулин.

- И я ничего не нашел, но там, с той стороны, есть перешеек, до следующей скалы. Он под воду уходит. До скалы не больше километра, можно было бы сплавать, поискать там?

- Придется сплавать, хотя… – Терехин задумался, – там, скорее всего, будет тоже самое.

- Я готов, товарищ капитан, сплавать, проверить. – Верещагин даже схватился за баллон в порыве энтузиазма.

- Куда спешишь-то? – Удивился Гренц его порыву.

- Знаете, желудок уже начинает подводить, а я когда работаю, не так сильно о еде думаю. – Признался матрос.

- Куда мы смотрели, когда этого проглота с собой брали? – Добродушно усмехнулся Терехин. – Ладно, уж, плыви, Форест, плыви.

Верещагин лег на круг. Матрос был долговязым, отчего его ноги сильно свешивались в грязную жижу. Он заработал ладонями, как настоящий пароход винтами.

- Осторожнее там. – Напутствовал вдогонку командир.

Но тот уже не услышал, самозабвенно разгоняя спасательный круг.

Оставшаяся троица расселась по камням, наблюдая за удаляющейся фигурой матроса.

- А мы этого не предусмотрели. – Задумчиво произнес Терехин, не уточняя, что именно.

- Чего? – Не понял Гренц.

- Передатчик для самих себя, на такой случай.

- Ну да, мы же были уверены, что с нами ничего не случится. Мы же такие предусмотрительные, сто раз в переделках бывали.

Терехин ничего не ответил. Устало кивнул головой в знак согласия, запустил в грязные слипшиеся волосы обе пятерни и замер, как будто что-то обдумывал. Верещагин отплыл на большое расстояние, но прежде чем он достиг противоположного берега, наступила ночь.

Мошкара, для которой болото стало родным домом, лезла в лицо, нос и уши. Ее звонкое и надоедливое жужжание мешало заснуть. Мешали уснуть и звуки, доносившиеся из желудка. Урчание раздавалось из трех желудков поочередно. Это было похоже на то, как если бы человеческий орган вдруг осознал себя личностью и принялся разговаривать с себе подобными. К середине ночи желудки спелись до такой степени, что пытались исполнять одну партию разными голосами одновременно.

Терехин не выдержал пытки музыкой голодных желудков, да еще и комариного писка, встал и отправился на ощупь к берегу, ждать Верещагина, который запросто мог по глупости пуститься в ночное плавание. На берегу было тихо. Густая жидкость не плескалась по камням. Над водой появился первый утренний туман. Из-за кромешной тьмы его присутствие ощущалось по влажному зябкому прикосновению к коже рук и лица. Терехин посмотрел на свои командирские часы с фосфорными стрелками. До рассвета оставалось не меньше часа.

Наедине с собой, Виктор, как правило, автоматически вспоминал прошлую жизнь. Сейчас ему вспомнились туристические вылазки на природу с товарищами. Точно так же ощущался на лице утренний туман, если встать раньше всех, чтобы разжечь костер и приготовить

завтрак. Но звуков природы тогда было больше. Теперь же кроме комариного писка и звуков, производимых самим собой, Виктор не слышал больше ничего. Ему подумалось, что сейчас он находится не на скалистом острове, а в каком-то «мешке» без времени и пространства. На некоторое время даже идея с поиском людей показалась ему абсурдной своей бесполезностью. Будто она была нужна ему только для того, чтобы не верить, что он находится в «мешке». С первыми проблесками зари, глупые мысли развеялись сами собой.

Все уже привыкли, что первые два часа после рассвета стоит густой туман, в котором пускаться в плавание без компаса, сравнимо плаванию в темноте. Троица собралась на берегу в ожидании Верещагина, везущего известия.

Туман начал редеть. За час он почти растворился, позволив увидеть берег соседней скалы. Верещагина на нем не было видно. Ни на том берегу, ни на воде. Троица целый час всматривалась перед собой, не берясь делать никаких предположений относительно отсутствия их товарища. Первым не выдержал Гарифулин.

- А он доплыл вообще? Мы же не видели, вдруг там совсем трясина?

- Ладно, не паникуй раньше времени. С чего бы там была другая трясина? Там такая же трясина на вид, как и здесь. – Посоветовал командир.

Прошел еще час. Ничего не изменилось. Противоположный берег был пуст.

- А мы ведь даже не сможем узнать, что с ним стало? – Снова подал голос товарищ Верещагина.

- Зато ты можешь узнать, что случится с тобой? – Печально произнес Гренц.

- В смысле? – Не понял Гарифулин.

- В прямом, мы с командиром съедим тебя, чтобы дождаться, когда станет лед, по которому вернемся в поселок.

- Хватит страху нагонять, Виктор. Никто никого есть не будет. Пока. А если уж и приспичит, съедим по левой руке у каждого.

Слова командира не добавили оптимизма Гарифулину. Хорошее воображение матроса все сделало само, нарисовав в красках «радужные» перспективы.

- А может, попробуем рыбу наловить? – Неуверенно предложил матрос.

- Точно, соображаешь Русланчик. Мне как-то сразу сказка про то, как мужик двух генералов прокормил, вспомнилась. Давай, мы с командиром подождем здесь, а ты ступай, налови нам рыбы, да приготовь. – Усмехнулся Гренц.

- Сидите ладно. Что вы наловите здесь, кроме личинок мошкары?

- А что, если тот остров гораздо больше нашего? Верещагину же все осмотреть надо? – Предположил Гарифулин с надеждой в голосе.

Терехин понял, если Верещагин не вернется, то их участь будет плачевной. Спасательный круг, на котором тот уплыл, оставался единственной связью с внешним миром, надеждой сообщить о своем положении. Сейчас у них была только длинная веревка о двадцати пяти метрах. Чем она могла помочь Терехин не представлял. Разве что вздернуться. Нет, здесь не росло ни одного деревца, за которое ее можно было бы зацепить. Виктор решил не паниковать раньше времени, ибо паника не самый лучший помощник в трудных ситуациях.

- Виктор, тебе задание разведать запасы пресной воды на этой глыбе, а тебе Руслан, запасы провизии. Марш исполнять.

Гренц и Гарифулин не сразу поняли, насколько серьезен командир, ведь вчера они уже облазили всю скалу и ничего не нашли. Только суровое и однозначное выражение лица командира заставило их отправиться выполнять задание. Терехин остался наблюдать за берегом, откуда ждал появления отправленного на разведку Верещагина.

Минуло полдня. За это время на той стороне ничего не изменилось. Гренц вернулся и рассказал, что с водой проблем не будет. Запасы дождевой воды, собирающиеся между камнями, позволят пользоваться ими достаточно долго. Гарифулин вернулся с кислой миной.

- Нет здесь никакой еды, кроме мошкары. – Произнес он с чувством, будто в этом была чья-то вина.

- Хорошо, что вода есть. Будет время подумать, где еду раздобыть.

- Смотрите, смотрите! – Гарифулин подбежал к самой кромке воды и, приложив ладонь ко лбу, уставился на противоположный берег.

Там действительно появилось какое-то движение. Спустя минуту, удалось опознать Верещагина. Матрос бросил баллон в воду, сел на него верхом, и принялся чем-то грести, как веслом. С такого расстояние нельзя было рассмотреть, что у него в руках.

- Вот чертяка долговязый, нашел что-то. – Гренц пытался разглядеть, чем гребет его подчиненный.

Верещагин плыл быстрее, чем вчера, когда помогал себе одними руками. Пользовался он «веслом» неуклюже, часто разворачивался спиной к ожидающим его товарищам. Когда до берега осталось метров пятьдесят, матрос поднял над головой «весло» и потряс им, как воин знатным трофеем. Но даже с такого расстояния нельзя было понять, из чего он его сделал.

Лицо Верещагина светилось счастьем, даря надежду на хорошие новости. Терехин бросил ему веревку, когда до берега осталось метров пять. Бойца вытянули на камни, прямо верхом на круге. Гренц выхватил из его рук «весло», чтобы скорее удовлетворить собственное любопытство. На вид, это была жестянка, примерно миллиметровой толщины, с прямоугольными прорезями и сквозными отверстиями.

- Что это? – Гренц так и не понял происхождение и изначальное предназначение «весла».

- Это щиток от трактора, с капота снял. Там техники! – Верещагин закатил глаза и провел рукой над головой. – Море!

- Откуда она там? – Удивился Терехин.

- Похоже, что здесь трубопровод прокладывали. Там расщелина такая между скалами, клином идет, и в ней все забито техникой и трубами. Прям, запрессовано.

- Отлично. Значит, нам надо перебираться туда. Как это сделать? Что скажешь, Верещагин, есть там что-нибудь похожее на лодку?

- Не приметил, товарищ капитан. Там все камнями посечено. Целого ничего нет. Я этот щиток булыжником долго ровнял, чтобы руки не поранить.

- А что с водой? Болото до того берега? – Спросил Гренц.

- Нет, метров пятьдесят эта жижа, а потом вода становится чище. У того берега даже течение имеется. И там, кстати, есть озерцо с лягушками. Чистое, чистое.

- Ух, ну, слава богу, значит проблема только в том, как перебраться. А круг двоих выдержит? – Поинтересовался Терехин.

- Должен выдержать, но плыть по жиже будет трудно, слишком она вязкая.

- Главное, чтобы держала, а там как-нибудь догребем.

Они оседлали камеру. На нос с веслом сел Верещагин, Терехин за ним. Грести собирались по очереди, по мере потери сил. Жижа упорно сопротивлялась им. Баллон под двумя мужиками сильно просел и упирался в густую среду. Они выбились из сил, пока одолели эти несчастные сто метров. Дальше пошло намного веселее. С берега кричали довольные Гренц и Гарифулин. Терехин помахал им.

- Все получилось! – Успокоил их.

На второй половине пути появилось течение, сносившее баллон в сторону. Круг стало вращать.

- Двумя веслами было бы веселее. – Подумал вслух Терехин.

- Да ладно, управимся, немного осталось.

Когда была очередь грести Верещагина, Виктор Терехин принимался рассматривать воду в центре круга. Если с берега она казалась темной и почти черной, то под ногами она имела зеленоватый оттенок. Проточная вода не имела болотного запаха, но все равно, стекая с ладони, оставляла в морщинках следы грязи.

Терехин и Верещагин успешно доплыли и сошли на берег.

- Показывай, где эти сокровища лежат. – Попросил командир нетерпеливо.

- Это вам надо по правой стороне идти, и там, за поворотом увидите.

- Ладно, я пойду, а ты отдохни немного и отправляйся за следующими.

- Хорошо, понял. – Верещагин помялся. – Кушать хочется, товарищ капитан, там лягушки в луже живут, а за ней я, кажется, видел кусты зеленели, может, приготовите, пока мы плавать будем.

- Как же их приготовить без спичек и дров?

- Не знаю, товарищ капитан, вы умный, командир, придумаете как.

- Это ты, Верещагин, так ненавязчиво озадачил меня? Ладно, показывай, где это болото с жабами.

- Оно на другой стороне, вам надо сюда.

- Хорошо, я попробую приготовить этих лягушек, но вначале я посмотрю на технику.

Верещагин ничего не ответил, понимая, что и так здорово нарушил субординацию. Виктор повернулся спиной к матросу и пошел в сторону кладбища техники. Одежда на нем уже высохла наполовину. Перестала липнуть к телу, касаясь неприятным зябким холодом. Мысли у Терехина вернулись к оптимистичному настрою. Он даже вспомнил какую-то старую мелодию, и стал ее насвистывать.

Поворот скалы резко закончился, открыв взору коническую трещину, сплошь забитую ржавым мятым железом, грязью и камнями. Зрелище напоминало последствия схода селя. Как и рассказывал Верещагин, среди железного хлама угадывались мятые трубы большого диметра. Не иначе, где-то рядом, прямо по курсу движения урагана прокладывали трубопровод. Виктор взобрался на кучу. Железо выглядело настолько изувеченным, что определить ее первичное состояние не представлялось возможным.

Терехин, пока не увидел завал своими глазами, надеялся, что из этой груды можно будет выбрать что-то стоящее, из чего получится сделать подобие лодки и всей командой доплыть до ближайшего передатчика. К сожалению, этому варианту ветер не оставил шансов. Он спрессовал технику в монолит.

Виктор осторожно добрался до того места, где сходилась расщелина. Здесь он воочию убедился, насколько мощной была стихия, впечатавшая многотонную технику в скалу. Железо копировало скальный рельеф до каждой выемки или наоборот выступа. Несомненно, это место следовало занести на карту. С помощью техники или приспособлений ее можно было бы растащить и попытаться выбрать для нужд поселка что-нибудь полезное.

Завал, как памятник технократическому пути развития человечества, источал запах резины, пластика и нефтепродуктов. Запах этот был слаб, но отвыкший от него человеческий нос, сразу уловил его ностальгический аромат. Терехин нашел тот капот, от которого Верещагин оторвал щиток. Нос трактора возвышался над общей кучей. Он стоял поперек движения ветра, отчего одна сторона пострадала намного сильнее другой.

Каждый раз, когда Терехину попадалась техника, он старался не думать о тех, кто находился в ней во время катастрофы. Если он это делал, мысли сразу перескакивали на свою семью, и он против воли думал о том, каким образом она погибла. Иногда его захлестывала

такая тоска, что он на несколько дней терял покой. Чтобы снова не поддаться нежелательным мыслям Терехин оставил свалку техники и перешел на обратный склон.

С вершины он увидел, как на противоположном островке суетятся его товарищи, собирающиеся переплывать. А прямо перед ним лежал небольшой оазис. Верещагин, скорее всего, не заметил его, раз промолчал. Небольшое озерцо Виктор разглядел сразу. Оно образовалось в чаше из камней, сошедших со скалы. В диаметре водоем имел около двадцати метров. Справа от озера рос небольшой пятачок леса, точнее сказать отрастал.

Поваленные ветром деревья лежали в окружении свежей зеленой поросли. Виктору стало очень тепло на душе от мысли, что этот маленький уголок природы смог противостоять стихии, и теперь пытается так же, как и сам Терехин выжить в новом мире. Виктор спустился со скалы, чтобы разглядеть природный феномен.

Еще издалека нос уловил запах зелени. В озерце квакали лягушки, у самой воды гудела мошкара. Виктор осторожно ступил на землю, из которой торчали молодые побеги и чтобы не примять их, аккуратно сел на поваленный ствол дерева. Провел пальцами по слабеньким стебелькам растений, удивляясь, сколько желания жизни в этих хрупких созданиях. Воздух в этом месте был просто фантастический. От него кружилась голова, и не хотелось ни о чем думать. Даже мошкара, которая вдруг осознала, что вынужденному вегетарианству конец, не могла поколебать приятное состояние эйфории.

Здесь можно было раздобыть и дрова, чтобы приготовить лягушек. Терехин решил, что готовить экзотику он не мастак, поэтому занялся приготовлением дров. Нашел подходящий ствол дерева, выдернул из опутавшей его травы и отнес поближе к озеру. Дерево было влажным. Виктор расщепил его острыми камнями на чурбачки и разложил на камни, сушиться.

Вскоре появился Верещагин.

- Ты чего? – Спросил его Терехин, ожидая увидеть Гренца или Гарифулина.

- Устал, товарищ капитан. Виктор вернулся за Русланом.

- Понятно. Жаб готовить умеешь?

- Жаб не пробовал, но устриц на речке варил часто.

- Варить тут не в чем, жарить придется.

- Справлюсь, товарищ капитан.

- Как огонь разведем? – Поинтересовался Терехин.

Вместо ответа матрос откинул полу кителя и показал на пришитый карман.

- И? – Не сразу сообразил капитан.

- Тревожный кармашек. – Верещагин запустил туда пальцы. – Пакетик соли, спички запаянные, таблетка сухого горючего запаянная, две таблетки для обеззараживания воды, тоже запаянные и свисток, для отпугивания акул. – Матрос выложил содержимое тревожного кармашка на камень.

- Круто, Верещагин. Надо будет каждому пришить тревожный кармашек. У тебя все есть, что нам сейчас нужно. А свисток-то зачем?

- Я подумал, что раз океаны выплеснуло на сушу, то могло ведь и акул занести. Я сейчас плыл, а сам думал, не дай бог, где акула рядом.

Терехин рассмеялся. При всей практичности матроса, воображение у него работало чересчур активно.

- Это вряд ли, ветер убил все живое, что подхватил из океана, кроме одноклеточных.

- Вы в этом уверены, товарищ капитан? – Верещагин посмотрел на командира, как следователь на подозреваемого.

- Абсолютно.

Влажная древесина давала много дыма, плохо горела и в результате нанизанные на прутики лягушки получились наполовину копчеными. Но все равно никому даже на ум не пришло покритиковать получившееся блюдо. Мужики обжигались, дули на тушки, но с удовольствием их поглощали, выплевывая на камни мелкие косточки. Наесться от пуза все равно не получилось, но чувство голода отступило.

- Давайте мужики, внимательно обыщем остров, может, найдем что-нибудь, на чем получиться доплыть до передатчика. Если нет, сделаем запас провизии для того, кто отправится к передатчику. – Предложил командир.

Терхина выслушали, но по осоловелым взглядам товарищей он догадался, что ночью они тоже плохо спали. Виктор понял, что сейчас не лучшее время заставлять их работать.

- Идемте, я покажу вам, где можно поспать.

Он отвел команду на «живой» пятачок. Парни здорово удивились оазису, сохранившемуся после катастрофы. Если бы не затуманенный усталостью разум, то реакция была бы более бурной. А сейчас все оценили, что можно удобно лечь на траву, которая такая же мягкая, как домашняя постель и уснуть. На несколько часов «оазис» превратился в царство сна, наполненное храпами.

Кроме кладбища техники и «оазиса» скалистый остров больше ничем не удивил. Так как призрак голодной смерти больше не маячил перед людьми, а их экспедицию еще не ждали так рано, было решено немного задержаться на этом острове, чтобы разгрести «кладбище». В первую очередь хотелось найти подходящий материал для строительства плота, а во вторую, с инвентаризационной целью.

Это было нелегко. Структура «кладбища» спрессовалась и слежалась. Каждый камень и железка были на своем месте в этом монолитном «винегрете». На первое время пригодились бревна, которые использовали вместо рычагов. Но древесина их уже была подернута гниением и бревна часто ломались. К тому времени, когда не осталось ни одного бревна нормального размера, у команды уже появились железки, которыми можно было что-то поддеть и сковырнуть.

Помимо техники, были опознаны и вагончики, в которых жили рабочие. Все находилось в крайне разбитом, раздавленном состоянии, да еще и со сквозными отверстиями.

- Я, мужики, даже представлять себе не хочу, что творилось здесь, когда начался этот гребаный ветер. – Произнес как-то Гренц во время «перекура». – Как нам повезло, что мы оказались в походе.

С ним согласились. Когда нашли вагончики-бытовки, стало страшно, что в них могут находиться трупы. Этот страх и подстегнул воображение кадрами мученической смерти рабочих. Хотя, скорее всего она была быстрой, но из-за того, что смерть была несправедливой, чувство, что люди, погибшие по вине катастрофы мученики, осталось. К счастью, останков людей в вагончиках не обнаружилось. Зато были обнаружены кое-какие припасы. Консервы, несколько чудом не раздавленных баночек с рыбой, консервированными фруктами и датской ветчиной. Из завала достали почти не поврежденный сейф. По нему хорошо приложились большой глыбой, и он лопнул, открыв содержимое своих внутренностей.

Внутри хранились банковские упаковки денег, ключи и какая-то документация. В прошлом, это все ценилось и потому хранилось в сейфе, сейчас же находка вызвала разочарование. Всем хотелось найти еще консервов, или еще лучше, алкоголь. Мужики скучали по хорошим посиделкам за рюмкой.

Через неделю разбора завала, рядом с ним появились несколько сортированных горок. Камни, различное железо, продукты, бытовые принадлежности и прочие остатки человеческой цивилизации. К всеобщей радости был обнаружен вагончик, служивший столовой. Несколько смятых в лепешку алюминиевых кастрюль, не пробитых камнями, вынули и осторожно распрямили. Теперь лягушек можно было не только жарить, но и готовить из них бульон.

Все запасы еды, что были обнаружены в вагончике-столовой, были повреждены и уничтожены водой. Зато здесь нашлись ножи и ложки, которые вполне могли пригодиться. Но предметов действительно необходимых для постройки плота все никак не находилось. Терехин уже отчаялся поймать удачу за хвост и всерьез задумался о том, чтобы отправиться к передатчику в одиночку. Положение спас счастливый случай.

Команда разгребала очередную гору камня, наваленного поверх здоровенного бульдозера. Кабину трактора сплющило, но капот и мощная лопата выдержали напор стихии, держа на себе огромный вес камней. Верещагин выдернул из кучи камень, и в образовавшуюся дыру потекла темная маслянистая жидкость. По всем признакам это было машинное масло. Гору камней раскидали по-быстрому, обнаружив под ней скопление больших пластиковых бочек с моторным маслом, и маслом для гидравлики. Бульдозер прикрыл их собой от убийственной силы ветра и принял на себя часть веса камней.

Несколько бочек в самой глубине оказались абсолютно целыми. Эта находка означала, что проблем с постройкой плота больше нет. Дабы не портить экологию и не разбазаривать необходимый ресурс, часть прохудившихся бочек заклепали деревянными заглушками и перелили в них масло. Не пострадавшие емкости пустили на поплавки для плота, накрыв их панелями от вагончиков-бытовок.

Самодельное судно держалось на воде неплохо. Из подручных материалов соорудили шалашик и мангал для приготовления еды. Так как это были только лягушки, часть их взяли на борт живьем. Этот

случай позволил команде обрести опыт и знание, что из любой ситуации можно найти выход, если действовать активно.

Столько забот не выпадало ни одной женщине со времен библейской Евы. За каждодневными заботами Джейн не чувствовала течения времени и не впадала в мрачные мысли. Все шло своим чередом. Ведение хозяйства отнимало все время, которое не было посвящено Анне. Сильные морозы и ветр*а* навели Джейн на мысль, что их домик необходимо засыпать снегом, чтобы избавиться от сквозняков. Когда она сделала это, тепло в доме стало держаться гораздо дольше. Это было весьма кстати. Заготовка дров для Джейн являлась настолько тяжелой физически, что лишний повод не заниматься этим, воспринимался, как праздник.

Чем старше становилась Анна, тем больше в ее внешности угадывались гены отца. Девочка стала горластее, требовала к себе больше внимания, любила бывать на улице и ревела, когда возвращалась домой. Джейн смастерила из железок и автомобильного пластика сани, в которых катала закутанную в отцовский шерстяной костюм дочку. Казалась, что маленькая Анна не чувствует холода. Она изматывала мать, лазающую в снегу по колено, а где и по пояс.

Тяжелый труд и вечные заботы истощили Джейн. Как-то принимая душ, она разглядела себя. Ребра и кости таза топорщились из-под натянутой на них кожи. Только полная молока грудь выглядела на их фоне частью тела, которому достаются все соки. Джейн поняла, что пора заняться собой. Такой работой можно было загнать себя в могилу. Она налегла на калорийную пищу и плюнула на долгие покатушки по сугробам. Приделала жесткую ручку к саням и толкала их взад и вперед, стоя на одном месте. Буквально за месяц кожа сгладилась, а острые углы тела скруглились.

Когда Анне исполнилось полгода, подул первый ветер, принесший оттепель. Со скал потекли звонкие ручьи. Ночью их прихватывал мороз и скоро перед домом образовались сосульки от верхнего навеса до самой земли. В душу Джейн первые отголоски весны принесли какую-то радостную грусть. Было так хорошо оттого, что начинается весна, но не с кем было поделиться этой радостью. Не хватало Игоря, за спиной которого она могла бы наслаждаться весной, не задумываясь о ежедневных проблемах.

Полугодовалая Анна уже могла сидеть, если её подпереть со всех сторон валиками. Мать занималась работой по дому, а дочка сидела в окружении разных ярких вещей, которые Джейн считала безопасными для ребенка. Анна либо мусолила игрушки, либо наблюдала за матерью. Джейн не могла пройти мимо дочери, не оказав ей знака внимания. Она могла «чпокнуть» ртом, показать язык, сделать «бу!». Анна всегда ждала этого и искренне смеялась над одними и теми же шутками бесконечно. Сейчас Джейн полностью свыклась с мыслью, что она мать, что у нее есть дочь и, обращаясь мыслями к прошлому, не могла представить, что у неё когда-то не было Анны.

Серо-коричневый мир оживал. Майские грозы с проливными ливнями быстро растопили весь снег. Уровень воды в заливе поднялся, но незначительно. Памятуя о прошлогоднем цунами, Джейн перенесла часть запасов вверх по горе, соорудив на ее обратной стороне временную палатку. Она помнила, что в прошлом году волна пришла в самом конце мая. Но чтобы не испытывать судьбу Джейн решила, что безопаснее этот месяц прожить в палатке.

Уровень комфорта в ней был минимальным. Всё в палатке было неудобным. Самодельная печка пропускала дым, тепло не держалось в тканевых стенках. Готовить пищу приходилось на костре, на улице. Дочку Джейн купала в кастрюле. Но им надо было выдержать этот месяц, чтобы быть уверенными в том, что их не накроет огромная волна цунами.

За время жизни в палатке природа преобразилась. Лягушек развелось много, и если вечером спуститься к воде, можно было поскользнуться на них. Мошкары разной тоже развелось предостаточно. По вечерам они гудели за стеной палатки, привлекаемые теплом печки. Джейн пришлось сделать для Анны дополнительный балдахин, потому что настырная мошкара находила щели и проникала в палатку.

С вершины горы было видно, что поверхность залива зеленеет от обилия водорослей, разрастающихся с необычайной скоростью в потеплевшей воде. С обратной стороны острова вода по-прежнему являлась темной. К настоящему времени длинные плоские стебли водорослей стали, чуть ли не основным рационом питания. Консервированные продукты подходили к концу. Джейн со страхом

представляла тот день, когда они закончатся и ей придется питаться тем, что подарила природа.

Гастрономический выбор был не велик. Водоросли, мошкара и лягушки. Джейн впервые серьезно задумалась о земноводных. Как биолог она понимала, что лягушки это такая же еда, как курица или говядина. В качестве эксперимента она попробовала сварить суп из них. Наловила с десяток, разделала их, вымочила в воде на всякий случай, в основном из-за брезгливости. Сложила их в кастрюлю и сварила бульон. Получилось наваристо и вполне съедобно. Мысли о голодной смерти отступили. Этого добра скакало в округе на сто лет вперед ежедневного питания. Джейн попробовала пожарить лягушатину на костре, и тоже вышло неплохо.

Когда стало понятно, что наводнения ждать не стоит, Джейн с дочкой спустились в свой дом. Первое, что почувствовала она после месяца проживания на вершине горы, это болотный запах, исходящий от позеленевшей воды залива. И еще она заметила пузыри поднимающиеся над водой. Джейн догадалась, что насыщенная органикой вода не может остаться без внимания микробов. Стоячая вода залива прогревалась лучше проточной, провоцируя рост микробов. Как ученый, девушка понимала, что дом их через год или два придется переносить на обратную сторону горы, потому что воздух в заливе станет чересчур насыщен метаном и сероводородом.

В середине лета Анна произнесла первое слово, и это было ее собственное имя. Его она слышала чаще других и невольно выучила первым. Джейн от чувств, прижала дочку к себе и расплакалась. Ей хотелось разделить эту родительскую радость с Игорем. После первого слова Анну прорвало. Она с каждым днем становилась все говорливее и, кажется, ей самой это доставляло огромное удовольствие. Джейн не переставала исследовать свалку и как-то раз нашла сильно размокшую детскую книжку с яркими иллюстрациями. Осторожно высушила ее, подшила переплет нитками и читала по вечерам с дочкой перед открытой печкой, представляя себя перед камином.

Получалось забавно, потому что Джейн разговаривала с Анной почти все время на английском, а книжка была на русском. Джейн старалась передавать эмоции, сильно коверкая русские слова, местами не понимая, о чем идет речь. Для Анны это не играло ровно никакого значения. Она ждала каждый, когда мать сядет перед трепыхающимся

пламенем лучины и начнет, играя голосом, читать книгу. Джейн иногда отвлекалась от книги, чтобы посмотреть на реакцию дочери. В ее любопытных распахнутых глазах мерцали отблески живого огня. Дочь слушала мать и смотрела на нее с искренним интересом. Джейн в такие минуты понимала, что она для Анны целый мир, который дочь любит безусловно, и в который беззаветно верит.

Зимние сани превратились в коляску. Когда Анна не хотела спать, а Джейн считала, что ей надо немного поработать, дабы ни в чем не нуждаться зимой, она ставила коляску с Анной на берег, а сама отправлялась «охотиться» на свалку. Прошлогоднее цунами многое перевернуло, подняв со дна. В основном это были сильно поврежденные автомобили, некоторые с истлевшими скелетами внутри, а так же камни и совсем немного деревьев. Степные края не отличались лесистостью. Из инструментов у Джейн имелся лом, домкрат, для разгибания мятых кузовов автомобилей и топорик. Этими нехитрыми приспособлениями ей удавалось обеспечивать себя всем необходимым.

Продовольствия со временем попадалось все меньше. Люди не хранили консервы в автомобилях. Когда Игорь только начал обследовать свалку, ему попались два коммерческих грузовика с продуктами. Больше таких подарков судьбы не попадалось. Приходилось собирать по крохам. Вот чего было не отнять в русских автомобилях, это алкоголь в бардачке. В их домике уже стояло несколько бутылок водки и виски, оставленных для медицинских целей.

Однажды, Джейн нашла бутылку красного вина. Вот тут она уже не смогла сдержаться. Приготовив лягушек, Джейн откупорила бутылку вина и открыла банку с зелеными оливками, фаршированными анчоусами. Повода для праздничного ужина не было, но Джейн посчитала, что бутылка хорошего вина достойный повод, чтобы совместить его с французской кухней. Наутро у нее болела голова, а дочка покрылась красными пятнами диатеза.

- Алкоголь зло! – Объяснила она Анне их не очень хорошее утреннее состояние.

Молока у Джейн было достаточно, но она понимала, что пора начать прикармливать Анну обычной пищей. Начала она с измельченных водорослей, сваренных в лягушачьем бульоне. Вначале,

Анна осторожно относилась к такой еде. Плямкала ее на передних зубах и пускала по подбородку вместе со слюной. Джейн экспериментировала с солью, пытаясь найти секрет вкуса. На самом деле нужно было время, чтобы Анна привыкла к необычному для нее вкусу пищи. Когда же она распробовала, то сама открывала рот перед каждой ложечкой.

Джейн находила в автомобилях большие пластиковые бутылки из-под газированной воды и минералки. Она не выбрасывала их, и скоро за домом образовалась целая свалка таких бутылок. Из-за дочки, Джейн не решалась пить напитки, сделанные из подсластителей, красителей и ароматизаторов, хотя ее тянуло попробовать их на вкус. Сотни литров лимонада были безжалостно вылиты в водоем, а пустые бутылки оставлены на всякий случай.

К концу лета у Джейн появился концепт будущего плавательного средства. Воздух в заливе окончательно испортился, а перед тем, как начаться холодам, над ним сел густой туман. Неподвижный воздух накапливал поднимающийся со дна газ. Джейн всерьез испугалась отравления газом. Для себя она твердо решила, что это последнее лето в домике у самой воды. На следующее она решила перенести его на обратную сторону острова, для чего ей нужен был плот.

На берегу лежало большое количество листового железа, оцинкованного и покрытого пластиком, с заборов и крыш домов. Джейн немного стала разбираться в предназначениях болтов, гаек и ключей, которыми их крутят. Она нарезала несколько листов длиной метра в три, состыковала их между собой, набила по стыку дырок и скрутила болтами. По той стороне, которое должно стать днищем плота, она пропустила крест-накрест железные уголки, в которых уже имелись отверстия. Прикрутила их к настилу, чтобы он обрел жесткость. Из кусков настила сделала «юбочку» для плота, которую собиралась наполнить пустыми бутылками.

Джейн сообразила, что плот дальше надо собирать на воде, иначе будет затруднительно его туда стащить, когда он обрастет всеми задуманными конструкциями. Наделала вязанок из пустых пластиковых бутылок, закрепила их на дне и перевернула плот в воду. Ей показалась, что осадка плота недостаточная и добавила еще пластиковой тары.

Джейн давно заприметила пикап, который без надобности ржавел на краю свалки. Салон его был сильно поврежден, но грузовой кузов сохранился в неплохом состоянии. От остальной части машины его пришлось откручивать, а где и помогать топором. Сам по себе кузов весил немного. В его основании имелись дренажные отверстия, через которые Джейн прикрутила его к полу и сделала над ним навес. На оставшееся свободное место водрузила автомобильное сиденье. Это был капитанский мостик, с которого Джейн управляла своим кораблем. Из металлических трубок и лопастей вентилятора охлаждающего радиатор Джейн сделала весла. Она догадалась приделать по бортам уключины, чтобы удобнее было грести.

Готовый плот стоял у северной оконечности острова, потому что водоросли в заливе не давали сдвинуть его с места. Джейн проверила изобретение в деле. В кузов она поставила еще одно сиденье, и посадила туда Анну. Дочь немного побаивалась воды, но стоило им тронуться, как ее страх сменился восхищением. Она беспрестанно лопотала, вставляя в конце каждой фразы: «Да, мам?».

- Да, дочь. Все именно так, как ты говоришь. На этом кораблике мы отправимся с тобой в большое путешествие. Найдем хорошее место, где можно будет жить и ни в чем не нуждаться, или найдем людей, среди которых ты найдешь себе мужа, когда вырастешь. А сюда мы с тобой будем приплывать изредка, чтобы навестить могилу твоего отца. Вон она, кстати, отсюда ее хорошо видно. – Джейн кивнула в сторону посадочного модуля.

Анна лохматила себе прическу и показывала растопыренной пятерней во все стороны.

- А знаешь, как тебя зовут по-русски? Анна Игоревна. Не думаю, что мы с тобой когда-нибудь сможем нормально произнести это имя. Русский язык очень сложный.

Анна проболтала что-то нечленораздельное.

- Да, примерно, такой. – Усмехнулась мать.

Первый заплыв подсказал Джейн, что нужно доделать в конструкции плота. В основном это касалось закрепления пустых бутылок. Течение сдвигало их назад, из-за чего нос постоянно клевал, зачерпывая воду. Джейн поняла, что уключины придется смазать маслом, иначе скрипучий звук весел сведет ее с ума. В остальном все прошло успешно.

Во второй заплыв Джейн испытала грузоподъемность плота. Она была достаточной, чтобы заполнить различным грузом кузов до бортов. Ей оставалось ждать следующей весны, чтобы начать переселение. Такого идеального места, которое сейчас было у них, найти для нового дома вряд ли бы удалось. Джейн приглядела площадку, недалеко от кромки воды. Там находилась закругленная вертикальная стена, но без навеса. Переживать по этому поводу она не стала, так, как у них было достаточно материала, для накрывания крыши. Руки ее уже привыкли мастерить, а ум стал более смекалистым.

Покончив с плотом, Джейн принялась за дрова, и за заготовку лягушек. Одну половину дня она тратила на колку дров, а вторую ловила, разделывала и коптила лягушек. Благо, различной щепы, оставшейся от колки дров, у них было предостаточно. Ладони у Джейн загрубели и стали мозолистыми. Мышцы на руках стали больше и жестче. Она в шутку стала называть себя Железным Дровосеком, что применимо было и к ее характеру.

Заготовка дров выявила неожиданную неприятность. На свалке их почти не осталось. Возможно, под толщей мусора они еще лежали, но с поверхности было уже не добыть. Без того неприятная и тяжелая работа, чуть не погрузила Джейн в уныние. Планы по переносу домика на обратную сторону могли смениться на большой переезд, в поисках более удачного места. На всякий случай Джейн сделала небольшой запас резины и пластика, если дрова закончатся раньше, чем зима.

Случилось это своевременно. Зима не замедлила начаться. Вначале сильно завьюжило. Крупные хлопья снега, гонимые сильным ветром, падали в темную воду, еще не успевшую покрыться льдом. Сидя в доме, сквозь треск горевших в печке дров, можно было расслышать, как на улице бьются о берег волны, и гуляет в камнях ветер. Из-за этого дом казался еще более уютным, теплым и сухим. Видимо от скуки Анна решила начать ходить.

Джейн занималась готовкой, повернувшись к дочери спиной. Она вздрогнула от неожиданности, когда к ее ноге притронулись. Анна держалась за материн подол, задрав хитрую мордаху вверх. Вестибулярный аппарат и слабые ноги ребенка не выдержали, и она шлепнулась на попу. Джейн, не веря своим глазам, подхватила Анну на руки и расцеловала. Затем опустила её на пол и отошла на два шага.

Дочь, смешно двигая телом, сделала несколько неловких шагов и упала в вытянутые материнские руки.

- Ах, ты моя зайка! Совсем большая стала!

С этого момента спокойная жизнь для Джейн закончилась. Анна с приобретением мобильности, прибавила и самостоятельности, и лезла везде, куда ее не просили. Теперь надолго поворачиваться спиной к ней было опасно. У Джейн совсем не стало свободного времени, из-за постоянного контроля дочери, которая могла что-нибудь на себя опрокинуть, съесть или забраться, куда не следовало. Зима прошла незаметно в родительских заботах и беспокойстве. На себя оставались считанные минуты, когда Анна спала. У Джейн появилось чувство дежа вю, будто она снова на МКС. Жизненное пространство сократилось до внутренних размеров домика и пары квадратных метров перед ним.

Глава 11

Глава 11

Следующая зима на Новой Земле оказалась еще теплее и снежнее, чем предыдущая. Снега выпало столько, что поселок к середине зимы оказался засыпанным выше крыш и проходы между домами осуществлялись по снежным тоннелям. Одним словом снег полностью парализовал работу. Если бы в поселке жили дети, то они бы высоко оценили разветвленную сеть проходов, внутри которых постоянно царил почти полный мрак. Привыкшие к темноте глаза различали очертания стенок тоннелей, но те, кто заступали на смену в поселке с подводной лодки, двигались по ним с вытянутыми вперед руками. Положение спасали отверстия в потолке, но их постоянно заметало новым снегом.

Вестей с американской подводной лодки так и не поступило. Координаты поселка, оставленные в Хранилище, остались нетронутыми. Терехин очень рассчитывал на то, что дела у американцев идут хорошо и только поэтому они не спешат с возвращением. Матросы с «Монтаны» чаще остальных посматривали на горизонт, ожидая увидеть там силуэт своего корабля, но он все никак не появлялся.

К весне снег здорово осел. Тоннели стали проседать и обваливаться. Местами их обваливали нарочно, чтобы никого не придавило. Тепло пришло неожиданно, мощно и задержалось надолго. Снег поначалу проседал под собственным весом, впитывая влагу, а когда набрал критическую массу, начался настоящий потоп. Вода побежала ручьями под снегом, затапливая дома. Жителям поселка пришлось срочно копать траншеи в снегу, перенаправляя потоки подальше от жилья.

Вешние воды бурно устремились в океан. Берега искусственных траншей из снега расширялись на глазах, разъедаемые потоками грязной воды. Татарчук, как руководитель поселка решил, что строить новые дома разумнее на возвышениях. Весенний потоп показал, что если немного затянуть с отведением воды, то можно вполне затопить

все дома под крышу. В случае с теплицами это было совсем недопустимо.

Как только закончился паводок, и установилась стабильная погода, Терехин начал готовиться к очередной экспедиции. На этот раз он решил передатчиков больше не ставить. Задумал половину судоходного сезона идти на юг, вдоль западной стороны Уральских гор, пытаясь найти людей, а вторую половину возвращаться назад, но уже по восточной стороне, чтобы увеличить вероятность найти тех, кто сумел выжить.

Экспедиция в этот раз готовилась тщательнее. Теперь у каждого матроса имелся спасательный жилет, набор для выживания, состоящий из запаянных спичек, перочинного ножа и магниевых петард. По пути Терехин решил проверить уже установленные передатчики, выяснить, как они перенесли зимовку.

Как только берег очистился ото льда, небольшая шлюпка с четырьмя гребцами отплыла от берега. Начальный маршрут был хожен несколько раз, и следование по нему позволило обойти все неприятности, не теряя темпа.

Передатчики хорошо перенесли вторую зиму и находились в исправном состоянии. Терехин поменял некоторые продукты питания на новые, а старые взял с собой в дорогу.

Через три недели шлюпка зашла в те края, которые не достигала еще ни разу. Теперь за обстановкой приходилось следить тщательнее. Чем южнее, тем выше была вероятность попасть в заболоченные места. Терехин это понимал, и потому добровольно назначил себя главным вперед смотрящим. Когда они вошли в стоячую воду, поверхность которой сплошным ковром покрывали водоросли, лежавшие на поверхности подсыхающими шапками, для экипажа лодки это стало неожиданным сюрпризом. Такого в окрестностях Новой Земли еще не было.

Чем южнее, тем чаще встречались такие поля. Как правило, они попадались ближе к горам, где потоки воды застревали между гор. На равнинах вода текла, не способствуя распространению водорослей. Но задача Терехина была как раз в поиске людей, которые могли выжить, только находясь в горах. Поэтому шлюпка, рассекая острым носом водоросли, подходила к скалам в надежде найти на них людей, или хотя бы следы их пребывания. Пока им не везло.

Терехин отмечал, что природа не собиралась умирать. Часто попадались скалы, на крутых склонах которых зеленела трава или молодая поросль кустарников и даже деревьев. Еще экзотичнее смотрелись дельфины-белухи, неожиданно появившиеся рядом со шлюпкой и рассматривающие людей, как будто уже не чаяли увидеть их живьем. Хотя это люди считали себя почти единственными выжившими из крупных млекопитающих. От этой встречи на душе людей стало легче, и хотелось надеяться, что на душе у дельфинов тоже.

Только люди до сих пор не попадались, и даже не было никаких намеков на следы их существования. По дороге команде часто встречались места, где можно было переждать катастрофу. Некоторые вершины имели пещеры, входы в которые располагались на обратной от направления ветра, стороне. Многие из этих пещер оказывались залитыми грязной жижей, но большинство оставались сухими и пригодными для жизни. Терехин тщательно переносил на карту все пещеры, полагая, что в будущем они могут быть заселены.

Команда Терехина, отвыкшая от понятия нормального теплого лета, с удовольствием нежилась под бледным пятном еле просвечивающего солнца. Несмотря на грязную атмосферу, благодаря которой воздух планеты нагревался равномернее по широтам, чем до катастрофы, в двух тысячах километров от полярного круга он все равно прогревался лучше. Верещагин даже осмелился искупаться и прыгнул за борт с разрешения командира. Но ледяная вода быстро вернула его на место. К тому же, по его словам, в воде кто-то плавал.

По расчетам Терехина, максимум через пятьсот километров должны были начинаться казахстанские степи. Это значило, что шансы встретить людей в горах стремительно падали. Обратно они собирались возвращаться по восточной стороне Уральских гор, и если людей они не найдут, на следующий год придется отправляться на Средне –Сибирское плоскогорье, а конкретнее, на плато Путорана. Терехину хотелось верить, что его дочь все-таки наплевала на предостережения отца и отправилась в поход на плато, где возможностей выжить было гораздо больше, чем в родном городе.

Ясное утро быстро сменилось хмурым днем. Что-то внутри грязных туч происходило. Молнии едва просвечивали сквозь облака, но гром докатывался до людей в полную силу. Команда затаилась в

ожидании сильной грозы. Как назло, на горизонте не было видно ни одной горы, к которой можно было бы пристать и переждать непогоду.

- У нас таких гроз не бывает. – Заметил Гарифулин, с тревогой вглядываясь в клубящиеся облака

Терехин на самом деле не помнил, чтобы небо так гремело и трясло, чтобы внутренностями ощущать эти могучие процессы. Опустившиеся тяжелые облака приблизили линию горизонта. Порыв ветра поднял волну, ударившую в борт шлюпки.

- Ставим лодку навстречу волнам, а то перевернемся. – Приказал Терехин. – Наденьте на себя жилеты на всякий случай.

Команда подчинилась. Терехин тоже натянул на себя оранжевый жилет, добытый с борта затонувшего рыболовецкого судна. Ветер крепчал, поднимая волны все выше и выше. Лодку качало на волнах, как скорлупку. Команда не старалась плыть, расходовала все силы на выравнивание курса, лишь бы не стать боротом к волне.

Виктор сидел на корме и ждал своей смены сесть на весла. Он заметил, как Верещагин бросил грести и пристально уставился куда-то по правому борту. Терехин проследил его взгляд. На фоне темнеющего неба, на горизонте появилась более темная аномалия. Вначале, Терехин решил, что это стена дождя, проливающаяся из тучи, но было в ней что-то непохожее на неё. Командир физически ощутил опасность, исходящую от природного явления.

- Ты чего, командир, привидение увидел что ли? – Гренц перехватил его тревожный взгляд.

- Мне вон та штука на горизонте не нравится. – Терехин махнул в сторону темной полосы.

- Да это ливень. Он быстро кончится, не успеет до нас дойти. – Попытался его успокоить помощник.

- Я тоже сначала подумал, что это ливень. Но ты присмотрись к его краям, они шевелятся.

Вся команда уставилась на края темной полосы. Действительно, если внимательно присмотреться, то полоса играла своими боками и казалась ближе.

- Там еще смотрите, такая же полоса. – Гарифулин показывал правее.

Еще две темные полосы проявились на более светлом фоне неба. Самая тонкая из них извивалась змейкой.

- Это смерчи. Разворачиваем шлюпку и уносим ноги отсюда. – Терехин сел на место Верещагина и мощно замахал веслом.

Волна сильно накренила лодку, чуть не перевернув ее. Однако маневр удалось завершить, после которого команда дружно налегла на весла. Не все поверили командиру, но посчитали, что лучше перестраховаться. В какой-то момент даже Терехин подумал, что напугал команду своими фантазиями. Смерчи будто рассосались, или же это все-таки была отвесная стена дождя, треплемая по бокам ветром, излившаяся из туч. Он уже хотел ободрить команду и дать отмашку сушить весла, но окрик Гренца не дал ему это сделать.

- Мужики! – Помощник веслом указал в сторону правого борта.

На глазах всего экипажа рядом с лодкой формировался новый смерч. Из темных туч опустилась вращающаяся воронка. Она не доставала до воды сотни метров, но на поверхности уже зарождался ее обратный конец, закручивающий спиралью водяную взвесь. Верхняя воронка стремительно увеличивалась в размерах, отращивая подвижное щупальце в сторону воды. Прошла минута-другая и он сформировался полностью.

Его низкое гудение пробивалось сквозь шум ветра и грохот бьющихся в борта шлюпки волн. Команда, словно получив укол адреналина в сердце, налегла на весла. Шлюпка прибавила ходу, но смерч неотвратимо приближался и увеличивался в размерах. Шум от него уже перекрыл звук ветра и волн и стал доминирующим. Терехин старался на него не смотреть, чтобы страх не сковал силы, но боковым зрением видел, как тьма окружает лодку. Гарифулин бросил весла и застыл, как зачарованный. В его глазах отразилась сверкнувшая молния.

Лодку ударило мощным порывом ветра, захватило течением и понесло по кругу.

- Бросайте весла и хватайтесь за все, что сможете! – Терехин бросил свои весла и ухватился обеими руками за банку(сиденье), на которой сидел. Остальные последовали его примеру.

Ветер рванул шлюпку и поднял в воздух, словно в ней не было никакого веса. Виктор чувствовал, как центробежные силы пытаются оторвать его от лодки, как тугие струи воды охаживают его тело. Он услышал чей-то крик, и спустя мгновение догадался, что кричит сам. Вода попала ему в рот, и он закашлялся. Ему с трудом удалось

отдышаться. Едва он это сделал, как снова наглотался. Вода была повсюду, нельзя было сделать вдох, чтобы она не попала в легкие. Терехин почувствовал, как теряет сознание от нехватки воздуха. Он не мог точно сказать, что с ним происходит в настоящий момент. Лежит ли он неподвижно, или все еще крутится в вихре смерча, как в центрифуге. Сознание почти отделилось от рецепторов тела и ждало, когда можно будет покинуть его навсегда.

Последнее, что ощутил Виктор, это был удар. Он его не почувствовал, просто осознал, что тело со всего маха вошло в воду. Руки инстинктивно забили по воде и вытянули тело на поверхность. Что произошло дальше, он не помнил. Открыл глаза, когда почувствовал, что солнце светит через веки. Никакого смерча не было и в помине. Стояла ясная погода. Как Виктор ни старался увидеть остальных членов экипажа на поверхности воды, ему это не удалось. Он не увидел ни мусора, ни обломков лодки, ничего напоминающего об экспедиции. Сильно кружилась голова, мешая сосредоточиться. Виктор закрывал глаза, думая, что делает это от слабости, на самом деле он каждый раз терял сознание.

Очнувшись, ему показалось, что он видит плот. После пережитого могли явиться и ангелы, и черти, кто угодно, так что сразу он не поверил своим глазам. Терехин хотел крикнуть, но из глотки вылетел шипящий хрип. Горло сразу начало саднить. Виктор вспомнил про пистолет Макарова, взятый с собой на всякий случай. Оружие лежало в кобуре. Терехин вынул его, но выстрелить не смог. Пистолет давал осечку.

Отчаяние отключило его сознание. Когда Виктор снова пришел в себя, увидел, что плот находится рядом. Он ухватился свободной рукой за борт, а той, которая еще сжимала пистолет, принялся стучать по железному корпусу плота. Когда в ответ он услышал человеческую речь, сознание, с чувством выполненного долга, покинуло тело.

Минул еще один год. Природа постепенно счищала со своего «лица» последствия катастрофы. Тучи становились прозрачнее. Времена года возвращались к своему привычному чередованию. Теплые лета, как и предполагал, Матвей привели к еще более бурному росту водорослей. Чтобы добраться до Верблюда требовалось чуть ли не составление лоцманских карт с проходами между обширными полями водорослей.

Прогреваемая лучами солнца вода ускорила размножение микробов. Запах сероводорода стал настолько привычным, что его перестали замечать. Северные и западные ветра еще уносили его прочь от Черной пещеры, но в тихую погоду он становился настолько сильным, что раздражал глаза и слизистую носа. Стоя на краю площадки перед пещерой и глядя на водный простор перед собой, за один раз можно было увидеть несколько вырвавшихся пузырей газа. Горбуновым становилось все очевиднее, что в ближайшую зиму им точно придется менять дом.

Это было грустно и немного страшно. Они прижились здесь. Обустроили пещеру, доведя ее комфорт почти до того состояния, к которому они привыкли до катастрофы. Они все знали вокруг. Знали где раздобыть дрова, где еду, знали, где и как ее хранить. Они настолько привыкли жить одной семьей, что больше не хотели искать контакта с другими людьми.

Матвею стукнуло пятнадцать. Его голос огрубел. Под носом появился пушок. Мышцы от регулярной физической работы и белкового питания налились рельефом. Егор смотрел на сына и вспоминал, что в его годы он был гораздо несамостоятельнее и слабее физически. Матвей не утратил способности к хорошему аналитическому мышлению и нестандартному подходу к жизненным ситуациям. Егор считал, что сына можно запросто отпускать в одиночные походы, но Тамара еще не была готова к этому. К тому же, необходимости в этом никакой не было.

Катя тоже повзрослела. Ей стукнуло одиннадцать. Назвать ее ребенком не поворачивался язык. Она уже не отпускала глупых комментариев по любому поводу. Не спала с куклами, не просила сказок на ночь. Можно было бы немного погоревать об украденном детстве, но преждевременная взрослость являлась фактором повышающим жизнеспособность. Катя умела все, что умела мать. Не жаловалась на усталость, не просила скидок на свой возраст. Тамара иногда смотрела украдкой на дочь и видела в ее уверенных движениях взрослого человека. Единственное, что выдавало в Кате ее настоящий возраст, это сладости. Им она не могла противостоять, и как всякий ребенок трогательно радовалась их появлению, и не знала меры.

Все электронные устройства из прошлой жизни сломались. Егор назначил себя ответственным за ведение календаря и утро начинал с

того, что первым делом записывал новое число.

На дворе стояло лето, начало августа. Еще было тепло, и только по ночам тянуло прохладцей. Егор проснулся раньше всех. Его мучил какой-то кошмар, из-за которого он проснулся в мокром поту. В пещере сильно пахло тухлыми яйцами.

Он встал и прошел к выходу из пещеры. Начинало светать. На улице не было ни ветерка. Поднимающийся болотный газ самотеком заползал в пещеру. Егор закупорил вход. Циркулирующий внутри пещеры воздух оставался чистым всегда. Он был прохладным и влажным, из-за чего Егор переживал, что у него и его семьи могут развиться радикулит или ревматизм, поэтому оставлял открытым вход в пещеру. В такие безветренные дни, как этот, радикулит страшил меньше, чем возможность надышаться чистым метаном.

Уровень воды за три года упал настолько сильно, что вода перестала уходить из долины. Уровень водной поверхности внутри долины сравнялся с внешней водой. Там, где раньше шумели водопады, возникли плотины из мусора и грязи. Многое в этом мусоре состояло из остатков человеческой цивилизации, как бы намекая на роль человечества в мире. За гордыню, за венца творения, за взятую на себя исключительную роль вмешиваться в естественные процессы, не имея никакого понятия об их глубинных закономерностях, природа сотворила нам памятник из грязи на дне болот. В том самом месте, которое человечество заслужило.

Нам бывает жалко, когда что-то, чему мы уделяли много времени, холили и лелеяли, в итоге оказывается не тем чем нужно, и даже опасным. Скрипя сердце, вздыхая о потерянном времени и потраченных силах, мы вынуждены избавляться от этого. Так и Создатель наш, наверное, горько плакал, когда нагонял на Землю ветер, но понимал, другого выбора у него нет.

Как всегда, когда утро выдавалось безветренным, к обеду начинал грохотать гром. Вспышки молний озаряли гору, отражаясь на его мокрых склонах. Вся семья была занята работой на площадке. Тамара раскатывала камнем водоросли, выгоняя из них воду. Перекладывала их солью и собирала в пучки, чтобы развесить на просушку внутри пещеры. Катя стирала. Она теребила в пенной воде грязное белье. Когда ей требовалось отжать его, звала брата, потому что еще не хватало силенок для грубой материи. Егор мастерил плот. Клин

впереди уже не помогал разгребать водоросли. Они были слишком плотными и сплетенными, поэтому требовалось придумать что-то другое.

Молнии сверкали все ближе, и каждому из семьи Горбуновых хотелось завершить свою работу до начала дождя. Никто из них сразу не понял, что произошло. Рядом с пещерой сверкнула молния, и следом мощная вспышка озарила долину. Взрывная волна больно ударила по ушам. Легкий навес от дождя у входа в пещеру сорвало. Цветы на клумбах пригнуло. Горбуновы присели от неожиданности, недоуменно глядя друг на друга. Вдогонку бабахнул раскат грома.

- Егор, что это было? – Спросила Тамара, с удивлением слушая свой изменившийся голос.

- Похоже, болотный газ сдетонировал. – Предположил он, уверенный в своей догадке. – Метан.

- А еще может бабахнуть? – Спросила дочь.

- Без понятия. – Честно ответил отец. – Идемте в пещеру, там безопаснее.

Это событие настроило семью еще решительнее на исход с насиженного места. Оставаться становилось еще опаснее. Такой же взрыв болотного газа мог повториться в любой момент, и чем дольше они собирались, тем выше была вероятность попасть в опасную ситуацию. Этой зимой было твердо решено переезжать в те места, где вода не застаивалась. Как только твердо станет лед, Егор с сыном собрались отправиться на поиски подходящего варианта. В идеале им хотелось найти место похожее на Черную пещеру, чтобы сразу устроиться с максимальным комфортом.

Найти пещеру оказалось делом более легким, чем переезд к ней. Налегке, расстояние до нового жилища от Черной пещеры проходилось за пять суток. С грузом это же расстояние занимало от восьми до десяти суток. Для женской половины Горбуновых это было первое серьезное испытание дорогой. Они и понятия не имели, скольких неудобств может приносить это мероприятие. Весь световой день приходилось идти. Егор с Матвеем впряглись вдвоем в кузов старого автомобиля, который приволокли с барьера. Его утеплили, сделали в нем печку. Днем он использовался как грузовик, ночью из него вынимали все лишнее, растапливали печь, чтобы Тамара с Катей ночевали в нем. Мужчины, по привычке, спали в палатке.

Днем, груз тащили за собой все. И у Тамары, и у Кати были свои сани, в которых лежали необходимые на первое время предметы и продукты питания. К вечеру все изматывались настолько, что едва стояли на ногах. Катя успевала уснуть еще до того, как отец разжигал дрова в печке. Женщины благословили тот день, когда впереди замаячила нужная им гора.

- Всё, отсюда больше никуда не тронемся! – Тамара устало оперлась о стену пещеры.

Она еще не успела составить мнение о новом жилище, но пока свежи были воспоминания о переходе, любая пещера могла показаться чудесной.

Новая пещера совсем не походила на Черную. Она была гораздо меньше. Вход в нее был коротким и днем, отчего солнечные лучи проникали внутрь, позволяя днем не разжигать огонь. Тоннелей и расщелин вглубь горы пещера имела меньше, но они были, и их еще предстояло изучать. По характерному запаху Матвей установил, что недра этой горы скрывают в себе грызунов, а стало быть, голодными они не останутся.

Соорудив отопление и привычные условия, Егор с сыном снова отправились к Черной пещере. Там оставался большой запас дров, вяленой рыбы, инструмента и прочих необходимых вещей, которые собирались увезти на плоту, поставленном на полозья. Всего до конца зимы было совершено пять походов, но даже их не хватило, чтобы перевезти все, что было накоплено за три с половиной года.

Матвей еле дождался весны. Походы сидели у него в печенках. Они с отцом пару раз попадали в такие морозы, когда лед просто и лопался под ногами. Матвей сильно обмораживал руки и ноги. Были моменты, когда им приходилось все время идти, чтобы не замерзнуть. Матвей не чувствовал ног до колен. Ступал ими как протезами, а когда пытался отогреть их у костра, ноги начинало нестерпимо ломить. Последствия переохлаждения проявились на лице. После похода у Матвея воспалилась нижняя челюсть. Она отекла, придав лицу юноши смешной вид, как при свинке. Тамара пресекла на корню разговоры о следующем походе.

- Хватит уже, Егор. У нас и так все есть, пойми, здоровье дороже, чем еще одна железка. Сидите здесь и наслаждайтесь отдыхом.

Её слова убедили. До весны больше не было никаких попыток отправиться, куда бы то ни было. Всю энергию мужчины направили на благоустройство своего нового жилища. Снова заработал умывальник с теплой водой. Раз в неделю разводили печь под ванной, устраивая банный день. Матвей придумал ледяную дверь. Он наморозил плоские куски льда, сморозил их вместе, и сделал прозрачную дверь. Она закрывала вход в пещеру, но пропускала свет.

Весна наступала постепенно. Зима не сдавалась, насылая сильнейшие метели. За один апрель выпало снега больше, чем за всю зиму. Но силы ее все равно иссякли, уступив место законному времени года. Весна в этих местах сильно отличалась от весны на прежнем в окрестностях Черной пещеры. Там весна проходила спокойно. Лед постепенно тончал, ломался и исчезал в нагревшейся воде. Здесь мощный ледоход громко возвестил о своем начале. Потоки воды, невидимые подо льдом, ломали его, разгоняли и наслаивались друг на друга. Шум стоял неимоверный. От горизонта и до горизонта все гремело, ударялось и разрушалось.

Льдины наползали на гору и стекали с нее ручьями под теплыми лучами солнца назад, в свою стихию. Немного льда Егор с Матвеем попрятали в небольшом гроте, для создания холодильника. С наступлением тепла выяснилось, что гора сохранила зелень. Свежий приятный запах распускающихся листьев напомнил о той самой весне, которая осталась в памяти из прежней жизни. К этому нежному запаху не примешивалась, ставшая привычной, сероводородная вонь.

В целом, на новом месте было не хуже старого, за исключением садового участка на горе Верблюд. Но впереди было много времени, чтобы разведать округу. Может быть, и здесь были похожие места? С собой Горбуновы не забыли привезти замороженных лягушек, которые с теплом, оттаяли и уже начинали по вечерам устраивать брачные песнопения.

Гора, на которой они поселились, была выше и шире той, на которой они жили раньше. Перед входом в пещеру не было такой удобной площадки, на которой в теплое время кипела жизнь возле Черной пещеры. Пришлось искать небольшие ровные уступы, чтобы установить на них все, что было необходимо для жизни. Со стороны, это напоминало ласточкины гнезда, прилепленные к стене. Егор с Матвеем старались сделать безопасным путь между «гнездами»,

пробивая ступени в скальной породе. К счастью, уклон был пологим, и передвижение по корявым ступенькам не грозило неминуемым падением вниз.

Это было уже четвертое лето после катастрофы. Отрегулировав распорядок жизни, Егор снова засобирался в поход. Для того чтобы нормально пережить следующую зиму необходимо было разведать где в округе водятся в достаточном количестве дрова, а где рыба. Совершенно неожиданно отпала вторая проблема, потому что рыба здесь водилась везде. Ее можно было ловить, не слезая с горы. А вот со второй проблемой пришлось помучиться. Поблизости не было обнаружено ни одной залежи дров.

Гора, ставшая вторым домом, с легкой руки Кати получила название Олимп. Это могло показаться кому-то нескромным, но уличить семью в этой слабости было некому. Горбуновы уже свыклись с мыслью, что они единственные люди в мире, и им самим решать, брать на себя роль небожителей или скромничать. На многие километры от Олимпа не было ни одной вершины выглядывающей из-под воды. Их гора одиноко возвышалась над всеми окрестностями и вполне могла присвоить себе такое громкое название.

Егор хотел исследовать вокруг Олимпа окружность с радиусом в один дневной переход на плоту, чтобы иметь подробное представление о том, что их окружает. Климат здесь был другим. У Черной пещеры частыми были туманы и тихая погода. На Олимпе почти всегда дули ветра, и едва обозначившиеся утренние туманы сметало ими. Чаще всего ветра дули с севера. Из-за них в утренние часы становилось особенно зябко. Привычными сделался шум прибоя, коего почти не было у Черной пещеры. По ночам этот шум доминировал над всеми остальными. Горбуновы быстро привыкли к нему и даже полюбили за то, что он дарил подсознательное ощущение отпуска.

Облегченный из-за снятых «отвалов» плот с большей готовностью откликался на работу педалями. Вода бурлила под колесами и перед носом плота от скорости. Егор уже кое-что смыслил в картографии. Он мерил взглядом горизонт, положение солнца и смело чертил на бумаге линии своих перемещений. Полукруг с южной стороны карты говорил о том, что они уже прошли половину пути.

Эти места были им немного знакомы. Здесь находился тот самый барьер, из-за которого вода была разделена на два уровня. Сейчас

барьер сохранился частично. Большая часть его была разрушена весенними половодьями. Вместо барьера высилась целая цепочка искусственных островов, состоящих из различного мусора, скрепленного грязью. Кое-де они образовывали затоны, в которых разрослась зелень. Это касалось и стоячей воды и плодородных берегов, на которые попали семена различных растений. Выглядела зеленая цепь необычно, даже по меркам нового мира. Матвей предположил, что острова, скрепленные корнями разросшихся растений, создадут со временем уникальные биоценозы, похожие на мангровые леса.

Егор пробовал ступить на берег такого острова, но они были еще чересчур топкими. Никакой практической цели он не преследовал, делал это из простого любопытства. Гораздо полезнее было найти такие места, которые могли принести пользу.

Дров, прибившихся к островам бывшего водораздела, имелось в изобилии. Егор все значимые участки суши заносил на карту, сопровождая подписями о количестве дров на каждой. Даже по примерным подсчетам имеющегося количества могло хватить на многие годы, а может быть и десятилетия. Проблема с дровами тоже отпала. За зимовку можно было не переживать. За дровами Егор собирался снарядить отдельную экспедицию. Можно было зацепить и сейчас на прицеп тройку бревен, но они здорово бы замедлили процесс исследования.

Проблема пришла оттуда, откуда ее не ждали. Согласно картам Егора, они сейчас находились строго на западе от Олимпа. На горизонте формировалась гроза. Просветлевшее, но еще не очищенное от грязи небо, скрывало сверкающие молнии. Слабые вспышки пробивались сквозь толщу облаков. Как и было положено в природе, перед грозой наступил полный штиль. Матвей растянул палатку, чтобы спрятаться в ней от дождя.

Ситуация для путешественников с грозой являлась вполне типичной. Грозы в новом мире случались часто. Планета, полностью покрытая водой, испаряла влагу больше обычного. Небеса не могли удерживать ее на себе и роняли проливными дождями вниз.

В глазах Егора и Матвея отражались вспышки молний приближающейся грозы. День быстро померк и стал как, ночь. Воздух замер и только раскаты грома доносились все ближе. Вдруг, на

переднем крае грозового фронта закружилась воронка. Она мгновенно втянула в себя темные тучи, и ее тонкий извивающийся хвост протянулся до поверхности воды.

- Матвей! – Крикнул Егор. – Впереди смерч!

Сам он с удвоенным усилием заработал педалями и рычагами, чтобы развернуться. Матвей выскочил из палатки. Смерч стремительно рос, набирая силу. Столб его становился толще, в нем засверкали молнии. Было совсем непонятно, в какую сторону он движется. Казалось, что он специально появился, чтобы напасть на плот. Подул ветер, с каждой секундой набирающий скорость. Палатку затрепало под его порывами.

- Собирай палатку, а то унесет нахрен! – Крикнул Егор сыну.

Матвей выполнил приказ мгновенно. Он еле удержал ослабшие крепления, чуть не выпустив надувшуюся пузырем палатку. Смерч приближался. Ветер доносил до слуха мощное низкое гудение. Через несколько минут столб, высотой до неба, приблизился к плоту на расстояние сотни метров. Плот, несмотря на отчаянные усилия Егора, затянуло в круговое вращение воды. В какое-то мгновение отец с сыном явственно почувствовали, как смерть тронула их своими ледяными руками. Смерч был так близко, что избежать попадания в него не было никакого шанса.

Тем не менее, случилось какое-то чудо. Столб дрогнул и сменил направление. Когда он удалился не меньше, чем на полкилометра Егор перестал вращать педали. Ног своих он больше не чувствовал. У Матвея мелко тряслись руки и ноги от пережитого страха.

- Слушай, Матвей, мы уже два раза попадаемся на пути смерча. Третий раз нам может не повезти. – Отец вытер выступивший на лбу пот.

Матвей только вздохнул. Он смотрел вслед удаляющемуся смерчу. Вдалеке, на достаточно большом расстоянии, виднелись еще несколько столбов смерчей, двигающихся к горизонту.

- Здесь какая-то аномалия. Надо обходить эти места стороной. – Вымолвил Матвей.

Отец достал самодельную карту и соединил то место, где они были сейчас с местом, где был поселок Каргалинский. Поселок и настоящее местоположение находились примерно на одной долготе. Предположение сына о том, что здесь существовало какое-то место,

удачное для формирования смерчей, подтверждалось. Егор заштриховал область западнее черты и подписал «Район смерчей».

Вскоре начался дождь. Обычный дождь. В палатке дополнительно пропитанной рыбьим жиром, было сухо и уютно. Дождь барабанил по ней, успокаивая расшатанную нервную систему.

Тук! Удар о борт заставил отца с сыном вздрогнуть. Егор высунул голову из палатки под дождь и обомлел. В воде находился мужчина в оранжевой спасательной жилетке. Одной рукой он судорожно вцепился в борт, а второй, вооруженной пистолетом, стучал по плоту. Голова его при этом была опущена на грудь, а глаза закрыты.

- Матвей, помоги!

Они вместе вытащили человека из воды и положили его на палубу. Мужчина, на вид лет сорока, был одет в морскую военную форму. К портупее присоединена кобура. На ногах надеты офицерские кожаные ботинки. В отличие от густой бороды Егора, изредка укорачиваемой ножницами и имевшей всегда неопрятный вид, у спасенного мужчины отросла короткая щетина. Мужчина слабо стонал. В его лице бледном осталось совсем мало крови.

Егор осмотрел мужчину, пытаясь разглядеть его рану. Но, ни крови, ни открытой раны он не увидел, при этом он не приходил в сознание. Можно было предположить, что у него внутреннее кровотечение, либо переохлаждение. Егор достал бутылку водки, расстегнул китель на груди человека и плеснул на нее алкоголь. Затем принялся растирать его, чтобы вызвать согревание. Попробовал разжать зубы и влить немного водки в рот.

Мужчина сделал несколько глотков, но подавился и закашлялся. В лицо его ударила краска. Он зашевелил мышцами лица, словно пытался усилием воли вырвать себя из крепкого сна. Наконец, ему удалось. Он открыл глаза, медленно ворочая головой и с трудом фокусируясь на людях.

- Кто вы и откуда здесь? – Спросил Егор, боясь, что человек умрет, не раскрыв тайны своего появления.

Мужчина снова закрыл глаза, не удостоив ответом. Он медленно поднял руку к груди и попытался открыть нагрудный карман. У него ничего не получалось. Егор понял его намерения и самостоятельно забрался в карман. Там был только военный билет, запаянный в полиэтиленовую пленку. Егор разорвал ее и открыл документ. Перед

ними лежал капитан второго ранга Терехин Виктор Ефимович. Последнее место службы написано было неразборчиво. Ясно было только одно, человек служил на флоте и тоже смог пережить катастрофу. Егору хотелось узнать во чтобы то ни стало, скольким людям это удалось и где их искать?

- Мы… ищем… уцелевших. – Произнес военный и замер. – Двигайтесь… на север.

Он снова замолчал. Егор приподнял голову и снова попытался влить ему немного водки. Мужчина сделал глоток.

- Север… пострадал меньше…, там поселок…, много мужчин…, нужны женщины.

- Как ты оказался здесь? Сколько вас было?

- Трое…, кроме меня…, на одной лодке…, попали в смерч.

Егор с Матвеем переглянулись. Если бы не смерч, то они вполне могли бы встретиться с людьми и отправиться с ними в поселок.

- Ориенти…руйтесь по маякам… строго на север.

- Как далеко отсюда ваш поселок?

- Второй…год…в пути…за…Полярным…Уралом.

Мужчина замолчал, словно уснул. Его ответ озадачил Егора. Это было не близко. Как минимум около двух тысяч километров.

- Пап, а вдруг еще кто-то выжил?

Матвей подумал про товарищей военного. Егор ничего не ответил. Повернул плот вслед ушедшему смерчу. Эту экспедицию можно было заканчивать. Раненому Терехину нужен был покой и нормальный уход.

Егор посмотрел на бледное лицо военного. Еще полчаса назад они с сыном и помыслить не могли, что им могут встретиться люди. Они так привыкли к изолированному существованию внутри своей семьи, стали такими самодостаточными, что где-то в глубине души совсем не хотели менять устоявшийся порядок вещей. Разум подсказывал, менять его надо, что время идет и смерть в забвении не тот вариант, ради которого стоит жить, но малодушная часть души, отвечающая за приспособленчество, за лень, советовала спокойно дожить деньки в пещере.

Военный все перевернул с ног на голову. Егор уже накидал план на ближайшую пятилетку, и в нём не было предусмотрено никакого похода на север. Теперь же он сомневался, стоит ли ему следовать или пришло время поменять его согласно новым обстоятельствам. Ответ

частично зависел от состояния человека, лежащего без сознания на плоту. Возможно он знал, как легче всего достичь того поселка, откуда он прибыл?

Матвей смотрел во все глаза, пытаясь разглядеть на водной поверхности остальных товарищей военного. Но вода больше не открыла ни одной тайны. К вечеру Терехин ненадолго пришел в себя.

- Водыыыы. – Тихо попросил он.

Егор приподнял его голову и приставил кружку с водой к его губам. Военный сделал несколько глотков. Он удивленно посмотрел по сторонам, как будто впервые увидел Егора и плот.

- Я…я видел ваш плот, но не помню, как добрался. Очень хотел доплыть, боялся, что не успею. – Он посмотрел на людей, спасших его с благодарностью. – Как вы спаслись?

- В пещере. На экскурсию поехали накануне. – Объяснил Егор.

- Понятно. Значит, мы правильно рассчитывали, что в горах могут остаться люди. Сколько вас? – Военный говорил тихим сиплым голосом.

- Четверо. Семья. Я с сыном и еще жена с дочкой.

- С дочкой. Хорошо. – Еле выговорил Терехин. – Женщин осталось мало.

- А вы-то сами, как спаслись? – Не удержался Матвей.

Военный перевел на него взгляд. Несколько секунд смотрел, не мигая, фокусируясь или обдумывая ответ.

- В подводной лодке. В атомном ракетоносце.

- Вот как! Это же логично. Вам повезло. – Возбужденно произнес Егор.

- Как сказать. – Терехин уронил голову и уставился в небо. – Дайте еще воды.

Егор напоил военного.

- Ураган был по всей земле, нам это из космоса сказали. Но к полюсам ветер слабел, и на самих полюсах ветра не было вообще. Центробежная сила выдавила воду к ним, затопив земли, но в целом, за полярным кругом можно жить. Там даже птица сохранилась.

- Но там же холодно? Не вырастить ничего?

- Реактор с подлодки с нашей и американской дают энергию… для чего нужно.

- Как, и американцы с вами живут? – Удивился Матвей.

- Нет…, были раньше…, давно не выходили на связь.

Разговор отнял много сил у военного. Он замолчал и закрыл глаза. Лицо его приняло восковой цвет, почти как у покойника. Только на щеках немного играл румянец, да и тот был от действия алкоголя. Егор решил больше не беспокоить человека вопросами и дал ему отдохнуть. Посадил сына за управление плотом, а сам встал на краю и пристально вглядывался вдаль.

Они не сразу направились в сторону Олимпа. Матвей пару часов кружил в районе примерного нахождения товарищей Терехина. Напрасно. Ни людей, ни каких-то свидетельств их крушения на поверхности воды так и не появилось. Егор отдал сыну команду плыть домой.

К вечеру следующего дня на горизонте замаячила их гора. Терехин за это время пару раз приходил в себя. Он только просил пить. Произносил все те же фразы, что и в прошлый раз и отключался обессилев. Видно было, что цели экспедиции занимали его подсознание. Егор сделал вывод, что в поселке, откуда прибыл подводник, на самом деле серьезно обеспокоены сохранением человеческой популяции, раз так рьяно собирают выживших.

Тамара заметила плот издалека. Она была сбита с толку, когда увидела чьи-то ноги торчащие из палатки. В крайнем изумлении она приняла трос с плота и привязала его к столбику, не сводя глаз с человека в палатке.

- Кто это? Откуда? – Спросила она с волнительным придыханием.

- Сейчас все расскажу. Иди пока, ставь нам чайник, да трав завари каких-нибудь полезных для этого капитана. – Егор махнул в сторону палатки.

Из железных полок Егор с сыном соорудили носилки. Положили в них Терехина и отнесли в пещеру. Тамара к тому времени разогрела ужин и заварила чай на травах. За ужином Егор рассказал все, что случилось с ними за экспедицию, начиная с неожиданного смерча и заканчивая историей про поселок военных, спасшихся от катастрофы на подводной лодке. Рассказ впечатлил женскую половину Горбуновых и немного напугал.

- Жить среди одних мужиков страшно. Начнете друг другу морды бить из-за баб, да стреляться. Катька еще маленькая, зачем ей это? У нас как-то спокойно, никто нам не указ.

- Я, признаться, тоже об этом подумал, но в отдаленной перспективе все равно придется идти на контакт с людьми. Не стоит нам доживать свои дни в одиночестве. Бог нам завещал плодиться и размножаться.

Терехин открыл глаза и забегал взглядом по стенам пещеры, отражавших блики от костра. Взгляд его выражал полное удивление.

- Где я? – Просипел он.

- Ты у нас, дружище, в нашем доме, в пещере. Сейчас мы напоим тебя отваром, и ты пойдешь на поправку.

Терехин перевел глаза на Горбуновых, сидевших в кружок вокруг костра, и долго рассматривал, словно собирался с мыслями.

- В поселок вам надо, строго на Север по Уральским горам. У нас… женщин нет. – Военный задышал, как после пробежки. – На горах с маяками… стоят передатчики. Подайте сигнал и ждите…, за вами приедут. Там запас еды небольшой. – Он снова затих и откинулся.

- Это что-то новенькое, про передатчики. – Произнес Матвей. – До этого он только про маяки говорил.

- Да, точно. Вот бы карту найти, где эти маяки указаны. Что там у тебя, остыл отвар?

Тамара приложилась губами к металлической кружке.

- Да, пойдет. Терпкий очень.

Егор взял кружку и подошел к военному. Тот снова был без сознания. Приподнял ему голову и приложил кружку к губам. Терехин почувствовал это и сделал несколько судорожных глотков. Открыл глаза, осмотрелся и допил остатки отвара спокойнее. Дыхание, однако, его сбилось, и он снова тяжело задышал. Военный полез в нагрудный карман кителя и достал оттуда свернутый лист бумаги, намокший и размякший.

- Это карта, которую мы составили за время экспедиции. Здесь только не хватает пояса смерчей. Передайте нашим. – Терехин дрожащими руками протянул бумагу Егору.

- Да, брось, капитан, сам и отдашь. Мы тебя на ноги поставим. – Егор не взял протянутую бумагу. – Не дури.

- Бери. – Сил настаивать голосом у капитана не осталось. – И обещай мне, что вы пойдете в наш поселок.

Егор вздохнул и взял из рук мокрый квадратик сложенной бумаги.

- Обещаю.

- Вымрем ведь…, как динозавры, поодиночке. Собираться надо вместе… и жить заново. У нас там… электричество, медицина, бани…, теплицы. Все есть…, кроме женщин.

Егор посмотрел на Тамару, чтобы увидеть ее реакцию на слова военного. Она наморщила лоб, всем видом выражая нежелание становиться инкубатором будущего человечества. Роль, несомненно, почетная, но совсем не приятная.

- Капитан, Виктор, ты не волнуйся. Мы тебя на ноги поставим и вместе пойдем в твой поселок. Бульон хочешь?

Терехин уставился на Егора. Смотрел в его глаза, словно пытался уловить в них надежду на то, что его послушаются и поступят так, как он просит. Егор не выдержал этот взгляд и отвел глаза.

- Давай, буду. – Принял предложение подводник.

Егор попытался усадить Терехина, чтобы он смог самостоятельно поесть, но тот застонал от боли и снова сполз.

- Лежа поем. – Сказал он.

Тамара накормила военного с ложечки, потому что он не мог удержать ее в руках. Терехин съел совсем немного.

- Спасибо, наелся. Очень вкусно, по-домашнему.

- Лягушачий суп. Дочь кашеварила. – Похвалился Егор.

- Это хорошо, такие нам… нужны. – Терехин закрыл глаза и отключился.

Горбуновы разошлись по своим спальным местам. Егор с Тамарой не могли уснуть до половины ночи. Их раздирал настоящий когнитивный диссонанс, между привычной жизнью и необходимостью влиться в общество, нуждающееся в них, как и они в нем. Они шептались, поглядывая на лежащую фигуру военного, возле которого оставили свечку, на случай если тому что-нибудь понадобится. Тамара с Егором пришли к решению, что они непременно отправятся на поиски поселка военных, но только не раньше, чем повзрослеет Катя.

- А он, что с нами будет жить все это время? – Задала Тамара очевидный вопрос.

- Выздоровеет, сам решит, что ему делать. Нас он не сможет силой утащить в свой поселок.

Сон их все-таки сморил. Из глубокого забытья Егора вытащил испуганный голос жены:

- Егор, он умер.

- Кто умер? В смысле, умер? – Егор, спросонья никак не мог взять в толк, о чем речь.

- Военный умер. Холодный и пятнами уже.

Егор вскочил и подбежал к Терехину. Тут и щупать не надо было, чтобы понять, что военный действительно умер. Обострившиеся черты лица, полупрозрачная кожа с лиловыми пятнами, открытые остекленевшие глаза.

- Давай, вынесем на улицу, пока Катька не испугалась.

Терехина похоронили на обратной стороне горы, в небольшой расщелине. Тело заложили камнями, в изголовье установили большой камень с выбитым на нем именем, годами рождения и смерти Виктора Терехина. Стоя у могилы человека, отдавшего жизнь ради того, чтобы собрать людей вместе, Егор вдруг осознал, что у них нет иного пути кроме, как найти тот самый поселок. И каким бы это сейчас не казалось трудным или ненужным, сделать шаг надо было не ради себя, а ради будущего детей.

Чем ближе подходила весна, тем отчетливее Джейн понимала, строить дом на обратной стороне острова неправильная затея. Она представила, как все лето бороздит на плоту по соседним островам в поисках бревнышка, везет его, а потом долго и упорно превращает в дрова. И это только в случае если она найдет поблизости место, где можно будет разжиться бревнами. Несомненно, дом надо было переносить поближе к топливу. Один или два раза сплавать, зато всю зиму не бояться замерзнуть.

Жалко было оставлять насиженное место. Какая-то часть души прочно закрепилась на этой безжизненной скале. Она напоминала об Игоре, о той короткой, но очень яркой и приятной жизни, которая у них была. Джейн была уверена, что Игорь не колебался бы, и обязательно выбрал вариант, в котором надо переехать в более удачное место. Девушку пугало большое путешествие по открытой воде, да еще с маленьким ребенком. Но проявить слабость и остаться, означало медленную смерть от замерзания.

Джейн начала готовиться с того, что составила список, в который вошли вещи необходимые на первый случай. Она не знала, какое место найдет для дома, и потому посчитала, что палатка на первое время подойдет лучше всего. Им нужно было взять еду, и желательно всю, чтобы не возвращаться, если там найдутся строительные материалы.

Печку и кое-какую кухонную утварь, к которой она привыкла и не мыслила себя без неё. Самую необходимую одежду и предметы гигиены. Джейн хотела бы взять все и сразу. Она очень ценила комфорт, в котором проживала сейчас. Но это было возможно, только если бы она смогла найти подходящее место очень близко. В противном случае ей следовало сделать упор на поиски топлива и запасов провизии.

Этот день настал, когда, Джейн усадила тепло одетую Анну в спасательном жилете, на гору вещей. Сама уселась на весла и под ноющее тоскливое чувство в душе, отправилась искать место для нового дома. Тревожные мысли, копившиеся у нее месяцами, постепенно растворились. Природа проявляла дружелюбие к неопытным путешественницам. Легкий ветерок лишь колебал поверхность воды, создавая рябь или низкую волну. Джейн держалась в трехстах метрах от берега, чтобы на всякий случай, если поднимется ветер, успеть пристать к нему.

Для Анны плавание на плоту стало развлечением. Ей с трудом удавалось сидеть на одном месте. Энергия просилась наружу, заставляя мать переживать, как бы она не свалилась за борт.

Острова, мимо которых они проплыли в первый день, мало отличались друг от друга. Никаких признаков жизни, ни растительной, ни животной, голые скалы, ждущие своей очереди на заселение. Джейн решилась пристать к берегу. Обошла пару островов вокруг, и не заметила на них ничего ценного, кроме того, что местами вода, как и у них в заливе сильно воняет и исторгает пузыри сероводорода.

Сумерки застали их вблизи ничем не выдающегося острова. Джейн устроила ночлег. Разожгла костер, приготовила на нем ужин, а потом поставила на нагретое место палатку. До середины ночи тепла хватало, а потом Джейн свернулась калачиком, прижав к животу Анну, укрылась несколькими слоями парашютной ткани и снова уснула.

Наутро остров так и не открыл Джейн ничего стоящего. Немного озябнув от утренней свежести, мать с дочерью сели плот и продолжили путь. Руки у Джейн болели с непривычки. На ладонях появились кровавые мозоли, а суставы ныли и не желали гнуться. Джейн обернула весла тряпками, чтобы рукам было не так больно, а на суставы пришлось просто не обращать внимания. Анна своими

вопросами отвлекала мать. Дочь была по-детски любознательной, более наблюдательной и первой заметила резвящуюся рыбу.

- Это кто? – Спросила она у матери.

Джейн, как правило, смотрела либо на скалы, ища в них нужные для себя признаки, либо разглядывала горизонт. «Под ногами» её ничего не интересовало. Мать посмотрела на воду, предполагая, что Анна просто от скуки задает вопросы.

- Где?

- Там. – Анна растопыренной пятерней показала в сторону правого борта.

Джейн из вежливости сделала вид, что внимательно рассматривает. В этот момент на поверхности воды блеснуло что-то серебристое, подняв брызги. От неожиданности она чуть не свалилась в воду. Это было похоже на играющую рыбу, но Джейн была умной и понимала, что рыба здесь вряд ли возьмется. До ближайшего моря или океана тысячи километров. Но следующие всплески рыбьих хвостов заставили ее усомниться в этом.

- Рыбы, дочь.

- Лыбы?

- Ага, лыбы.

Джейн вспомнила про российский носимый аварийный запас для космонавтов. В нем имелась рыболовная снасть. Она бросила весла и принялась копаться в вещах, уложенных в кузов. Ей удалось найти этот набор. Раскрыла его и вытащила пенал с надписью «Рыбоснасть». Девушка лишь в общих чертах представляла, как ловят рыбу. Крючки и леска были для нее понятны, но зачем в пенале лежали блестящие металлические бабочки и одна металлическая рыбка? Инструкция, написанная на русском языке, прояснила немногое. Джейн логически догадалась, что блестящие штучки используются для привлечения рыбы.

- Сейчас твоя мама будет рыбачить. – Пообещала Джейн дочери.

Она привязала конец лески к блестящей рыбке, которую рыбаки называют блесной, зацепила к подходящий, по ее разумению крючок, смотала метра три лески с катушки и бросила в воду. Как только блесна упала в воду, Джейн принялась интенсивно сматывать леску. Рыба не повелась ее уловку. Джейн размотала леску метров на шесть и забросила ее подальше. И снова начала сматывать. Неожиданно леска

дернулась, чуть не вырвав катушку из рук. Джейн потянула за леску и почувствовала силу, с которой рыба тащила ее в обратную сторону. Леска резала руку. Джейн тихо ругалась на двух языках и продолжала сматывать леску. Серебристое тело крупной рыбы забило по поверхности воды. Испуганная Анна переводила изумленный взгляд с матери на воду. Джейн превратилась в охотника, для которого нет ничего важнее дичи, пытающейся сорваться с крючка.

Рыба сдалась раньше. Джейн подтянула ее вплотную к борту, опустилась на колени и, держа катушку в правой руке, левой ухватила рыбу под жабры и резко вытянула из воды. Рыба упала на пол плота и забила хвостом. Анна не выдержала этого и пустилась в рев. Джейн оглушила рыбу веслом. Достала перочинный нож и вспорола ей брюхо. Внутренности выбросила за борт, а брюшную полость ополоснула водой. Рыбу бросила в кузов и только после этого позволила себе успокоить дочь.

- Не бойся малышка, мама просто ловила рыбку. Теперь у нас будет очень вкусная еда. Успокойся, Анна. Хочешь, мама даст тебе вкусняшку?

Анна сквозь слезы закивала головой, потешно вытянув вперед нижнюю губу. За вкусняшки она готова была стерпеть многое. А Джейн решила, что останавливаться на одной рыбе было бы глупо. Она поймала еще двух, а на третьей у нее порвалась леска, из-за чего были потеряны крючок и блесна. Джейн решила, что это ей намек на жадность, и бросила рыбачить. Она причалила к ближайшему берегу и приготовила самую крупную рыбу, весившую не меньше килограмма, на костре. Мясо рыбы не шло ни в какое сравнение с лягушатиной. Даже Анна оценила приятный и нежный вкус непривычного для нее блюда, каждый раз с готовностью открывая рот навстречу выбранным от костей, белым кусочкам.

Джейн поняла, что природа не настроена жестоко против них. Настроение ее улучшилось, страхи отступили и она, с удвоенным усердием налегла на весла.

Можно было подумать, что плавание превратилось в самоцель. Настолько Джейн почувствовала себя органически в этом мероприятии, что стала чересчур критически рассматривать острова-претенденты на будущий дом. Это обстоятельство так далеко завело ее от начальной точки плавания, что возвращение назад, за какой-нибудь

надобностью стало невозможным. В пути семейный дуэт путешественников находился уже восьмой день.

За это время они перенесли несколько ливней. К чести Джейн, она предвидела их, и они не причинили никакого вреда ни им с дочкой, ни их имуществу. Был еще один случай, когда два больших течения, одно из которых могло идти через весь Уральский хребет, а другое спускаться с севера на юг вдоль восточной стороны, встретились вместе. Грязное течение с западной стороны, вобравшее в себя весь мусор, создало барьеры, запрудившие протоки между горами. Этот участок с бурливой и неспокойной водой, Джейн преодолевала целый день. Само по себе место могло иметь много полезного, но жить здесь было опасно. В любой момент запруды могли прорваться, и смести все на своем пути. У Джейн отлегло от сердца, когда они снова оказались в тихой воде.

На восьмую ночевку плот пристал к скале, на которой росли небольшие кустарники. Для Анны это было полным сюрпризом. Из всей зелени они видела только водоросли и маленький стебелек какого-то кустика по имени Джига, выросший на их острове. А здесь склоны густо покрывали низкорослые колючие кусты. Как биолог, Джейн определила, что эти кусты принадлежат бобовым. Растения цвели, распространяя вокруг себя благоухание. Некоторые цветки уже образовали стручки, характерные для этого семейства. Анна притянула к себе стебель и вдохнула цветок.

- Нравится? – Спросила Джейн.

- Дя. – Ответила дочь.

Сумерки наступили быстро. Джейн не успела рассмотреть остров, как следует. Зелень сильно впечатлила ее, и она готова была остаться здесь, если в округе найдутся дрова. Поужинав рыбой, мать с дочерью легли спать. Джейн уже нарисовала в голове план заселения острова.

Спали они замечательно, пригревшись на теплом полу. После завтрака Джейн посадила Анну в сумку-кенгуру, сшитую из строп и парашютного материала, и отправилась исследовать остров. Днем она разглядела, что восточная часть довольно крута и не имеет никакой ровной площадки, чтобы установить небольшой домик. Они перешли на противоположную сторону. Этот склон оказался более пологим и сильно вдавался в позеленевшую воду. Джейн не понравилось соседство со стоячей водой, и одними кустарниками положение было

не исправить. Она разочаровалась в казавшейся с утра замечательной идее, развернулась и пошла назад.

Погрузились с дочерью на плот с чувством легкого сожаления. Джейн сорвала на память ветку с цветами и приделала ее на угол кузова. Экспедиция отправилась дальше на север, так как путь назад был сознательно отрезан, Джейн решила искать подходящее место до последнего, несмотря на протесты дочери, которой порядком надоело сидение на одном месте изо дня в день. Джейн приходилось придумывать для Анны различные занятия, чтобы она смогла отвлечься и перестать хныкать.

Прошла неделя, после посещения того острова с бобовыми кустами. Джейн понимала, что расстояние от начала пути уже составило сотни километров. Острова с растительностью попадались все чаше, но все они были забракованы и в первую очередь из-за отсутствия стройматериалов. Зимовать в одной палатке было самоубийственно. Джейн всерьез стала опасаться, что поступила опрометчиво, понадеявшись на удачу. Дорогу назад она уже могла не успеть пройти до наступления морозов.

Середина пятнадцатого дня вознаградила ее за упорство. Еще с утра на горизонте будто бы виднелся остров. Джейн направила плот к нему. Не спеша, удачно порыбачив по пути, она работала веслами, не расходуя силы понапрасну. Остров приближался, и когда до него осталось не более километра, Джейн поняла, что с ним что-то не так. В первую очередь, это его форма. Он не был похож на классическую вершину, выступающую из воды. Пологие склоны прерывались расщелинами. Восточный склон уходил далеко в воду, то пропадая в ней, то поднимаясь над поверхностью.

Заинтригованная Джейн, забыв об экономии калорий, прибавила ходу. Вблизи гора выглядела, как покусанный собакой кусок торта. Длинные клыки оставили в ней глубокие расщелины, в которых наверняка могло застрять много чего интересного. Не сводя с горы глаз, она причалила к южному берегу. Интуиция ей уже подсказала, что это окончательный пункт ее путешествия. Приятная небольшая бухточка с пологим берегом позволила ей без проблем сойти на берег. Джейн нашла небольшую щель между камнями. Вбила в нее деревянный клин и привязала к нему плот.

Из глубины острова донесся аромат зелени, или скорее леса из-за примешивающегося запаха сырой земли. С того места, где находилась Джейн никакого леса не было видно. Любопытство пыталось заставить Джейн сразу отправиться на обследование острова, но здравый смысл настоял подкрепиться, а уже потом заняться делами. Анна с удовольствием сошла на твердую землю. Пока мать готовила еду на таблетке сухого горючего, дочь ходила взад-вперед на разрешенном ей ровном участке скалы.

Наскоро перекусив, Джейн усадила Анну в сумку-кенгуру, взяла с собой мачете, веревку, несколько колышков, и отправилась исследовать остров. Длина его по длинным сторонам составляла около километра. Имел он форму полумесяца, повернутыми на юг рогами. Отсутствие запаха стоячей воды в бухте, куда пристала Джейн, навело на мысль, что течение проходило вдоль острова.

Подойдя ближе к южной оконечности, Джейн нашла источник аромата свежей зелени. Им оказалась одна из расщелин, которую Джейн видела издалека. Похоже, ветер сорвал часть скалы с западной стороны склона, но она не обрушилась вниз, а легла на противоположную сторону расщелины, накрыв ее как крышкой. Получился грот, почти не пострадавший от урагана.

Джейн и Анна, терзаемые любопытством и надеждами, вошли под его своды. Здесь было сумрачно и пахло влажностью, но запах этот был приятным и природным. Джейн почувствовала избыток кислорода в этом месте. У нее даже закружилась голова. Она присела на ствол поваленного дерева и рассмотрела это чудесное место. Анну пещера впечатлила не меньше. Дочка, выпучив любопытные глазенки, таращилась из сумки.

Вход в грот в высоту достигал двадцати метров, не меньше. Зеленый пол пещеры был обильно усеян камнями, осыпавшимися во время урагана. Кустарники и трава пробивались между ними, где только можно. Росли в пещере и деревья, многие из которых еще хранили следы повреждений камнями. Наверняка, во время урагана сюда задувало грязь и прочий мусор, но природа использовала это с пользой. Растительность выглядела здоровой и сильной.

Джейн наступила на мягкую подушку густой растительности. Трава дружелюбно обняла ступню. Джейн смело направилась внутрь пещеры. Она спугнула и сама испугалась, неожиданно вспорхнувшую

стайку воробьев. Птицы пролетели над головами Джейн и Анны. Это были первые птицы, которых увидела Джейн после приземления. А для дочери это были первые летающие существа в жизни. От страха она юркнула с головой в сумку.

- Мам? – Осмелев, Анна решила что-то спросить у матери, но услышав, как непривычно звучит здесь ее голос в закрытом пространстве, замолчала.

- Все нормально, Анна. Похоже, мы с тобой попали туда, куда и собирались. Мне здесь нравится, а тебе?

- Тозе навица. – Поддержала она мать, но взгляд дочери был красноречивее слов. Большие распахнутые глазенки жадно рассматривали непривычную обстановку.

- Ты привыкла к просторам, Анна. Не удивлюсь, если у тебя первое время будет клаустрофобия.

- А ктё это? – Анна подняла вверх правую руку и, растопырив пальцы попыталась изобразить птичек.

- Птички. Воробушки.

- Титьки, войобуськи. – Как могла, повторила дочь.

- Ага. Они будут петь и нам с тобой скучно здесь не будет.

Анна ничего не ответила. Между тем Джейн подошла к сосне. Упавший сверху камень надломил ей ствол, но не отломил полностью. Верхушка легла на камни, и дерево стало похоже на букву «Л». Верхняя его часть не засохла, зелена, как нив чем не бывало, питаясь соками по оставшейся древесине. Росли здесь и березы. На входе в грот они ничем не отличались от обычных деревьев, но там, куда свет проникал хуже, листья имели более светлый оттенок. На стволах деревьев, благодаря высокой влажности, разрослись лишайники и мхи. Последние серо-зелеными бородами свисали с веток, местами до самой земли.

В глубине пещеры трава была жестче. Грязь во время урагана не попадала сюда. Джейн достала фонарь, входивший в набор космонавта. Им она еще не пользовалась и надеялась, что в батарейках сохранился заряд. Луч света выхватил из темноты кусок грота. Березы и сосны с бородатыми ветвями, кустарники и камни, обросшие мхом. Джейн прошла дальше и встретила большую лужу. Рядом с ней на стенах виднелись потеки, оставленные водой. Джейн догадалась, что лужа образовалась дождевой и талой воды, проникающей сверху через

завал. Девушка зачерпнула ладонью воду и попробовала на вкус. Вода оказалась пресной и вполне пригодной для питья. Ее догадка подтвердилась.

О лучшем месте для зимовки не стоило и мечтать. Пещера идеально подходила для строительства своего гнездышка. Джейн вернулась к выходу. Стайка воробьев чирикала на камнях. Наверняка обсуждали нежданных гостей. Слышать их голоса было невероятно приятно. Даже Анна, как завороженная смотрела на них. Прежде, чем вернуться к плоту, Джейн решила исследовать весь остров.

В самом широком месте остров не превышал трехсот метров. Дуга полумесяца вдавалась в воду полого. У берега виднелись перекаты, будто вызванные большими камнями и сильным течением. Были на острове и другие расщелины, но их засыпало под самый верх камнями, сцементированными грязью. Джейн решила, что времени на исследование острова у нее будет еще предостаточно. В целом, Джейн поняла, что остров дарит ей положительный настрой. Больше никаких сомнений не было. Они с Анной нашли свою землю обетованную.

Зима была на носу, а у Джейн еще не придумала из чего построить дом. Пока погода позволяла, они с Анной жили в палатке внутри грота, защищающего от любой непогоды в теплое время года. Но скоро должны были начаться холода. У них уже имелся приличный запас собранных по округе дров и другого топлива, но нечего было обогревать. Джейн пыталась построить дом из камня. Она присмотрела ровную площадку, на которой можно было начать строительство. Стала собирать камни и пытаться возвести из них стены. Получалось шатко. Стены валились от малейшего неловкого прикосновения. Такой дом ее не устраивал. Разобрала его и попыталась сделать избу из бревен, но быстро поняла, что ей нечем будет топить эту самую избу, да и трудоемко это было, имея из всего инструмента одно мачете.

Оставалось исследовать те самые завалы, созданные ураганом. Джейн проводила половину каждого дня, лазая по горам и разгребая мусор. На пути этой горы ветер был бедноват на дары погибшей цивилизации. В основном это была грязь и камни. Потоки жижи в свое время, стекали в воду и местами образовали грязные мелководные озера. Джейн лазала в них в надежде нащупать что-нибудь стоящее, но ничего такого не попадалось.

Анна привыкла к пещере, воробьям, многочисленным лягушкам и насекомым, населявшим маленький заповедный мир. Это она первая увидела крысу. Джейн, как обычно, была чем-то занята. Когда она не слышала дочери несколько минут, то тревожилась за нее, потому что всякий раз, когда она вела себя тихо, стоило ждать неприятностей. Мать готовила обед на дровах. Ароматный дым разносился по всей пещере. Джейн обернулась, чтобы узнать, почему затихла Анна и пока глаза ее привыкали к темноте, увидела такую картину. Здоровая крыса осторожно тянулась к вытянутой ручке дочери. Анну забавляло это животное. Она смотрела на нее с благожелательностью и интересом. Крыса дергала усами и продолжала тянуться к розовым пальчикам дочери.

Джейн испугалась. Она вскочила и крикнула, напугав и крысу и Анну. Дочь посмотрела на мать и разревелась. С тех пор, она всегда играла рядом с тем местом, где работала Джейн.

Как-то они отправились в очередной раз обыскивать грязные озера. Анна ходила рядом, мешая матери бесконечными вопросами.

- А это что? – Переспрашивала она каждый раз, увидев очередной камень, немного иной формы, чем предыдущий.

Мать терпеливо отвечала, занимаясь своими делами. На некоторое время Анна затихла. Джейн была благодарна, но потом решила проверить, что еще удумала ее беспокойная дочь. Анна стояла по колено в воде, и что-то тянула на себя оттуда. Джейн бросилась к ней и вытащила дочь на берег. Та разревелась, обидевшись, что мать не оценила ее помощь.

- Там! – С обидой говорила она, показывая в воду рукой, и снова рвалась туда. – Там!

- Что там? Там грязь!

- Нет! Там! – Слово «там» стоило понимать как: «отпусти, мне надо туда!».

Джейн, чтобы показать дочери, что в воде ничего нет, поводила рукой и зацепилась за какой-то предмет. Она осторожно ощупала его. Определить его предназначение сразу не получилось, кроме материала. Это было железо. По пальцам царапнул рваный край. Она ощупала предмет по всей длине, зайдя в воду выше колен. Определила, что это, скорее, всего небольшой фургон, смятый в «лепешку». У него имелась

рама и остатки колес, а сама будка едва держалась на ней, поддаваясь усилиям Джейн.

Они с Анной вернулись домой. Джейн надела непромокаемый костюм из спасательного набора. Взяла три тонких, но целых бревнышка, веревку, мачете и железку, которую можно было использовать в качестве рычага. Погрузила хозяйство на плот и вместе с дочерью, ожидающей новых приключений, отправилась вызволять из плена новую находку.

Высадилась на берег у машины и спрыгнула в воду. Дочь испуганно наблюдала за матерью, лазающей по пояс в воде. В просвет между кабиной и будкой поперек рамы положила бревно. Сунула под железо рычаг и стала раскачивать, чтобы сдернуть ее с креплений. Без страха прыгала на нем весом всего тела. За свою беспечность получила урок. Крепление резко сорвалось, а Джейн со всего маху упала в воду, обрызгав дочь с головы до ног. Малышка, правда, не поняла, что произошло ЧП, и заливисто рассмеялась. Дальше Джейн была осторожнее. Анна удивленно наблюдала за работой матери и периодически хлопала в ладоши.

Через час мятая и «простреленная» будка лежала на берегу. У нее даже сохранились распашные задние двери. Джейн обошла вокруг находки несколько раз, внимательно рассматривая и планируя в голове ее использование.

- Тё это? – Раздался за спиной голос Анны.

- Это наш дом. – Ответила ей Джейн.

Будку перевезли в пещеру на плоту. Джейн занялась возвращением ей прежней формы. Когда ей это удалось, стало понятно, что внутри получается довольно сносное пространство для жизни. Есть куда примостить печь, где соорудить лежанку, а где подобие кухонного стола. Стены, конечно, светились сквозными дырами, но Джейн уже решила, как избавиться от этой проблемы.

На одной будке она не остановилась. Разломала кабину, вынула из нее сиденья, весь пластик с торпедо, куски бампера, трубки с мотора, резину с колес. Все, что сумела сняла с машины. Сейчас Джейн мало беспокоил экологический класс топлива. Она знала цену теплу и готова была подышать углеводородами, лишь бы не мерзнуть. К тому же не весь добытый материал она собиралась пускать в топливо. Ей

уже приходили на ум различные домашние удобства, созданные из добытых материалов.

Сразу после этого Джейн приступила к утеплению домика. Вокруг было много густой грязи, из которой она решила делать кирпичи, для обкладки его снаружи. Сделала первый замес, подбирая оптимальную консистенцию, смешиванием сырой и сухой грязи. Им замазала все дыры в стенах дома. Затем сделала формы для кирпичей из всего, что попадалось под руку, стараясь выдерживать одинаковую высоту кирпича. Выложила первый угол и с удивлением обнаружила, что кирпичи не хотят держать форму. Тогда она решила перед этим сушить их и стала добавлять в раствор сухую траву, опилки, сосновую кору, для получения более крепкой формы. Вскоре, ей стало очевидно, что утепление дома займет очень много времени.

В перерывах, давая время подсохнуть каждому новому слою, Джейн с Анной выплывали на открытую воду, чтобы порыбачить. Рыбачили подолгу, чтобы потом больше времени уделять обустройству дома. Рыбу Джейн научилась запекать в куске грязи, варить уху, и просто жарить на костре. Практичнее всего была уха, которую можно было растянуть на несколько дней. Но вкуснее всего получалась запеченная рыба. Джейн не боялась использовать растущую в пещере траву в качестве приправ.

За месяц, фургон полностью скрылся под толстым слоем подсыхающей грязи. Джейн установила внутри печку из прошлого дома и топила ее, чтобы ускорить затвердевание стен. Она боялась, что ее раствор при подсыхании растрескается, но этого не произошло. Кирпичи, благодаря растительной связке, сохраняли целостность. На крышу Джейн просто нанесла грязь в три пальца толщиной, но не поверх металла, а на всякий мусор, который должен был создать изоляционный слой.

Одну створку распашной двери заложила кирпичами, а вторую утеплила тканью, привезенной с собой, натолкав под нее различную набивку. Зима должна была проверить, насколько серьезно Джейн подошла к вопросу сохранения тепла в доме. Изнутри вход завесили ковром, обрезанным под проем задней стенки. Неровный металлический пол засыпали сосновой корой, просушенной хвоей, сухими листьями, тряпками, всем, что отделяло от холодного металла и камня. Джейн посчитала, что пятисантиметрового слоя должно

хватить. Поверх бросили ковер. Джейн уже была влюблена в эту старую русскую традицию, иметь дома ковры.

Двойное пассажирское сиденье Джейн приспособила в качестве кроватки для Анны. Водрузила его на шкафчик-тумбу, привезенную из дома в разобранном виде. Получилось очень практично. Анне предстояло спать достаточно высоко, чтобы на нее не дули сквозняки, гуляющие по полу.

Себе Джейн взяла водительское кресло. Оно было выгнуто катастрофой в ровную кровать, без всякой возможности вернуть его в сидячее положение. Джейн на ночь ставила его на пол, а днем приставляла к стенке, чтобы занимало меньше места. Нашлось в доме место и душу рядом с печкой. Джейн соорудила каменку с одной стороны печи, чтобы дольше хранить тепло. Так делал Игорь в банные дни, создавая в доме приличный жар. Джейн отгородила пространство, в котором можно было мыться, убирающейся шторкой, чтобы не заливать пол. Слива не было. Вместо него стоял большой таз, в который надо было забираться с ногами. Рядом с печкой находился столик, а над ним висел шкафчик с посудой. В принципе, для комфортной жизни было все, что нужно.

Проблема со светом пока решалась открытой дверью. Зимой источником света могла стать печка, или же лучины. Джейн хотелось найти какой-нибудь прозрачный материал, типа оргстекла, чтобы сделать небольшое оконце. Но его пока нигде не встречалось.

До наступления холодов домик был сдан в эксплуатацию. Джейн позволила себе коктейль из водки и отвара травы, похожей на мелиссу. Этот вечер в тепле и уюте Анна провела перед топящейся печкой за прослушиванием рассказов матери об ее прошлом. Все закончилось слезами после упоминания отца Анны.

- Когда-нибудь мы с тобой вернемся на наш остров, где похоронен твой отец. Ты должна знать, где его могила. Когда меня не станет, кто-то должен его навещать. – Джейн снова разревелась от избытка чувств.

Морозы, начавшиеся незадолго перед днем рождения Анны, показали, что дом способен держать тепло. В самом гроте почти всегда было тихо. Ветра кружили у самого входа, не забираясь внутрь. После первого снегопада вход в пещеру завалило выше человеческого роста. Зато внутри нее было намного теплее, чем снаружи, словно тут имелся эффект погреба.

Джейн выходила на улицу только чтобы порыбачить. Она научилась прорубать во льду лунки и ловить рыбу. Рыбалка была не ахти. В неделю удавалось поймать пару рыб, реже больше. Но у Джейн имелся неприкосновенный запас мороженой рыбы. Кроме рыб в нем имелись лягушки и высушенные водоросли.

Анна росла на глазах. Совсем недавно она еле ходила, а сейчас Джейн сидела около лунки и видела, как со стороны острова показалась маленькая оранжевая точка. Это была ее дочь, которая самостоятельно оделась в перешитый отцовский шерстяной костюм и топала по проторенной дорожке к матери. Одной дома ей было скучно. Джейн понимала дочь и не ругала ее за такую самостоятельность. Анна подошла и метров за десять остановилась, чтобы оценить настроение матери. Ее глаза хитро смотрели из-под замотанного кое-как на голове платка. Джейн знала, что дочь держит дистанцию, чтобы дать задний ход, если мать начнет ругаться и захочет надавать ей по заднице.

- Ладно, не бойся, подходи, не буду я ругаться. Дверь хорошо закрыла? – Спросила Джейн миролюбиво.

- Дя.

- Ну, раз, дя, садись рядом, буду учить тебя ловить рыбу.

Анна села и застучала ногами по пластиковому ящику, наблюдая, как мать крутит леску вокруг катушки.

- Мам, а рыбки голодные? – спросила Анна.

- Не думаю. У них вся еда в воде находится.

- Ммм, понятно. А я хотела накормить их, чтобы они сюда приплывали.

- Эй, откуда такие умные мысли, в такой юной голове, а? – Джейн подумала, что если кормить рыбу в одном месте, то она действительно станет сюда приплывать. Удивительно, что до этого вперед догадалась ее дочь. – Хотя и так ясно, гены. – Прокомментировала она смекалку дочери.

На следующую рыбалку, Джейн нашинковала лягушек, немного рыбы и устроила небольшой пир для водных обитателей. Вначале, подкормка целый час плавала без всякого намека, что ее кто-то заметил. Потом появилась одна рыба, которая осторожно хватала кусочки и надолго исчезала в воде. Потом появились еще, а потом вода закипела от желающих поесть на халяву. Джейн бросила блесну в воду,

подождала пару секунд и принялась сматывать леску. Та резко натянулась, аж катушка чуть не вылетела из рук. По ощущениям, рыба вцепилась в крючок немаленькая. В лунке показалась губастая физиономия рыбы. Джейн подсекла ее под жабры и выбросила на снег. Рыба весом, не меньше трех килограмм, билась на снегу. Джейн снова забросила леску. Ей не пришлось ждать. Крючок тут же схватила другая рыба и потянула леску за собой.

Рыбалка удалась. Джейн остановилась, когда у нее лежало в один ряд шесть крупных рыб. Суммарно, они весили под двадцать килограмм. Такой запас провизии можно было запросто растянуть на месяц. После удачной рыбалки Джейн решила немного полениться, и заняться дровами. И как оказалось, не зря. Вскоре на улице так замело, что недели две нельзя было выйти из пещеры. Снег намело у входа высотой метров в пять. Джейн не представляла себе, как она осилит пробить в нем проход.

Для Анны же любая погода была в радость. Ей нравилось, что на улице метет. Потом она стала использовать большой сугроб на входе, тянущийся почти до их домика, как горку. Она сама забиралась на нее и скатывалась вниз на резиновом коврике, который мать вытащила из фургона. Джейн привязала к коврику веревочку, чтобы Анне было удобнее управляться с ним. Анна в развлечениях не знала усталости. Когда она приходила домой, снег у нее был повсюду. Он забивался ей под одежду, в штаны, повисал сосульками на волосах. Но малышка не мерзла и не жаловалась на холод. Она была разгоряченной и довольной.

Накануне рождества, Джейн, тайком от дочери сшила красный носок. Ночью она положила в него последнюю баночку консервированных ананасов и повесила над кроватью Анны. Когда дочь проснулась, ее удивлению и радости не было предела. Джейн рассказала ей о Санта Клаусе. Анна, как и все дети ее возраста, тут же кинулась искать на снегу следы его присутствия. Днем, Джейн и Анна украсили сломанную сосну ледяными фигурками. Мать напела дочери несколько рождественских песен. Этот день у них прошел очень хорошо. В душе маленькой девочки он оставил отпечаток, вспоминая о котором, душа наполнялась теплой волной пережитых когда-то очень приятных и светлых моментов.

В гроте, похожем на оазис прошлого мира, Джейн и Анна прожили три года. Прожить там можно было и больше. Запасы еды и материалов позволяли прокормить и содержать двух женщин всю их жизнь. Но один разговор с дочерью навел Джейн на мысль, что сделать так будет крайне неверно. Вместе им хорошо, но когда Джейн умрет, Анна останется одна. О такой судьбе дочери она и думать не хотела. И мысленно консультируясь с Игорем, понимала, что тот был бы против того, чтобы его дочь жила одна.

Джейн, время от времени, рассказывала про отца Анне. Она хотела, чтобы дочь знала о нем.

- Мам, а у меня будет муж? – В лоб спросила дочь.

Несмотря на очевидность вопроса, Джейн не знала, что ответить. Она гнала от себя мысли о будущем, а тут ее прямо спросили. Джейн не могла взять и сказать «нет». Это значило убить какие-то чувства и надежды в ребенке. Сказать «да», значило, что им рано или поздно придется покинуть это райское место и отправиться на поиски людей. Это было настолько рискованным, что с большой вероятностью могло окончиться смертью.

- Знаешь, Анна, раньше людей было много, и найти себе пару было гораздо проще. Когда мир разрушил ураган, людей осталось мало. Я очень хочу, чтобы у тебя тоже был муж, и такие славные детишки, похожие на тебя. Когда ты подрастешь, мы с тобой отправимся далеко-далеко, и там обязательно встретим хорошего человека, который станет твоим мужем.

- Хорошо. – Согласилась дочь.

Джейн выкрутилась, но в душе остались сильные терзания, итогом которых стала подготовка к очередному плаванию. Джейн решила, что один месяц за лето они могут выделить на то, чтобы сплавать на север. Она помнила, что российские матросы собирались основать базу на северных землях за полярным кругом. Может быть, они найдут их или тех, кто так же, как и они, ищет людей.

Глава 12

Глава 12

Обещания, данные самому себе, Егор не спешил исполнять. Круговорот ежедневных дел не оставлял времени на подготовку к большому путешествию. Да и опасался он его. Одно дело сплавать на плоту на двести километров от дома и другое, отправиться за тысячи километров с неизвестным результатом. Егор понимал, что рано или поздно им все равно придется уезжать, но ждал какой-нибудь знак, который явно укажет, что пора.

И такой знак ему дали. Спустя год после смерти подводника Терехина, Катюшка подцепила какую-то заразу. Вначале она просто жаловалась на слабость и сонливость. Но Егор с Тамарой посчитали, что дело здесь в гормональном перестроении организма дочери. Девочка превращалась в девушку. Но слабость не проходила, появился кашель.

Кате скормили все антибиотики, что остались в запасе семьи. Егор с Матвеем сгоняли к Верблюду и привезли оттуда кучу всяких трав, из которых делали отвары. Все было напрасно. Катя таяла на глазах. Однажды, Тамара застала Катю читающей журнал, найденный отцом в одной из своих вылазок. То ли тень легла так на лицо девочке, то ли все так и было на самом деле, но только Тамара разглядела, как заострилось лицо дочери, как побледнела ее кожа, как трясутся пальчики, перелистывающие страницу. Тамара впервые представила, что ее дочери скоро может не стать.

Она закрыла рот ладонью, чтобы из него не вырвался плач, и бросилась к мужу.

- Егор, я больше не могу, Катю надо везти к тем людям. Нам всем надо уезжать, иначе Катюшка… – Она собрала волю в кулак, – умрет.

Егор обнял жену. Он уже и сам созрел для этого решения. В нем еще жила надежда, что какое-то чудо поможет им вылечить ребенка, но сейчас он отчетливо понимал, ожидание больше не имеет смысла.

На дворе стояла середина лета. Если быстро собраться, то можно было успеть проделать весь путь до наступления зимы на плоту. В течение трех дней Егор и Матвей готовили его к отправке. Нужно было

предусмотреть все поломки, которые могли случиться в пути. Взять все необходимое, если зима застанет их в дороге.

Егор понял, одного плота не хватит, чтобы вместить всю семью и все вещи, которые решили взять в дорогу. Пришлось срочно соорудить прицеп. Для этого понадобилось разобрать стены «квартиры» и сделать из них площадку. Под неё уложили все имеющиеся пластиковые бутылки. На плот сгрузили запчасти, запасы провизии, дров, лыжи и все, что не требовалось непосредственно в самом походе.

На плот водрузили палатку. Дожди до сих пор случались чуть ли не ежедневно. Егор сделал небольшую печь для приготовления и разогрева. Пришлось еще создать некое подобие туалета. До этого мужчинам не составляло особых проблем сходить за борт. С женщинами ситуация была иная. Им требовался минимальный комфорт.

Сердце дрогнуло у Горбуновых, когда плот отчалил от берега. Тяжело было покидать привычное и удобное во всех смыслах место. Если бы не болезнь дочери, переселение можно было бы откладывать бесконечно. Может быть за семьей Горбуновых и приехал бы тогда корабль с алыми парусами, чтобы увезти их с удобствами и без вероятности трагически закончить его на полпути, но судьба решила за них.

Колесо забило лопатками по воде, преодолевая возросшую массу плота вкупе с тяжелым прицепом. Тандем медленно набирал скорость. Тамара роняла слезы, глядя на удаляющуюся гору, спасшую их и приютившую на несколько лет, как на родной дом. У Егора на душе скребли кошки. Матвей тоже готов был разреветься. Чтобы этого не случилось, он принялся проверять крепление груза на плоту. Катя понимала, что это путешествие затеялось из-за ее болезни. Она злилась на себя за то, что никак не может выздороветь и причиняет всем столько беспокойства и неудобств.

- Мам, пап, я обещаю, что когда мы найдем тот поселок и вылечим меня, я больше никогда не буду болеть.

Егор молился на погоду. Каждая задержка могла привести к тому, что зима застанет их в пути. А это значило, что они не смогут какое-то время передвигаться совсем, пока не станет крепкий лед. Каждый день задержки уменьшал возможность довезти дочь живой. Егор с сыном регулярно менялись, чтобы плот всегда находился в движении.

Если к исходу дня на горизонте появлялась гора, на ночевку приставали к ней. Если горизонт был чист, ночевали посреди воды, дежуря сменами. Тамара пару раз пыталась сесть за педали, жалея своих мужчин, но ее не привычные к таким нагрузкам ноги уставали после нескольких минут.

Горы Среднего Урала оказались самыми низкими из всей цепочки Уральских гор. В самом начале пути ночевать приходилось гораздо чаще посреди воды. В незнакомых местах ухо приходилось держать востро. Мощные течения, местами превращающиеся в жуткие водовороты, грозили затянуть плот с путешественниками в свою воронку. Где-то течения отсутствовали напрочь, и в таких местах мир начинал превращаться в тухлое болото, грозящее отравить людей своими миазмами.

Егор зарисовывал и записывал на листок все интересное, встречающееся на их пути. Однажды, далеко впереди, вдоль линии горизонта прошелся смерч. Несмотря на расстояние, он произвел на женщин неизгладимое впечатление своими размерами. Буквально через несколько минут волна, вызванная им, достигла плота, скинув за борт некоторые припасы, и чуть не перевернув плот. Егору с Матвеем пришлось вылавливать из воды все, что держалось на ее поверхности, а с чем-то пришлось попрощаться навсегда.

- Не догадались мы с тобой поплавки ко всему привязать из пустых бутылок, сейчас бы подняли бы со дна. – Посокрушался Егор на собственную недогадливость.

На том месте, где прошелся смерч, поднятая со дна грязь смешалась с верхним слоем. На поверхности воды снова плавали напоминания о человеческой цивилизации. Разнообразный мусор качался на волнах и медленно уходил на дно. Кроме мусора попадалась и всплывшая брюхом вверх рыба. Егор с Матвеем выловили несколько штук и поставили варить уху.

Путешествие немного приободрило Катю. Она, как и все дети старалась впитать в себя новизну ощущений и проникнуться романтикой больших путешествий. На свежем воздухе и под постоянным солнцем, хоть и скрытым облаками, ее лицо немного порозовело, и глаза налились внутренним светом. Тамара, каждый раз перед сном благодарила бога, за то, что он дал сил дочери и подарил им надежду на нормальное окончание путешествия.

Через месяц путешествия, когда уже чувствовалось, что плот находится в северных широтах, и когда колени у Егора и Матвея опухли и стали в два раза больше обычного, случилось одно событие. Егор проверял оснастку груза на прицепе. Матвей, прикрыв глаза, в полусне монотонно вращал педали, Тамара готовила обед, и только Катюха, освобожденная от любого труда, лупилась по сторонам.

- Эй, смотрите! Смотрите, там дым! – Крикнула девочка, указывая рукой в сторону небольшой горы, едва выступавшей над водой.

С горы на самом деле поднималась струйка дыма. Впечатленные этим событием, и особенно тем, что это могут оказаться именно те люди, к которым они так стремятся, Горбуновы повернули в её сторону. Расстояние до нее составляло около пяти километров. Через полчаса, когда дыма уже иссяк, они причалили к скалистому берегу. Матвей соскочил с плота первым и собрался пуститься на разведку, но отец его задержал.

- Погоди, Матвей. Мы не знаем, что за люди это могут быть. Я сам пойду, а вы отплывите метров на пятьдесят от берега и ждите. Если все нормально, я помашу вам с горы, а если нет, плывите отсюда поскорее. – Егор сжал в руках пистолет Макарова.

- Егор, а может, не надо? – Попросила Тамара, напуганная перспективами остаться без мужа.

- Надо, Тома, надо. Не чураться же нам людей всю жизнь.

Матвей неохотно отогнал плот от берега. Он видел, как отец, прикрываясь камнями, обошел гору.

Егор обошел гору слева. Этот склон показался ему более неровным и лучше маскирующим. Он затаился, когда почувствовал близкий запах дыма. Он ждал услышать голоса, чтобы определить, что за люди находятся здесь, но не услышал. На острове царило безмолвие. Звуки издавала только природа. Посвистывание ветра в камнях, лягушачье кваканье под горой, да шуршание стеблей кустарника под ногами. Егор осторожно выглянул из-за камня. Неподалеку от него, на ровной площадке, дымилось догоравшее кострище. Рядом с ним уже никого не было.

Егор вышел на площадку. Возле костра остались следы пиршества: рыбьи головы и скелеты с хвостами. Судя по количеству остатков, еды должно было хватить человек на пять минимум. Куда же они подевались. Егор вгляделся в горизонт. Он был чист.

Мужчина спустился к воде и обнаружил следы того, что кто-то совсем недавно причаливал к берегу в этом месте. В расщелине, среди камней, остались следы от забитого деревянного колышка, к которому привязывали лодку. Рядом с эти местом на камнях лежали выпотрошенные рыбьи кишки и чешуя. Подсохшие потроха облепила мошкара. Судя по тому, что внутренности успели подсохнуть, пролежали они здесь несколько часов.

Находка впечатлила Егора не меньше, чем тот случай с капитаном Терехиным, постучавшимся в их плот. Что, если это его товарищи, участвующие в поиске выживших? Егор вернулся к кострищу. Надо было оставить о себе напоминание. С собой ничего подходящего не было. Егор огляделся и увидел рядом россыпь мелких камней. Рядом с кострищем он выложил цифру «4», затем, идущую от нее стрелку, упирающуюся в латинскую букву «N». По его мнению, любой человек должен был понять его послание, обозначающее, что четыре человека были здесь и теперь направляются на север.

Егор перешел на обратную сторону горы другим маршрутом, надеясь случайно обнаружить людей. Там даже следов их присутствия не оказалось. Он вышел на берег. Их плот, как и положено, лежал в дрейфе на расстоянии пятидесяти метров от горы. Егор помахал руками. Сын заметил его и причалил к берегу.

- Немного не успели. – Произнес Егор с сожалением. – По ходу люди останавливались здесь, чтобы перекусить. Они точно не живут на этой горе. Никаких следов, кроме костра нет.

- Может, это товарищи того военного, которого мы похоронили? – Предположила Тамара очевидную мысль.

- Я тоже так подумал. Оставил сообщение, что мы были здесь и отправляемся на север. Маловероятно, конечно, что они еще раз пристанут к этой горе.

- Ну и ладно, Егор, зато мне так спокойнее, что люди есть где-то рядом.

- Признаться, я рассчитывал получить у них медицинскую помощь для Катюхи.

- Будем считать, что это был знак для того, чтобы мы не теряли веры и продолжали движение.

- Ну, тогда в путь! Не будем терять времени.

Плот снова отправился наматывать километры пути.

Стояла уже вторая половина августа. По утрам становилось настолько промозгло и туманно, что не хотелось выбираться из палатки. Судя по горам, высоким и частым это был уже Северный Урал. Из-за этого трудно было понять, где между гор существует пролив, а где нет. Пару раз Горбуновы попадали в ловушки. Они заплывали, как им думалось между двумя вершинами, но это оказывалось долиной с единственным выходом. Приходилось плыть назад, теряя уйму драгоценного времени. Они догадывались об этом, только когда замечали появляющиеся на поверхности водоросли. Более наблюдательный Матвей указал на особенности течений там, где находились тупиковые долины. Неподвижная вода в них, встречаясь с течением, образовывала небольшие буруны. На границе этих бурунов вода отличалась оттенками. Стоячая вода всегда была темнее.

Егор уже понял, что сын намного наблюдательнее его и по умолчанию считал Матвея штурманом на «судне». Лавируя между высоких и отвесных скал, подметил, что природа здесь сохранилась намного лучше, чем в тех местах, откуда они прибыли. Попадались здесь поляны с подветренной стороны, на которых сохранились мощные сосны, почти не тронутые катастрофой. Ночевать в таких местах было сущим удовольствием. Пряный воздух растительности погружал в ностальгическую атмосферу прошлой счастливой жизни. На время можно было вообразить, что ничего не изменилось в мире. Если бы не болезнь Кати, то на такой поляне можно было бы поселиться и жить в свое удовольствие. В округе было достаточно дров и пропитания, без нужды устраивать многодневные заплывы.

По календарю, который вел Егор, на дворе наступило первое сентября. В это утро он почувствовал, как пахнуло холодом. Первым выбрался из палатки, чтобы начать готовить завтрак, и поскользнулся. Мокрые камни оледенели, превратившись в скользкий каток. Егор чуть не упал на палатку, чем мог перепугать спавшую семью. Пришлось все делать на четвереньках, потому что стоять на ногах было совсем невозможно. Собранные с вечера по округе дрова намокли и покрылись коркой льда. Егору пришлось карабкаться к плоту, чтобы набрать пропитанных жиром брусочков для розжига, оставленных для вот таких экстремальных случаев.

Дрова, щелкая и шипя испаряющейся влагой, все-таки разгорелись. По округе разнесся густой дым горящей хвои. Вдруг из

палатки раздался кашель Катюшки. Она и раньше подкашливала, но теперь ее прихватил очень сильный кашель. Егор вздохнул. Не хватало еще застудить дочь с ее ослабшим иммунитетом.

- Кать! Ой, что это? – По обеспокоенному голосу жены Егор сразу понял, что с Катей что-то случилось.

Он заглянул в палатку.

- Что случилось-то? – Тревожно спросил отец.

Тамара уже ревела, обнимая Катю, испуганно смотрящую на отца. Супруга протянула ладонь, на которой была кровь.

- Катюшка кровью начала кашлять. – Сквозь слезы произнесла она.

Егор почувствовал, как внутри него всколыхнулись все чувства, провернулись, оставив на поверхности страх, боль и леденящее ожидание неизбежного. Он взял за ручку Катю и посмотрел ей в глаза. Ему хотелось увидеть в них силу и решительность, но глаза дочери излучали испуг и надежду на родительскую помощь. Прижал её к себе, поцеловал в макушку, и чтобы никто не видел его слез, отпустил и выбрался из палатки, обронив на выходе:

- Минут через пятнадцать завтрак будет готов.

Отчасти реакция родителей могла подстегнуть уверенность ребенка в том, что она тяжело больна. Катюшка начала чахнуть на глазах. У нее почти не осталось сил ходить. Отец относил ее с плота на берег, кормил из ложечки, укутывал тряпками, чтобы дочка не мерзла. Катюшка наедалась парой ложек бульона, потом ее начинало тошнить, а если покормить еще, могло и вырвать. Тамара выламывала себе руки, не зная, чем помочь страданиям дочери.

- Егор, ну когда мы, наконец, доплывем до этого поселка? – Тамара задавала этот вопрос по десять раз за час.

В довершение всех неприятностей началась сильная метель, предвестник скорой зимы. Широты были уже полярные, и начала зимы можно было ждать в любой момент. Низкое солнце, почти не пробивавшееся сквозь плотную завесу туч, создавало иллюзию постоянных сумерек. На душе у всех было так тоскливо и холодно, что через призму этого настроения мир вокруг казался еще мрачнее и холоднее. Драматизма мыслям добавляло то, что Егор не знал точно, куда им двигаться после того, как они достигнут оконечности Уральских гор.

Он специально крутил педали большую часть дня. Каждую минуту ждал и боялся, что из палатки раздастся крик жены, увидевшей, что их дочь отдала богу душу. Из-за своих тоскливых мыслей он чуть не проглядел развевающуюся на ветру красную тряпку, оставленную на вершине небольшой горы. Егор случайно зацепился за нее взглядом. Пригляделся внимательнее, пытаясь убедить себя, что это не обман зрения.

- Матвей, глянь, у тебя глаза зорче, не пойму что за красная тряпка там развевается?

Матвей посмотрел в направлении, указанное отцом. На небольшом флагштоке развевалась, как флаг, красная тряпка.

- Да, похоже на тряпку. Подплывем?

Плот причалил к берегу. Егор оставил Матвея с женщинами, а сам быстрым шагом поднялся на гору. За время путешествия его ноги превратились в сплетение стальных канатов, и подъем совсем не утомил. На самой вершине, хорошо видимый со всех сторон, развевался флаг с явным намерением быть замеченным. Он добрался до него, обнаружив рядом с флагом небольшой схрон. В нем лежала записка, завернутая в пластик и придавленная камнем. Егор быстро развернул ее. Текст гласил:

«Вниманию всех, кто обнаружит наш ориентир. В двадцати метрах от вершины, на восточном склоне горы есть небольшая пещера, в которой стоит передатчик. Спуститесь в нее, дайте нам сигнал и ждите, когда вас подберут».

Егор огляделся, сориентировался по сторонам света и спустился, как ему показалось, в правильном направлении. Он сразу нашел вход в пещеру. В углублении горы, накрытый непромокаемой пленкой стоял прибор, по виду, кустарного производства. Деревянный ящичек с крутилкой, приделанной к торцевой стенке. На ящике лежала такая же упакованная в пластик инструкция по использованию аппарата. Егор пробежал по ней глазами. Затем вышел с аппаратом на улицу и снова взобрался на вершину. Он принялся яростно крутить ручку, как будто от этого зависела сила передаваемого сигнала. На панели загорелась красная лампочка. Это значило, что аппарат набрал необходимый заряд.

Егор вытянул антенну на максимальную длину и нажал кнопку передачи сигнала. Через десять секунд лампочка погасла. Егор

повторил операцию. Потом еще раз. Он снова спустился в пещеру, вспомнив, что видел там еще что-то. Этим что-то оказался небольшой запас консервированной еды, несколько спичек, небольшой запас дров и некоторые медикаменты. Егору попалась на глаза пачка с надписью «Адаптовит». Это был витаминный напиток для быстрого восстановления сил у военнослужащих. Егор схватил его и все лекарства, что были любезно перетянуты одной резинкой, и бегом отправился к плоту.

Его ждали. Тамара смотрела во все глаза.

- Что там? Что ты так долго, Егор? – Сразу спросила она.

- Там передатчик в пещере. Я послал сигнал о помощи. За нами должны выехать. Правда, там не написано, сколько это займет времени. А это было там. – Егор, выложил перед ними упаковки лекарств и пакет с напитком. – Дайте мне воду.

Он высыпал в кружку напиток и залил его водой. Напиток приобрел желтый цвет и приятный апельсиновый запах.

- Это придаст Катюхе сил на время.

Егор залез в палатку. Катя безучастно смотрела на отца. У нее не было сил даже удивляться.

- Катюш, дочка, я тебе сок раздобыл. – Егор свободной рукой приподнял ей голову.

Катя закашлялась. Он подождал, когда кашель пройдет.

- Сделай несколько глотков и станет легче.

Катя послушалась и сделала несколько глотков. Затем тяжело откинулась головой на самодельную подушку.

- Вкусно. – Сказала она. – Я потом еще попью.

- Хорошо, кружка будет стоять здесь. Как захочешь, зови, я или мама тебя напоим.

Дочь кивнула в знак согласия.

Пока Егор поил дочь, Тамара пересмотрела все лекарства, которые он принес.

- Я даже не знаю, стоит ли ей давать хоть что-нибудь из этого? Она ослабла, а мы даже не знаем, что у нее за болезнь? Вдруг ей только хуже будет?

- Если бы я знал, Тамар, я бы уже действовал. Нам бы продержаться до прихода помощи. Они же военные, у них и

оборудование на лодке какое-нибудь имеется, и врачи. – Успокоил жену Егор.

- А сколько нам ждать?

- Не знаю, там не написано было. Давайте, переберемся в пещеру. Там и ветра нет.

Тамара согласилась. Через час семья и все необходимые вещи уже были в пещере. Матвей завесил пленкой вход. С плота принесли печурку и имеющимся запасом дров обогрели помещение. В пещере стало тепло и уютно, почти, как на прежнем месте. Катя почувствовала тепло и попыталась самостоятельно сесть. Родители, напуганные ее движениями, застыли рядом, готовые сразу придти на помощь.

- Сок еще остался? – Спросила дочь.

- Да, да, держи. – Отец протянул Кате кружку.

Дочь сделала несколько глотков.

- Ухх, голова кружится. А поесть у вас осталось что-нибудь?

У родителей аж слезы брызнули из глаз. Катюшка первый раз за последнюю неделю сама попросила еды. Егор открыл банку тушенки, оставленную военными, выложил в плошку одну ложку и немного разбавил ее кипятком. Катя давно не питалась нормально и чересчур жирная еда могла ей навредить. Дрожащими от слабости руками дочь несколько раз подносила ко рту ложку с едой, в полной тишине пережевывая еду. Родители напряженно следили за дочерью, повторяя мимикой все ее движения. Нескольких ложек хватило ей, чтобы наесться. Катя откинулась на подушку и уснула. Тамара наклонилась и поцеловала дочь, заодно проверив температуру. Лоб у нее был холодный.

- Дай бог, чтобы военные приехали быстрее. – Произнесла Тамара.

- Я сейчас поднимусь на вершину и снова подам сигнал.

Егор взял с собой немного еды, передатчик и вышел из пещеры. Он раз десять повторил процедуру передачи сигнала, полагая, что его настойчивость как-то поможет помощи выдвинуться быстрее.

Прошло пять дней. Кате снова стало хуже. Тамара часто выходила из пещеры, потому что не могла больше скрывать свое состояние. При дочери держалась, а без нее уже не справлялась со своими чувствами, ревела навзрыд. Матвей с Егором, чтобы не находиться все время в этой гнетущей атмосфере, пытались занять себя делами. Один из них

все время сидел на вершине, готовый в любой момент разжечь костер из пропитанных жиром чурбачков. Такие дрова не боялись влаги, охотно разгорались и здорово чадили пока разгорались.

Второй в это время объезжал округу в поисках чего-нибудь полезного, а по большому счету, чтобы немного развеяться.

- Егор, сколько мы еще можем позволить себе ждать? – Тамара спросила мужа, понимая, что промедление будет стоить жизни дочери.

- Еще два дня. Я же не знаю, где их поселок, на чем они отправились спасать нас?

- Или вообще, существуют ли они, эти спасатели? – Обреченно произнесла жена.

- Да брось ты, кто бы стал столько трудов вкладывать в эти передатчики? Они обязательно приедут.

- Скорей бы, скорей. – Тамара взяла за руку дочь.

Катя не шелохнулась. Тамару окатила волна страха, отразившаяся на лице и в глазах. Егор подскочил к дочери и прислонился губами ко лбу.

- Теплый. – Выдохнул он. – Хватит, уже причитать, иди, на горе посиди, а я тут сам за Катькой присмотрю.

Егор сказал это так сурово, что Тамара подчинилась.

Матвей всматривался в горизонт затянутый дымкой. Мать подошла к нему.

- Не замерз тут, на ветру?

- Да нет, привык уже. Ничего не чувствую. А ты чего пришла?

- Отец отправил развеяться.

- А, понятно. Ну, смотри тогда, по сторонам.

Минут через пятнадцать Тамара продрогла так, что зубы часто стукались друг о друга. Она смотрела на сына, на которого холод не производил никакого эффекта. Матвей неподвижно всматривался в горизонт, периодически проверяя, на месте ли лежат спички, хорошо ли сложены дрова. Тамаре невольно вспомнились события прошлого, казавшиеся уже не ее воспоминаниями, а чьей-то чужой рассказанной историей. Она вспомнила, каким хрупким подростком был ее сын, как он боялся хулиганов во дворе и делал большой круг по дороге из школы, чтобы не попасться им на глаза. Она смотрела на сына и видела, что суровая жизнь превратила его в настоящего мужчину.

Таким, каким она мечтала видеть когда-то Егора: уверенным, сильным и сосредоточенным.

- Мам, глянь туда, а то мне уже мерещиться начинает.

Тамара посмотрела в сторону, куда указывал сын. Если присмотреться, то можно было различить точку на горизонте, но она могла оказаться чем угодно, от бревна до камня, выступившего из дымки.

- Я подожгу все равно.

Матвей закрылся от ветра и поджег дрова. Жаркое пламя разбежалось по ним и зачадило черным дымом. Он отошел в сторону, чтобы не закрывать огонь. С матерью они стали ожидать реакции от точки. Вдруг, точка заморгала светом. Матвей скинул с себя куртку и принялся водить ею перед пламенем. Точка снова заморгала светом.

Ноги у Тамары подкосились. Она села на камень. Слезы потекли по щекам.

- Помощь. Наконец-то. – Еле слышно произнесла она.

В пещере суетился военный врач. Он установил Кате капельницу с глюкозой и витаминами. Рядом стоял отец, наблюдавший за уверенными действиями врача.

- Мы предполагали, что нам придется встретиться с изможденными людьми, поэтому взяли глюкозу и витамины, для быстрого восстановления. Давно у нее это началось? – Врач приподнял веко девочке и посмотрел на конъюнктивы. – Чем питались?

- Месяца три назад. Вначале слабость была, потом кашель открылся. А недавно с кровью кашлять начала. Питались мы разным, чем бог пошлет. – Пояснил Егор.

- Рыбу сырую ели? – Спросил врач.

- Нет, специально не ели, конечно. Надо Тамару спросить, они чаще вместе бывали.

Зашла Тамара. Врач повторил ей свой вопрос.

- Да, бывало несколько раз, что она таскала со сковородки не прожаренные куски. – Призналась Тамара.

- Похоже на заражение паразитами. Интоксикация, поражение легких.

Врач произнес это обыденно, как про совсем привычную вещь, но на Тамару его диагноз произвел прямо обратное впечатление. Она запрокинула голову и начала падать. Егор еле успел ее поймать.

- Извините, отвык уже от женской реакции. Надо было сказать хорошо, что это паразиты, а не туберкулез. Мы обязательно вылечим девочку. – Успокоил врач.

Джейн соорудила на плоту кабину с жесткой крышей, но стены сделала тканевыми. Она задумала большой разведывательный поход на север, но собиралась обязательно вернуться назад, а потому основной груз состоял у них из продовольствия и самого необходимого. Анна была уже большой, и сама находила, чем занять свое время в плавании.

Чем дальше на север, тем выше становились горы, и чаще встречались сохранившиеся после урагана участки живой природы. На глаза попадалось много мест, в которых можно было обосноваться. Но строить заново жилье Джейн уже не хотела. В их оазисе все было налажено, и до совершеннолетия Анны оставалась ещё уйма времени. Джейн хотелось верить, что все как-нибудь само собой образуется.

По дороге она собирала всё, что мечтала иметь у себя на острове. В основном, это касалось растений. Выкапывала некоторые кусты прямо с землей и убирала их в непромокаемую ткань. Места для Анны на плоту становилось все меньше. На одном из островов Джейн насобирала жуков, которые не попадались ей раньше. У дочери страшные насекомые вызвали страх и брезгливость. Но ее мать была биологом и смотрела на любых живых существ другими глазами. Ее больше всего заботило восстановление численности всех выживших видов.

На двенадцатый день они попали в сильный дождь, и не смогли пристать ни к одному острову. Ночевать пришлось прямо на плоту, борясь с поднявшейся волной. Джейн почти не спала и к утру чувствовала себя совершенно разбитой. В первой половине дня дождь закончился. Джейн хорошо порыбачила. Выловила пять небольших рыбешек. Затем Джейн и Анна пристали к ближайшему берегу. Приготовили рыбу, плотно поели, после чего Джейн отоспалась за всю бессонную ночь. В путь тронулись во второй половине дня, благо следующая гора виднелась на горизонте.

За все время плавания, а конкретно за пятнадцать дней, им не встретилось ни одного намека на существование других людей. С одной стороны, это опечалило Джейн, но с другой, она понимала, что,

скорее всего, так и будет. Отдохнув целый день в конечной точке путешествия, они повернули назад.

На обратном пути у Анны случилось расстройство желудка, и они пристали к тому острову, на котором совсем недавно жарили рыбу и провели почти целый день. Пока Анна справлялась со своей нуждой, Джейн решила прогуляться. Она поднялась к тому месту, где они обедали, и замерла как вкопанная, не веря своим глазам.

Им оставили послание, выложенное камешками. Буква «N» и цифра «4». Между ними была стрелка, идущая от цифры к букве. Джейн попыталась по-разному интерпретировать этот ребус. Она поняла, что кто-то обнаружил кострище, оставленное ими, посчитал, что они часто бывают на этом острове, и решил сообщить, что группа из четырех человек движется на север, о чем красноречиво говорила буква «N». Ей хотелось понять, знали ли эти люди куда идут, или так же, как и они с дочкой, испытывали свою судьбу? Сейчас от этого зависело, в какую сторону им направляться. Вернуться домой или же двинуться следом за этими людьми.

От трудностей выбора у Джейн закипели мозги. Она находилась в таком жутком сомнении, что готова была не простить себе оба решения. Если бы лодки оставляли следы на воде, то она непременно двинулась по ним, за теми людьми. А так, она боялась опрометчиво кинуться следом и потеряться среди похожих скал и островов.

На гору поднялась Анна. Она сразу поняла по взбудораженному виду матери, что что-то случилось.

- Смотри, этого не было несколько дней назад. Люди оставили нам послание. Оно не совсем понятное, но я считаю, что четыре человека отправились на север, о чем им захотелось сообщить и нам. – Джейн показала дочери на ребус из камешков.

- Мы поплывем за ними? – Спросила Анна.

- Я не знаю, что нам делать, дочь. Я не знаю, куда они плывут. Может, как и мы, направляются наудачу. И я не уверена, что мы догоним их, если вообще не затеряемся среди островов. Если мы не найдем людей в течение месяца, то можем замерзнуть. Зимы здесь суровее и начинаются раньше. Я думаю, что у нас и месяца-то нет.

- Мам, не переживай, нам с тобой и вдвоем пока неплохо. Давай, мы тоже оставим им послание?

Ответ дочери успокоил Джейн. Действительно, не стоило так переживать. Если уж и отправляться на поиски людей, то надо делать это в самом начале лета, и подготовившись более основательно. И желательно, чтобы Анна была постарше, и могла стать полноценной заменой матери, в случае чего.

Джейн оставила подробное послание о себе и о месте их жительства, начертав его угольком из кострища на плоском камне. Оставила его рядом с ребусом, вниз текстом, чтобы не смыло дождями. Закрепила яркую тряпку на вершине, видимую со всех сторон и с легким сердцем отправилась назад.

В кают-компании возле карты на стене собрались несколько офицеров «Пересвета» и Егор Горбунов.

- Примерно здесь мы нашли капитана Терехина Виктора Ефимовича. Их лодка попала под смерч, он выжил один, но, видно от смерча ему здорово досталось. Через три дня он умер у нас в пещере. Перед этим, он настойчиво просил нас идти на север, в ваш поселок. – Егор замолчал.

В кают-компании повисла тишина.

- Да, признаться, я надеялся, что Виктор жив. – Татарчук поник. – Надо будет организовать похороны команды, и выбить их имена на стеле «Памяти».

После некоторого замешательства, Татарчук снова прильнул к карте.

- Покажите, Егор нам все, что вы отметили на своих картах.

У Егора с собой была целая стопка бумажных листков пронумерованных особым образом, по которым он мог составить их в правильном порядке. Ему понадобилось большое пространство на полу, чтобы выложить их как надо. Офицеры с любопытством взирали на его манипуляции. Наконец, он пристроил последний лист. На полу лежал большой рисунок, похожий на картографию путешественников Средневековья.

- Это юг, это север. Здесь мы спрятались в Черной пещере в самом начале катастрофы. Этот район самый изученный, но сейчас он сильно заболотился и атмосфера там, мягко говоря, воняет. Поэтому мы съехали оттуда…

Егор долго рассказывал обо всем, что было нанесено на его карту. Офицеры вместе с ним искали места, сравнивая их с теми, чтобы

имелись на их собственной карте. Течения, болота, водораздел, пояс смерчей. Егор упомянул кострище, обнаруженное им на середине пути к поселку, и рассказал, что оставил послание. Татарчук посмотрел на Егора, словно в голову ему пришла какая-то идея.

- Слушайте, Егор во всем поселке у нас не сыскать такого следопыта, как вы. Что если к следующему лету вы возглавите экспедицию по поиску выживших людей? Технику и оборудование мы вам предоставим. Педали крутить уже не придется.

- Да, в принципе, я согласен. Это то, чем я занимался последние годы.

- Отлично! – Татарчук крепко пожал руку Егору и постучал ему по плечу.

Горбуновых поселили в отдельном доме-коробушке. Первое время им было непривычно жить в нем. Он казался тесным и неудобным. Пещеры крепко въелись в их образ жизни. Отвыкли они и от большого количества людей вокруг, смущались, чувствуя на себе взгляды. А еще были иностранцы. Хотя Матвей объяснил семье, что такого понятия больше не существует ввиду отсутствия стран, а все люди теперь одной национальности. Тамара, да и поправившаяся Катя постоянно испытывали на себе внимание мужчин. День за днем происходила адаптация к новой жизни. Чем сильнее Горбуновы привыкали к ней, тем яснее становилось, что сделанный выбор оказался правильным.

Во-первых, Катю быстро поставили на ноги, и теперь ее болезнь вспоминалась, как страшный сон. Во-вторых, здесь существовали блага цивилизации, такие как электричество, баня, столовая и кинотеатр. Последнее был громко сказано. Кинотеатром являлось помещение с телевизором, способным воспроизводить фильмы с флешек или жестких дисков. Кое-кто из подводников брал с собой фильмы в поход, чтобы посмотреть их в плавании, и теперь они составляли фильмотеку кинотеатра. В-третьих, это социальная организация общества. Здесь не было такой тягучей и однообразной жизни, которая была у Горбуновых прежде. Она чуть не засосала семью полностью, и если бы не болезнь Кати, неизвестно смогли бы они стронуться с насиженного места?

Когда Горбуновы жили только своей семьей, Егор чувствовал себя самодостаточной единицей. В поселке он понял, что его самодостаточность заключалась в большей мере в том, что над ним

никто не довлел. Все решения принимал он сам, и только от него зависело, как поступить с ним. Теперь он был встроен в систему в которой был не так свободен. Им командовали, это было не то командование, существовавшее между людьми до катастрофы, надменное и пренебрежительное. Решения обычно принимались коллективным обсуждением, так что любое задание имело под собой насущную необходимость, а исполнение его являлось почетным делом. Помимо того в поселке существовал дух уважения и те, кто находились у руля, заслужили этот пост заслуженно.

К вопросу о самодостаточности. В поселке Егор понял, ощущение «пещерной» самодостаточности являлось скорее ленивой интерпретацией этого чувства, потому что здесь он тоже чувствовал себя самодостаточным, только иначе. Он делился знаниями и опытом, которые не имели жители поселка, что делало его важным звеном в структуре организации жизни поселка. Так же себя чувствовала Тамара и дети. Егор ни разу не услышал от них, что путешествие в поселок стало дурной затеей, а в пещере было лучше. Одна спасенная жизнь их дочери стоила того, чтобы никогда не задаваться этим глупым вопросом.

Жители поселка вообще считали Егора героем. Он ведь спас семью, нашел способ прокормить ее и привезти в поселок за две тысячи верст. Егору это импонировало, но он не позволял себе гордиться больше нужного. Когда его назначили руководителем экспедиции, он сказал командованию, что возьмет на себя функцию лоцмана, потому что по жизни из него получался не очень хороший начальник. Его просьбу учли и удовлетворили. Татарчук считал, раз человек не готов взять на себя такую ответственность, то для дела будет лучше поступить так, как он просит.

В итоге, Егор остаток зимы провел вместе с будущей командой, готовя судно к большому путешествию. Судном для новой экспедиции стала лодка, на которую пристроили бензиновый двухтактный двигатель от мотокультиватора. Корабль с грузом всякой техники был обнаружен неподалеку от Новой Земли. На борту его зияла пробоина. Видимо он затонул во время наводнения от соударения с айсбергом или большой льдиной, а когда сошла вода, он оказался на суше.

Незначительными переделками лодку превратили в катер, походивший на суда гонконгских или вьетнамских торговцев.

Перегружать лодку не стали, потому что основной движущей силой на ней оставались люди. Бензина отпустили небольшой лимит. Его надлежало использовать только в критическом случае, чтобы не допустить таких же смертей, подобных той, что случилась с командой Виктора Терехина.

Экспедиция вышла в море, как только сошел весь лед на Баренцевом и Карском морях. Экипаж питал надежду на успех, но был готов к тому, чтобы вернуться ни с чем. Татарчук накануне отправления сказал, что это последняя экспедиция вглубь материка, и что дальше придется придумывать новые способы поиска выживших людей.

Сильные туманы мешали ориентированию. С самого утра до полудня видимость перед лодкой составляла не больше десяти метров. С такой видимостью заскочить в какое-нибудь болото или на камни было плевым делом. На носу сидел человек с длинной жердью и проверял дно. Наученные горьким опытом, члены команды всегда носили при себе спасательные жилеты. С ними можно было рассчитывать на спасение, если берег окажется рядом. Ледяная вода позволяла побарахтаться в ней целых полчаса.

Поэтому команда налегала на весла в полсилы. Егор сидел на носу, глубоко втягивая ноздрями сырой воздух, готовый в любую секунду дать команду «стоп», при первых признаках запаха сероводорода или нащупав близкое дно. Пока им везло.

Мир непрерывно менялся спустя семь лет после катастрофы. Небо светлело, становилось теплее, но вместе с тем на материке повышалась влажность. Огромная площадь испарения на более горячем солнце, способствовала накоплению влаги в атмосфере. Егор знал, чем это скоро обернется. Все мелководье, а это почти вся поверхность бывшей суши, скоро превратится в огромное зеленое болото. Может быть, чистые течения и оставят себе подобия русел новых рек, но заболачивание было неизбежным. А там, где болота, там и метан. А он, как известно, относился к парниковым газам. Жизнь у полюсов выглядела единственным удобным местом на карте планеты.

Егор снова достал кусок ткани, на котором угольком был нарисован остров в виде полумесяца, и корявым почерком, на корявом русском написаны два имени, Джейн и Анна. Похоже, что это Джейн Оукленд, космонавт с МКС. Все считали их погибшими, но они дали о

себе знать. Кем была Анна, Егор не знал, как и то, что сталось с Игорем Кружалиным, передачи которого они слушали на своем приемнике. Вот такой неожиданный сюрприз принесла им экспедиция.

Информация на ткани сообщала, что расстояние между островом в виде полумесяца и островом, на котором осталось сообщение, составляет пятнадцать дней. Но из-за густого тумана потерялось ощущение пройденного пути. Прошло больше пятнадцати дней, а искомый остров все не появлялся. Существовала большая вероятность проскочить его мимо. Егор боялся этого больше всего.

Солнце начало топить туман. Командир команды Бурега вышел из «каюты» с биноклем. Приложил бинокль к глазам и сделал с ним полный оборот вокруг себя.

- Вроде, ничего. – Констатировал он, что и так было видно. – Как вода?

- Чистая.

- Давай, Егор, перекуси, а я тебя сменю на пару часов. – Предложил командир.

Егор принял его предложение и отправился под навес. Ему положили в тарелку кусок копченой рыбы, и сушеную галету из водорослей.

- Спасибо. – Поблагодарил дежурного по кухне Егор.

После калорийного обеда, его потянуло в сон. Егор пристроился на банке, идущей вдоль борта, и засопел. Его разбудил шипящий возглас Буреги.

- Егор! Иди, глянь, этот остров похоже на полумесяц.

Егор мгновенно пришел в себя и выбрался наружу. Командир отдал ему бинокль и показывал в сторону горизонта. Остров хорошо различался невооруженным глазом. Но определить форму с такого расстояния и ракурса не получилось. Лодка заходила к нему с восточной оконечности, далеко выдававшейся в воду. Егор вернул бинокль и снова достал ткань с рисунком. На ней был нанесен крестик, такой пираты ставят на месте кладов, и был он нанесен на внутренней стороне полумесяца.

- Надо зайти с той стороны. – Посоветовал он.

Егор в нетерпении сел на весла, хотя до смены еще оставалось время.

Джейн заделывала дыры, прогрызенные крысами в основании стены их дома. Она не могла взять в толк, зачем крысам делать себе ходы, если ничего хорошего их не ждет. Но у крыс была своя логика. Анна гоняла на входе в грот воробьев. Птицы совсем ее не боялись. Джейн с дочерью прикармливали их всю зиму, заслужив расположение пернатых. Стайка смелых воробьев кружила над головой дочери на расстоянии вытянутой руки. Анну это очень забавляло. «Дитя природы» – думала про нее Джейн.

- Мааам! – Раздался тревожный голос дочери. – Мама.

Джейн сердцем почувствовала тревогу. Бросила работу и подбежала к дочери. К ним подплывало небольшое судно. Оно было далеко, но курс не давал сомнений, что судно направляется к острову. Джейн заметалась. Не так она представляла себе контакт с людьми. Ей стало страшно. Впервые ей пришла мысль, что люди могут приехать с дурными намерениями.

- Мам, ты чего? – Анна заметила тревогу в глазах матери.

- Ничего дочь, заволновалась от неожиданности. Ты иди пока в дом. Я одна встречу их.

Джейн ополоснула руки в воде. Спрятала мачете за спину. Нашла аварийный запас, в котором лежал пистолет Макарова. Вставила в него обойму и тоже убрала за спину. Так ей стало чуть спокойнее.

Лодка приближалась. На носу стоял человек и смотрел на нее в бинокль. Он помахал рукой. Джейн махнула в ответ, но сделала это не так эмоционально. Если человек в лодке немного психолог, он должен был понять, что женщина боится. Человек убрал бинокль и поднял руки над головой, показывая, что в них ничего нет. Сердце Джейн немного успокоилось.

Лодка царапнула дном о камни и встала в трех метрах от берега. Двое мужчин сошли с нее и отправились навстречу Джейн. Девушка стояла у входа в грот и напряженно вглядывалась в лица незнакомцев. Правая рука ее была за спиной и поглаживала рукоять пистолета. На вид, мужчины были безоружны. Они улыбались и всем видом старались показать свое миролюбие.

- Джейн Оукленд?! – Крикнул один из них издалека, заметив ее напряженность. – Я с «Пересвета», офицер.

Ноги у Джейн подкосились, и она безвольно села на камни. Разжала ладонь, сжимающую пистолет. Оружие выпало и стукнулось о

камни. Джейн прислонила ладони к лицу и заплакала. Она готова была верить людям, о которых знала, и которые знали о ней.

- Здравствуйте, Джейн! – Бурега нежно взял ее за плечо. – Меня зовут Вадим, а это Егор. – Представил себя и товарища Гренц. – Мы искали вас.

- Я Джейн Оукленд, как вы уже догадались. Очень рада знакомству. – Она протянула руку и шмыгнула носом.

Татарчук выехал на «объект». Так называли любое явление в поселке, на котором производилась какая-то работа, или он был чем-то интересен. На этот раз объектом стал сухогруз, обнаруженный в Карском море. Ураган переломил судно пополам. Обе половинки выбросило недавним штормом на отмель. Сухогруз заметили с рыбацкого судна.

Татарчука иногда называли капитаном, а иногда звали по имени отчеству, намекая на то, что военный порядок остался в прошлом. Дмитрий Иванович забрался на палубу. По ней уже ходили несколько человек, исследуя корабль.

Сухогруз вез контейнеры. Часть их еще осталась на палубе. Они скатились к одному борту, и неизвестно каким образом еще держались на нем.

- Содержимое проверили уже? – Спросил Татарчук тех, кто оказался здесь раньше.

- Избирательно. Но все как обычно, китайский ширпотреб. Есть бытовая техника, есть одежда. Но все в ужасном состоянии. Соленая вода не жалеет ничего.

- Знаю, знаю. Но куда деваться. Вы парни рукастые, будет вам, чем заняться долгими зимними вечерами. А на второй половине что?

Татарчук посмотрел на вторую половину корабля, на которой находился капитанский мостик.

- На внутренней палубе везли машины. Они почти не повреждены, потому что прикручены. Наш водолаз насчитал их больше сорока. А наверху такие же контейнеры. Многие упали в воду, когда корабль вынесло на мель. Мы вообще думаем, что корабль сломало большой волной, и затонул он мгновенно. Во всех отсеках мертвые люди, многие даже жилеты не успели надеть.

- Их надо будет собрать и захоронить по-человечески. Но вначале, попытаемся оттащить груз к нам. Машины нам ни к чему, дорог все

равно нет, а вот разобрать их стоит.

- Дмитрий Иванович, Дмитрий Иванович! – На борт сухогруза забрался матрос с рацией.

Он держал ее на вытянутой руке, как олимпиец факел.

- Американцы вышли на связь! – Запыхавшийся матрос передал рацию Татарчуку.

- Какие американцы еще? – Не понял Татарчук.

Он нажал кнопку приема.

- Это командир российской АПЛ «Пересвет» капитан первого ранга Татарчук.

- Привет, капитан, это «Монтана» Джон Коннелли, еще не списал нас со счетов?

- Привет, Джон! Рад слышать. Судя по тому, что мы разговариваем, ты где-то рядом?

- Так точно. Гораздо ближе, чем ты думаешь. Я иду по координатам, оставленным вами на Шпицбергене. И я теперь не командир «Монтаны», а старой ржавой дизельной бочки, на которой везу вам очень щедрый подарок.

- Спасибо, Джон, через сколько придешь?

- Да я уже вижу берег на горизонте. Маякните, где у вас порт.

- Секунду.

Татарчук отдал приказания по рации, чтобы со стороны порта пустили несколько сигнальных ракет.

- Готово, Джон. Видишь.

- Спасибо, капитан, вижу.

Татарчук, заинтригованный тем, что привез ему капитан «Монтаны» бросил осматривать сухогруз, и отправился назад. Когда он прибыл в порт, там уже стояло видавшее виды судно. Сравнение ее со старой ржавой бочкой было совершенно уместным. Татарчук сошел на берег и сразу заметил оживление в поселке. Что же такого могли привезти американцы, переполошившее народ.

На подходе к поселку ему стала очевидна причина нездорового ажиотажа. На площади возле административного здания, робко жались друг к другу женщины. Человек сорок. Чернявые, напуганные. Татарчук прошел сквозь толпу и столкнулся с Джоном Коннелли. Признать в нем того капитана было тяжело. Американец постарел, с него сошел офицерский лоск. Суровые северные ветра обветрили

лицо. Одет он был свободно, мешковато и только на голове осталась старая морская фуражка с надписью «Монтана».

- Привет, старина! – Хлопнул Коннелли по плечам Татарчука.

- Привет, Джон. Я уже забыл, как выглядят женщины, это тот самый сюрприз?

- Так точно. Это мексиканские невесты господа, монашки, одним словом. Прятались в монастыре, который сделали в пещерах. Их точно вела рука господа. Они уверены, что заслужили честь продления рода людского. Вот, поделился с вами по-дружески. Отобрал лучших. – Коннелли засмеялся.

- Спасибо капитан. Это по-настоящему мужской поступок. С женщинами у нас до сих пор туго. – От переполнивших чувств, Татарчук крепко обнял Коннелли. Затем отстранился от него. – Ну, как вы там, устроились?

- Всего и не рассказать сразу. Окажешь гостеприимный прием, непременно расскажу.

- Вот, черт! - Татарчук хлопнул себя по лбу. – Извини, на радостях совсем потерялся.

Татарчук отдал распоряжения топить баню и готовить обед на дополнительные сорок пять персон. Женщин оказалось тридцать восемь человек и семь членов экипажа судна. Работа в тот день не спорилась в руках мужчин. Они подтягивались в центр поселка, чтобы разглядеть «девчонок», которых жестом доброй воли, привезли американцы.

Мексиканки были в основном небольшого роста, черноволосы, кареглазы. Многим было далеко за тридцать, а кому и за сорок. Но даже самая старшая из них имела все шансы выбирать себе жениха по вкусу. Пока они стеснялись, молча ели скромный по понятиям поселка, обед и тихо переговаривались между собой.

Коннелли рассказал, в каком состоянии обнаружил этих несчастных. Отощавшие монашки уже собирались отдать богу душу. В пещерах не осталось ничего съестного, но каннибализм страшил их похлеще адских мук. Сестры лежали и ждали смерть. Капитан рассказал, что в церкви не осталось даже свечей, все было съедено. И тут его матросы явились как посланники бога. Монашек неделю приводили в себя, а потом загрузили на корабль и привезли в свой поселок.

Американское поселение было основано экипажем подводной лодки на северной оконечности Хребта Брукса, на Аляске. Эти территории меньше всего задело ураганом и наводнением. В горах, кое-где сохранились приличные участки леса, и даже животные. Коннелли запретил на них охотиться, для того, чтобы восстановить их численность. По словам капитана, плыть через полюс было дурацкой затеей. Айсберги кругом. Обратно они собирались идти вдоль российского побережья.

- В Мексику прошли через Берингов пролив. Не вздумайте сами пытаться пройти там. Мы знаем фарватер, и он настолько узкий, что без лоцмана и не суйтесь. Вообще грязь затягивает все. Скоро и фарватера не станет. – Предупредил Коннели.

- Да нам туда и ходить-то без нужды. У нас тут работы хватает. Разве что за монашками новыми?

- Это вряд ли, мы всех привезли.

- Джон, не знаю даже как благодарить тебя? Наш поселок перед тобой в большом долгу.

- Да брось, жизнь найдет способ отблагодарить. Я знаешь, что подумал? Мы бы забрали назад своих людей, тех, кто захочет вернуться сам, естественно.

- О чем вопрос, пусть едут. У нас тут полная свобода.

В дверях столовой раздался шум. Все обернулись. В помещение вошел Горбунов Егор, Бурега и девушка с ребенком. Татарчук привстал от неожиданности. Командир экспедции прошел к командиру.

- Дмитрий Иванович мы закончили экспедицию и вот, привезли Джейн Оукленд с дочерью?

Когда имя девушки было произнесено вслух, вскочил уже Коннелли.

- Джейн, астронавт Оукленд?

- Да, это я. – У Джейн, тронутой родной речью, на глазах выступили слезы.

- Я, капитан Коннелли, командир «Монтаны». Как я рад, что вы живы!

Маленькая Анна обняла мать за талию и испуганно выглядывала из-за ее спины. Ей никогда в голову не приходило, что в одном месте может собираться такое огромное количество людей. Ее любопытные глазенки перебегали от одного лица к другому, замечая в них сходства

и отличия. Мать снова пустила слезу. Она не плакала так много с тех пор, как Анна помнила ее. Девочка чувствовала, что мать плачет от радости и поэтому душа ее была спокойна.

Послесловие

Послесловие

В основании жерла старого вулкана под прикрытием буйной растительности, высилось целое поле мачтовых антенн. Для дополнительной маскировки от спутников врага они были прикрыты камуфляжной сетью. Объект являлся настолько секретным, что военные, работавшие на нем, обязаны были соблюдать приказ неразглашения военной тайны пожизненно. В том числе и от близких родственников. Секретность хорошо оплачивалась, дополнительно стимулируя держать язык за зубами.

В тесном помещении, вырубленном в скале, находился пульт управления работой антенн. Пока монтировалось оборудование, здесь было людно, из-за чего кондиционеры с трудом справлялись с большой нагрузкой. Сейчас в помещении, стрекочущем и жужжащем работающей электроникой, было прохладно и спокойно. Двое военных, одетых в униформу тропического образца, следили за работой оборудования.

Ярко-рыжий здоровяк с выцветшими светлыми глазами, небольшим брюшком, но крепким телосложением, вяло жевал бутерброд, наблюдая за приборами. На вид ему было около тридцати пяти. Он постоянно что-то жевал и периодически восклицал, когда кетчуп или соус капал ему на одежду. Его коллега был младше на семь лет. Смуглый, долговязый с взглядом, выражающим вечное уныние. Его ссутуленная спина нависала над столом и тряслась в такт отстукиваемому ритму пальцами по клавиатуре. В свою смену «смуглый» старался работать, не отвлекаясь, потому что его раздражал напарник своей привычкой все время жевать. Он специально не смотрел в его сторону, чтобы не раздражаться еще сильнее.

Это было их первое совместное недельное дежурство. Армейский психолог по каким-то своим шаблонам сделал вывод, что эта пара будет находиться в гармонии друг с другом. Долговязый считал, что психолог сработал отвратительно, а может быть сделал это намеренно, потому что он не понравился ему. Возможно, это было то ментальное

неприятие, которое возникает между людьми с первого взгляда, как некая противоположность любви с первого взгляда.

Долговязый боковым зрением посмотрел на рыжего и увидел движение челюстей. Его передернуло от отвращения. Как можно постоянно жрать? Он решил, что сразу после дежурства пойдет к начальству, минуя психолога, и потребует найти ему другого напарника.

- Да, чтоб тебя! – Снова воскликнул рыжий, оттирая, а по большому счету, размазывая каплю кетчупа по форме.

- Повяжи салфетку, или надень на себя фартук. – Предложил долговязый, не оборачиваясь.

- Я не барышня, и не клерк манерный. Меня никто не видит.

- Я вижу.

Рыжий, до этого не догадывающийся о мыслях в голове долговязого, подозрительно посмотрел на него. Он почувствовал по интонации, что напарник его раздражен. Не поняв до конца причину раздражения последнего, рыжий смачно, с причмокиваниями облизал пальцы, испачканные горчицей и кетчупом. Спина долговязого заходила ходуном.

- Слушай, парень, если тебе не принципиально, давай я первым схожу на обед? – Предложил ему рыжий.

Смуглый парень почувствовал, как тьма опустилась у него перед глазами. Это было слишком. Весь день жрать без перерыва и проголодаться к обеду.

- Принципиально. По графику я обедаю первым. Не стоит начинать наше дежурство с нарушений.

- Ладно, как хочешь парень. Я просто спросил. Мне показалось, что ты не особо хочешь есть. Ты так увлечен стучанием по кнопкам, что я подумал, будто работа для тебя важнее обеда.

- Да, примерно, как для тебя обжираться. – Не удержался долговязый.

Он встал, и в гордом молчании проследовал в сторону небольшого возвышения, на котором была оборудована кухня. Рыжий проводил его взглядом. Теперь он был точно уверен, что неприятен напарнику.

- На твоем месте я был бы немного повежливее, задрот. Свой аппетит я приобрел, занимаясь тяжелыми видами спорта, и если ты

будешь наглеть, я живо прощупаю твой костлявый скелет на предмет нахождения в нем печени, селезенки и прочего. Понял? – Вопрос был задан ледяным металлическим голосом, словно принадлежал другому человеку.

Долговязый встретился с бесцветными глазами напарника и почувствовал, что озвученная угроза запросто может претвориться в жизнь. Он хотел, не теряя достоинства, проскочить мимо рыжего, но тот повторил свой вопрос. Ему стало принципиально положить конец возникшей ситуации, чтобы больше никогда к ней не возвращаться.

- Понял. – Буркнул долговязый.

- Молодец. – Рыжий повернулся к монитору.

На самом деле, неприязнь к напарнику только усилилась. Раньше ее питало только отвращение к манерам, а теперь еще и страх. Долговязый понял, что эта неделя будет стоить ему многих дней психологической реабилитации и целой горсти антидепрессантов. Он не мог взять в толк, как могли свести их вместе. Его, человека образованного и эту скотину с четырехкамерным желудком и мозгом с грецкий орех? Нет уж, дудки, если психолог не внемлет его просьбе, он взломает его компьютер и поставит себя в смену с более подходящей кандидатурой.

После обеда, когда монотонный звук оборудования и прохладный воздух начали вгонять в сон, раздался сигнал громкой связи.

- Внимание, через пятнадцать минут начнется испытание оборудования. О готовности доложить.

Рыжий и долговязый, стряхнув с себя остатки сна, сделали доклад. Новое сверхсекретное оборудование, работа которого рассчитывалась только на компьютерах, нуждалась в регулярных испытаниях и калибровке. Долговязый, хоть и считал себя умником, не понимал принципов работы антенн. Один из ученых сказал, что это как-то связано с жидким ядром планеты и магнитным полем, вызванным вращением ядра на формирование климата планеты. Он говорил про волны, которые можно оседлать и проехаться на них, вызвав локальный апокалипсис. Долговязый не совсем верил в это, считая, что у человечества еще недостаточно инструментов и знаний, чтобы глобально воздействовать на климат планеты.

- Вывести мощность на пять процентов от номинальной. – Последовал приказ.

Где-то в недрах скалы напряглась атомная установка. Генераторы загудели, распространяя по камню высокочастотную вибрацию.

Спутники на орбите земли нацелились на район, в котором должно было произойти аномально резкое изменение погоды. Рыжий получил от командования координаты и ввел их в компьютер. Антенны ожили, разворачиваясь в нужную сторону.

- У кого теперь пойдет дождь? – Спросил долговязый.

- У кого надо. – На большее объяснение рыжий не пошел.

Долговязый почувствовал, как снова тьма непроницаемыми шторами заслонила от него мир. Будь он вооружен, рыжий бы уже лежал с дыркой во лбу, а дальше будь, что будет.

- Десять процентов!

Гул усилился. Генераторы находились за трехметровой стеной монолитного камня, но их все равно было слышно. Долговязый поднялся и направился в сторону кухни. Рыжий проводил его недоуменным взглядом.

- Сядь на место, придурок. Сейчас могут и тебе скинуть приказ.

- Я быстро, только воды попью.

В рыбьих глазах рыжего проскользнуло отвращение и злость.

- Быстро! – Крикнул он.

Долговязый прибавил шаг. Налил себе стакан воды и, косясь на рыжего, достал из кухонного стола нож, и засунул его себе в штаны за спину. Долговязый выпил стакан, и набрал второй. С этим стаканом он направился к рыжему. Ничего не подозревающий напарник увидел, что ему несут воду. Смерил долговязого взглядом, и приняв этот жест, как знак принятия его авторитета, взял стакан из рук долговязого.

- Спасибо. – Поблагодарил рыжий и сделал глоток.

Долговязый этого и ждал. Пока его напарник пил воду, прикрыв глаза, он выхватил нож и, не помня себя, принялся кромсать его. Рыжий успел вскочить и сделать несколько шагов, брызгая во все стороны кровью, бьющей из порезанных артерий. Долговязый висел на нем и методично наносил удары. Рыжий захрапел кровью, булькающей из пробитых легких, сделал несколько слабых движений, чтобы освободиться, но упал. Конвульсии несколько раз сотрясли его тело. Потом он замер, уставившись бесцветными глазами в одну точку.

Долговязый отполз в сторону. Его тоже сотрясали конвульсии, но это были нервы. В итоге его вырвало. Он отполз к стене, оперся на нее

спиной и замер, разглядывая дело своих рук. По его взгляду можно было подумать, что он крайне удивлен сам, тем, что увидел. Состояние аффекта постепенно покидало его, заставляя проникаться содеянным.

- Пятнадцать процентов! – Произнес голос из компьютера.

Долговязый вскочил и принялся выполнять приказ. Он вдруг со всей страшной очевидностью понял, что совершил убийство, и что следы замести никак не удастся. Сразу пришла мысль о суициде. Долговязый посмотрел на окровавленный труп напарника, на стены, столы и оборудование, орошенное мелкими кровяными брызгами, и принял решение.

Для начала ему пришлось отключить внешний доступ к антеннам. Он умел это делать. Когда приказы извне больше не могли повлиять на работу оборудования, долговязый вернул антенны в начальное положение и передвинул ползунок к максимальному значению. Стены помещения взвыли, словно сами являлись динамиками. Где-то над головой засвистело. Пол затрясся и заходил под ногами.

Долговязого отпустило. Он знал, что погибнет в любом случае. Если опыты с погодой окажутся очередной фикцией ученых, зарабатывающих на военных контрактах, то для страховки останется атомная установка, которая не выдержит максимальной нагрузки долгое время. В этом случае он испариться в течение наносекунды, не успев даже понять, что умирает. Долговязый налил себе кофе и взялся за ручку кружки кровавыми пальцами. По лицу его пробежала довольная ухмылка.